ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY O
LIBRARY OF
JUL 20 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

6

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

АРУТЮНЯН Ю. В. **Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. Формирование кадров массовых квалификаций.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 341 стр. 2 000 экз. 12 р. 85 к.

Бастионы революции. Страницы истории ленингр. заводов. Вып. 3. Рабочие города Ленина в борьбе за социалистическое строительство в деревне. Л. Лениздат 1960. 379 стр. 3000 экз. 5 р. 50 к.

БУДНИКОВ В. П. **Большевистская партийная печать в 1917 году.** Харьков. Изд-во Харьков. ун-та. 1959. 197 стр. 2 000 экз. 8 р. 5 к.

БУЛАТОВ И. Г. **Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации.** М. Соцэкгиз. 1960. 200 стр. 5 000 экз. 4 р. 10 к.

В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства. Сборник статей. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 337 стр. 7 500 экз. 8 руб.

В. И. Ленин — создатель Коммунистической партии и Советского государства. Сборник статей. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1960. 253 стр. 7 025 экз. 9 р. 95 к.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 4 томах. Т. 2. 7 мая—25 июля 1917 г. Сост. Г. П. Макарова и др. М. Изд-во АН СССР. 1959. 687 стр. 5 000 экз. 34 р. 35 к.

Военные вопросы в решениях КПСС. 1903—1917 гг. Сборник документов. Сост. Н. Н. Цветаев. М. Воениздат. 1960. 518 стр. 9 р. 20 к.

ВЫГОДСКИЙ С. Ю. **В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства. 1917—1923 гг.** Л. Лениздат. 1960. 251 стр. 5 000 экз. 4 р. 60 к.

ГЕНКИНА Э. Б. **Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 гг.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 255 стр. 30 000 экз. 8 руб.

ГЛАДКОВ И. А. **В. И. Ленин — организатор социалистической экономики.** М. Госполитиздат. 1960. 384 стр. 15 000 экз. 7 р. 50 к.

Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 г. Протоколы. М. Госполитиздат. 1960. 650 стр. 30 000 экз. 12 руб.

Дипломатический словарь. В 3 томах. Т. 1 А—И. М. Госполитиздат. 1960. 580 стр. 25 000 экз. 25 руб.

Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. Сборник статей. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 457 стр. 5 500 экз. 10 руб.

МАКАРЕНКО Я. **Друг народов мира — Ленин.** М. Профиздат. 1960. 199 стр. 20 000 экз. 1 р. 80 к. Автор рассказывает о пребывании В. И. Ленина в Польше в 1912—1914 гг.

Материалы по истории Владивостока. Кн. I. 1860—1917. Владивосток. Примор. кн. изд-во. 1960. 204 стр. 1 500 экз. 10 р. 90 к.

МОРОЗОВ Л. Ф. **Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией. Из истории ликвидации капиталистических элементов города. 1926—1929 гг.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 103 стр. 11 500 экз. 2 р. 70 к.

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Т. 2. Большевики Туркестана в период подготовки и победы Великой Октябрьской революции и упрочения Советской власти. Авт. И. К. Додонов и др. Ташкент. Госиздат. УзССР. 1959. 184 стр. 10 000 экз. 4 р. 40 к.

Памятники культуры. Исследование и реставрация. Сборник статей. Вып. 2. М. Изд-во АН СССР. 1960. 236 стр. 2 000 экз. 15 р. 50 к. (Научно-методич. совет по охране памятников культуры.)

Письма трудящихся к В. И. Ленину 1917—1924 гг. М. Госполитиздат. 1960. 462 стр. 100 000 экз. 6 р. 60 к.

ПОЛЯКОВ Ю. **От боя к труду — от труда до атак. Из истории борьбы советского народа с интервентами и белогвардейцами.** М. Госполитиздат. 1960. 175 стр. 30 000 экз. 2 р. 10 к.

СОФИНОВ П. Г. **Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917 — 1922 гг.** М. Госполитиздат. 1960. 248 стр. 80 000 экз. 5 руб.

Советское народное хозяйство в 1921 — 1925 гг. М. Изд-во АН СССР. 1960. 559 стр. 3 000 экз. 22 р. 45 к.

Всеобщая история

БАБАХОДЖАЕВ М. А. **Борьба Афганистана за независимость. 1838—1842.** М. Изд-во вост. лит. 1960. 106 стр. 1 600 экз. 3 р. 60 к.

ВОЛГИН В. И. **Ватикан — центр реакции и мракобесия.** Л. Лениздат. 1960. 136 стр. 10 000 экз. 1 р. 30 к.

ГЕНИН И. А. и ДАНЦИГ Б. М. **Страны Юго-Западной Азии и Северной Африки.** Экон.-геогр. обзор. Пособие для учителя. М. Учпедгиз. 1960. 283 стр. 17 000 экз. 6 р. 75 к.

ГОРЕЛИК С. Б. **Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей».** М. Изд-во вост. лит. 1960. 196 стр. 2 000 экз. 6 р. 50 к.

Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь И. А. Орбели. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1960. 528 стр. 2 000 экз. 27 р. 50 к.

КАЖДАН А. П. **Деревня и город в Византии IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 431 стр. 1 500 экз. 16 р. 70 к.

ЛЕВИЦКИЙ Я. А. **Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв.** М.-Л. Изд-во АН СССР. 1960. 299 стр. 1 300 экз. 15 р. 15 к.

МИША К. **История профсоюзного движения в Албании.** Пер. с албанского. М. Профиздат. 1960. 96 стр. 2 000 экз. 1 р. 80 к.

Новая история. Т. 3. 1870—1918. Под ред. И. С. Галкина и др. М. Соцэкгиз. 1960. 884 стр. 100 000 экз. 15 р. 75 к.

Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 5. Памяти В. А. Жуковского. М. Изд-во вост. лит. 1960. 146 стр. 1 400 экз. 6 руб.

15 лет свободной Венгрии. Сборник статей. М. Изд-во ИМО. 1960. 192 стр. 3 000 экз. 7 р. 5 к.

Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года. Т. 2. 1 мая — 21 мая. М. Изд-во АН СССР. 1960. 435 стр. 2 500 экз. 21 р. 15 к.

РОЗАНОВ Г. Л. **Очерки новейшей истории Германии.** Пособие для учителей. М. Учпедгиз. 1959. 208 стр. 12 500 экз. 5 р. 25 к.

СОБУЛЬ А. **Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции.** Пер. с французского. Вступит. статья А. В. Адо. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 372 стр. 12 руб.

ШТЕЙН В. М. **Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности (до III в. н. э.).** М. Изд-во вост. лит. 1960. 176 стр. 3 400 экз. 6 руб.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 6 ИЮНЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» и историческая наука . . 3

СТАТЬИ

Морис Торез, Генеральный секретарь Французской коммунистической партии — Ленин и Франция 10

В. Б. Тельпуховский — Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны 27

Г. А. Куманев — Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны 43

И. В. Бестужев — Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906—1910 годах 60

Д. И. Гольдберг (Ленинград) — Рабочее и социалистическое движение в Японии в 1897—1906 годах 77

ДИСКУССИИ

И. М. Скляр (г. Фрунзе) — О начальном этапе первой крестьянской войны в России 90

ИСТОРИОГРАФИЯ

А. А. Матюгин — Некоторые вопросы изучения истории советского рабочего класса 102

В. Д. Королюк, И. А. Хренов — Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945—1959 гг.) 117

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Д. А. Коваленко, С. Л. Сукач—О II томе «Истории Белорусской ССР» 136

К. И. Малышев, С. В. Шестаков — Ю. Алескеров. Интервенция и гражданская война в Средней Азии 144

Всеобщая история

А. И. Молок, В. А. Дунаевский — Новый вклад советских историков в изучение истории Франции 147

Г. А. Арутюнов — Г. Жвания. Большевистская печать Закавказья накануне и в период первой русской революции; **Л. Г. Мамулова** — В. В. Гармиза. Подготовка земской реформы 1864 г.; **И. А. Федосов** — С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века; **Н. В. Устюгов** — «Труды Отдела древнерусской литературы». Т. XIV; **Г. Н. Горошкова** — Стефан Дернберг. Рождение новой Германии. 1945—1949. Антифашистско-демократические преобразования и возникновение ГДР; **М. И. Семиряга** (Харьков) — «За свободу Чехословакии». Из истории чехословацкой воинской части в СССР в период второй мировой войны. Том первый; **П. П. Моисеев** — А. Д. Новичев. Крестьянство Турции в новейшее время; **Ю. П. Лисовский** — Розарио Ромео. Рисорджименто и капитализм . 155

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Л. М. Гаврилов, С. Л. Дмитренко, Ю. К. Стрижков — Научная сессия о зарубежной литературе по истории Октябрьской революции 172

А. С. Рахимов (Алма-Ата), **А. В. Соловьев** (Алма-Ата) — Всесоюзная межвузовская конференция по проблеме «Борьба КПСС за создание мощной зерновой базы в восточных районах страны» 187

А. М. Синицин — Обсуждение проектов программ по истории для средней школы в Институте истории АН СССР 188

Г. С. Осипян — О работе Издательства АН СССР по выпуску исторической литературы 191

Г. А. Конюхов — О семилетнем плане изданий Соцэкгиза по истории 197

В. И. Девятов, А. Е. Смирнов — В Музее революции СССР 201

А. В. Королева, Т. Н. Сидорова — В Государственном историческом музее 202

Хроникальные заметки 208

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Иржи Коржалка (Чехословакия) — История на службе реваншизма 210

Академик **Йозеф Мацек** (Чехословакия) — Новый журнал чехословацких историков 215

Минь Чань (ДРВ) — Книги по истории Вьетнама, изданные в ДРВ 217

Советско-английская конференция историков в Москве 220

Игорь Эммануилович Грабарь 221

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС «О ЗАДАЧАХ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ» И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» представляет собой выдающийся документ, содержащий широкую и ясную программу идеологической работы партии, определяющий ее содержание, формы и методы. Этот документ выходит за рамки определения задач партийной пропаганды. Он имеет прямое отношение ко всем областям идеологической работы и в том числе к общественным наукам, включая историю. Советская историческая наука, возникшая и успешно развивающаяся на теоретической и методологической базе марксизма-ленинизма, призвана играть важную роль в коммунистическом воспитании трудящихся.

В постановлении ЦК КПСС справедливо указывается, что «многие экономисты, философы, историки и другие научные работники не преодолели элементов догматизма, не проявляют смелого и творческого подхода к жизни, к опыту борьбы масс, слабо разрабатывают актуальные теоретические и практические вопросы, часто находятся в плену устарелой и бесплодной проблематики». Центральный Комитет призывает ученых обеспечить тесную связь общественных наук с жизнью, подчеркивая необходимость всемерного повышения роли общественных наук в коммунистическом воспитании советского народа, в формировании нового человека, его мировоззрения, в укреплении советского патриотизма и социалистического интернационализма, в деле воспитания высоких морально-политических качеств активных строителей коммунистического общества.

Для успешного решения этих задач необходимо использовать богатейший исторический опыт народных масс, убеждающую силу примера, взятого из славного революционного прошлого и особенно из героики настоящего, из истории борьбы народа за победу коммунизма.

В распоряжении историков имеется огромный арсенал средств коммунистического воспитания трудящихся, которые на основе творческого изучения марксизма-ленинизма следует умело поставить на службу строительства коммунизма. В постановлении ЦК указываются пути решения этой сложной и ответственной задачи и подчеркивается важность преодоления все еще имеющего место известного отрыва исторической науки от жизни, от практики коммунистического строительства.

Чтобы успешно ликвидировать такой отрыв, нужно прежде всего добиться коренного поворота внимания Отделения исторических наук Академии наук СССР и институтов, в него входящих, научных учреждений, ведущих исследовательскую работу в области истории, кафедр высших учебных заведений, всех историков к разработке и пропаганде актуальной тематики.

Надо решительно отмести устарелую, бесплодную проблематику и слишком узкие, малоактуальные, частные и случайные темы, которые кое-где еще отвлекают историков от разработки насущных вопросов исторической науки. Следует смело переключиться на разрешение животрепещущих проблем, выдвигаемых жизнью.

Советские историки, выполняя решения XX и XXI съездов КПСС, добились за последние годы известных успехов в этой области. Стало появляться значительно больше работ, посвященных истории советского общества и новейшей истории зарубежных стран. Однако пока сделаны только первые шаги. Необходимо идти вперед, проявляя смелость и решительность в переключении историков на разработку современной тематики.

Ответственная задача поставлена перед историками КПСС, которые должны подготовить и издать в ближайшие годы многотомный труд по истории ленинской партии. В этом труде всесторонне будет раскрыта многогранная деятельность нашей партии и всемирно-историческое значение ее опыта для мирового коммунистического движения. В постановлении ЦК особо подчеркнуто, что следует показать органическую связь истории КПСС с историей мирового коммунистического движения, осветить интернациональное содержание истории нашей партии. Это открывает большие возможности для тесного творческого сотрудничества историков КПСС и историков СССР со специалистами по истории зарубежных стран.

Постановление ЦК призывает советских ученых, работающих в области общественных наук, подготовить и издать в ближайшие годы совместные исследования философов, экономистов и историков по наиболее актуальным проблемам строительства коммунизма в Советском Союзе.

Изучение закономерностей перерастания социализма в коммунизм, разработка коренных теоретических проблем современности властно требуют сотрудничества работников общественных наук разных специальностей. Крупным недостатком в развитии наших общественных наук является не преодоленная до сих пор разобщенность действий философов и историков, историков и экономистов, хотя объекты их исследований, как правило, могут быть глубоко изучены только на основе творческой коллективной работы. Известно, что в трудах советских историков нередко дается богатый фактический материал, но обобщен он недостаточно. Многие историки не делают глубоких теоретических выводов, вытекающих из привлеченного ими материала. В то же время философские исследования, в особенности посвященные современности, довольно часто грешат абстрактностью, в них мало конкретных фактов, живых примеров, взятых из истории. Поэтому ясно, что только творческое сотрудничество историков и философов поможет устранить такую однобокость, обогатит и исторические и философские работы, позволит дать в короткие сроки теоретически обоснованные ответы на многие острые вопросы, выдвигаемые жизнью.

Несомненно, широкое применение метода комплексных исследований, объединяющих творческие усилия различных специалистов в области общественных наук, поможет быстрее преодолеть эти существенные недостатки, особенно нетерпимые в настоящее время, позволит создать серьезные труды, которые поступят на идейное вооружение нашего народа.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выдвигает задачу — подготовить и издать в ближайшие годы научные исследования, освещающие вопросы коммунистического строительства, закономерности развития мировой системы социализма, мировое коммунистическое и рабочее движение, современный этап общего кризиса капитализма, распад колониальной системы империализма и развитие национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. Известная работа в данном направлении уже ведется советскими историками. Однако осуществление этой ответственной задачи, несомненно, потребует мобилизации значительно больших сил советских историков. Внимание научных сотрудников всех гуманитарных институтов Академии наук СССР, и в частности Отделения исторических

наук, должно быть приковано прежде всего к данной важнейшей проблематике.

Институт истории, Институт востоковедения, Институт славяноведения, Институт этнографии, только что организованный Институт Африки и другие институты Отделения исторических наук АН СССР должны принять самое непосредственное участие в подготовке книг по актуальным проблемам современности. При этом чрезвычайно важно, чтобы историки действовали в тесном контакте с экономистами и философами, чтобы принцип коллективности в работе, повышающий ее эффект, был проведен до конца.

До сих пор не было хорошо налаженной координации не только между различными отделениями общественных наук АН СССР, но и внутри самих отделений. Предстоит немало сделать для того, чтобы сломать «ведомственные барьеры» и по-настоящему объединить творческие усилия историков всех профилей, археологов, этнографов и нацелить их на разработку общих актуальных тем.

Постановление ЦК КПСС требует от работников идеологического фронта создания и публикации научных трудов, разоблачающих псевдонаучные теории буржуазных ученых, правосоциалистических, ревизионистских защитников капитализма. Перед историками стоит задача активизировать борьбу против антимарксистской историографии, решительно разоблачать всевозможные идеалистические концепции, в которых отрицаются закономерности общественного развития и искаженно трактуются конкретные исторические факты.

Вопрос о закономерностях всемирно-исторического процесса имеет не только крупное теоретическое значение. Он содержит политический аспект. Характерно, например, что некоторые апологеты капитализма, отрицающие единство и закономерность всемирно-исторического процесса, дают извращенное толкование принципа мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Они утверждают, что будто бы сосуществование означает признание того, что капитализм будет существовать вечно, поскольку развитие двух социально-экономических систем якобы будет идти параллельно. Тем самым идеологи империализма пытаются снять вопрос о революционном низвержении капитализма. Здесь налицо явная попытка приукрасить и увековечить капитализм, «отвести от него» действие общих закономерностей развития человеческого общества.

Постановление ЦК подчеркивает, что мирное сосуществование государств с различным общественно-экономическим устройством отнюдь не означает ослабления идеологической борьбы. Советские историки должны со всей энергией и убежденностью вести борьбу за коммунистическое мировоззрение, против всех и всяких буржуазных, реформистских и ревизионистских концепций, отражающих страх эксплуататоров перед будущим и показывающих стремление идеологов капитализма извратить суть исторического процесса, отрицать неизбежность революционного перехода от антагонистических формаций к социализму и коммунизму.

Ряд конкретных задач выдвигается перед историками СССР. Сейчас, как никогда раньше, возрастает ответственность исследователей за правильное, научное освещение истории советского общества. Историческая наука должна внести свой вклад в показ преимуществ социализма перед отживающим свой век капитализмом, умело пропагандировать выдающиеся достижения наших соотечественников во всех областях общественной жизни с целью воспитания советских людей в духе социалистического патриотизма, национальной гордости и пролетарского интернационализма. Обобщение опыта советского народа, который под руководством Коммунистической партии первым в истории человечества построил социалистическое общество и ныне успешно возводит величественное здание коммунизма, имеет неоценимое всемирно-историческое

значение. В этой связи особенно важна работа Института истории АН СССР по завершению «Всемирной истории» и созданию многотомной истории строительства социализма и коммунизма в СССР.

Раскрытие богатейшего опыта советского народа в разрешении национального вопроса, воспитание социалистического интернационализма, показ нерушимой, постоянно крепнущей дружбы народов, неразрывно связанной с непримиримостью к пережиткам буржуазного национализма,— первоочередное дело наших историков. Они должны активно бороться с возникающими кое-где тенденциями к идеализации прошлого, к извращению подлинной истории той или иной нации, ее взаимоотношений с другими народами Советского Союза, против отдельных проявлений национальной замкнутости и исключительности.

Необходимо иметь в виду, что история нашей страны дает возможность проследить имеющий всемирно-историческое значение процесс неуклонного сближения и всестороннего взаимного обогащения социалистических наций. Перед историками — огромное поле приложения их творческих сил в сфере исследования конкретных форм проведения национальной политики в СССР, базирующейся на великих ленинских идеях.

Важнейшее значение имеет то положение в постановлении ЦК КПСС, которое указывает, что в современных условиях «теория марксизма-ленинизма слилась с практикой коммунистического строительства». Поскольку «решение практических вопросов строительства коммунизма,— говорится в постановлении,— является одновременно решением больших теоретических вопросов, необходимо глубоко изучать жизнь, обобщать практику коммунистического строительства и на этой основе учиться марксизму-ленинизму, развивать и пропагандировать нашу революционную теорию».

В современных условиях советская историческая наука не может ограничиваться лишь привлечением археологических и документальных источников, позволяющих проникать в отдаленное прошлое, не может довольствоваться мобилизацией ценнейших архивных фондов и использованием письменных документов и книг. Советские историки, призванные освещать не только прошлое, но и настоящее, должны иметь в своем арсенале также и такие методы исследования, которые позволяют оперативно изучать актуальные жизненные процессы, уметь отозваться на события сегодняшнего дня, обобщать великий исторический опыт наших современников.

Если обратиться к практике работы исторических институтов Академии наук СССР, то следует отметить, что первые шаги в смысле приближения к конкретным явлениям современности сделаны советскими этнографами. Они организовали ряд экспедиций по выявлению новых процессов, протекающих в различных звеньях советского общества. Этот живой материал должен послужить основой для важных обобщений, полезных для практики коммунистического строительства. Некоторые попытки использовать современный материал для выводов обобщающего характера, необходимых для понимания закономерностей советского общества, предпринимаются в Институте истории АН СССР. Однако в целом обращение к современным материалам как к источнику — все еще крайне редкое явление.

Советским историкам следует более смело браться за разработку современных тем и соответственно обогащать методику исторического исследования, адресуясь не только к документам, но и к живым людям, непосредственным строителям коммунизма.

Центральный Комитет КПСС остро критикует такие недостатки, как еще не преодоленные до конца абстрактность и цитатничество, серость и сухость, существенно снижающие эффективность печатной и устной пропаганды.

Историки находятся в большом долгу перед нашим народом в смысле обеспечения его высокоидейными и вместе с тем доступными и яркими

трудами по проблемам отечественной и всемирной истории. Речь идет не только о подготовке массовых популярных изданий, рассчитанных на самые широкие круги читателей. Необходимо, чтобы и фундаментальные исследования были облечены в такую форму, которая делала бы их доступными для широких кругов советских читателей. Нужно добиваться не только актуализации тематики исторических исследований, но и такого их исполнения, которое сделало бы труды по истории не «вещью в себе», понятной лишь для узких специалистов, а могучим идейным средством коммунистического воспитания трудящихся.

Одной из первоочередных обязанностей научных сотрудников институтов Отделения исторических наук АН СССР является активное участие в подготовке учебников и учебных пособий для высших и средних учебных заведений.

Советские историки, как и все работники общественных наук, призваны решительно приблизиться к практике устной пропаганды, повседневно участвовать в пропагандистской работе. Следует шире использовать такой метод внедрения достижений советской исторической науки, как лекции, рассчитанные на широкую аудиторию трудящихся.

Отделение исторических наук АН СССР при подведении итогов деятельности институтов, входящих в него, со всей силой ощутило всю своевременность и мудрость указаний ЦК КПСС по вопросам дальнейшего развития и улучшения идеологической работы.

Деятельность институтов Отделения исторических наук АН СССР проходила в прошлом году под знаком перестройки работы в свете исторических задач, выдвинутых XXI съездом КПСС.

Руководствуясь указаниями партии, институты Отделения исторических наук в 1959 г. уделяли большое внимание изучению истории строительства социализма в СССР и странах народной демократии, разработке истории международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы угнетенных народов и современной истории слаборазвитых стран, исследованию процессов, происходящих в буржуазных странах в условиях общего кризиса капитализма.

В институтах Отделения исторических наук АН СССР возрос удельный вес коллективных монографий — одной из наиболее эффективных форм работы в области общественных наук. Был подготовлен и издан ряд коллективных трудов, обобщающих закономерности исторического развития; подготовлено несколько учебников и учебных пособий.

Вышел в свет VI том «Всемирной истории», охватывающий период от Французской буржуазной революции конца XVIII в. до Парижской коммуны, II том труда «Народы Америки» из серии «Народы мира». Институт истории выпустил учебное пособие «Новейшая история», т. 1 (1918—1939 гг.), учебник «История СССР» (т. 2), завершил работу над вторым томом «Очерков истории США» (1917—1955 гг.) и «Очерками истории Аргентины». Востоковеды выпустили обобщающий труд «Новейшая история Индии» и сдали в печать работу «Новая история Индии». Институт китаеведения опубликовал «Очерки истории Китая в новейшее время». Коллектив Института истории искусств продолжает трудиться над многотомной историей русского искусства и обобщающими исследованиями по истории отдельных жанров советского искусства. Советские этнографы подготовили интересную коллективную книгу «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», посвященную характеристике важных этнических и экономических процессов, происходящих у народов Крайнего Севера.

Кроме коллективных обобщающих трудов, институты Отделения издали ряд ценных индивидуальных монографий. Например, вышли в свет две работы о государственной деятельности В. И. Ленина. Значительный интерес представляет книга «Ленинградцы в годы блокады (1941—1943)».

По истории стран народной демократии вышли исследования, освещающие различные стороны социалистического строительства в Китайской Народной Республике, в Демократической Республике Вьетнам. Завершено издание «Истории Чехословакии» в трех томах. По истории Германской Демократической Республики опубликована книга «Движение немецкого народного конгресса за единство Германии и мирный договор (1947—1949 гг.)».

Вышел в свет ряд книг по истории стран Азии и Африки, в которых освещаются развитие экономики Индии, экономическая история и история национально-освободительного движения в Африке, в частности в Тунисе и Алжире. Опубликована книга по истории Западного Судана в XV—XIX веках. Эта монография открывает серию исследований, которые будут посвящены раскрытию богатой истории ныне освобождающихся народов африканского континента, в течение столетий находившихся под колониальным ярмом.

Выпущенные институтами Отделения сборники статей против фальсификации истории и против ревизионизма в современном искусстве и искусствознании свидетельствуют о некотором увеличении внимания к важнейшему участку идеологической борьбы — разоблачению буржуазной идеологии.

Отделение исторических наук принимало участие в массовой просветительной работе в области атеистической пропаганды. Впервые в этом году была организована экспедиция по изучению современного сектантства.

Наряду с отмеченными достижениями институтов, объединяемых Отделением исторических наук АН СССР, нужно сказать и о существенных недостатках в их работе, необходимость устранения которых особенно очевидна в свете постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Главный недостаток состоит в том, что проблематика, связанная с изучением закономерностей постепенного перехода от социализма к коммунизму, вопросы коммунистического воспитания трудящихся разрабатываются медленно и все еще недостаточно широко. Как уже говорилось, отсутствует необходимая координация в научно-исследовательской деятельности по важнейшим проблемам общественных наук между историками, экономистами и философами.

В процессе обсуждения итогов работы Отделения исторических наук выявилось, что не до конца преодолен такой существенный недостаток в деятельности институтов Отделения, как многотемность, порождаемая индивидуальными интересами отдельных научных работников. Узость отдельных тем, избираемых для научных исследований, свидетельствует о том, что необходимо вести и в дальнейшем работу по улучшению планирования, по обеспечению более рационального использования творческих сил научных работников и материальных средств институтов Отделения.

В 1959 г. начали действовать научные советы по проблемам, призванные координировать работу историков определенных специальностей. Однако эти советы, значение которых должно повышаться, поскольку они представляют собой зародышевую форму общественного самоуправления в области науки, работают еще недостаточно активно и плодотворно.

Важную роль в мобилизации усилий советских историков на решение задач, поставленных перед ними Центральным Комитетом, призваны играть научные исторические журналы и прежде всего орган Отделения исторических наук АН СССР—«Вопросы истории». Однако, как справедливо писала в апреле 1960 г. газета «Правда» в редакционной статье «Идеологическую работу — в центр внимания», журнал не сделал еще не-

обходимых выводов из постановления ЦК «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» и поэтому оказался в стороне от практики пропагандистской работы. Оценка деятельности журнала, сделанная «Правдой», правильна и своевременна. Отделение исторических наук считает существенным недостатком в своей работе за 1959 г. то, что оно не проявило должной требовательности к своему органу — журналу «Вопросы истории». Еще в августе 1959 г. Бюро Отделения приняло постановление о деятельности журнала. В нем отмечалось, что хотя за время, истекшее с 9 марта 1957 г., когда было принято постановление ЦК КПСС о журнале «Вопросы истории», коллектив редакции улучшил свою работу, однако в деятельности журнала имеются серьезные недостатки. Было указано на то, что журнал публикует много серых статей, которые не ставят серьезных проблем, не привлекают внимания новизной тем, материалов или постановкой вопросов; они иллюстративны и нередко случайны для научного журнала. В «Вопросах истории» почти не публиковались статьи, в которых критиковались бы философские основы современной буржуазной историографии, новейшие буржуазные концепции современной истории. Научный уровень материалов журнала недостаточно высок. Бюро Отделения отмечало, что редакция журнала не сумела установить тесной связи с учеными и вместе с ними ставить в журнале насущные и острые проблемы исторической науки. Ввиду этого журнал «Вопросы истории» не занял ведущего положения на историческом фронте. Профиль журнала еще не сложился, и журнал не занимает определенного места в ряду других исторических журналов, издающихся в СССР. В постановлении Бюро Отделения говорилось, что некоторые руководящие работники журнала неправильно относились к критическим замечаниям историков по вопросу содержания журнала, часто такие замечания воспринимались болезненно.

Рекомендации, принятые Бюро Отделения исторических наук АН СССР в августе 1959 г. с целью улучшения деятельности журнала, предусматривали повышение его научного уровня, выработку определенного профиля, отличающего журнал «Вопросы истории» от других исторических журналов, издаваемых в Советском Союзе, уделение преимущественного внимания вопросам теории, методам исторического исследования, мобилизации историков на решение задач, выдвинутых перед ними XXI съездом КПСС. Бюро Отделения указывало, что, «не подменяя другие специальные исторические журналы, «Вопросы истории» должны внимательно следить за развитием исторической науки, уметь выявлять важнейшие проблемы в каждом из ее разделов, поднимать и ставить их на страницах журнала, вовлекая в их обсуждение широкий круг историков».

Приняв в августе 1959 г. это постановление о журнале «Вопросы истории», Бюро Отделения исторических наук не добилось его быстрого выполнения и лишь в последнее время провело ряд организационных мероприятий с целью обеспечить перестройку работы журнала.

Постановление ЦК «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» сыграет огромную роль в дальнейшем повышении уровня и увеличении размаха идеологической работы, которая проводится в нашей стране под руководством партии. Этот важнейший документ является программой деятельности для всех работников общественных наук, и в том числе советских историков. Нет сомнения в том, что историческое решение ЦК КПСС послужит могучим стимулом к улучшению творческой работы советских историков, дальнейшему подъему исторической науки в нашей стране, усилению ее связи с жизнью.

СТАТЬИ

ЛЕНИН И ФРАНЦИЯ *

Морис Торез,

Генеральный секретарь Французской коммунистической партии

Максим Горький писал, что, когда говорят о Ленине, невольно рождается желание говорить обо всем, потому что говорят о таком человеке, который стоит в центре всего.

Ленин — основатель Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире социалистического государства. Но в то же время он изучил весь опыт международного рабочего движения. Понимая марксизм не как догму, а как руководство к действию, Ленин хотел усвоить опыт всего международного движения трудящихся, чтобы сделать из этого общие выводы, применимые как к своей, так и к другим странам. Его труды имеют неоценимое значение не только для русского пролетариата, но и для рабочих всего мира. Они содержат множество указаний для Франции.

Ленин не раз находился в Париже. Места, где он жил, как, например, дом на улице Мари-Роз, который недавно посетил товарищ Хрущев, дороги французским рабочим. В нашей стране Ленин установил живые контакты с трудящимися. Он изучил богатую революционным опытом историю Франции и очень внимательно следил за ее общественной жизнью.

Оценки Ленина по текущим событиям рабочего движения или советы, всегда глубокие по содержанию, являются для нас ценными указаниями. Французская коммунистическая партия осуществляет его великие предначертания.

Следуя учению Ленина, мы посвящаем себя вместе со всеми людьми доброй воли борьбе за торжество дела мира и разрядки международной напряженности. Нашим лозунгом является международная солидарность и дружба между народами.

Следуя учению Ленина, мы направляем наши силы на то, чтобы вести борьбу во главе самых широких масс народа за защиту и расширение свобод, за восстановление и обновление демократии в нашей стране.

Следуя учению Ленина, мы всегда вели борьбу в первых рядах народа за национальную независимость. В период нацистской оккупации из наших рядов вышла основная масса борцов Сопротивления и в том числе тех, кто — увы! — пал в этой борьбе за то, чтобы жила Франция.

Следуя учению Ленина, мы выражаем нашу активную солидарность угнетенным народам колоний и выступаем за то, чтобы между ними и нашим народом были установлены новые отношения, основанные на свободном согласии, равенстве и взаимной выгоде.

Следуя учению Ленина, мы не жалеем никаких усилий в борьбе за единство рабочего класса, за его союз с трудящимся крестьянством и со всеми трудящимися, против гнета монополий. Мы стали партией, влияние которой распространяется на большую часть рабочего класса Франции и которая приведет страну к лучшей и более счастливой жизни, к радостному завтра социализма.

---

* Статья написана автором для журнала «Вопросы истории». Выдержки из нее были опубликованы в газете «Правда» от 22 апреля 1960 года.

Ленин и борьба за мир

Ленин показал образец борьбы за мир. В 1914 г. рабочие были втянуты в жестокую бойню. Кровь солдат затопила вскоре Европу, погибли миллионы людей. Экономическая жизнь была дезорганизована, народные массы, которым выпало испытать все ужасы войны, впали в нищету.

Эта война была порождена империалистическими противоречиями, борьбой за передел мира, которая привела к столкновению две группировки самых мощных капиталистических государств. С обеих сторон эта война была захватнической и грабительской.

В 1916 г. Ленин писал, что эту войну вела «не Франция демократическая и революционная, не Франция 1792, не Франция 1848 гг. и не Франция Коммуны», а «Франция буржуазная, Франция реакционная», которая воевала за колонии, за возможность эксплуатировать слабые народы, за разорение своих конкурентов и вытеснение их с рынков сырья и сбыта [1]. Он напомнил, что сами французы, и в частности Дэлэзи, в брошюре, изданной в 1911 г., уже тогда разъяснили грабительский характер приближавшейся войны [2].

Каждая из социалистических партий Запада поддерживала в этой войне буржуазию своей страны. Однако до 1914 г. эти партии на международных конгрессах в Штутгарте и Базеле приняли торжественные резолюции о борьбе против империалистической войны, а мощный голос Жореса популяризировал их во Франции. Руководители социалистов попрали эти резолюции.

Шовинистическая волна затопила рабочее движение; даже такой человек, как Гед, не мог противостоять ей. Крушение II Интернационала было полным.

В этот серьезный исторический час в спустившихся над Европой сумерках трудящиеся услышали голос: есть такая партия, есть такой рабочий руководитель, которые не отреклись от своих убеждений и для которых резолюции конгрессов не являются простыми клочками бумаги!

В тяжелых условиях изгнания в Швейцарии Ленин крепко стоял на своем. Царская полиция бросила в тюрьму большинство других руководителей его партии; депутаты-большевики были сосланы. В России партия находилась на нелегальном положении, свирепствовал жестокий террор. И несмотря ни на что, Ленин мужественно старался положить конец бойне, призывая массы действовать, вырвать власть из рук поджигателей войны, превратить войну империалистическую в войну гражданскую.

Сама жизнь подтвердила справедливость его взглядов. Империалистический конфликт создал революционную обстановку. Для народов России бремя войны стало невыносимым. Октябрьская революция, передавшая власть в руки рабочего класса и его союзников, открыла для Страны Советов перспективы мира.

Но Ленин хотел приблизить окончание конфликта для всех народов. В первые дни революции под его руководством был принят знаменитый Декрет о мире, который призывал все воюющие страны немедленно прекратить военные действия.

До конца своей жизни он боролся за великое дело мира. Ленин оставил Советскому Союзу завещание, что «вся наша политика и пропаганда» должны быть направлены на то, чтобы «положить конец войне» [3]. В качестве основы внешней политики Советской власти он выдвинул принцип

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 188.
[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 187.
[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 440.

мирного сосуществования государств с различными экономическими и социальными системами.

Образование пролетарского государства, в котором не оставалось больше ни одного класса и ни одной общественной группы, заинтересованных в войне и в гонке вооружений, было первой победой, одержанной, по его выражению, в деле устранения войн. Молодое Советское государство твердо стояло за мир, но его реальная сила была значительно слабее сил капитализма. Поэтому тогда не могло быть и речи о том, чтобы в зародыше уничтожить всякую агрессию, коренным образом пресечь провокации и воспрепятствовать возникновению конфликтов.

Вначале империалисты не верили в возможность длительного существования власти Советов, в ее способность окончательного становления. Но прошли годы, и они должны были признать то, что стало очевидным. Империализм во многих странах принял в ту пору чудовищную форму фашизма. «Антикоминтерновский пакт», гитлеровская агрессия преследовали цель — потопить в крови первое социалистическое государство.

Еще раз подтвердилось то, о чем писал Маркс в своей замечательной работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»: революция порождает контрреволюцию. Но Маркс добавлял, что по законам диалектики контрреволюция, в свою очередь, вооружает революцию [4].

Тезис Маркса позволяет лучше понять то, что произошло в конце второй мировой войны. Эта война привела к возникновению мощной системы социалистических государств. Образование социалистического лагеря от Эльбы до Тихого океана и его постоянное усиление составляют основное содержание настоящего времени.

В то же время система империализма еще более ослабла оттого, что ряд государств Азии и Африки отошел от нее и выступает против войны. В самих капиталистических странах усилилось рабочее движение и движение за мир. Новое соотношение сил позволяет утверждать, что в настоящее время можно сделать большее, чем только вести борьбу, дабы максимально продлить период передышки между двумя бойнями, что отныне имеются все условия, чтобы устранить войну из жизни общества.

Сегодня война перестала быть фатальной неизбежностью.

В соответствии с заветом Ленина коммунистические партии являются самыми последовательными защитниками мира. Как сказано в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, принятой в ноябре 1957 г. в Москве, «коммунистические партии рассматривают борьбу за мир как свою первостепенную задачу. Они вместе со всеми миролюбивыми силами сделают все от них зависящее, чтобы предотвратить войну» [5].

Со своей стороны, Французская коммунистическая партия, вдохновляемая принципами ленинизма и принимая во внимание происшедшие в мире изменения, заявила на своем XII съезде: «Нет, война не является неизбежной». И ФКП направила все свои силы на то, чтобы не допустить ее.

Мы руководствуемся учением Ленина в борьбе за ослабление международной напряженности, за мирное сосуществование, за разоружение, которое, как сказал Ленин, является «идеалом социализма». Мы руководствуемся учением Ленина в своей борьбе против агрессивных блоков, против западногерманского милитаризма, против атомных взрывов в Сахаре.

Борьба за мир стала центральным лозунгом рабочего класса нашей страны и его коммунистической партии.

---

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7. Изд. 2-е, стр. 7.

[5] «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий». Госполитиздат. 1957, стр. 11.

Ленин и борьба против оппортунизма

Вначале призыв к действию против войны 1914 г. не нашел значительного отклика в международном рабочем движении, и Ленин должен был идти против течения. Это произошло потому, что оппортунизм малопомалу укоренился и одержал верх в социалистических партиях, в том числе и во французской социалистической партии.

В своей статье, опубликованной в 1915 г. под названием «Крах II Интернационала», Ленин показал, что шовинистическая тенденция, взявшая верх в этих партиях, не являлась случайностью, грехом или оплошностью отдельных личностей. Он раскрыл тесную связь между шовинизмом и оппортунизмом, их общую природу: «Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва попрежнему внутри социалистических партий стало невозможным» [6].

Ленин дал научную оценку происхождения оппортунизма: «...экономическая основа шовинизма и оппортунизма в рабочем движении одна и та же: союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегий «своего» национального капитала, против массы пролетариев, массы трудящихся и угнетенных вообще» [7]. Существует рабочая аристократия — прослойка рабочих, которую капитал ставит в более выгодное положение, которая получает крохи от его прибылей и которая изолирует себя «от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы» [8].

Такова экономическая база оппортунизма. К этому Ленин добавляет влияние «добавочных обстоятельств», таких, как «сила привычки, рутина сравнительно «мирной» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них» [9]. Большую роль в этом сыграло сравнительно «мирное» развитие капитализма в 1871—1914 годы.

Но все эти факторы еще недостаточны, чтобы понять, откуда проистекает «сила» оппортунизма, его «кажущееся всесилие в официальных партиях» [10] в начале века. Ленин указывает, что источник этой силы—союз оппортунистов с буржуазией, правительствами и штабами. Оппортунисты являются проводниками влияния буржуазии в рабочем движении. Буржуазия поддерживает их всеми имеющимися в ее распоряжении средствами и в то же время любыми способами борется против их противников.

Ленин не ждал 1914 года, чтобы забить тревогу. Ленин, который радовался, наблюдая революционный подъем французского рабочего класса, был крайне обеспокоен после дела Дрейфуса поступком Мильерана. Он характеризовал мильеранизм как «самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе» [11].

Ленин выражал сожаление, что тактика Жореса, подчинявшая в некоторой степени рабочее движение левой буржуазии, мешала развитию «самостоятельной классовой политической организации» [12], которая была бы способна возглавить массы в борьбе против господства капитала.

Вопреки оппортунистам рабочие, входившие в старую французскую социалистическую партию, увидели после Октября яркий светоч Ленина. Он указал им правильную дорогу, и они примкнули к III Интернационалу. Это они отказывались грузить суда в период антисоветской интервенции

---

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 217.
[7] Там же, стр. 218.
[8] Там же, стр. 216.
[9] Там же, стр. 217.
[10] Там же, стр. 220.
[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр 23.
[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 268—269.

и провозгласили: «Руки прочь от Советской России!». Тогда же французские моряки и солдаты на Черном море решительно выступили против агрессии, направленной против молодой рабоче-крестьянской власти. С тех пор эта верность делу Октябрьской революции остается неизменной.

Учение Ленина об оппортунизме не потеряло своей значимости и ценности до сегодняшнего дня. Хотя большинство французских рабочих одобряет и поддерживает коммунистов, до сих пор продолжает существовать социал-демократия, руководители которой видят свою задачу в том, чтобы заставить рабочих примириться с капиталистическим режимом, забыть свою великую цель: завоевание власти рабочим классом для обеспечения социалистического преобразования общества.

Вожди социал-демократии хотели бы, чтобы рабочий класс поверил в то, будто и при капитализме возможно постоянное и неограниченное улучшение условий его жизни и что, таким образом, социальная революция якобы становится анахронизмом. В действительности же опыт показывает, что в условиях капитализма, на что обращал внимание Ленин, происходит противоположный процесс: обострение экономического неравенства между трудящимися и капиталистами, относительное и порой абсолютное обнищание рабочего класса.

Руководители социал-демократии пропагандируют «народный капитализм», «демократический капитализм», «неокапитализм» и прочие вымыслы. Ленин уже ответил на это. Он показал, что «демократизация» владения акциями, от которой апологеты буржуазии и оппортунисты «ожидают (или уверяют, что ожидают)» «демократизации капитала», «на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии» [13]. Как предвидел Ленин, в сегодняшней Франции собственность на средства производства менее «распространена» и более сконцентрирована, чем когда-либо. Она присвоена горсткой монополистов.

Учение Ленина помогает нам также разоблачать демагогию защитников «ассоциации» труда и капитала. В своей работе «К характеристике экономического романтизма» Ленин показал, что еще в начале XIX в. швейцарский экономист Сисмонди выдвигал требование, чтобы на промышленных предприятиях «половина прибыли» «распределялась между ассоциированными рабочими» [14].

В середине XX в. нельзя обмануть рабочий класс, прибегая к старому хламу экономического романтизма. На практике своих отношений с предпринимателями рабочие ежедневно убеждаются в том, что «общность» интересов эксплуататоров и эксплуатируемых—это надувательство и что необходимо положить конец режиму, основанному на эксплуатации человека человеком.

Однако правящая буржуазия все еще располагает мощными средствами для противодействия освободительной борьбе трудящихся. По мере роста пролетарского движения растет также сопротивление его врагов, совершенствуются и умножаются методы их борьбы, расширяется деятельность их агентов. Вот почему, как советовал Ленин, развитие коммунистического движения не должно ослаблять бдительности рабочего класса и его борьбы против тех препятствий (в первую очередь против оппортунизма), которые мешают выполнению его исторической миссии.

Империализм — канун пролетарской революции

Чтобы опровергнуть социал-демократические софизмы о сущности первой мировой войны, Ленину пришлось глубоко изучить характер новой исторической эпохи. Результатом этого огромного труда явилась его знаменитая работа, появившаяся в 1916 г., «Империализм, как высшая

[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 216.
[14] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 221.

стадия капитализма». В этой работе Ленин установил, что империализм есть монополистический капитализм, паразитический капитализм, умирающий капитализм. В этой книге Ленина нашло свое место и исследование особенностей положения во Франции.

То, что установил автор книги «Империализм, как высшая стадия капитализма», стало все с большей очевидностью проявляться впоследствии. VIII съезд нашей партии (1936 г.) нарисовал поражающую картину присвоения национальных богатств финансовой олигархией, «двумястами семейств». Он показал, как монополистический капитал во всех областях предает национальные интересы.

Совсем недавно, на XV съезде партии, отмечалась высокая степень концентрации капитала во Франции. По данным 1955 г., гигантские предприятия, годовой оборот которых превышает миллиард франков, составляют всего лишь 0,15% от общего числа французских предприятий, тогда как их общий оборот составляет 41% суммы оборота в стране. На их долю приходится половина фонда заработной платы и более $^2/_3$ недвижимого капитала. Эксплуатация рабочего класса усиливается. Тресты грабят средние классы и устраняют их со всех командных постов в экономической жизни. Господство монополий становится все более и более тяжелым; для широких слоев общества оно делается невыносимым.

На такой стадии развития капитализма рост крупных экономических объединений создает материальные предпосылки социализма, а в результате крайнего обострения всех противоречий капитализма возникают политические предпосылки социализма. Непосредственно встает вопрос о захвате власти рабочим классом. Империализм есть канун пролетарской революции.

Трудящееся крестьянство — союзник рабочего класса в борьбе против монополий

В борьбе против монополий сами условия капиталистического общества дают рабочему союзника и брата в лице трудового крестьянина.

Необходимость этого союза показали Маркс и Энгельс, анализируя уроки трагических поражений пролетариата в 1848 и 1871 годах. Их указания по крестьянскому вопросу, преданные забвению оппортунистами II Интернационала, послужили для Ленина отправным пунктом в разработке его программы.

Анализируя опыт Парижской коммуны и причины ее поражения, Ленин отмечал ее попытки осуществить союз «беднейших крестьян с пролетариями», без которого «непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование». «К такому союзу,— писал Ленин,— как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера» [15].

Ленин интересовался аграрной проблемой во Франции. Когда в ноябре 1921 г. Марсельский съезд нашей партии принял тезисы по аграрному вопросу, Ленин выступил со статьей «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии» [16].

Он одобрил основные положения этих тезисов, в частности о передаче земли тем, кто ее обрабатывает, и о добровольности перехода крестьян к обобществлению сельского хозяйства в социалистической Франции. Он показал, что «громадное большинство сельского населения во Франции выиграло бы тотчас, немедленно и очень значительно от пролетарской революции» [17].

---

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 388—389.

[16] Статья была опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал», 1922, № 20.

[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 111.

Отметив положительные стороны тезисов, Ленин сделал по их поводу некоторые критические замечания. В частности, он выступил против утверждения о том, что «предстоящая революция во Франции... будет в некотором роде революцией преждевременной» и что «концентрация собственности, провозглашенная теоретиками марксизма, не происходила правильно в сельском хозяйстве» [18].

С одной стороны, отмечал он, «Маркс не считал революцию пролетариата «своевременной» лишь при условии экспроприации последнего крестьянина» [19] и полного завершения концентрации в сельском хозяйстве. С другой — обогащение французских крестьян во время первой мировой войны, их благосостояние непрочны [20].

Весь последующий ход истории доказал, насколько Ленин был тогда прав. Концентрация капитала в сельском хозяйстве, ограбление трудящихся крестьян в нашей стране происходят непрерывно.

Даже официальная статистика не может скрыть все более увеличивающуюся пропасть, которая разделяет трудящиеся массы деревни — сельскохозяйственных рабочих, полупролетариев, трудящихся крестьян — и крупных земельных собственников, крупную сельскохозяйственную буржуазию. На многих пленумах Центрального Комитета нашей партии за последние годы отмечалось, что пауперизация и разорение распространяются также и на деревню. Даже такая газета, как «Monde», вынуждена была 9 февраля 1960 г. писать о пауперизации крестьян.

Как говорил Ленин, перед трудящимся крестьянством и сельским хозяйством открываются два пути развития: капиталистический путь, ведущий к обнищанию большинства крестьян и к сохранению отсталой и тягостной крестьянской жизни, и путь социалистический, ведущий к быстрому подъему сельского хозяйства и росту благосостояния в деревне.

После установления в стране голлистского режима крупные промышленные и финансовые монополии еще более усилили угнетение трудящегося крестьянства; их интересы, не встречая противодействия, определяют официальную политику. Крестьяне не могут больше оказывать давление на парламент, лишенный всякой реальной власти.

Мелким хозяйствам становится все труднее выдерживать конкуренцию с крупными хозяйствами, а правительство принимает решения, направленные исключительно на концентрацию сельскохозяйственного производства в крупных капиталистических хозяйствах. Совсем недавно министр сельского хозяйства заявил: «Восемьсот тысяч мелких сельских хозяйств должны исчезнуть».

XV съезд Французской коммунистической партии, собравшийся в прошлом году, выразил решимость французских коммунистов защитить «трудящееся крестьянство, главного союзника рабочего класса... против промышленных монополий, против крупных посредников и земельных собственников, против всех, кто его разоряет и экспроприирует» [21]. В рамках этой политики наша партия поддерживает все конкретные требования крестьян. Крестьянство должно быть главным союзником рабочего класса Франции и в борьбе за социалистические преобразования и в борьбе за прочную демократию.

---

[18] См. там же, стр. 109.
[19] Там же.
[20] См. там же, стр. 110.
[21] «Cahiers du communisme», numero special (juillet-aout 1959), p. 57.

Защита свобод и объединение демократических сил

Ленин показал всю важность борьбы пролетариата за демократические требования в эпоху империализма. Он подчеркивал, что отрицание необходимости такой борьбы, прикрытое левой фразеологией, является в действительности глубоко оппортунистическим лозунгом.

В своей работе «Что делать?» Ленин рассматривает рабочий класс как «передового борца за демократию» и показывает «общедемократические задачи» рабочего движения. Социалисты, говорил он тогда, «должны идти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии» [22]. Ленин говорил, что идеальный борец есть «народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались» [23].

В соответствии с этими ценными уроками Французская компартия направляла свои усилия к тому, чтобы стать трибуном всего народа, представителем интересов всех слоев населения, которым дорога свобода и которые враждебно относятся к фашиствующей политике крупных монополий.

Мы твердо запомнили слова Ленина о том, что было бы «коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию» [24].

В работе «Государство и революция» Ленин настаивает на этой основной идее, «которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата» [25]. Конечно, такая республика не уничтожает господство капитала и классовую борьбу, но она ведет к самому широкому развертыванию борьбы масс за их жизненные интересы и, следовательно, к руководству этими массами пролетариатом. Ленин назовет впоследствии «жалкими идеями» и «карикатурой на марксизм» точку зрения тех, кто призывал отойти от борьбы за демократическую республику.

Руководствуясь ленинскими идеями, Французская коммунистическая партия постоянно вела борьбу за защиту и расширение демократических свобод. Она выступила против фашистского движения в 1934 г., образовав против него союз рабочего класса с другими слоями трудящихся, со средними классами. Это был Народный фронт, социальные завоевания которого значительно улучшили жизнь рабочих и крестьян и принесли определенное удовлетворение мелким торговцам и другим социальным слоям.

Руководствуясь ленинскими идеями, сегодня мы ведем борьбу против орудия крупных монополий — против личной власти, которая открывает путь фашизму.

Мы стараемся объединить против этого все общественные слои, которые испытывают гнет финансовой олигархии. Нашим лозунгом является восстановление и обновление демократии, а XV съезд нашей партии принял широкую программу обновления республиканских институтов и национальной жизни, чтобы дать конкретную платформу для союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, интеллигенцией, средними слоями в городах, для желательного и необходимого союза коммунистической партии и других демократических партий.

---

[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 392.
[23] Там же, стр. 393.
[24] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 133.
[25] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 417.

В политическом плане эта программа предусматривает принятие учредительным собранием положений о подлинно демократическом правительстве, которое передаст верховную власть представителям народа, избранным на основе пропорциональной избирательной системы. Избиратели получат право отзывать своего депутата. Будут гарантированы свободы и права человека, проведены чистка полиции, демократическая реформа армии и т. д.

В то же время программа обеспечивает материальную базу независимости и величия страны. Она способствует развитию современной экономики, использованию всех национальных ресурсов путем решительного развития основных отраслей промышленности, действительной национализации предприятий, принадлежащих монополиям, мощного расцвета науки и техники.

Программа предлагает средства для расцвета национальной культуры и духовных качеств человека. Она широко распахивает перед молодежью ворота в будущее. Она требует демократической реформы образования и настойчиво стремится противопоставить силам обскурантизма советский и современный гуманизм.

Программой предусматривается проведение социальных мероприятий в пользу рабочего класса и трудящегося крестьянства. Она учитывает также нужды ремесленников и мелких производителей.

Такая программа отвечает коренным интересам нации. Она возрождает демократические принципы, которые всегда были гордостью нашего народа. Ленин в своей статье, написанной в 1913 г. по поводу событий в Саверне, справедливо указывал, что во Франции демократия возникла на базе многих революций и что она имеет глубокие корни и солидную поддержку [26].

Французские коммунисты гордятся вековой борьбой своего народа против рабства и угнетения, тем, что они являются последователями санкюлотов 1793 г., славных якобинцев, смелостью и революционной энергией которых восхищался Ленин.

«Историки буржуазии,— говорил он,— видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики...

Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному, угнетенному, классу, ибо в этом суть якобинства...» [27].

Движение масс решает все

Борьба за демократию, от которой крупная буржуазия отказалась, поднимает роль пролетариата и возвышает его в глазах всех свободолюбивых людей. Эта борьба превращает его в подлинного «трибуна народа», позволяет объединить вокруг себя самые широкие массы, собрать большинство нации.

Рабочий класс, борясь против засилья монополий, защищая против них не только свои собственные интересы, но и интересы крестьянства, интеллигенции, средних классов, подтверждает тем самым, что он способен взять на себя задачи материального и духовного наследника Франции. На конкретных фактах он подтверждает существо своей исторической миссии.

---

[26] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 464—466.
[27] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 102.

Рабочий класс завоевывает в слоях мелкой буржуазии друзей и союзников, чтобы приступить к последующему развитию политической жизни, к полосе социалистических преобразований.

С 1946 г. мы указываем, что «народ Франции, богатый славными традициями, найдет сам свой путь», что этот путь не будет точной копией пути русских пролетариев в 1917 г. и что для свершения социалистической революции не исключены мирные средства.

Действительно, со времени окончания второй мировой войны мир неузнаваемо изменился. Силы социализма в огромной степени возросли, капиталистическая система ослабла.

В капиталистическом мире необходимость приведения производственных отношений в соответствие с уровнем производительных сил становится все более настоятельной. Идея социализма все больше завоевывает сознание миллионов людей. Мирный переход власти в руки рабочего класса при определенных условиях становится возможным.

Однако, как это подчеркивалось в Декларации представителей коммунистических и рабочих партий, собравшихся на празднование 40-й годовщины Октября, этот переход власти в руки рабочего класса остается необходимо революционным переворотом, историческим скачком. И этот скачок во всех случаях является результатом острой классовой борьбы, мощного движения рабочего класса, крестьянских масс и средних слоев города против капиталистической реакции.

Движение широких масс решает все. Для прогресса общества необходимо, чтобы непролетарские слои трудящихся встали на сторону рабочего класса.

Борьба за единство рабочего класса

Каким образом облегчить это движение масс к прогрессу? Что нужно сделать, чтобы создать благоприятные условия для самого широкого объединения вокруг пролетариата? Необходимо показать, что рабочий класс действительно способен руководить всеобщей борьбой, нужно, чтобы он проявил себя во всей своей силе и выступил с присущим ему авторитетом.

А чтобы показать себя сильным, важно прежде всего быть единым. Единство, говорил Ленин,— это основное оружие рабочих в их борьбе.

С первых же лет существования III Интернационала Ленин призывал коммунистов всех капиталистических стран: «Идите в массы! Создавайте единый фронт!» Такова была главная идея III конгресса Коминтерна в 1921 году.

Еще за год до этого в своей выдающейся работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин настаивал на необходимости решительно бороться против «левого» сектантства, постоянно заниматься с массами, стремиться к достижению единства рабочего класса. Он напоминал о манифесте 33 бланкистов Парижской коммуны, которые писали в 1874 г.: «...Мы коммунисты»... «потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы...» [28].

Ленин, напротив, на примере стачечного движения показал допустимость некоторых компромиссов; он разъяснял коренное различие между компромиссами предателей и компромиссами, которые диктуются объективными условиями. Важно, говорил Ленин, чтобы компромиссы и уступки приводили не к понижению, а к повышению пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе [29].

Смелость в понимании Ленина состоит в том, чтобы не бояться де-

[28] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 48.
[29] См. там же, стр. 49.

лать для такой великой цели, как единство рабочего движения, первые шаги в сторону завтрашнего союзника.

В 1922 г. Ленин был сторонником общей встречи трех тогда существовавших интернационалов — III Интернационала, II и «II ½» Интернационалов. Он принял активное участие в подготовке конференции в Берлине, советуя делегации Коминтерна «ставить лишь наименее спорные [вопросы], считая целью попытку частичных, но совместных действий рабочих масс»[30].

Коммунисты Франции не все сразу поняли тактику единого фронта. Некоторые видели в этом капитуляцию перед реформистскими лидерами. Однако наиболее активные элементы правильно восприняли лозунг Ленина, и их влияние возобладало во Французской коммунистической партии.

Наша партия в течение многих лет ожесточенно боролась за единый фронт. В период с 1923 по 1934 г. она двадцать шесть раз обращалась к социалистической партии с предложениями о единстве действий. Первый серьезный шаг в достижении этого единства был сделан в июле 1932 г. на антивоенном конгрессе в Амстердаме, где французская делегация имела в своем составе большое число социалистов, официально посланных отделениями и даже федерациями партии. Фашистская вылазка 6 февраля 1934 г. вызвала решительный подъем рабочего движения. В июле этого же года нам удалось заключить с социалистической партией соглашение о единстве действий.

Это соглашение многое дало рабочему классу Франции. Оно усилило движение за Народный фронт и сыграло определяющую роль в политических и экономических победах 1936 года. Оно позволило развить действия во всех направлениях.

Постоянно следуя политике единства, компартия возвысила себя в глазах трудящихся. Она предстала не как партия, проводящая узкую политику, а как крупная политическая партия, которая действует согласно ясным перспективам, на основе точного определения средств, необходимых для достижения победы.

На протяжении всех лет, при всех изменениях политической жизни, в обстановке подъемов и спадов, коммунистическая партия никогда не прекращала своих усилий с целью достижения единого фронта. Она предлагала единство действий трудящимся-социалистам со всей ответственностью и серьезностью, которые присущи партии рабочего класса. Она убеждена, что единство необходимо трудящимся и сегодня, когда рабочие и все прогрессивные люди Франции борются за мир и демократию. Оно будет еще более нужным завтра, когда встанет проблема строительства социализма.

Борьба за единство действий не является для нас временной тактикой. Эта борьба, как учил Ленин, является выражением постоянной политической линии, продиктованной заботой о жизненных интересах трудящихся масс.

Проникнутые этой заботой, мы осуществляли и осуществляем политику союза с трудящимися-католиками и патриотами, введенными в заблуждение реакционными организациями. Во время войны мы пришли таким путем к организации Национального фронта движения Сопротивления.

За национальную независимость

Французский рабочий класс не только поднимает знамя демократических свобод. Он поднимает также знамя национальной независимости.

Ленин показал, каким образом в эпоху империализма самые силь-

[30] «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 456.

ные капиталистические державы устанавливают свой экономический и политический контроль над более слабыми странами. Он разъяснил, что вывоз капитала приобретает на этом этапе первостепенное значение, в то время как в предшествующую эпоху — домонополистического капитализма — основную роль играл вывоз товаров. До 1914 г. Франция занимала важное место в вывозе капитала, и ростовщический характер французского империализма был показан великим теоретиком международного рабочего движения со всей полнотой.

В наши дни соотношение сил изменилось. Нынешний капиталистический мир характеризуется в первую очередь вывозом американского капитала. В течение десяти послевоенных лет вложения Соединенных Штатов за границей удвоились. И хотя впоследствии конкуренция в области вывоза капитала обострилась, американский контроль простирается широко на французскую экономику, как, впрочем, и на экономику Англии и Западной Германии.

В то же время Соединенным Штатам удалось установить свой политический и военный контроль над капиталистическими государствами Западной Европы. Наличие американских военных баз в этих странах является лишь наиболее заметным признаком этого господства.

Присоединившись к Атлантическому пакту, Франция и другие страны пошли вплоть до отказа от права свободно располагать своими вооруженными силами. Они играют роль сателлитов руководящего империалистического государства.

В Западной Европе по вдохновению американской дипломатии и в силу тенденции монополий к концентрации выросло число международных объединений: Европейское объединение угля и стали, Евратом, «общий рынок» и т. д. Эти органы являются «наднациональными» только по названию. В действительности они подчинены интересам наиболее сильного участника, которого поддерживают Соединенные Штаты, используя свое влияние. Это привилегированное положение принадлежит Западной Германии.

Именно реваншистская и милитаристская Западная Германия господствует сегодня в малой Европе. Как и предвидел Ленин в своей статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», написанной в августе 1915 г., такое объединение имеет своей основной целью преградить дорогу опасности, которую представляет для реакции подъем на континенте народных сил и мирный прогресс социалистических государств.

Понятно, что империалисты не могут заявить открыто о своих намерениях, они скрывают их под пропагандой космополитических идей, пытаясь утверждать, что независимость, суверенитет государств — устарелые понятия, что понятие родины теряет свое значение и что нужно уменьшить права наций в интересах так называемой высшей коллективности.

Рабочий класс и его партия, напротив, считают, что уважение прав каждой нации и ее суверенитета является условием нормальных и мирных отношений между народами. Чтобы обеспечить мир, необходимо, чтобы каждый народ был свободным и был хозяином у себя дома.

В современной Франции этого нет. Несмотря на официальные речи о величии и независимости, национальная территория по-прежнему оккупирована американскими войсками, интересы Атлантического пакта ставятся превыше всего, французские войска остаются под командованием бывшего нацистского генерала Шпейделя.

Верные идеям Ленина, французские коммунисты выступают против космополитизма своей буржуазии, ее отказа от суверенитета в пользу более сильного империализма. Наша партия постоянно помнит о том, что писал Ленин в 1908 г., ведя полемику против французского социалиста

Эрве и анархиствующего эрвеизма, которые проповедовали антипатриотизм:

«Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата... Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны» [31].

Мы руководствовались этой мыслью, когда в июне 1926 г. на Лиллльском съезде партии указывали, что коммунисты были лучшими защитниками национального наследия, они являлись теми, кто отказывался «отдавать американским банкирам продукт труда многих поколений» под предлогом выплаты военных долгов. Мы вдохновлялись этой мыслью в 1933 г., когда заявляли с трибуны палаты депутатов: «Мы, пролетарии, любим нашу страну». Этим же вдохновлялась двумя годами позже французская делегация на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, когда она справедливо указала, что коммунистическое движение во Франции является наследником великих национальных традиций — традиций энциклопедистов, революционеров 93 года, коммунаров, всех тех, кто боролся за свободу и прогресс.

Французская коммунистическая партия никогда не прекращала работать для независимости и величия страны, было ли это во времена борьбы против Гитлера и движения Сопротивления, или в период сражения за французское возрождение на другой день после войны, или сейчас в борьбе против отказа от суверенитета в области внешней политики и в области внутренней — за глубокое обновление экономической, политической и культурной жизни Франции, за расцвет всех национальных возможностей.

Как говорил об этом сам Ленин, в сердце коммуниста верность конечной цели рабочего класса глубоко сочетается с любовью к своему языку, к своей родине, с чувством национальной гордости, с желанием видеть свой народ свободным и расцветающим, решительно идущим по пути прогресса.

Колониальный вопрос в свете ленинизма

Не может быть свободным народ, говорили Маркс и Энгельс, угнетающий другие народы [32]. Ленин, изучая историческую эпоху, когда весь земной шар был поделен между основными империалистическими странами и колониализм достиг своего апогея, настаивал на этом положении своих великих предшественников, квалифицировав его как «коренной принцип интернационализма и социализма» [33]. Он подчеркивал, что социалисты должны требовать немедленного освобождения колоний, признания за ними права на самоопределение [34]. Ленин считал, что рабочие метрополий являются естественными союзниками колониальных народов в той же мере, в какой национально-освободительное движение ослабляет позиции империализма — угнетателя рабочих в их собственной стране.

Французское социалистическое движение до 1914 г., так решительно разоблачившее устами Геда и Жореса колониальные грабительские войны, допускало при случае, под давлением оппортунизма, некоторое «мирное проникновение» Франции в более слабые страны; что касается ревизионистов типа Мильерана, то они открыто выступали за колониальную систему. Молодая коммунистическая партия сразу же столкну-

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 171—172.
[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 223.
[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 138.
[34] См. там же, стр. 140.

лась с проблемами, порождаемыми фактом существования крупной колониальной французской империи и борьбой колониальных народов за независимость. Она начала осуществлять в духе ленинизма политику, соответствующую принципу пролетарского интернационализма и, следовательно, интересам французского народа.

1925 год был отмечен войной в Марокко. Наша партия организовала борьбу против войны, проводила по всей стране рабочие съезды против этой войны, возглавила 12 октября 1925 г. забастовку протеста. Жестокие репрессии не остановили ее усилий.

До сегодняшнего дня Французская коммунистическая партия продолжает следовать по пути, начертанному Лениным. В Азии и Африке она постоянно поддерживает народы французских колоний в их борьбе.

После второй мировой войны в национально-освободительном движении начался новый этап. Образование мировой системы социализма и ослабление империалистического лагеря помогли угнетенным странам в их борьбе за завоевание независимости. Процесс освобождения колоний принял гигантский размах, и кризис колониализма вступил в свою последнюю фазу — распада колониальной системы.

Французская буржуазия, бессильная перед этой основной проблемой нашего времени, не предоставила мирным путем независимость колониям. Она вела и продолжает вести колониальные войны, пытаясь помешать непреодолимому движению.

В среде буржуазии, в том числе мелкой, сильны шовинистические настроения. Идеология шовинизма сформировалась в материальных и моральных условиях более чем вековой эксплуатации колониальных народов. Эти веяния, как показал референдум 1958 г., в той или иной степени коснулись части рабочего класса.

В этих трудных условиях Французская коммунистическая партия выступила против продолжительной агрессивной войны во Вьетнаме. По призыву компартии усилились практические действия против войны, в частности против отправки военного снаряжения.

Во все времена французские коммунисты выступали за союз народа Алжира и рабочего класса Франции в борьбе за свободу, против колониализма. Еще в 1939 г., в период, когда эта истина вообще не признавалась, наша партия публично заявила о том, что формируется алжирская нация. Партия смотрела в будущее.

Сегодня перед лицом шовинистических и расистских подстрекательств, в которых социал-демократия сыграла не последнюю роль, партия безоговорочно поддерживает право алжирского народа на самоопределение. Этого требуют интересы самих французских трудящихся.

Глубокая правда идей марксизма-ленинизма, согласно которым колониализм является источником крайней реакции, в том числе и в метрополиях, нашла полное подтверждение в ходе алжирской войны. Реакционное движение ультраколониалистов в Алжире в мае 1958 г. послужило отправной точкой и опорой для установления режима личной власти во Франции; война в Алжире привела, таким образом, к фактической ликвидации в нашей стране парламентского режима. Она питает фашиствующие тенденции в политической жизни Франции.

Эта война сделала возможным мятеж ультраправых в Алжире 24 января сего года, против которого 1 февраля провели забастовку миллионы французских рабочих, высказавшихся за быстрое и лояльное осуществление принципа самоопределения.

Генерал де Голль вопреки всем своим обещаниям продолжает и расширяет войну. Организуя плебисцит, он дал основания верить в быстрое заключение мира. В декабре 1958 г. де Голль заявил: «Страница сражений отныне перевернута». 16 сентября 1959 г. он торжественно признал право алжирцев на самоопределение.

Однако за этими словами не последовало действий. Переговоры с представителями борющихся алжирцев об условиях прекращения огня и о гарантиях самоопределения упорно отвергаются. Президент республики в начале марта сего года занял позицию, которая отрицает самый принцип самоопределения, так как он намерен диктовать алжирцам решение, которое им следует принять, и угрожает расчленить их страну, если они выскажутся за независимость.

Французская коммунистическая партия удваивает свои усилия с целью объединения всех тех, кто желает мира, и умножения их действий в пользу переговоров.

В то же время она предусматривает установление после войны между Францией и Алжиром новых отношений, основанных на равенстве и свободном согласии. Коммунисты не выступают за разрыв экономических, культурных и других связей, которые исторически сложились между Францией и Алжиром, но они хотят превращения связей, навязанных насилием, в свободные отношения, соответствующие интересам как французского, так и алжирского народа.

Ленинцы всегда считали, что тенденцию к установлению взаимозависимости народов, их экономическому сближению — объективно прогрессивную тенденцию современного мира — нельзя смешивать с ужасными формами, в которых это явление протекает в рамках империализма. Нации могут и должны сближаться, но не путем завоеваний и колониальной аннексии.

Тот факт, что империалистическая буржуазия нашей страны все больше увязает в войне, продолжение которой роет пропасть между Алжиром и Францией и затрудняет их будущие отношения, лишний раз свидетельствует о том, что она утратила чувство национальных интересов и способность их защищать. Отныне эту великую роль берет на себя рабочий класс.

Ленин и Французская коммунистическая партия

Чтобы успешно завершать все битвы, которые предстоит вести рабочему классу, необходима партия, способная руководить этим классом и трудящимися массами совершенно независимо от буржуазии. Ленин горячо хотел видеть во Франции партию, которая порвет с сотрудничеством классов, подлинно марксистскую партию. И он верил, что французские рабочие создадут такую партию.

В своей работе «Три источника и три составных части марксизма» он отнес к источникам учения Маркса наряду с немецкой философией и английской политической экономией французский социализм, теорию великих утопистов первой половины XIX века. Ленин по достоинству оценил вклад Франции в развитие марксизма. Героизму коммунаров 1871 г. он посвятил одну из лучших страниц своих произведений. Он был уверен, что их внуки будут на уровне своих задач.

В 1920 г. он принял Марселя Кашена, который был послан в Москву Французской социалистической партией, решившей вступить в переговоры с Коммунистическим Интернационалом. Марсель Кашен был глубоко взволнован той высокой оценкой, которую дал руководитель русской революции французскому рабочему движению. «Он сказал, улыбаясь, — вспоминает Марсель Кашен, — что «ждал нас», так как выше всего оценивал замечательную революционную доблесть пролетариата нашей страны»[35].

29 июля того же года от имени Бюро II конгресса Коммунистического Интернационала «всем членам Французской социалистической

[35] «Воспоминания о В. И. Ленине» Т. 2. М. 1957, стр. 525.

партии, всем сознательным пролетариям Франции» было направлено письмо, в котором содержался критический анализ положения рабочего движения Франции. Текст этого письма был просмотрен Лениным. Весь документ дышит уверенностью, что французские рабочие будут верны своей миссии.

«Не может быть, — говорил Ленин, — чтобы революционный рабочий класс Франции, с его изумительными традициями, с его культурностью, с его готовностью к самопожертвованию, с его прекрасным боевым темпераментом не создал могучей коммунистической партии, в ту эпоху, когда издыхание буржуазного строя явно началось». Благодаря этой партии «французский пролетариат займет одно из первых мест в международной семье борющегося пролетариата».

В ответ на этот призыв родилась на историческом съезде в Туре в декабре 1920 г. Французская коммунистическая партия. В ее рядах лучшие представители старого социалистического движения объединились с солдатами фронта, которых призыв Октября пробудил к революционной борьбе, со свежими силами нового рабочего поколения, вдохновленного коммунизмом. Решения съезда в Туре, 40-ю годовщину которого мы празднуем в этом году, были сами по себе великой победой пролетарского движения.

Ленин следил за первыми шагами Французской коммунистической партии с братской заботой. Он был счастлив видеть рабочий класс нашей страны вновь начавшим свое движение вперед. Однако процесс становления молодой партии, еще отягченной грузом рутины и пережитков социал-демократии, проходил медленно и трудно.

Ленин отмечает это в феврале 1922 года: «Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый т и п партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию, это — вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее»[37].

Опираясь на ленинскую школу и ценную помощь Коммунистического Интернационала, французские коммунисты шли вперед. Они продвигались вперед, ведя ожесточенную борьбу против буржуазии, используя весь арсенал своих политических и идеологических средств против правых социалистических руководителей, пытавшихся обмануть пролетариат, против всех элементов, демобилизующих рабочий класс. Не менее трудная и упорная борьба проходила внутри самой партии, которая никогда не прекращала вести борьбу на два фронта.

Благодаря этой борьбе стало возможно создать во Франции рабочую партию н о в о г о т и п а, способную и решившую уничтожить капитализм и осуществить историческую миссию рабочего класса. Оказалось возможным создать б о е в у ю партию, вооруженную научной теорией марксизма-ленинизма и основанную на прочной базе демократического централизма.

Эта партия, следуя советам Ленина, все больше уделяла внимание непосредственным требованиям трудящихся масс, делу защиты их повседневных интересов. Она научилась формулировать коренные нужды каждой группы трудящихся и добиваться успехов в борьбе за достижение требований. Направляя движение к братскому завтрашнему обществу, партия постоянно боролась за облегчение судьбы несчастных сегодняшнего общества. В 1935 г. одна буржуазная газета писала, что коммунисты, поддерживая интересы всех трудящихся слоев, стали «адвокатами страны».

Партия стремилась ответить на все жизненные вопросы, выдвигать свои решения по всем актуальным проблемам. Народ видел коммуни-

[37] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 33, стр. 183.

стов в деле и судил о них по их делам. Таким образом, авторитет партии покоится на осмысленном доверии рабочего класса и всех трудящихся.

Французская коммунистическая партия, оставаясь верной своим принципам, стремилась, как учит ленинизм, стать партией, чуждой всякого сектантства, применяющей гибкую тактику. Она вмешивалась, как известно, начиная с периода Народного фронта во все области жизни страны. Спустя 15 лет после своего образования она заняла важное место на политической арене. Партия представляет собой политическую силу, способную увлечь не только большинство рабочего класса, но и широкие массы народа.

Французская коммунистическая партия продолжает дело революционной Франции, демократической Франции. Ее сила в единении рабочего национального движения с марксизмом-ленинизмом.

Для миллионов французских трудящихся Ленин будет жить вечно. Они знают, что великий кормчий Октябрьской революции, основатель Советского государства, боролся и за их счастье.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Б. Тельпуховский

В советской историографии по проблеме истории рабочего класса СССР периода Великой Отечественной войны основное внимание до последнего времени уделялось разработке вопроса о героизме и трудовой активности советских рабочих. Однако до сих пор остается слабо изученной проблема о количественном и качественном изменении состава рабочего класса СССР в этот период.

Некоторые данные об изменении численности рабочих и служащих в народном хозяйстве страны в целом, а также в промышленности и по отдельным экономическим районам в 1940—1943 гг., об увеличении численности женщин и молодежи в составе рабочего класса в период войны, о подготовке кадров квалифицированных рабочих в 1941—1943 гг. приводятся в книге Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Вопросы структурных изменений состава промышленных рабочих в период войны получили беглое освещение (на основе опубликованных данных) в сборнике статей «Вопросы труда в СССР» (Госполитиздат. 1958). Отрывочные сведения по данной теме имеются в ряде научных статей и диссертаций, освещающих деятельность рабочего класса в годы войны, а также в популярной литературе.

Интересные данные о численности рабочих и служащих, об удельном весе женщин-работниц в целом по народному хозяйству и в промышленности в 1940 и 1945 гг., о подготовке квалифицированных рабочих кадров в военное время опубликованы в статистических сборниках Центрального статистического управления при Совете Министров СССР [1] и в многочисленных статистических сборниках по народному хозяйству отдельных республик, краев и областей страны, изданных в 1957—1959 годах [2]. Не умаляя в целом большой научной ценности указанных сборников, необходимо отметить, что вопросы количественных и структурных изменений в составе рабочего класса за годы Советской власти и, в частности, в рассматриваемый период не нашли здесь должного освещения.

В ходе социалистического строительства благодаря неустанной заботе Коммунистической партии советский рабочий класс значительно вырос количественно, повысились его культурный уровень и производственно-техническая квалификация. Успешное решение проблемы создания квалифицированных кадров рабочих, как и всей проблемы технических кадров, было одним из важнейших завоеваний культурной революции и победоносного строительства социализма в СССР.

В годы предвоенных пятилеток выявился ряд закономерностей в изменении численности и состава промышленных рабочих, как и рабочего

---

[1] «Народное хозяйство СССР». М. 1956; «Промышленность СССР». М. 1957; «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». М. 1957; «СССР в цифрах». М. 1958; «Женщины в СССР». М. 1960.

[2] Статистические сборники по народному хозяйству изданы по всем республикам, краям и большинству областей страны.

класса СССР в целом. Рабочий класс рос более быстро, чем росло все население страны. При этом характерно, что в составе рабочего класса постоянно повышался удельный вес рабочих, занятых в решающих отраслях индустрии. Неуклонно повышались производственная квалификация и общий культурно-технический уровень рабочих, увеличивалась рабочая прослойка среди инженеров и техников. Все большее число рабочих выдвигалось на ответственные участки народного хозяйства, активно участвовало в управлении социалистическим производством. Значительно увеличился удельный вес женщин, в том числе квалифицированных работниц, в самых различных отраслях промышленного труда. Огромные сдвиги в размещении социалистической промышленности привели к серьезным изменениям в территориальном распределении рабочих, к созданию национальных рабочих кадров в союзных и автономных республиках.

Всесторонний рост советского рабочего класса имел огромное значение для укрепления социалистической экономики. Но в 1941 г. мирный труд нашего народа был нарушен разбойничьим нападением фашистской Германии на Советский Союз. С этого времени и до конца войны все усилия рабочих, как и всего советского народа, были подчинены одной общей цели — разгрому врага.

В тяжелую годину Коммунистическая партия продолжала проявлять особую заботу о рабочем классе, о его пополнении и воспитании. Однако в своей практической деятельности партия уже не могла исходить из обычных, довоенных условий, когда в промышленности были заняты опытные рабочие кадры, получившие всестороннюю закалку в ходе мирного социалистического строительства.

Великая Отечественная война вызвала серьезные изменения как в количественном, так и в качественном составе различных отрядов рабочего класса и прежде всего в самом многочисленном из них — в кадрах промышленных рабочих. Сюда относятся изменения в численности рабочих в целом по народному хозяйству, в промышленности и ее отдельных отраслях, а также по экономическим районам страны. Значительное обновление рядов рабочего класса в годы войны и изменения в структуре промышленного производства в соответствии с требованиями военного времени существенно отразились на профессиональном составе промышленных рабочих, их культурно-техническом уровне. В годы войны имели место значительные изменения в количественном и качественном составе рабочих национальных республик. Новые пополнения рабочих, пришедших в промышленность в период войны, оказали большое влияние на состав промышленных рабочих по полу, возрасту и стажу.

Раскрытие динамики количественных и качественных изменений в составе промышленных рабочих нашей страны в годы войны по этим основным направлениям является целью данной статьи.

★

Временная оккупация гитлеровскими захватчиками ряда западных и южных районов Советского Союза в первый период Отечественной войны, а также призыв в армию не могли не оказать влияния на изменение численного состава рабочих кадров в целом по стране.

В 1940 г. (по состоянию на сентябрь) в народном хозяйстве ряда районов страны, подвергшихся позднее временной фашистской оккупации, насчитывалось в РСФСР 4,5 млн. рабочих и служащих (или 22% общей численности рабочих и служащих республики), в Украинской ССР — 6,2 млн., в Белорусской ССР — 1,1 млн., в Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской союзных республиках — 0,7 млн. человек[3]. Накануне

[3] «Народное хозяйство СССР», стр. 192.

войны на территории СССР, впоследствии подвергшейся гитлеровской оккупации, насчитывалось более трети всех советских рабочих и служащих. Только в промышленности этих районов было занято около 4 млн. рабочих [4].

Коммунистическая партия и Советское правительство приложили все усилия для спасения населения и материальных ценностей путем эвакуации их из угрожаемых районов. Эту задачу удалось решить лишь частично. Вместе со своими предприятиями на Восток эвакуировалось не более 30—40% рабочих [5]. Многие рабочие ушли в народное ополчение или в партизанские отряды.

Борьба с огромной армией фашистской Германии потребовала серьезного увеличения Вооруженных Сил Советского государства. В Красную Армию пришлось призвать многочисленные кадры промышленных рабочих.

Потери среди мирного населения, особенно в первый период войны, отрицательно сказались на обеспечении индустрии рабочими кадрами.

В силу указанных выше причин во второй половине 1941 г. и в 1942 г. в стране произошло резкое сокращение численности рабочих и служащих. В 1942 г. в народном хозяйстве насчитывалось 18,4 млн., а в промышленности — 7,2 млн. человек, или соответственно 59,0% и 65,5% к уровню довоенного, 1940 года [6].

В первый период войны заметно уменьшилась численность рабочих в промышленности районов Севера, Северо-Запада, Центра и Северного Кавказа, которые находились в непосредственной близости от линии фронта.

Иная картина наблюдалась в промышленности тыловых районов и прежде всего на востоке страны. В результате проведенной в первые месяцы войны эвакуации промышленных предприятий и населения на Восток, а также развернувшегося там в грандиозных масштабах индустриального строительства число рабочих и служащих в народном хозяйстве восточных районов возросло в 1942 г. на 800 тыс. и в 1943 г.— дополнительно на 500 тыс. человек.

Численный рост рабочих и служащих за период войны имел место во всех крупнейших индустриальных центрах Урала и Западной Сибири. В народном хозяйстве Урала численность рабочих и служащих увеличилась в 1943 г. по сравнению с 1940 г. на 36%, в том числе в промышленности — на 65%, в районах Поволжья соответственно — на 16 и 65%, Западной Сибири — на 23 и 71%, в Казахстане и Средней Азии — на 7 и 54%. Возрос также удельный вес рабочих и служащих, занятых в промышленности этих районов, по отношению ко всей численности рабочих и служащих в промышленности СССР: в районах Поволжья — с 3% в 1940 г. до 7,5% в 1943 г., в районах Урала соответственно — с 8,5 до 20,5%, в районах Западной Сибири — с 4 до 9%, в Казахстане и Средней Азии — с 3,5 до 8% [7].

При этом следует иметь в виду, что темпы численного роста рабочих и служащих в промышленности тыловых, особенно восточных, районов страны были более быстрыми, чем темпы роста в целом по народному хозяйству этих районов.

С бурным ростом промышленности и рабочих кадров на востоке СССР в годы войны значительно увеличилось городское население этих районов. Так, на начало 1943 г. численность городского населения по во-

---

[4] «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков». М. 1946, стр. 429.

[5] Архив Государственного комитета по профессионально-техническому образованию при Совете Министров СССР (Архив ГКПТО), ф. 1, оп. 8, св. 8, арх. № 34, л. 65.

[6] Там же, ф. 35, оп. 4, св. 1, арх. № 2, л. 149; оп. 2, св. 3, арх. № 10, л. 1.

[7] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполитиздат. 1948, стр. 109—110.

сточным районам составила 20,3 млн. человек против 15,6 млн. человек на начало 1939 г., то есть увеличилась на 4,7 млн. человек [8].

Количественный рост и увеличение удельного веса рабочих и других работников, занятых в промышленности восточных районов, свидетельствовали об успешном проведении в жизнь намеченных Коммунистической партией и Советским правительством мероприятий по дальнейшему развитию производительных сил и наращиванию мощи экономики Урала, Поволжья и Сибири. За четыре года войны производство промышленной продукции увеличилось на Урале в 3,6 раза, в Сибири — в 2,8 раза, в Поволжье — в 3,4 раза. В первом полугодии 1945 г. в восточных районах СССР производилось всей промышленной продукции в 2 раза, а продукции военной промышленности — в 5,6 раза больше, чем в первом полугодии 1941 года [9]. Именно на эти районы в годы войны легла основная тяжесть производства вооружения и боеприпасов для бесперебойного снабжения фронта. Индустрия этих районов составляла ядро всей военно-промышленной базы страны. Вот почему партия и правительство придавали первостепенное значение обеспечению промышленности восточных районов рабочими кадрами.

Огромные преимущества социалистического хозяйства, несмотря на внезапное нападение врага и временный захват им ряда важнейших экономических районов СССР, позволили в сжатые сроки осуществить планомерное крупнейшее перемещение рабочей силы и трудоспособного населения на восток страны, сконцентрировать здесь значительные кадры рабочих и организовать мощное военное хозяйство.

По мере освобождения советской территории от врага возрождалось хозяйство, восстанавливалась промышленность освобожденных районов. В прифронтовой полосе Севера, Северо-Запада, Центра и Северного Кавказа вступали в строй реэвакуированные предприятия. Трудный процесс восстановления разрушенных и реэвакуированных заводов и фабрик происходил одновременно с процессом воссоздания индустриальных кадров этих районов.

Огромное политическое и военно-хозяйственное значение имело восстановление рабочих кадров в промышленных районах центра страны, которые до войны являлись мощной индустриальной базой СССР. В Центральном промышленном районе были сосредоточены лучшие, наиболее квалифицированные отряды советского рабочего класса. Те из них, кто был эвакуирован в глубокий тыл, сыграли исключительную роль в восстановлении эвакуированных предприятий, в организации мощного военного хозяйства на Востоке, в формировании местных кадров квалифицированных рабочих. Многие из них по мере восстановления промышленности возвращались в центральные районы. Одновременно шел процесс вовлечения в производство новых кадров, в основном за счет молодежи.

Численность рабочих в районах Центра и Северного Кавказа начиная с 1943 г., а в районах Севера и Северо-Запада — с 1944 г. постепенно возрастала. Однако к концу войны количество рабочих в промышленности этих районов еще не достигло довоенного уровня. Так, численность рабочих и служащих в промышленности Московской области достигла лишь 72,3% от уровня 1940 г., в Ленинградской области — 73,1%, в Тульской области — 91,5%, в Калининской области — 76,5%. Численность промышленных рабочих в Мурманской области составляла в этот период 66% по отношению к довоенному, 1940 г., в Новгородской области — 46%, Курской области — 49%, Ивановской области — 73% [10] и т. д.

---

[8] Там же, стр. 48.

[9] «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.». Госполитиздат. 1946, стр. 6.

[10] Подсчитано автором. Абсолютные цифры см. «Народное хозяйство Московской области» Статистический сборник ЦСУ СССР. М. 1958, стр. 190; «Народное хозяйство

С конца 1943 г., когда началось массовое изгнание гитлеровцев с территории нашей страны, широким фронтом развернулось восстановление промышленности, как и всего хозяйства, в освобожденных районах. Коммунистическая партия и Советское правительство, преодолевая серьезные трудности, наметили ряд мероприятий по восстановлению численности рабочих кадров на предприятиях освобожденных районов и мобилизовали все силы для их успешного осуществления. Эта задача решалась отчасти за счет подготовки квалифицированных кадров в системе трудовых резервов, а также путем привлечения на производство местного городского и сельского населения.

Вопрос об обеспечении рабочими кадрами промышленности и сельского хозяйства освобожденных от врага районов стоял очень остро. Советский Союз безвозвратно потерял в боях, а также в результате зверского истребления фашистскими захватчиками советских граждан и угона их на каторгу в Германию миллионы людей. Этот огромный урон особенно болезненно сказался при организации восстановительных работ.

Коммунистическая партия уделила особое внимание улучшению идеологической работы среди трудящихся освобожденных районов. В одном из постановлений, принятом в августе 1944 г., ЦК партии отмечал, что «правильная и своевременная политическая информация населения освобожденных районов является важнейшим условием успешной мобилизации трудящихся на восстановление хозяйства, разрушенного немцами, и быстрейшей ликвидации последствий фашистской оккупации...» [11]. Следуя указаниям Центрального Комитета, местные партийные организации развернули широкую массово-политическую и культурно-просветительную работу среди населения освобожденных районов. Результаты этой работы нашли яркое выражение в успешном решении задач по восстановлению разрушенного врагом народного хозяйства.

Большую помощь освобожденным районам оказали партийные организации тыловых областей, по чьей инициативе квалифицированные рабочие кадры направлялись на восстановительные работы. Часть рабочих кадров была послана в эти районы в порядке реэвакуации.

За 1943—1944 гг. и 7 месяцев 1945 г. на Украине и в Белоруссии только Комитетом по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР было привлечено для постоянной работы в промышленности, строительстве и на транспорте 615,3 тыс. человек. Десятки тысяч юношей и девушек были призваны в учебные заведения трудовых резервов [12]. На 1 января 1946 г. в УССР было восстановлено и вновь открыто 499 училищ и школ ФЗО с контингентом учащихся 127,8 тыс. человек, в БССР — 54 училища и школы ФЗО на 9,2 тыс. человек [13].

На восстановление промышленности Украины было мобилизовано 207 тыс. человек молодежи, в том числе 38 тыс. комсомольцев [14]. Важное значение в увеличении численности рабочих кадров в освобожденных районах имело возвращение (репатриация) на родину многих советских людей, угнанных в Германию. Это мероприятие начало проводиться с конца 1944 года.

В 1944 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве освобожденных районов достигла 5,1 млн. человек, в том числе в промышленности — 1,2 млн. человек, в 1945 г. соответственно — 8,0 млн.

Ленинградской области». М. 1957, стр. 101; «Народное хозяйство Тульской области». Тула. 1958, стр. 134; «Народное хозяйство Калининской области». Калинин. 1957, стр. 70; «Народное хозяйство Мурманской области». Мурманск. 1957, стр. 22; «Народное хозяйство Новгородской области». М. 1958, стр. 14; «Народное хозяйство Курской области». Орел. 1958, стр. 13; «Народное хозяйство Ивановской области». М. 1957, стр. 17.

[11] «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 530.

[12] Архив ГКПТО, ф. 37, оп. 4, св. 1, арх. № 2, лл. 86—87.

[13] Там же, ф. 1, оп. 45, св. 9, арх. № 27, л. 73.

[14] Газета «Социалистический Донбасс», 7 июля 1944 года.

и 2,1 млн. человек, что составляло 67,2 и 47,7% к общей численности рабочих и служащих этих районов в довоенном, 1940 году.

Восстановление рабочих кадров в освобожденных от врага районах непосредственно в ходе войны имело громадное значение для укрепления военной мощи Советского государства и дальнейшего развития народного хозяйства. Коммунистическая партия и Советское правительство, заботясь о восстановлении рабочих кадров, учитывали не только задачи восстановления экономики и культуры в этих районах, но и перспективу развития народного хозяйства СССР после войны.

Серьезные изменения за годы войны произошли в количественном составе промышленных рабочих отдельных союзных республик. В результате фашистской оккупации народное хозяйство ряда республик понесло огромные людские и материальные потери (разрушение городов и промышленности, массовое истребление, гибель от голода, болезней и угон советских людей на гитлеровскую каторгу). Так, в районах Российской Федерации и Украины, освобожденных от врага, рабочих осталось лишь 17% от довоенного состава, а в Белоруссии — всего 6% [15]. Начиная с 1942 г. в промышленности РСФСР, с 1943 г. — в промышленности Украинской, Белорусской, а с 1944 г. — Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской республик начинается трудный процесс восстановления рабочих кадров. Несмотря на определенные успехи, к концу войны довоенный уровень количества рабочих все же не был достигнут. С 1940 по 1945 г. число промышленных рабочих и служащих в РСФСР сократилось на 6,4% [16], в УССР — на 45,5% [17], в БССР — на 62,1% [18].

В Азербайджанской и Армянской советских республиках число рабочих и служащих в промышленности в 1942—1943 гг. несколько уменьшилось. В 1945 г. численность этих категорий населения в Азербайджанской и Армянской ССР превысила довоенный уровень [19]. В промышленности Грузии количество рабочих и служащих в годы войны не падало ниже довоенного и в 1945 г. несколько превысило его [20].

Наиболее значительный рост рабочих кадров в военное время имел место в Узбекской, Казахской и Киргизской советских республиках. Восстановление эвакуированных предприятий, организация в широких масштабах нового промышленного строительства в первые же годы войны вызвали здесь бурный рост рабочих кадров. Так, по сравнению с 1940 г. численность рабочих и служащих в индустрии Узбекской ССР в 1945 г. выросла на 38,5% [21], в Казахской — на 67,9% [22] и в Киргизской — на 65,5% [23].

Война внесла серьезные коррективы и в распределение рабочих по отдельным отраслям промышленности.

В первый период войны произошло резкое сокращение контингента квалифицированных рабочих в ведущих отраслях тяжелой индустрии. Здесь прежде всего сказалась временная оккупация врагом таких экономически развитых областей страны, как Донбасс и Криворожье, части территории Московского и Ленинградского промышленных районов. В Донецком и Подмосковном угольных бассейнах фашистские захватчики уни-

---

[15] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 56—57.

[16] Здесь и далее подсчитано автором. Абсолютные цифры см. «Народное хозяйство РСФСР». М. 1957, стр. 267.

[17] См. «Народне господарство Української РСР». Київ. 1957, стр. 385.

[18] См. «Народное хозяйство Белорусской ССР». М. 1957, стр. 232.

[19] См. «Азэрбайчан ССР. Халг. тэсэрруфаты» «Народное хозяйство Азербайджанской ССР»). Баку. 1957, стр. 360; см. «Народное хозяйство Армянской ССР». Ереван. 1957, стр. 117.

[20] См. «Народное хозяйство Грузинской ССР». Тбилиси. 1957, стр. 161.

[21] См. «Народное хозяйство Узбекской ССР». Ташкент. 1957, стр. 139.

[22] См. «Народное хозяйство Казахской ССР». Алма-Ата. 1957, стр. 225.

[23] См. «Народное хозяйство Киргизской ССР». Фрунзе. 1957, стр. 134.

чтожили 1 135 шахт, на которых до войны было занято 337 тыс. рабочих. На временно захваченной советской земле агрессоры полностью или частично разрушили 37 заводов черной металлургии, на которых в мирное время трудились 168 тыс. человек, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, на которых до войны было занято 919 тыс. рабочих, инженеров, техников и служащих [24].

В силу этих причин в первый период войны численность рабочих в металлургической, угольной и машиностроительной промышленности в целом по стране резко уменьшилась. В то же время наблюдалось увеличение численного состава рабочих в этих отраслях индустрии в восточных районах за счет эвакуированных рабочих и привлечения значительного контингента новой рабочей силы.

Во втором полугодии 1941 г. среднее число рабочих по предприятиям Наркомчермета сократилось до 236,5 тыс. человек против 447,8 тыс. в 1940 году. С 1943 г. численность рабочих на этих предприятиях постепенно возрастала и в 1945 г. достигла 397,5 тысячи [25]. По Наркомуглю число рабочих-эксплуатационников на шахтах (после резкого сокращения в первый период войны) к 1945 г. даже превысило довоенный уровень. В это время на шахтах было занято 495 тыс. рабочих против 407,8 тыс. в 1940 году [26].

В первый период войны ряд заводов тяжелого машиностроения вышел из строя. Значительная часть предприятий, а также рабочие, трудившиеся на них, были эвакуированы. Некоторые заводы были переданы в ведение других наркоматов, главным образом оборонных; часть людей переведена в оборонные и другие отрасли промышленности. В результате численность рабочих в промышленности тяжелого машиностроения сократилась в 1942 г. до 48,3 тыс. человек против 72,9 тыс. в 1940 году. Однако в течение 1943—1944 гг. она начала постепенно возрастать, достигнув в 1945 г. 59,5 тыс. человек, или 81,6% довоенной численности [27].

В первый период войны произошло резкое перераспределение рабочих кадров между отдельными отраслями промышленности и народного хозяйства с целью их увеличения в отраслях оборонной промышленности. Предприятия оборонных наркоматов обеспечивались рабочей силой в первую очередь. Достаточно сказать, что только Главным управлением трудовых резервов с июня 1941 г. по май 1945 г. на заводы шести оборонных наркоматов было направлено 703,7 тыс. молодых квалифицированных рабочих [28], а Комитетом по учету и распределению рабочей силы за 1942 г.— июль 1945 г.— 487,2 тыс. человек [29]. С восстановлением эвакуированных предприятий на новых местах и вводом в действие новых объектов количество рабочих в оборонной промышленности после некоторого сокращения в начале войны начало быстро возрастать. Так, в марте 1945 г. по сравнению с первым кварталом 1942 г. численность рабочих по заводам Наркомата авиационной промышленности увеличилась на 26,7%, Наркомата боеприпасов — на 28,3%, Наркомата вооружения —

---

[24] «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков», стр. 433—435.

[25] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 8, оп. 13, арх. № 37, л. 110. По материалам бывшего Министерства черной металлургии.

[26] «Угольная промышленность СССР». Статистический сборник. М. 1957, стр. 242.

[27] ЦГАОР и СС, оп. 1797, 1932—1945 гг., д. 2, л. 8. Данные приведены по заводам, подведомственным бывшему Наркомату тяжелого машиностроения. После войны часть заводов этого наркомата была передана вновь организованному Министерству транспортного машиностроения.

[28] Подсчитано на основании данных архива ГКПТО, ф. 14, оп. 46, св. 8, арх. № 86, лл. 1—2.

[29] Подсчитано на основании данных архива ГКПТО, ф. 37, оп. 4, св. 1, арх. № 2, л. 118.

на 19,1%, Наркомата минометного вооружения — на 58,2%, Наркомата танковой промышленности — на 20,8% [30].

Учитывая особенности военной экономики и обеспечивая преимущественное развитие тяжелой индустрии, Коммунистическая партия и Советское правительство мобилизовали и направили в организованном, плановом порядке кадры рабочих в первую очередь в военную, машиностроительную, металлургическую, топливную и энергетическую отрасли промышленности.

Серьезные количественные и качественные изменения в составе промышленных рабочих в годы Отечественной войны не происходили и не могли происходить самотеком. Их осуществление требовало планомерного руководства со стороны социалистического государства.

В первые месяцы войны по всей стране развернулось патриотическое движение советских людей за переход на производство. Партия и правительство возглавили это патриотическое движение, придали ему организованный характер.

В условиях войны особенно возросла роль города в обеспечении индустрии рабочими кадрами. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР, учитывая условия военного времени, издал указ о мобилизации неработающего трудоспособного городского населения для постоянной работы в промышленности и строительстве. Важнейшим источником пополнения промышленности новыми кадрами явилось сельское население. Только Комитетом по учету и распределению рабочей силы из числа мобилизованных в 1942—1944 гг. было привлечено на производство для постоянной работы 1 357 тыс. городского и 1 380 тыс. человек сельского населения [31].

За счет сельской и городской молодежи комплектовались учебные заведения государственных трудовых резервов. Система трудовых резервов, не успевшая до войны ввиду кратковременного существования оказать влияния на пополнение предприятий и строек новыми квалифицированными кадрами, в военное время стала важной формой комплектования промышленности квалифицированными рабочими. За 1941—1945 гг. в ремесленных училищах и школах ФЗО было подготовлено 2 480,3 тыс. квалифицированных рабочих [32]. Кроме того, за указанный период в школах фабрично-заводского ученичества, существовавших на предприятиях легкой, пищевой и местной промышленности, было обучено 295,8 тыс. человек [33].

Отечественная война показала своевременность перехода к новой системе формирования и обучения рабочей силы, предложенной незадолго до войны (октябрь 1940 г.) Центральным Комитетом Коммунистической партии.

Однако в условиях войны потребность промышленности в новых квалифицированных рабочих кадрах оказалась столь велика, что ее не могла удовлетворить только система государственных трудовых резервов. Поэтому партия и правительство придавали особое значение подготовке квалифицированных рабочих непосредственно на производстве. За 1941—1945 гг. таким путем было обучено более 11,3 млн. человек и повышена квалификация около 9,3 млн. рабочих [34]. Это имело решающее значение для обеспечения военного хозяйства кадрами рабочих.

---

[30] Подсчитано на основании данных архива ГКПТО, ф. 35, оп. 2, св. 3, арх. № 12; оп. 14, св. 1, арх. № 2; оп. 29, св. 14, арх. № 44. Приведенные данные включают рабочих промышленности (без строительства).

[31] Там же, ф. 37, оп. 4, св. 1, арх. № 2, л. 86.

[32] Там же, ф. 14, оп. 46, св. 8, арх. № 86, лл. 1—2.

[33] Там же, ф. 1, оп. 41, св. 8, арх. № 32, л. 51.

[34] См. «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стр. 264.

Решая проблему обеспечения промышленности рабочей силой, Советское государство осуществляло перевод служащих, а также работников торговли и общественного питания на производство, организовало трудоустройство инвалидов войны и инвалидов труда. ЦК партии на протяжении всего периода войны держал в центре внимания вопросы политического воспитания и производственного обучения рабочих. Так, в начале 1942 г. Центральный Комитет обязал все партийные организации решительно улучшить агитационно-массовую работу среди рабочих, впервые пришедших на производство, воспитывать их в духе социалистической дисциплины [35].

Новое пополнение оказало существенное влияние на состав промышленных рабочих. Оно выразилось прежде всего в увеличении удельного веса численности женщин и молодежи в составе рабочего класса. В период войны Коммунистическая партия провела большую работу по вовлечению женщин в активную трудовую деятельность. ЦК партии через местные партийные организации проводил повседневную разъяснительную работу среди женщин, для которых самоотверженный труд на помощь фронту стал священным долгом. «Ни одной женщины ни в городе, ни в деревне не должно быть вне общественно полезного труда»,— указывалось в постановлении ЦК ВКП(б) «О международном коммунистическом женском дне 8 марта», принятом в 1942 году [36]. По призыву партии на работу в промышленные предприятия шли юноши и девушки, в большинстве своем только начинавшие трудовую жизнь.

О возраставшей роли женщины на производстве в годы войны можно судить по следующим данным: удельный вес численности работниц в составе всего количества рабочих и служащих на 1 января 1940 г. составлял 38%, в том числе в промышленности — 41% [37], соответственно в 1942 г. — 53,4% и 51,6%, в 1944 г. — 57,4% и 52,9%, в 1945 г. — 55,3% и 50,9% [38].

С самого начала войны пополнение рабочими кадрами предприятий, подведомственных наркоматам военной промышленности, шло в значительной степени за счет женщин. На 15 декабря 1942 г. женщины по отношению к общему числу рабочих составили на предприятиях Наркомата боеприпасов 55,8%, Наркомата минометного вооружения — 55,4%, Наркомата вооружения — 44,0%, Наркомата авиационной промышленности — 38,3%, Наркомата танковой промышленности — 28,3% [39].

Значительно возросла численность женщин-работниц в угольной промышленности. Например, после освобождения Донбасса подготовка и обучение шахтерских кадров имели решающее значение для восстановления и эксплуатации шахт бассейна. В Донбасс были направлены десятки тысяч рабочих, в том числе тысячи женщин. На ноябрь 1944 г. в Донбассе из общего числа рабочих-эксплуатационников 41,5% составляли женщины [40]. Многие из них перевыполняли производственные задания в полтора — два раза. В Ворошиловградской области бурильщица А. Алехина выполняла норму на 270%, забойщица П. Орлова — на 187%. Значительно перевыполняли сменное задание забойщицы Сталинской области Н. Кузьменко — на 1 000%, М. Гришутина — на 1 145%, Т. Тарутина — на 800%.

В нефтяной отрасли промышленности к концу войны женщины составляли почти половину всех работающих. Например, на нефтепераба-

---

[35] «Партийное строительство», 1942, № 17—18, стр. 31—32.

[36] «Правда», 7 марта 1942 года.

[37] «Народное хозяйство СССР», стр. 191.

[38] Архив ВЦСПС. Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 года. Типогр. экз., стр. 28.

[39] Архив ГКПТО, ф. 35, оп. 3, св. 1, арх. № 4, д. 52. Приведенные данные охватывают около 80% общего количества рабочих и служащих в предприятиях наркоматов, проводивших учет.

[40] Архив ВЦСПС, ф. 1, Отдел информации (пленумы), 1944 г., д. 48, л. 128.

тывающих заводах они составили 60% от общей численности всех рабочих [41].

Удельный вес женщин среди рабочих предприятий тяжелого машиностроения достиг 42,8% (по состоянию на 1 января 1945 г.). По отдельным заводам этот процент был значительно выше: Иркутский — 50,8%, Нязе-Петровский — 58,3%, Алма-Атинский — 57,7%, Невский имени В. И. Ленина — 60,9% [42].

В станкоинструментальной промышленности до войны работало не более 30% женщин, а к концу войны они составляли здесь половину всех работающих [43].

Женский труд, широко использовавшийся на предприятиях легкой промышленности, в ходе войны стал применяться здесь в еще более широких масштабах. Так, на предприятиях хлопчатобумажной промышленности Московской и Ленинградской областей к концу войны 90% всех рабочих составляли женщины [44].

Вовлечение женщин в промышленность сопровождалось не только количественным ростом, но и качественными изменениями женского труда. Женщины приобрели специальности формовщиков, стерженщиков, сварщиков, слесарей-лекальщиков, сборщиков станков и т. д. Удельный вес женщин среди токарей по металлу увеличился с 16% в начале 1941 г. до 33% к концу 1942 г., среди сварщиков металла — с 17 до 31%, среди формовщиков на ручной формовке — с 12 до 32%, среди формовщиков на машинной формовке — с 29 до 39%. Наконец, среди кузнецов и штамповщиков — с 11 до 50%, среди электромонтеров электроподстанций — с 32 до 50% и среди шоферов—с 3,5 до 19% [45]. В годину тяжелых испытаний весь мир воочию убедился в том, какие блестящие результаты дала та огромная созидательная и воспитательная работа, которую проделали Коммунистическая партия и Советское государство, обеспечившие полноправие женщины и широкие возможности развития всех ее творческих сил.

В военное время особенно возросла на производстве роль молодежи. В 1944 г. в угольной, металлургической промышленности, на железнодорожном транспорте работали 750 тыс. девушек [46]. К концу войны на предприятиях Наркомата вооружения молодежь составляла около 46% к общему числу рабочих, в промышленности боеприпасов — 42%, в авиапромышленности — более 40%, на предприятиях среднего машиностроения — 55% [47]. К 1944 г. производительность труда молодых рабочих по сравнению с довоенным периодом выросла в промышленности на 40% [48]. Молодежь оказалась достойной сменой и преемницей славных традиций старших поколений рабочего класса.

Героический труд женщин и молодежи в период Отечественной войны был высоко оценен нашей партией и всем советским народом.

Существенные изменения претерпел возрастной состав рабочего класса. Если в 1939 г. рабочие и служащие в возрасте до 18 лет составляли 6% от общей численности рабочих и служащих промышленности, то в 1942 г. они составляли 15%. В то же время доля рабочих и служащих в возрасте 18—49 лет заметно уменьшилась: с 85% в 1939 г. до 73% в

---

[41] Н. Д. Араловец. Женский труд в промышленности СССР. Профиздат. 1954, стр. 105.

[42] ЦГАОР и СС, оп. 5/508, 1945 г., д. 106. Подсчитано на основании данных материалов бывшего Министерства тяжелого машиностроения (отдел рабочих кадров, труда и заработной платы).

[43] Архив ВЦСПС, ф. 112, 1945 г., д. 27, л. 35.

[44] Там же, ф. 1, Отдел информации (отчеты), 1945 г., д. 181, л. 9.

[45] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 111.

[46] Архив ЦК ВЛКСМ. Материалы к отчету ЦК ВЛКСМ XI съезду комсомола, л. 67.

[47] «Партийное строительство», 1945, № 2, стр. 12.

[48] «Молодой большевик», 1948, № 11, стр. 41.

1942 году [49]. По сравнению с предвоенным периодом значительно уменьшилось число рабочих-мужчин в возрасте от 18 до 49 лет, тогда как численность женщин-работниц в этом возрасте заметно увеличилась. То же самое можно сказать и о возрастной группе рабочих в 50 лет и старше.

Уход в армию многочисленных отрядов квалифицированных рабочих, имевших многолетний опыт работы, и вовлечение на производство новых кадров не могли не отразиться на производственном стаже промышленных рабочих. В целом по промышленности производственный стаж рабочих заметно понизился. К концу войны в промышленности большую часть составляли кадры, впервые пришедшие на производство и имевшие небольшой производственный стаж — от 6 месяцев до 3 лет.

За период Великой Отечественной войны серьезно изменился профессиональный состав промышленных рабочих. Основное внимание тогда уделялось подготовке квалифицированных рабочих для военной и других отраслей промышленности, обслуживавших нужды фронта. Это были главным образом рабочие металлообрабатывающих профессий. В то же время огромное капитальное строительство, развернувшееся в тыловых районах страны, а также восстановление в ходе войны разрушенного врагом народного хозяйства предъявляли значительный спрос на кадры строителей. Так, в общем количестве подготовленных и направленных в народное хозяйство квалифицированных рабочих из системы государственных трудовых резервов за 1941—1945 гг. рабочие металлообрабатывающих профессий составляли 45,7%, рабочие по монтажным и строительным работам, по деревообработке и по производству стройматериалов — 27,3% [50]. В широких масштабах подготовка рабочих металлообрабатывающих профессий и рабочих-строителей была развернута непосредственно на производстве. За годы войны удельный вес этих рабочих среди других профессий значительно возрос.

По отношению к общему числу рабочих ведущих профессий угольной, текстильной промышленности и строительства рабочие ведущих профессий металлообрабатывающей промышленности на 1 января 1945 г. составляли 70% [51].

Не менее важное значение придавалось в военное время подготовке квалифицированных рабочих в других ведущих отраслях промышленности — нефтяников, энергетиков и проч. За годы войны заметно сократилось количество квалифицированных рабочих ведущих профессий в легкой, текстильной, пищевой и в ряде других отраслей промышленности, предприятия которых обеспечивались кадрами во вторую очередь.

Изменения в профессиональном составе рабочих не ограничились количественным увеличением или уменьшением отдельных профессий или специальностей. В военное время произошли серьезные сдвиги в географии отдельных отраслей промышленности, а следовательно, и в профессиональном составе рабочих различных экономических районов и национальных республик страны.

Существенным образом изменилась структура уральского промышленного района. Наиболее значительным отрядом рабочих Урала являлись рабочие машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Удельный вес машиностроения в уральской промышленности составил в 1942 г. 66% против 42% в 1940 году. В период войны Урал давал до 40% всей продукции военной промышленности [52]. На Урале сложились многочисленные кадры рабочих вновь созданных отраслей

---

[49] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 112—113.

[50] Подсчитано по материалам текущего архива ГКПТО.

[51] Подсчитано на основании данных архива ГКПТО, ф. 1, оп. 41, св. 8, арх. № 32, л. 175.

[52] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 50.

машиностроения и металлообработки: танкостроителей, автомобилестроителей, станкостроителей и инструментальщиков, рабочих энергетического машиностроения, рабочих по производству шарикоподшипников, насосов, компрессоров. Вырос новый отряд рабочих по обработке и прокату цветных металлов и по производству твердых сплавов. Производство цветного проката на Урале в годы войны превзошло довоенный уровень производства на всей территории СССР [53].

Резко возросло и существенно изменило свою структуру промышленное производство Поволжья, где ведущее место также заняли машиностроение и металлообрабатывающая промышленность. Доля последней в промышленности Поволжья в 1942 г. составила 74% против 31% в 1940 году [54]. Большой рост числа рабочих этих отраслей промышленности происходил за счет формирования рабочих кадров новых профессий: самолетостроителей и строителей авиамоторов, автомобилестроителей, рабочих по производству локомобилей, шарикоподшипников. В Поволжье на базе заново созданной крупной газовой промышленности вырос многочисленный отряд рабочих-газовщиков.

Наибольший количественный рост промышленных рабочих Западной Сибири имел место в машиностроении и металлообработке, в которых выпуск продукции увеличился в 1942 г. против уровня 1940 г. в 7,9 раза и в 1943 г.— в 11 раз [55]. Например, к 1945 г. численность промышленных рабочих по Новосибирской области увеличилась в 1,4 раза, в том числе по Новосибирску — в 2,3 раза по сравнению с 1940 г., тогда как численность рабочих машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности возросла соответственно в 2,8 и 3,8 раза [56]. В промышленности Алтайского края рабочие этих отраслей составляли в 1946 г. 41,3% от общей численности индустриальных рабочих края против 21,9% в 1940 году [57]. В Западной Сибири сложились новые кадры рабочих самолетостроителей, танкостроителей, тракторостроителей, станкостроителей, а также и по изготовлению шарикоподшипников, мотоциклов, инструмента и электротехники. Кроме того, сформировались кадры рабочих по производству качественного металла и ферросплавов, цинка, алюминия и олова.

Глубокие изменения произошли в промышленности и рабочем классе среднеазиатских республик и Казахстана. Здесь на базе эвакуированных заводов были созданы крупные металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия. Для создания металлургической базы в республике развернулось строительство предприятий черной металлургии. В формировании промышленных кадров в Казахстане и Средней Азии большую помощь оказывали коллективы предприятий Урала и Сибири.

За годы войны на предприятиях черной металлургии восточных районов для металлургических заводов Узбекистана и Казахстана было подготовлено 4,5 тыс. рабочих [58]. Многое сделали и местные кадры квалифицированных рабочих, выросшие в республиках в период предвоенных пятилеток. Подобная взаимопомощь и товарищеское сотрудничество возможны только в условиях социалистического строя и немыслимы при капитализме.

В результате огромной организаторской и воспитательной деятельности Коммунистической партии за годы войны в среднеазиатских республиках и Казахстане выросли кадры рабочих металлообрабатываю-

---

[53] Там же, стр. 51.
[54] Там же, стр. 49.
[55] Там же, стр. 52.
[56] «Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска». Новосибирск. 1957, стр. 23.
[57] «Народное хозяйство Алтайского края». Барнаул. 1958, стр. 17.
[58] ЦГАОР и СС, ф. 8, оп. 5, д. 3, л. 273. По материалам архива бывшего Министерства черной металлургии СССР.

щей и добывающей промышленности. В состав рабочего класса республик влились новые отряды рабочих черной металлургии, различных отраслей военной промышленности, рабочих по производству алюминия, по добыче свинца, вольфрамовой руды, молибдена. За годы войны количество рабочих на эвакуированных в Казахскую ССР предприятиях военной промышленности утроилось и составляло десятки тысяч человек. Только для этих предприятий за период войны было подготовлено около 19 тыс. рабочих из местного населения [59].

Индустрия закавказских республик пополнилась новыми кадрами рабочих машиностроительной, металлообрабатывающей, нефтяной промышленности и черной металлургии. Так, в 1945 г. численность рабочих в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности Грузинской ССР составляла 24,5% от общей численности рабочих республики (против 15,8% в 1940 г.). За этот же период удельный вес рабочих металлургической, марганцеворудной, угольной и нефтяной промышленности, электростанций и электросети увеличился с 8,6% до 10,8% [60].

Таким образом, огромные сдвиги, происшедшие в период Отечественной войны в географии промышленности, оказали серьезное влияние на изменение профессионального состава рабочего класса отдельных областей и республик СССР. Создание новых отрядов рабочих кадров из местного населения восточных областей, союзных и автономных республик страны имело огромное политическое и военно-хозяйственное значение.

Переход предприятий на производство оборонной продукции, дальнейшее развитие техники и изменение технологических процессов, а также многочисленное пополнение рабочего класса оказали существенное влияние на квалификационный состав и культурно-технический уровень промышленных рабочих.

За 1941—1945 гг. для промышленности вновь было подготовлено более 14 млн. рабочих. Основной формой обучения на производстве являлся индивидуально-бригадный метод. При этой форме обучения новичок получал практические навыки непосредственно на рабочем месте. Обучением занимались кадровые рабочие, передовики производства, мастера, инженеры и техники. В условиях острого недостатка рабочих кадров это был наиболее рациональный метод обучения.

Подготовка рабочих в годы войны была сложным и трудным делом. Наряду с достижениями в ней имелись и большие недостатки. Так, обеспечение кадрами военной и кооперированных с ней отраслей промышленности происходило главным образом за счет подготовки рабочих-операционников, уровень квалификации которых был недостаточно высоким. Объем специальных теоретических знаний, которые получали новички, был невелик. Эти недостатки имели место и в учебных заведениях трудовых резервов.

Восполнение кадров рабочих взамен ушедших в армию в первые месяцы войны было завершено в основном к концу 1942 года. Начиная с 1943 г. особое значение приобретает задача повышения квалификации нового пополнения непосредственно на производстве. Для рабочих были введены специальные теоретические занятия в виде техминимума. Рабочие изучали смежные операции, учились налаживать свой станок, овладевали вторыми профессиями. В этом направлении была проделана огромная работа.

Однако, несмотря на организацию в широких масштабах производственного обучения в ходе войны, уровень производственной квалификации промышленных рабочих в целом несколько снизился.

---

[59] «Народное хозяйство Казахской ССР за 25 лет». Алма-Ата. 1945, стр. 47.
[60] «Народное хозяйство Грузинской ССР», стр. 33.

За годы войны в ряде отраслей промышленности заметно уменьшилось количество квалифицированных и высококвалифицированных рабочих. Для подготовки этих рабочих взамен ушедших в армию требовалось время. Так, если в мае 1941 г. по Наркомату тяжелого машиностроения рабочие 5—8-го разрядов составляли 39,5%, то в январе 1945 г.—31,9%, по Наркомату минометного вооружения соответственно — 36,5 и 32,6%, по Наркомату электропромышленности — 39,4 и 32,2% [61].

В результате увеличения удельного веса рабочих средней квалификации и уменьшения удельного веса рабочих 5—8-го разрядов в промышленности к концу войны наблюдалось понижение среднего тарифного разряда рабочих. Так, в мае 1941 г. средний тарифный разряд по Наркомату тяжелого машиностроения составлял 4,2, а в январе 1945 г.— 4,1, Наркомату минометного вооружения соответственно — 4,1 и 4,0, Наркомату электропромышленности — 4,2 и 4,0. По предприятиям Наркомата среднего машиностроения, несмотря на приход новых рабочих, не имевших квалификации, удельный вес квалифицированных и высококвалифицированных рабочих несколько увеличился — с 40,9% в 1941 г. до 43,9% к началу 1945 года. Соответственно за этот период по наркомату возрос средний тарифный разряд рабочих — с 4,3 до 4,5 [62].

Основными причинами понижения квалификационного уровня рабочих ряда отраслей промышленности в годы войны являлись, во-первых, значительное обновление состава рабочих кадров, пополнение промышленности необученными и малоквалифицированными рабочими и, во-вторых, обучение рабочих по узкоспециализированной программе.

В деле подъема культурно-технического уровня рабочих большое значение имеет их общеобразовательная и профессиональная подготовка. Однако в условиях военного времени дальнейшее повышение общеобразовательного и технического уровня рабочих было сопряжено с большими трудностями. В начале войны общеобразовательная подготовка рабочих была почти свернута. Резко сократилась сеть заочных и вечерних высших и средних специальных учебных заведений, а также общеобразовательных средних школ для обучения без отрыва от производства. Значительная часть молодежи, поступившая на производство в этот период, вынуждена была прекратить занятия в общеобразовательных школах. Это привело к тому, что среди рабочей молодежи увеличилось число лиц, не имевших семилетнего и среднего образования.

Учитывая, что снижение уровня общеобразовательной подготовки и недостаток специальных теоретических знаний серьезно сказывались на повышении производственной квалификации и общем культурно-техническом росте нового пополнения рабочих, партия и правительство, несмотря на трудности военного времени, в 1943 г. предприняли ряд мер для повышения общеобразовательного уровня молодых рабочих. Так, в целях обеспечения подросткам, занятым на производстве, возможности продолжать образование без отрыва от производства СНК СССР постановлением от 15 июля 1943 г. создал семилетние и средние общеобразовательные школы рабочей молодежи [63]. К 1945 г. в этих школах обучались сотни тысяч молодых рабочих.

В годы войны рабочие кадры, сыгравшие выдающуюся роль в обеспечении коренного перелома в работе тыла и в дальнейшем наращивании военно-экономической мощи страны, проделали в своем развитии огромный качественный скачок. К концу войны это были уже не те в большинстве своем малоопытные рабочие, поступившие на производство в на-

---

[61] Архив ВЦСПС. Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 года. Типогр. экз., стр. 29.
[62] Там же.
[63] «Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей». М. 1943, стр. 13.

чальный период войны, это были уже кадры опытных, политически и профессионально зрелых рабочих.

Война не приостановила бурного процесса развития творческих сил рабочего класса. Напротив, в военное время активность и инициатива рабочего класса, в том числе и его нового пополнения, получили широчайший размах.

Всемерно поощряя новаторство передовиков производства, Коммунистическая партия и Советское правительство стремились поднять производительность труда основной массы рядовых рабочих.

Творчество рабочего класса с особой силой проявилось в период Всесоюзного социалистического соревнования, начавшегося в мае 1942 года.

В 1943 г. наблюдается новый поворот в развитии творческой инициативы рабочего класса в сторону резкого улучшения качественных показателей производства. Лозунг Коммунистической партии «С меньшим числом рабочих давать больше продукции», который был выдвинут еще в начале войны, стал определяющим в борьбе за дальнейшее совершенствование производства.

К 1944 г. в результате огромных усилий партии и правительства по повышению квалификации новых рабочих и широко развернувшегося Всесоюзного социалистического соревнования производственно-технический уровень кадров значительно вырос. Заметно увеличилось число рабочих, показывающих образцы высокопроизводительного труда. Только за год, с мая 1942 г. по апрель 1943 г., число передовиков увеличилось в авиационной промышленности на 22%, в электропромышленности — на 20%, на заводах минометного вооружения удельный вес передовых рабочих поднялся с 48% до 95%, а на заводах среднего машиностроения — с 53% до 75% [64].

В большинстве отраслей промышленности число рабочих, не выполнявших производственных норм в начальный период войны и последующие годы, значительно уменьшилось. С мая 1942 г. до конца войны процент рабочих, не выполнявших нормы выработки, снизился примерно в два раза, а по некоторым отраслям промышленности — еще больше. Так, по промышленности вооружения в апреле 1942 г. не выполняли норм 22% рабочих, а в мае 1945 г.— всего только 8%. По промышленности боеприпасов количество этих рабочих с 24% в 1942 г. понизилось до 12% в 1945 г., по судостроению — с 15% до 7%, по станкостроению — с 22% до 13%, по среднему машиностроению — с 21% до 9%. В авиационной промышленности к концу войны не выполняло норм выработки лишь 6% рабочих (это был самый низкий процент) [65].

О возросшей профессиональной зрелости промышленных рабочих в 1943—1945 гг. свидетельствовал неуклонный рост производительности труда.

За два года Всесоюзного социалистического соревнования, с апреля 1942 г. по апрель 1944 г., производительность труда в промышленности СССР поднялась на 40%, а в оборонной — еще выше. Так, в авиационной промышленности производительность труда за это время повысилась на 47%, в танковой — на 48%, в промышленности боеприпасов — на 54% [66].

К середине 1944 г. в трудовой деятельности промышленных рабочих наметился новый этап — развернулась борьба за наиболее полное использование резервов производства. На первый план выступили вопросы организационно-технического характера. Главным условием для этого

---

[64] См. журнал «Большевик», 1943, № 23—24, стр. 16.
[65] Архив ВЦСПС, ф. 1, Отдел заработной платы, 1945 г., д. 1, л. 22.
[66] См. журнал «Партийное строительство», 1944, № 23—24, стр. 10.

был громадный производственный опыт, который накопили к этому времени рабочие.

Небывалый подъем творчества и изобретательства рабочих, инженеров, техников и служащих к концу Отечественной войны имел место буквально во всех отраслях промышленности.

В большинстве своем вновь пришедшие рабочие не только быстро овладевали новыми техническими методами, но и являлись продолжателями той технической революции, которая в мирные годы была начата пионерами стахановского движения. Движение рационализаторства и изобретательства в период Отечественной войны явилось ярким показателем высокой сознательности, коммунистического отношения к труду рабочего класса нашей страны. Оно содействовало техническому прогрессу в промышленности, внедрению новейших типов машин и механизмов во все отрасли народного хозяйства, развитию поточных методов производства. Творческое содружество рабочих, инженерно-технических работников и ученых в годы войны, окруженное повседневным вниманием Коммунистической партии и Советского правительства, имело огромное значение для культурно-технического роста рабочих кадров, повышения их творческой инициативы. «Весь мир воочию увидел,— говорил М. И. Калинин,— что в самые тяжелые для государства моменты у нас необыкновенно широко, разносторонне и эффективно развернулись творческие силы, инициатива и изобретательность нашего богато одаренного народа. И все это сказалось не только в самом ведении войны, но буквально во всех отраслях жизни государства» [67].

★

Для периода Великой Отечественной войны характерны те же общие закономерности в изменении количественного и качественного состава промышленных рабочих, которые вообще присущи социалистическому обществу. Однако в условиях военного времени выявился и ряд особенностей в изменении численности и состава рабочего класса.

Несмотря на значительное сокращение рабочих в народном хозяйстве и уменьшение трудовых ресурсов в стране в первый период войны, партия и правительство в 1943—1945 гг. обеспечили постоянный рост промышленных кадров. За период с 1943 по 1945 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилась на 8,9 млн. человек, в том числе в промышленности — на 2,5 миллиона. В 1945 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР достигла 27,3 млн. человек, в том числе в промышленности — 9,5 млн. [68], что соответственно составляло 87,5% и 86,4% к уровню 1940 года. Успешное решение проблемы роста промышленных кадров в столь тяжелых для нашей страны условиях явилось одним из ярчайших проявлений преимуществ социалистического строя.

Используя неисчерпаемый источник творчества и трудового героизма широких масс рабочего класса, Советское государство одержало всемирно-историческую победу в Отечественной войне.

Неустанная забота партии и правительства об увеличении численности рабочего класса и его качественном росте, несмотря на огромные трудности военного времени, являлась составной частью обширной программы, направленной на разгром врага, составной частью решения основных политических и военно-хозяйственных задач периода Великой Отечественной войны.

---

[67] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи. М. 1958, стр. 260—261.

[68] См. «Народное хозяйство СССР», стр. 190.

СОВЕТСКИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Г. А. Куманев

В ожесточенной борьбе с фашистской Германией советский народ и его Вооруженные Силы одержали всемирно-историческую победу. Огромный вклад в дело победы внесли наши железнодорожники, показавшие себя в военных условиях передовым, сплоченным отрядом рабочего класса Советского Союза.

Трудовая деятельность железнодорожников в военные годы нашими историками исследовалась мало.

В научной литературе послевоенных лет некоторые вопросы истории железнодорожного транспорта в 1941—1945 гг. нашли отражение в экономических работах Н. А. Вознесенского, Т. С. Хачатурова, Л. М. Гатовского, И. В. Ковалева, А. Г. Напорко и др.[1].

В настоящей статье сделана попытка показать, как советские железнодорожники под руководством Коммунистической партии, преодолев гигантские трудности, сумели в ходе войны решить задачи обеспечения фронта и тыла. Учитывая сложность и неразработанность многих важных вопросов, автор, разумеется, не претендует на исчерпывающее освещение всех сторон рассматриваемой проблемы.

★

В. И. Ленин называл железные дороги «одной из главнейших баз всей нашей экономики» и считал, что без железных дорог «современная война есть пустейшая фраза»[2].

В годы предвоенных пятилеток в соответствии с указаниями В. И. Ленина под руководством Коммунистической партии проводилась коренная социалистическая реконструкция нашего железнодорожного транспорта. Был капитально отремонтирован путь на протяжении 3 900 км, заменено 32 800 км рельсов легкого типа на более тяжелые, расширено и реконструировано значительное число железнодорожных узлов и станций. На электротягу были переведены наиболее трудные, грузонапряженные участки на Пермской, Свердловской, Сталинской, Кировской, Томской и Закавказской железных дорогах, что позволило увеличить их пропускную способность в 2—3 раза[3]. Железнодорожный транспорт за это время получил 11 852 локомотива, в том числе мощные паровозы серии «ФД», «ИС», «СО», 284 134 вагона, из них 166 857 боль-

---

[1] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполитиздат. 1947; Т. С. Хачатуров. Железнодорожный транспорт СССР. М. 1952; Л. Гатовский. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. Госполитиздат. 1946; И. В. Ковалев. Советский железнодорожный транспорт. 1917—1947. М. 1947; А. Г. Напорко. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. М. 1954.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 127; т. 27, стр. 43.

[3] Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Т. 15, 2-е изд., стр. 628.

шегрузных [4]. Общая тяговая сила паровозов и грузоподъемность парка грузовых вагонов к началу Великой Отечественной войны выросли более чем в 2½ раза по сравнению с 1913 годом [5].

Наряду с технической реконструкцией старых магистралей форсированными темпами осуществлялось железнодорожное строительство. Было построено 13 412 км новых железнодорожных линий и 9 100 км вторых путей [6], в том числе Туркестано-Сибирская дорога, участки: Троицк — Карталы — Орск, Агинск — Абакан, Петропавловск — Караганда, Караганда — Бертыс и многие другие. Протяженность железнодорожных магистралей в нашей стране выросла к 1940 г. до 106,1 тыс. км против 58,5 тыс. км, которыми располагала дореволюционная Россия в 1913 году [7].

С первых дней Великой Отечественной войны перед железнодорожниками встали сложнейшие задачи как по обеспечению воинских перевозок, так и по обслуживанию нужд народного хозяйства. Для их успешного решения необходимо было резко увеличить пропускную способность магистралей, ускорить оборачиваемость подвижного состава, а также срочно построить ряд новых линий и веток.

Война создала на железных дорогах страны небывалые трудности: возросла загрузка станций и узлов ближнего тыла, сильно изменилось направление грузовых потоков, что, в свою очередь, вызвало значительное перемещение кадров, а также перераспределение парка подвижного состава и т. д. Вражеская авиация стремилась разрушить железнодорожные линии, узлы, станции, крупные мосты и тем самым парализовать работу наших прифронтовых и тыловых дорог. Интенсивность воздушных налетов на железнодорожные объекты до ноября 1941 г. непрерывно повышалась [8]. Фашистские самолеты в 1941—1942 гг. сбросили только на важнейшие транспортные узлы СССР свыше 400 тыс. бомб, в том числе на Мурманск — 62 тыс., на Гомель — 4 тыс., на Коростень и Дарницу — по 2 тыс. [9]. Однако работа наших узлов и станций даже после самых ожесточенных налетов никогда не прекращалась более чем на 8 часов [10].

Работа транспорта осложнялась и тем, что одновременно с воинскими перевозками проходила эвакуация в восточные районы страны из зоны военных действий населения, важнейших промышленных предприятий, транспортных средств, материалов и сырья.

16 августа 1941 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли «Военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 и на 1942 г., который предусматривал ускорение сроков перевода на восток промышленных объектов наркоматов боеприпасов, вооружения, авиационной промышленности и других отраслей народного хозяйства. Это было беспримерное в истории перемещение производительных сил страны. По данным переписи НКПС, с начала эвакуации по 20 ноября 1941 г. было погружено 914 380 вагонов [11].

Хотя эвакуация в подобных размерах и не предусматривалась планом, наши железнодорожники с июля по декабрь 1941 г. перевезли около

---

[4] И. В. Ковалев. Железнодорожный транспорт в новой сталинской пятилетке. М. 1946. стр. 6. На 1 января 1940 г. рабочий парк на железнодорожном транспорте СССР составлял 25 115 паровозов и 632 257 вагонов. Центральный архив Министерства путей сообщения (ЦА МПС), ф. 33а, оп. 30, св. 1, д. 7, л. 35.

[5] БСЭ. Т. 15, стр. 628.

[6] И. В. Ковалев. Железнодорожный транспорт в новой сталинской пятилетке, стр. 6.

[7] «Транспорт и связь СССР». Статистический сборник. М. 1957, стр. 28.

[8] Журнал «Тыл и снабжение Красной Армии», 1942, № 4—5, стр. 36.

[9] И. В. Ковалев. Советский железнодорожный транспорт, стр. 68.

[10] И. В. Ковалев. Железнодорожный транспорт в новой пятилетке. М. 1946, стр. 7.

[11] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 968, св. 12, д. 57, л. 17.

1 500 тыс. вагонов самых необходимых грузов в районы Урала и Сибири [12], что позволило спасти от разрушения и захвата противником значительную часть промышленного оборудования.

Коммунистическая партия и Советское правительство провели большую работу по перестройке железнодорожного транспорта на военный лад. Началом перестройки явился перевод движения поездов на особый воинский график, что означало быстрейшее продвижение в первую очередь воинских грузов. Перевозки, не имевшие оборонного значения, в том числе пассажирские, были сокращены. Воинский график предоставил железнодорожникам возможность обеспечить с первых месяцев войны бесперебойную связь фронта и тыла.

В условиях военных действий по-новому решался вопрос о партийно-политической работе на транспорте, ибо ее прежние формы и методы не отвечали чрезвычайной обстановке. Необходимо было приблизить политическое руководство и партийный контроль к низовым звеньям железнодорожного транспорта. Война значительно повысила ответственность партийных организаций как в политической, так и в производственной областях. Политотделы и партийные организации мобилизовали всех железнодорожников на быстрейшее выполнение заданий фронта. Они проводили разъяснительную работу по повышению революционной бдительности и организованности тружеников транспорта.

Политотделы дорог и отделений пересмотрели состав агитколлективов, пополнили их опытными в политическом отношении людьми. Сюда были привлечены представители интеллигенции, руководящие советские работники, а также широкая общественность. Если накануне Великой Отечественной войны в рядах агитколлективов Горьковской железной дороги состояло 2 тыс. человек, то уже в сентябре 1941 г. число агитаторов увеличилось до 2 500 [13].

Особенно расширилась с начала войны агитационная работа среди путейцев фронтовых и прифронтовых дистанций.

В развертывании политико-воспитательной деятельности большую роль сыграли агитпункты, которые создавались на многих предприятиях, заводах, при домоуправлениях и т. д. Только на Казанской магистрали к сентябрю 1941 г. было открыто 43 агитпункта, где работало 276 квалифицированных докладчиков и 540 агитаторов. За два месяца войны на дороге было прочитано 486 лекций и докладов, на которых присутствовало более 25 тыс. человек [14].

Для оказания помощи партийным организациям в проведении политической работы при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) были созданы пропагандистские группы. В агитации и пропаганде активное участие принимали члены Центрального Комитета, виднейшие партийные и государственные деятели. Перед советскими железнодорожниками выступали М. И. Калинин, А. С. Щербаков, Е. М. Ярославский и другие.

Политическая агитация сыграла выдающуюся роль в мобилизации железнодорожников на выполнение задач военного времени.

С громадным напряжением работал железнодорожный транспорт во время битвы под Москвой. Судьба нашей столицы во многом зависела от быстроты и слаженности работы советских железнодорожников. Защищая Москву, патриоты-железнодорожники проявили массовый героизм. Многие диспетчеры стали широко применять так называемый караванный способ пропуска эшелонов, когда один поезд следовал за другим на расстоянии видимости сигналов впереди идущего состава.

---

[12] «Правда», 6 августа 1945 года.

[13] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 111, оп. 1, д. 10, л. 174.

[14] Там же, оп. 12, д. 6, л. 136.

В создавшейся обстановке такое движение часто было единственным средством незамедлительной доставки воинских грузов к фронту.

Во время обороны Москвы по пяти дорогам (Горьковской, Казанской, Ленинской, Ярославской, Московско-Окружной), обслуживавшим этот фронт, было доставлено более 30% всех воинских грузов, перевезенных в этот период по всей железнодорожной сети СССР [15].

1942 год был особенно труден для транспорта. Чтобы преодолеть все препятствия и обеспечить нужды фронта и тыла, потребовалось напряжение всех сил огромного коллектива железнодорожников.

В первые годы войны выдвинулся ряд новаторов транспорта: Н. А. Лунин, Н. И. Еремин, В. И. Болонин, В. Т. Осипов, Ф. Козлов и др.,— примеру которых следовали сотни и тысячи рабочих. В мае 1942 г. на железнодорожном транспорте, как и во всех отраслях народного хозяйства, развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование. Включаясь в него, советские железнодорожники пересматривали свои планы и возможности, нормы использования сырья и материалов, вносили серьезные коррективы в расстановку рабочей силы и т. д. Это не замедлило сказаться на производительности труда. Если в июне по дорогам Московского узла было представлено в НКПС для награждения 84 предприятия и 116 лучших цехов, смен, бригад, паровозов, то в ноябре 1942 г. таких предприятий было 126, а лучших цехов, смен, бригад и паровозов — 163 [16].

Центральным событием второй половины 1942 г. была Сталинградская битва. В условиях непрерывного артиллерийского обстрела и воздушных налетов наши железнодорожники, проявив немеркнущий героизм, вдвое и втрое увеличили размеры перевозок. Только на участке Поворино — Иловля они добились усиления пропускной способности с 32 поездов в сутки (довоенная максимальная пропускная способность участка) до 44. О масштабах работы магистралей, обслуживавших сталинградскую операцию, можно судить по таким данным: в декабре 1942 г. 46% всех оперативных эшелонов, выгруженных на фронтах, приходилось на долю сталинградских фронтов [17]. Беспримерную стойкость и мужество проявили работники Сталинградского узла. В августе 1942 г. в их распоряжении остался лишь небольшой участок дороги Бекетовская — Шпалопропиточная, не занятый врагом. Несмотря на это, работники Сталинградского узла за короткий срок провели на Котельниковский участок Южного и Донецкого фронтов 120 поездов с воинскими грузами [18]. Сутками не сходили с паровозов машинисты А. И. Покусай, П. Н. Колдин, А. А. Янковский, Д. И. Иванилов, А. И. Пузанов, Н. Н. Атаманов, Н. А. Носов, А. И. Рыжов, поездной вагонный мастер колонны особого резерва № 7 А. В. Глебов и многие другие. В дни Сталинградской битвы впервые получили массовое применение паровозные колонны особого резерва НКПС, созданные по решению ГКО в сентябре 1942 года [19]. Став подвижными военизированными соединениями транспорта, эти колонны заняли ведущее место в работе прифронтовых дорог. Для подвоза войск и боевой техники в район Сталинграда была сооружена специальная железнодорожная линия Саратов — Иловля. Эта ветка вдоль правого берега Волги была построена в течение трех месяцев. Ее эксплуатация дала возможность резко увеличить воинские перевозки с севера на юг, ускорить подготовку операции.

Комплексное применение передовых методов труда, массовый героизм советских железнодорожников, руководимых Коммунистической

---

[15] Журнал «Железнодорожный транспорт», 1947, № 11, стр. 36.
[16] Центральный архив ВЦСПС (ЦА ВЦСПС), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 19, л. 65.
[17] «Железнодорожный транспорт», 1945, № 2—3, стр. 12; 1947, № 11, стр. 37.
[18] ЦПА ИМЛ. ф. 17. оп. 1, д. 1763, л. 28.
[19] ЦА ВЦСПС, ф. 161, оп. 10, ед. хр. 4, л. 64.

партией, позволили нашему транспорту справиться с колоссальной нагрузкой первого периода войны. Тем самым была создана одна из необходимых предпосылок для победы над врагом.

Историческая битва у стен Сталинграда ознаменовала начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Подорвав боеспособность гитлеровской армии, советские войска приступили к изгнанию немецко-фашистских захватчиков из пределов нашей страны.

Хотя к началу 1943 г. эвакуация промышленности и материальных ценностей была прекращена, требования к железнодорожному транспорту не уменьшились. «Теперь он должен выполнять работу,— отмечалось в передовой журнала «Партийное строительство»,— еще более сложную — по обслуживанию народного хозяйства, перемещенного на Восток, и по связям волжского, уральского и сибирского тылов с фронтом, который удаляется и должен все более и более удаляться на запад» [20].

Развивавшееся военное хозяйство страны также предъявляло высокие требования к работе транспорта. В 1942 г. наша экономика была полностью переведена на военные рельсы. Многие промышленные объекты изменили свой профиль и освоили выпуск продукции, необходимой для фронта. Все это привело к изменению технологических процессов, переходу на другое сырье, к новой системе кооперирования и специализации предприятий. С декабря 1941 по декабрь 1942 г. производство самолетов в СССР возросло в 3,3 раза, авиационных моторов — в 5,4 раза, танков — вдвое, а танковых моторов — в 4,6 раза [21]. В силу сложившейся обстановки Советскому Союзу пришлось создавать слаженное военное хозяйство в несравненно более тяжелых условиях, чем какой-либо другой стране.

Однако для непрерывного роста и совершенствования боевой техники мало было перестроить действующие предприятия и ввести в строй эвакуированное оборудование. Необходимо было развернуть строительство новых промышленных объектов, и притом в крупных масштабах. По данным Промбанка, в 1942 г. насчитывалось 10 315 новостроек [22].

В связи с этим коренным образом изменились размеры и направления грузовых потоков на магистралях Поволжья, Урала и Сибири. Заметно оживилось движение поездов на многих направлениях, в прошлом игравших второстепенную роль.

Задача дальнейшего развития военного производства прежде всего должна была решаться путем ускоренного роста топливно-энергетической, металлургической и транспортной базы военной индустрии. Исходя из этого, по решению партии и правительства более 75% капиталовложений в 1943 г. направлялось на строительство главных объектов тяжелой и оборонной промышленности и транспорта [23]. Железные дороги должны были обеспечить бесперебойность потока военно-хозяйственных грузов, преодолевая серьезные трудности, вызванные войной.

В 1942 г. вследствие резкого уменьшения действовавших магистралей наблюдалось снижение важнейших эксплуатационных показателей, были большие потери рабочего парка, сократилась ремонтная база, не хватало квалифицированных кадров и т. д. Все это сказывалось на работе транспорта и в 1943 году. Другая трудность заключалась в том, что по мере продвижения наших войск на запад снабжение наступавших частей осуществлялось и по освобожденным железнодорожным

---

[20] «Партийное строительство», 1943, № 1, стр. 4.

[21] В. К. Высоцкий, А. С. Таралов, К. П. Терехин. Тыл Советской Армии за 40 лет. М. 1958, стр. 37.

[22] «Советская социалистическая экономика. 1917—1957 гг.». Сборник статей. Госполитиздат. 1957, стр. 268.

[23] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М. 1950, стр. 518.

участкам, восстановление которых (особенно в зимнее время) было нелегким делом и требовало исключительной оперативности и организованности как от железнодорожных войск, так и от восстановительных организаций НКПС. К тому же объем восстановительных работ непрерывно возрастал. Только с января по апрель 1942 г. под Москвой было введено в строй более 4 тыс. км пути [24].

Успешно выполнить небывалые по размерам перевозки в 1943 г. можно было только посредством улучшения эксплуатационных показателей важнейших коммуникаций страны. С этой целью ЦК ВКП(б) и СНК СССР в январе приняли меры к улучшению работы дорог Урало-Сибирского направления [25]. Наркомату путей сообщения разрешалось за счет увеличения числа воинских и оперативных поездов до 1 марта 1943 г. несколько сократить размеры пассажирского движения, что позволило усилить грузопоток в направлении фронта.

Руководствуясь указаниями Центрального Комитета, местные партийные организации стали глубже вникать в деятельность железных дорог, оказывать конкретную помощь железнодорожникам. Так, решением бюро МК и МГК ВКП(б) от 29 января 1943 г. на постоянную работу в паровозные депо и склады топлива Московского железнодорожного узла к началу февраля 1943 г. было направлено 1 990 рабочих [26]. Устанавливалось круглосуточное дежурство работников политотделов, узловых парткомов и парторганизаций на складах топлива, контрольных постах по выдаче паровозов, в депо, пунктах набора воды и т. д. [27]. В порядке оперативной поддержки железных дорог по бесперебойному продвижению поездов и разгрузке вагонов в течение февраля — марта свыше 30 руководящих партийных работников Москвы было прикреплено к важнейшим узловым станциям и отделениям Московского узла [28].

На решающие участки Горьковской дороги обком командировал своих членов, секретарей и работников райкомов и горкомов партии, партийный актив железнодорожников. На Горьковскую магистраль было направлено 300 партийных активистов, которые провели там большую организационную и политическую работу [29].

В ходе зимнего наступления Красной Армии в 1943 г. советские железнодорожники сумели решить важнейшие задачи по воинским перевозкам. Еще в период, когда завершалась ликвидация фашистских армий под Сталинградом, Верховное командование возложило на железнодорожный транспорт задачу — осуществить переброску крупных резервов наших войск в район Воронежа и среднего течения Дона для дальнейшего развертывания зимнего наступления. Это задание советские железнодорожники выполнили с честью, одновременно пропустив значительное количество снабженческих грузов, скопившихся на дорогах (особенно на Куйбышевской магистрали) из-за начавшихся крупных оперативных перевозок.

Своевременная переброска воинских частей, техники и вооружения на решающие направления советско-германского фронта дала возможность нашим войскам зимой 1942/43 г. полностью изгнать немецко-фашистских захватчиков с Дона, Северного Кавказа, Кубани, прорвать блокаду Ленинграда, освободить часть Донбасса, Ростов, Воронеж, Курск и ряд других крупных городов. Зимняя кампания 1942/43 г. наглядно продемонстрировала преимущества советского военного искусства и изменила соотношение сил на советско-германском фронте в пользу Красной Армии. Однако победа наших войск еще не означала, что гит-

[24] «Гудок», 13 июля 1945 года.
[25] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 1, св. 3, д. 4, л. 105.
[26] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1301, л. 15.
[27] Там же, л. 16.
[28] Там же, лл. 17—18.
[29] «Гудок», 12 февраля 1943 года.

леровская армия полностью обессилена и обескровлена. Предстояли еще серьезные бои.

Сложившаяся к весне 1943 г. обстановка в стране выдвинула перед железнодорожниками новые ответственные задачи. Итоги работы железнодорожного транспорта в I квартале 1943 г. показали, что в его деятельности наряду с успехами имели место и существенные недостатки: нарушался график движения поездов [30], отдельные железные дороги не выполняли плана перевозок важных грузов. Только Московско-Окружная дорога в феврале ежедневно недодавала фронту и промышленности по 15—20 поездов [31]. Как правило, на большинстве магистралей страны техническая скорость движения поездов не соответствовала нормативам. В марте 1943 г. на железнодорожном транспорте Советского Союза она составила 89% нормы [32].

Одной из главных причин такого положения явилось ослабление дисциплины на отдельных участках железных дорог. Это объяснялось тем, что некоторые партийные и профсоюзные организации не уделяли должного внимания массово-политической и воспитательной работе с кадрами, в особенности с новым пополнением, ослабили производственный контроль, не занимались проверкой принятых обязательств и т. д.

Центральный Комитет партии и Советское правительство, считая, что любое отставание железнодорожного транспорта могло принести непоправимый вред делу обороны страны, приняли решительные меры по наведению здесь строгого порядка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. железнодорожный транспорт Советского Союза был объявлен на военном положении. Одновременно с этим постановлением СНК СССР был утвержден новый устав, способствовавший укреплению дисциплины рабочих и служащих на железнодорожном транспорте [33].

Центральный Комитет ВКП(б) потребовал от обкомов и горкомов партии установить действенный контроль за осуществлением данного указа и усилить повседневную помощь руководителям транспортных организаций в их работе по укреплению дисциплины и выполнению планов воинских и народнохозяйственных перевозок.

Партийные, профсоюзные и комсомольские организации транспортников за короткий срок провели огромную разъяснительную работу, поднимая массы на решение первоочередных военно-хозяйственных задач. Только на Свердловской магистрали парторганизациями было создано 426 кружков по изучению названного указа и устава, в которых приняли участие более 12 тыс. железнодорожников. В партийных кабинетах дороги устраивались выставки, читались лекции и доклады, проводились групповые консультации по вопросам дисциплины труда. Партийные активисты бывали в общежитиях и дома у рабочих, интересовались их бытом, помогали устранить те недостатки, которые мешали улучшению работы. Уже в первой декаде мая 1943 г. по сравнению с первой декадой апреля суточная погрузка на дороге возросла на 500 вагонов [34].

Железнодорожники по собственной инициативе пересматривали прежние нормы и сроки выполнения заданий, изыскивали более рациональные методы труда и принимали повышенные обязательства.

В результате введения военного положения уже к началу мая 1943 г. на всех дорогах укрепилась дисциплина, улучшилась эксплуатация подвижного состава. За полмесяца действия указа среднесуточный пробег паровозов по Союзу вырос на 20,3 км, техническая скорость —

[30] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 971, св. 25, д. 170, лл. 37, 42, 57, 69, 94, 106, 118, 135.
[31] Газета «Московский железнодорожник», 14 февраля 1943 года.
[32] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 971, св. 25, д. 170, лл. 2, 17, 37, 42, 57, 69, 94, 106, 118,135.
[33] «Гудок», 16, 28 апреля 1943 года.
[34] ЦПА ИМЛ, ф. 111, оп. 3, д. 107, лл. 267, 269, 279.

на 2,1 км/час. Намного улучшилось качество и сократились сроки ремонта паровозов, резко уменьшилось количество случаев несвоевременной подачи локомотивов [35]. Введение военного положения на транспорте положительно сказалось на выполнении графика движения поездов. Общее время опозданий товарных поездов в апреле 1943 г. сократилось по сравнению с мартом на 79 655 часов. На магистралях страны к началу мая точно по графику стали ходить все пригородные поезда [36].

В целях дальнейшего укрепления единоначалия на железных дорогах, повышения ответственности хозяйственных руководителей за состояние дел на транспорте и улучшения партийно-политической работы в конце мая 1943 г. по указанию Центрального Комитета ВКП(б) политотделы на железнодорожном транспорте были ликвидированы [37]. В условиях, когда руководящие кадры хозяйственных работников железных дорог выросли и окрепли, политические отделы, сыгравшие в свое время положительную роль, становились тормозом в улучшении руководства транспортом, так как они дублировали работу хозяйственных руководителей и тем самым снижали их ответственность за эксплуатационную деятельность железных дорог. С другой стороны, опыт показал, что при наличии политотделов некоторые райкомы и горкомы партии устранялись от руководства транспортом, не оказывали ему необходимой помощи, мало интересовались транспортными первичными парторганизациями. Решение Центрального Комитета создало возможность для устранения такого положения. Теперь территориальные партийные организации стали целиком отвечать за политическую работу на транспорте, за эксплуатационную деятельность железных дорог, неустанно содействовать повышению производительности труда железнодорожников.

С апреля 1943 г. на фронтах установилось временное затишье. Оно предвещало новые ожесточенные сражения. Гитлеровское командование стремилось во что бы то ни стало добиться реванша за сталинградское поражение. Отсутствие второго фронта позволило ему провести тотальную мобилизацию и начать переброску в Советский Союз большого числа новых соединений, оснащенных мощными танками, орудиями, усовершенствованными самолетами. Районом нового наступления противник избрал Курский участок фронта.

Красная Армия, со своей стороны, готовилась нанести сокрушительный удар по врагу и закрепить начавшийся коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Советское командование своевременно разгадало замыслы гитлеровского штаба и приняло соответствующие меры.

В районе Курского выступа необходимо было сосредоточить крупные группировки наших войск. Трудность заключалась в том, что основной объем воинских перевозок непосредственно к линии фронта можно было осуществить только по единственной и к тому же однопутной линии Касторная — Мармыжи — Курск. Гитлеровцы же имели возможности использовать для подготовки летнего наступления три железнодорожные линии (Киев — Конотоп — Льгов, Брянск — Орел — Поныри, Харьков — Белгород). ГКО 8 июня 1943 г. принял решение построить в кратчайший срок железнодорожную линию Старый Оскол — Ржава протяжением 95 километров. В ее сооружении принимали участие более 25 тыс. трудящихся Курской области [38].

---

[35] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 971, св. 1, д. 2, л. 231.

[36] Там же, св. 25, д. 170, лл. 5, 20, 40, 50, 60, 72, 97, 109, 121, 138, 139; св. 1, д. 2, л. 252.

[37] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1448, лл. 69—70. Одновременно были ликвидированы политические отделы на водном транспорте, в МТС и совхозах (там же, л. 69; ф. 88, оп. 1, д. 871, л. 21).

[38] Там же, д. 1125, лл. 64об., 218, 222; д. 1120, л. 22.

Строительство линии производилось небывалыми темпами: каждые сутки в строй вводилось 2 км готового пути. Это советские люди делали в условиях налетов фашистской авиации. По предложению Курского обкома партии ГКО сократил срок окончания строительства на 26 дней. Однако путейцы и население, занятое на сооружении линии, сдали дорогу в эксплуатацию на три дня раньше нового срока [39]. Теперь железнодорожники получили возможность применить кольцевое одностороннее движение. Поток воинских эшелонов стал следовать по линии Касторная — Мармыжи — Курск, а порожние вагоны — по направлению Курск — Ржава — Старый Оскол — Валуйки — Лиски.

В мае 1943 г. значительно активизировалось движение за увеличение числа тяжеловесных составов [40]. Это способствовало усилению пропускной способности железных дорог и обеспечению меньшим числом поездов и локомотивов все возраставшего объема перевозок.

Отвечая на первомайские призывы партии и правительства, образцы героического труда показал знатный машинист депо Курган Южно-Уральской железной дороги Иван Блинов. Устраняя загрязнение жаровых и дымогарных труб локомотива, добиваясь полного сгорания топлива, он стал ежемесячно проводить свыше 10 тяжеловесных поездов, до 6 тыс. т каждый [41]. Его примеру последовали тысячи машинистов.

По предложению передовых машинистов на железных дорогах страны начали создаваться фронтовые паровозные колонны «тяжеловесников», достигавшие отличных производственных показателей.

Новым проявлением изобретательности и инициативы передовых паровозников весной 1943 г. явилось движение за создание особого фонда наркома, который пополнялся за счет сэкономленного топлива. В числе его инициаторов выступили машинисты депо Новосибирск Алексей Дубинин, депо Тюмень Георгий Нетесин, коллектив депо Люблино. Соревнование за экономию топлива развернулось на всех магистралях страны. В результате на 27 тыловых железных дорогах уже в III квартале 1943 г. была получена экономия топлива, равная 4,6% [42].

Другим важным почином, направленным на улучшение использования паровозов, явилось внедрение кольцевой езды. Она отличается от обычного движения тем, что локомотив без захода в основное депо и топливные склады совершает несколько рейсов по одному и тому же маршруту, то есть по кольцу. Применение кольцевой езды позволило сократить простой паровоза на станции основного депо в 3—4 раза против нормы, провести при меньшем количестве паровозов больше поездов. Этот передовой метод эксплуатации локомотива применялся на дорогах страны еще в 1938 году [43]. Однако в первый период войны он не получил сколько-нибудь значительного распространения. Некоторые руководители паровозных служб считали, что кольцевая езда при дровяном отоплении паровозов якобы невозможна, что частота движения поездов не позволяет внедрить этот метод в жизнь.

В мае 1943 г. инициатором возрождения кольцевой езды выступил машинист депо Горький-Пассажирская И. С. Рыжов. Его паровоз, курсируя по кольцевому маршруту Вязники — Горький — Гороховец — Семенов — Вязники без захода на топливный склад, стал значительно перевыполнять нормы среднесуточного пробега. Руководство дороги и политотдел, одобрив почин И. С. Рыжова, выделили 6 паровозов, которые

---

[39] Там же, лл. 22, 63об.

[40] Движение машинистов-«тяжеловесников» началось еще до войны (в 1936 г.) по инициативе машиниста депо Курган И. П. Блинова. В 1943 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

[41] «Железнодорожный транспорт», 1943, № 12, стр. 45—46.

[42] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 1, св. 6, д. 13, л. 226.

[43] Там же, оп. 30, св. 1, д. 7, л. 67.

переводились на новый способ движения [44]. Об опыте машиниста-новатора стало известно на других магистралях. О том, как помогало распространение кольцевой езды выполнению графика, можно судить по работе казанских паровозников. В мае 1943 г., после внедрения указанного метода, отправление поездов по расписанию составило на Казанской железной дороге 92%, а проследование — 78,6%. По сравнению с маем предыдущего года данные показатели возросли соответственно на 45% и 53,2% [45].

Борьба советских железнодорожников за улучшение использования паровозов (скоростное вождение тяжеловесных составов, экономия топлива, внедрение кольцевой езды и другие прогрессивные методы) особенно развернулась накануне решающих сражений на фронтах Отечественной войны. Это обеспечило заметное повышение месячного пробега и общей производительности локомотивов. Время оборота паровозов по всей железнодорожной сети СССР к концу мая 1943 г. было сокращено против 1942 г. на 18,5% [46]. Такое достижение явилось результатом героических усилий не только работников паровозной службы, но и всех тружеников транспорта.

Однако эти успехи не могли полностью удовлетворить растущие запросы военной экономики страны. Возможности транспорта до конца не были использованы, особенно в паровозном хозяйстве. Много сделав для удовлетворения нужд фронта и тыла, некоторые паровозники и движенцы ослабили борьбу за увеличение полезной работы локомотивов, против простоя паровозов на промежуточных станциях и перед семафорами. Руководители ряда магистралей, располагая большим числом паровозов, вместо борьбы за наилучшую эксплуатацию паровозного парка, за улучшение ремонта паровозов при малейших затруднениях вставали на более легкий путь: они заменяли неисправные паровозы локомотивами из резервного парка. В результате значительная часть отделений паровозного хозяйства и движения продолжала работать без графика оборота паровоза. Это затрудняло своевременную доставку воинских и народнохозяйственных грузов. Ускорить оборот паровоза — такова была главная задача машинистов летом 1943 года.

Партия и правительство разработали конкретные меры по устранению недостатков. 25 июня 1943 г. Народный комиссариат путей сообщения издал приказ «Об улучшении использования паровозов и обеспечении их работы по графику оборота». В этом приказе были вскрыты серьезные ошибки советских железнодорожников, которые должны были немедленно улучшить использование локомотивов и восстановить во всех депо оборот паровозов по графику [47].

Приказ НКПС сыграл важную роль в борьбе железнодорожников за дальнейший подъем транспорта, и в первую очередь паровозного хозяйства. Партийные, профсоюзные и комсомольские организации разъясняли существо упомянутого приказа и помогали наладить организационную работу. В июле 1943 г. на всех магистралях состоялись совещания, а также собрания партийно-хозяйственных активов, посвященные задачам улучшения использования паровозов. Они вскрыли серьезные недостатки на некоторых участках дорог и приняли меры по выполнению приказа НКПС и подготовке к зимним перевозкам. Были организованы совместные встречи паровозников и движенцев, которые помогли добиться слаженности и согласованности в их работе.

Тысячи машинистов, их помощников, кочегаров, работников других служб ответили конкретными делами на решение правительства. Передовые машинисты-лунинцы на практике доказали свою готовность и уме-

[44] Газета «Волжская магистраль», 19 июня 1943 года.
[45] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 971, св. 25, д. 170, лл. 2, 17, 37, 42, 57, 69, 94, 106, 118, 135.
[46] «Гудок», 28 мая 1943 года.
[47] ЦА МПС, ф. 33, оп. 763, св. 1, д. 3, л. 171.

ние водить поезда строго по графику. Среди них в первую очередь следует назвать известного машиниста-новатора Северной железной дороги Василия Болонина. Еще в начале 1943 г. он первым среди машинистов депо Вологда стал выдерживать график оборота паровоза, работавшего на дровяном отоплении. В течение первой половины 1943 г. В. Болонин не имел ни одного срыва графика движения и ни одного случая ремонта локомотива. Серьезного успеха он добился и в экономии топлива. Только в апреле 1943 г. им было сэкономлено 308 куб. м дров [48]. Используя опыт работы В. Болонина, коллектив депо Вологда с введением нового графика оборота за короткий срок сумел высвободить и поставить в резерв 13 паровозов [49].

В июле 1943 г. график оборота был внедрен в большинстве паровозных депо страны. На 17 железных дорогах по этому графику стали следовать от 50 до 75% поездов, а на 14 дорогах — от 30 до 50%. К августу того же года график использования паровозов стал выполняться намного лучше. Это дало возможность поставить в запас около 10% действовавших паровозов, что превысило уровень, достигнутый в лучшие месяцы довоенного периода.

В результате внедрения графика время оборота паровозов на железнодорожном транспорте СССР снизилось на 1,8 часа, а среднесуточный пробег увеличился на 20 км [50]. При этом были сэкономлены тысячи тонн топлива и высвобождены многие сотни квалифицированных паровозников.

Таким образом, железнодорожники, борясь за внедрение графика оборота, одновременно выступали за ускорение движения поездов и увеличение объема перевозок. Понимая огромное значение четкого выполнения графика для скорейшего продвижения грузов, все большее число паровозников, вагонников, движенцев, путейцев стало использовать передовой опыт лучших железнодорожников, добиваться новых успехов во Всесоюзном социалистическом соревновании. Значительно увеличились по сравнению с 1942 г. ряды передовиков транспорта: уже в мае 1943 г. они стали составлять 62% всех работавших на железных дорогах [51].

Все это во многом предопределило успешное обеспечение советскими железнодорожниками боевых действий Красной Армии на Курской дуге. Работники железнодорожного транспорта способствовали выполнению оперативных планов Верховного командования, в крайне тяжелой обстановке осуществляли грандиозные перевозки войск, техники, боеприпасов, продовольствия.

Большая заслуга в бесперебойном и быстром продвижении воинских грузов принадлежала молодым железнодорожникам прифронтовых участков. Только комсомольско-молодежная бригада машиниста члена партии В. Заикина из прифронтового депо Узловая провела в июле 1943 г. 17 тяжеловесных поездов, сэкономив 40 т топлива [52]. Эта бригада завоевала Красное знамя МК и МГК ВЛКСМ.

Примеры героического труда, большой выдержки и самообладания показывали труженики прифронтовых участков Ленинской магистрали. Так, 7 и 9 июня 1943 г. Кочетовский узел дважды подвергался интенсивным налетам фашистской авиации. Были сильно разрушены железнодорожные линии, станционные здания, подвижной состав. Однако уже через несколько часов после налета по главным путям было обеспечено нормальное движение поездов. За высокие темпы восстановления узла железнодорожники получили самую высокую оценку правительства [53]. При

[48] Там же, д. 1, л. 20.
[49] «Гудок», 23 июня 1943 года.
[50] «Гудок», 29 августа 1943 года.
[51] «Гудок», 25 июля 1943 года.
[52] Архив ЦК ВЛКСМ, ф. отдела рабочей молодежи, 1943 г., д. 12, лл. 133—135
[53] Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (ОРФИИ АН СССР), Великая Отечественная война (ВОВ), ф. 13, р. V, д. 2, л. 5.

подведении итогов Всесоюзного социалистического соревнования коллектив станции Кочетовка в июне 1943 г. был награжден переходящим Красным знаменем НКПС [54].

Огромную работу по устранению последствий бомбардировок проделали коллективы военно-восстановительных поездов. Иногда им приходилось непрерывно работать от 24 до 48 часов [55].

Несмотря на все усилия гитлеровской авиации, размеры наших воинских перевозок непрерывно росли. В июне 1943 г., решающем месяце подготовки к летнему сражению, по железным дорогам СССР проследовало на 1 339 грузовых поездов больше, чем в мае [56]. Основной показатель правительственного плана перевозок — норма передачи вагонов с дороги на дорогу — был выполнен железнодорожными магистралями Северо-Запада на 106,9%, Центра — на 101,3%, Московского узла — на 109,4%, Запада — на 113,2%, Кавказа — на 120,3%, Востока — на 103,7% [57].

Исключительную роль во время Курской битвы сыграли работники колонн паровозов особого резерва НКПС, обеспечившие оперативную переброску частей Красной Армии, выполнение самых сложных массовых перевозок. В июле 1943 г. в депо Курск по обслуживанию войск Орловско-Курско-Белгородского направления работала десятая паровозная колонна. Ее члены доставили фронту свыше 1 200 поездов с техникой и боеприпасами. Выполняя специальные задания по доставке особо срочных литерных составов, они достигали суточного пробега поездов до 1 000 км и выше. Паровозы машинистов десятой колонны особого резерва Терещенко, Атамеева, Дьякова, Шаповалова, Шевченко и др. следовали без остановки для набора воды от 120 до 150 км. В мастерстве и героизме соревновались машинисты и других паровозов. Личным составом колонны было предотвращено семь крушений воинских поездов. Герои-паровозники своими силами сформировали 45 поездов с боеприпасами и доставили их к линии фронта. Кроме того, в июле ими было спасено от уничтожения 10 воинских эшелонов [58].

Самоотверженной работой, отличным содержанием паровозного парка коллективы паровозных колонн особого резерва НКПС неоднократно завоевывали переходящие красные знамена НКПС. Начальник военных сообщений Центрального фронта, вынося благодарность всем членам колонн, отметил их большой вклад в дело ликвидации фашистского наступления на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Опыт работы военизированных паровозных колонн во время летних сражений 1943 г. нашел повсеместное применение среди тружеников транспорта на последующих этапах Великой Отечественной войны.

Образцы героического труда показали сотни других железнодорожников прифронтовых магистралей. В июльские дни 1943 г. прославилась машинист депо Белорусской железной дороги Елена Чухнюк. Днем и ночью под непрекращавшимся артиллерийским огнем и воздушными налетами доставляла она на Курскую дугу эшелоны с танками, боеприпасами, вооружением. Не раз советское командование выносило ей благодарность за своевременно доставленные грузы [59]. В ноябре того же года Е. М. Чухнюк было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Отважно трудились в сложной прифронтовой обстановке также машинисты И. И. Ефимов, Т. Култанов, К. И. Густов, М. Г. Дюков, Я. В. Барбышев, С. Кочетов, А. И. Феофилов, стрелочники Г. И. Брежнев, Я. Ф. Солянин, диспетчер Д. Я. Захаров, главные кондукторы А. Тюняев, В. Гречин,

---

[54] «Гудок», 16 июля 1943 года.
[55] ОРФИИ АН СССР, ВОВ, ф. 13, р. V, д. 2, л. 5.
[56] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 971, св. 25, д. 170, лл. 2, 17, 37, 42, 57, 69, 94, 106, 118, 135.
[57] Там же, ф. 33, оп. 763, св. 2, д. 4, л. 64.
[58] Там же, ф. 33а, оп. 971, св. 9, д. 74, л. 37.
[59] «Гудок», 19 ноября 1943 года.

ежурные ст. Курск К. Григорьев, А. Бурцев, М. Забелин, А. Зубкова, Л. Астапов, начальник ст. Курск П. А. Шубин и его заместитель по оперативной работе А. П. Белоусов.

Советские железнодорожники, несмотря на малое число железных дорог в прифронтовой полосе, сумели обеспечить фронт на Курской дуге всем необходимым, осуществив в большом масштабе доставку воинских оперативных грузов. Отделом воинских сообщений НКПС в июне и июле 1943 г. были успешно выполнены планы военно-снабженческих и воинских перевозок, задания по увеличению скорости продвижения воинских эшелонов, погрузке и выгрузке [60]. Всего при подготовке Курской битвы железнодорожники подали фронтам около 150 тыс. вагонов с вооружением, боеприпасами и снаряжением [61].

Победа Советских Вооруженных Сил под Курском поставила гитлеровскую армию перед катастрофой, закрепила перелом в ходе Отечественной войны в пользу СССР. Она положила начало летнему наступлению наших войск, которое явилось продолжением успешных операций начала 1943 года. Немецко-фашистские захватчики были изгнаны из Донбасса, Тамани, Левобережной Украины и других областей страны.

Стремясь оказать еще большую помощь фронту, коллективы и отдельные железнодорожники находили все новые неиспользованные резервы. К этому времени на каждой магистрали насчитывались сотни паровозников, применявших методы Николая Лунина, Василия Болонина, Ивана Блинова и других новаторов. К началу сентября 1943 г. только среди молодых железнодорожников более 15 тыс. человек работали по-лунински [62].

Новому производственному подъему на транспорте содействовали также указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 и 22 сентября 1943 г. «О введении персональных званий и новых знаков различия для личного состава железнодорожного транспорта» и «Об утверждении новых нагрудных знаков для отличившихся железнодорожников» [63].

Эти мероприятия стимулировали рост трудовой активности железнодорожников и повысили ответственность руководителей дорог, управлений НКПС и всех командиров транспорта за организацию массового социалистического соревнования. Они помогали местным партийным и профсоюзным организациям поднимать массы на выполнение и перевыполнение военно-хозяйственных задач.

Одной из новых форм проявления творческой инициативы железнодорожников за лучшее использование производственных возможностей транспорта явились общественные смотры организации труда. Инициатором этого начинания выступил местный комитет депо Москва-Сортировочная (Ленинская железная дорога) [64]. За время общественного смотра работники депо внесли свыше 250 рационализаторских предложений, что дало возможность сэкономить около 2 млн. рублей [65].

Согласно решениям обкомов ВКП(б), на ряде магистралей по примеру коллектива депо Москва-Сортировочная состоялись массовые проверки готовности предприятий к работе зимой. Так, с 5 по 16 октября 1943 г. был проведен смотр и оказана помощь железнодорожным магистралям Чувашской республики в подготовке к зиме. За это время в республике был выполнен план работ по ремонту путевого хозяйства и форсирована погрузка дров [66]. На Казанской дороге такое мероприятие про-

---

[60] ЦА МПС, ф. 33, оп. 763, св. 1, д. 1, лл. 54—59; ЦА ВЦСПС, ф. 161, оп. 10, ед. хр. 4, л. 57.
[61] В. К. Высоцкий, А. С. Таралов, К. П. Терехин. Указ. соч., стр. 84.
[62] «Большевик», 1943, № 18, стр. 18.
[63] «Гудок», 5, 24 сентября 1943 года.
[64] ЦА ВЦСПС, ф. 161, оп. 10, ед. хр. 18, л. 65.
[65] Там же, ед. хр. 22, л. 67об.
[66] Газета «Красная Чувашия», 5 октября 1943 года.

водилось с 1 по 10 сентября, на Горьковской дороге — с 25 октября по 5 ноября [67].

Цель этих смотров состояла в том, чтобы на основе тщательной проверки вскрыть недостатки и помочь хозяйственным руководителям устранить их, подсказать, где и каким образом изыскать материалы, запасные части и рабочую силу. Конец 1943 г. характеризовался на железных дорогах широким размахом Всесоюзного социалистического соревнования. Только на Горьковской магистрали число соревнующихся возросло с 84,2% в августе до 91% в октябре [68].

В ходе социалистического соревнования укреплялась трудовая дисциплина. С 15 апреля по 15 октября 1943 г. число взысканий среди железнодорожников уменьшилось по сравнению с соответствующими периодами 1941 и 1942 гг. почти в два раза [69].

Существенно возросла в 1943 г. производительность труда на транспорте: ее показатели увеличились за год до 112,5% [70].

За особые заслуги в увеличении перевозок для фронта и народного хозяйства в трудных условиях Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР 5 ноября 1943 г. присвоил звание Героя Социалистического Труда 127 железнодорожникам. В числе удостоенных этой высокой награды были известные всей стране новаторы железных дорог, внесшие большой вклад в общий подъем социалистического транспорта: Николай Лунин, Василий Болонин, Иван Блинов, Василий Осипов, Кирилл Краснов, Александр Черепанов, Максим Казанцев, Николай Водважко, Петр Кривонос и многие другие. Тысячи рабочих и служащих железных дорог были награждены орденами и медалями.

Железнодорожный транспорт СССР в 1943 г. серьезно улучшил свою работу: эксплуатационные показатели (в тонна-километрах) выросли по сравнению с 1942 г. на 13% [71]. В 1943 г. впервые с начала войны был перевыполнен государственный план перевозок на 3,9% (по сумме месячных планов) [72]. Советские железнодорожники увеличили по сравнению с 1942 г. среднесуточную погрузку на 3 тыс. вагонов, в том числе погрузку угля — на 16% [73]. Перевозка нефти и нефтепродуктов за этот же срок возросла на 21,9%, черных металлов — на 2,8% [74]. Одна Московско-Курская железная дорога перевезла сверх плана 46 тыс. вагонов груза [75].

Резкое улучшение работы железнодорожников позволило нашей промышленности, особенно в восточных районах, поднять уровень производства продукции и значительно восполнить потери железнодорожного транспорта. В 1943 г. парк паровозов увеличился на 2 тыс. единиц, а товарных вагонов — на 56 тыс. единиц [76].

На протяжении 1943 г. паровозное хозяйство в основном бесперебойно обеспечивало работу железнодорожных магистралей. Усилиями советских ученых и инженерно-технических работников был создан и принят к серийному производству модернизированный тип высокоэкономичного паровоза серии «ЭМ» [77]. В целом по сети коммерческая скорость локомотивов в 1943 г. была выше, чем в предыдущем году, на 1,4 км [78].

Заметно улучшились показатели использования вагонов для перевозок важнейших военно-хозяйственных грузов. Суточный пробег вагонов

[67] Газета «Локомотив», 2 сентября 1943 г.; «Волжская магистраль», 7 октября 1943 года.
[68] ЦА ВЦСПС, ф. 161, оп. 10, ед. хр. 27, л. 33.
[69] ЦА МПС, ф. 33а, оп. 971, св. 7, д. 53, л. 1.
[70] Там же, л. 4 (здесь сопоставляется период апрель — октябрь каждого года).
[71] «Железнодорожный транспорт», 1944, № 10—11, стр. 18.
[72] А. Г. Напорко. Указ. соч., стр. 199.
[73] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 102, 143.
[74] А. Г. Напорко. Указ. соч., стр. 200.
[75] «Железнодорожный транспорт», 1943, № 12, стр. 5.
[76] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 102.
[77] ЦА МПС, ф. 33, оп. 763, св. 1, д. 3, л. 60.
[78] «Железнодорожный транспорт», 1944, № 1, стр. 20.

повысился за 1943 г. на 13,6%, а время оборота вагонов сократилось на 1,6%. Несмотря на то, что значительная часть рабочего парка вагонов переместилась на недавно освобожденные магистрали, эксплуатационная работа на которых была более сложной, чем на дорогах тыла, советские железнодорожники добились существенного сокращения простоя вагонов. В 1943 г. по сравнению с 1942 г. простои на промежуточных станциях уменьшились на 18,3%, на технических станциях — на 16,5% и под грузовыми операциями — на 1,4% [79].

Таким образом, наш транспорт, несмотря на серьезное сокращение действовавших магистралей, огромные потери и разрушения железнодорожного хозяйства, оказался способным не только выдержать колоссальное напряжение, но и усилить в ходе войны темпы своей работы. Этому содействовали важные мероприятия партии и правительства по устранению недостатков на железных дорогах, по мобилизации производственных мощностей и резервов транспорта.

На заключительных этапах Отечественной войны советские железнодорожники неуклонно наращивали размеры воинских и народнохозяйственных перевозок. В 1944 г. грузооборот железных дорог страны возрос на 22%. Только с ноября 1943 по июль 1944 г. работники транспорта перевезли воинских грузов на 28,4% больше, чем в соответствующий период 1942/43 года. В 1944 г. фронту было доставлено грузов вдвое больше, чем в первый год войны [80], и на 40% больше по сравнению с 1942 годом [81].

Высокую организованность проявили советские железнодорожники в завершающий период войны. Грузооборот дорог Урала и Сибири возрос на десятки миллионов тонн. Одна Свердловская дорога в 1945 г. стала грузить больше угля в 3 раза, металла — на 60%, чем до войны [82]. Заключительные операции по разгрому врага требовали быстрейшего подвоза колоссального количества техники и боеприпасов. Так, например, при штурме Берлина в течение дня было выпущено 36 тыс. т снарядов, для перевозки которых потребовалось 2 450 вагонов [83].

Всего за годы Великой Отечественной войны перевозки воинских грузов составили свыше 19 млн. вагонов, в том числе боеприпасов — 1 500 тыс. вагонов [84].

Успешное решение железными дорогами страны важнейших военно-хозяйственных задач в 1941—1945 гг. определялось прежде всего состоянием кадров, степенью их политической грамотности и сознательности. Отечественная война сократила возможности для быстрого и постоянного пополнения состава железнодорожников. Хотя с 18 мая 1942 г. по решению ГКО их мобилизация в ряды Красной Армии была прекращена, тем не менее процент железнодорожников, выбывших на фронт, был довольно высоким [85]. Проблема рабочей силы на транспорте стала очень острой. Однако наша страна сумела найти необходимые источники пополнения кадров социалистического транспорта: на железные дороги, как и в другие отрасли народного хозяйства, пришли женщины и молодежь. За короткие сроки партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями была проведена большая работа по их производственному обучению и воспитанию.

Как и в промышленности, основными формами производственной подготовки железнодорожных кадров в годы войны явились индивидуальный и бригадный (групповой) методы обучения. Серьезная заслуга в этом де-

[79] Там же, стр. 17, 19.
[80] Л. Гатовский. Указ. соч., стр. 102—103.
[81] А. Г. Напорко. Указ. соч., стр. 201.
[82] «Железнодорожный транспорт», 1945, № 7, стр. 4.
[83] Н. С. Шильников. Железнодорожный транспорт страны социализма. М. 1951, стр. 18.
[84] «Труд», 4 августа 1945 г.; «Тыл и снабжение Вооруженных Сил», 1946, № 8—9, стр. 7.
[85] ЦПА ИМЛ, ф. 111, оп. 1, д. 11, л. 1.

ле принадлежала старым, кадровым рабочим и пенсионерам, вернувшимся на транспорт. Они вложили много труда для передачи новичкам своего многолетнего производственного опыта.

Уже в середине 1943 г. на железнодорожном транспорте работало более 40% женщин [86]. Молодежь к этому времени составляла на транспорте из общего числа работавших одну треть [87].

Надежным источником пополнения рабочих кадров явились также государственные трудовые резервы. Сеть школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ увеличилась с 1 550 в 1940 г. до 1 726 в 1942 году [88]. В системе государственных трудовых резервов в 1941—1945 гг. было подготовлено для НКПС свыше 298 800 юношей и девушек [89].

К концу Великой Отечественной войны удельный вес рабочих, пришедших на производство в военное время, составил на железнодорожном транспорте 50%. Число работавших женщин достигло 45% против 23% в довоенный период [90].

Таким образом, Советское государство в ходе войны смогло исключительно быстро и успешно решить проблему подготовки и производственного обучения новых пополнений работников транспорта.

В годы войны на железнодорожном транспорте были осуществлены громадные восстановительные работы. Большое значение имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [91]. Решение партии и правительства наметило конкретные пути скорейшего возрождения транспорта на освобожденной от врага территории. На 1 января 1944 г. было восстановлено свыше 19 тыс. км железнодорожного пути, 122 станционных здания, 2 137 путевых будок, 588 900 кв. метров жилой площади [92]. Это были невиданные в истории темпы восстановления. Одна из американских газет в январе 1944 г. в статье под заголовком «Советские железнодорожники выполняют невыполнимые задачи военного времени» писала: «Когда Гитлер в ноябре 1941 года объявил, что им захвачено 40 тыс. километров советских железных дорог, казалось невероятным, чтобы транспортная система СССР могла когда-нибудь быть восстановлена для наступления крупного масштаба. Однако невероятное снова стало фактом...» [93].

Много труда и смекалки пришлось вложить железнодорожникам, когда они восстанавливали отечественную колею [94]. Им удалось добиться в этом деле исключительно высоких результатов. В мирное время считалось, что одно сравнительно небольшое подразделение железнодорожных войск или спецформирований НКПС может перешить за день не более 3—4 километров. Уже в 1943 г. эта цифра была увеличена на практике до 8—10 километров [95].

К концу Отечественной войны на территории СССР советскими железнодорожниками было восстановлено свыше 50 тыс. км путей, а на тер-

---

[86] ЦА ВЦСПС, ф. 161, оп. 10, ед. хр. 26, л. 13об.

[87] Архив ЦК ВЛКСМ, ф. отдела рабочей молодежи, 1943 г., д. 12, л. 33.

[88] «Большевик», 1943, № 7—8, стр. 21.

[89] Архив Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР, ф. 14, оп. 46, св. 8, ед. хр. 85—86, л. 1.

[90] И. В. Ковалев. Всесоюзный сталинский день железнодорожника. М. 1945, стр. 20.

[91] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Сборник документов. Т. 2. Госполитиздат. 1957, стр. 765—802.

[92] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 101; «Гудок», 6 февраля 1944 года.

[93] Цит. по И. В. Ковалев. Всесоюзный сталинский день железнодорожника, стр. 13.

[94] В СССР ширина колеи отличается от западноевропейской. Поэтому значительная часть захваченных гитлеровцами магистралей была перешита ими по западноевропейскому образцу.

[95] «Железнодорожный транспорт», 1943, № 1, стр. 46.

итории зарубежных стран — около 30 тыс. км [96]. Кроме того, в эксплуа-ацию было сдано около 10 тыс. км новых железнодорожных линий.

★

Разрабатывая план «молниеносной войны» против СССР, гитле-овское командование, в частности, рассчитывало на слабость советской ранспортной системы, на то, что наши железнодорожники не смогут олжным образом обеспечить операции Красной Армии, что неизбежно роизойдет отрыв ее частей от своих коммуникаций.

Однако немецко-фашистские захватчики жестоко просчитались. В пе-иод великого сражения под Москвой, грандиозного наступления под Ста-инградом, на последующих этапах войны железные дороги СССР во-ремя доставляли на фронт необходимые грузы и удовлетворяли нужды ародного хозяйства.

Партия и правительство высоко оценили трудовую деятельность ра-отников транспорта в годы Великой Отечественной войны. 16 950 же-езнодорожников были награждены орденами и медалями, 127 присвое-о звание Героя Социалистического Труда. Кроме того, 53 486 железно-орожников были награждены медалями за оборону Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Севастополя, Одессы, Кавказа и Заполярья [97].

В решающий период борьбы советского народа за свободу и неза-исимость своей Родины наши железнодорожники с честью справились с громными задачами, возложенными на них историей.

---

[96] И. В. Ковалев. Советский железнодорожный транспорт. 1917—1947, М 947, стр. 73.

[97] «Гудок», 11 июля 1945 года.

БОРЬБА В РОССИИ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В 1906—1910 ГОДАХ

И. В. Бестужев

Революция 1905—1907 гг. в значительной степени подорвала позиции царизма. Чтобы удержаться у власти, самодержавию необходимо было расширить свою социальную базу, заручившись поддержкой возможно более широких слоев буржуазии. «Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы,— указывалось в резолюции V конференции РСДРП,— самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала»[1]. Третьеиюньский переворот 1907 г. закрепил союз помещичьего класса с верхами торгово-промышленной буржуазии. Царизм выразил готовность провести некоторые буржуазные реформы (не затрагивавшие, впрочем, существенных интересов помещиков). Страх перед революцией объединял оба эксплуататорских класса в один контрреволюционный блок. Однако между отдельными группировками, входившими в этот блок, существовали разногласия по вопросу о характере, объеме и сроках проведения буржуазных реформ, а также о внешнеполитической ориентации страны.

Крайне правая часть помещиков-крепостников во главе с придворной кликой требовала сближения с Германией, от которой ожидалась вооруженная помощь в случае нового взрыва революции. По мнению этой группы, столкновение с Германией грозило царизму военным разгромом, который неминуемо вызвал бы новый революционный взрыв. Либеральная буржуазия, возглавлявшаяся кадетами, напротив, выступала за сближение с Англией и Францией, рассчитывая получить поддержку от этих стран не только в борьбе против революционного движения (путем финансовой поддержки царизма), но и в борьбе за ускорение буржуазных реформ в России, а также в борьбе против Германии и Австро-Венгрии за «сферы влияния» на Ближнем Востоке. Наконец, консервативно настроенная буржуазия (октябристы) и часть помещиков, склонных идти на соглашение с буржуазией (умеренно-правые), колебались, высказываясь за то, чтобы не вмешиваться в надвигавшуюся схватку между Англией и Германией. Но по мере активизации германской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, а также усиления зависимости России от англо-французского капитала эти круги, группировавшиеся вокруг столыпинского правительства, все решительнее стали склоняться к сближению с Англией.

Противоречия в среде господствующих классов России по вопросам внешней политики не могли не оказывать на последнюю существенного влияния. Поэтому без анализа условий, в которых имели место эти противоречия, а также процесса их развития нельзя вскрыть подлинные причины внешнеполитических акций царизма и проследить

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. М. 1953, стр. 195; см. также В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 245.

внутреннюю связь между ними. В частности, трудно будет понять, почему царское правительство, отказавшись от явно нереальной попытки примирить русско-французский союз с русско-германским сближением против Англии, предприняло столь же неосуществимую, по сути дела, попытку совместить англо-русское и русско-японское соглашения с австро-русским и русско-германским соглашениями (при сохранении русско-французского союза) и только затем окончательно взяло курс на англо-франко-русское сближение против Германии и Австро-Венгрии.

Проблема борьбы в России по вопросам внешней политики после третьеиюньского переворота 1907 г. до сих пор еще не служила предметом специального исследования. Не получила она достаточного освещения и в общих трудах по истории международных отношений того времени. Буржуазные историки, как правило, выясняли только разногласия, существовавшие между отдельными государственными деятелями или политическими группировками России, не пытаясь вскрыть социальную подоплеку этих разногласий [2]. В советской историографии имеется лишь общая постановка вопроса и упоминания об отдельных фактах происходившей борьбы [3].

В. И. Ленин придавал огромное значение вопросам внешней политики России накануне первой мировой войны. Он внимательно следил за развитием международной обстановки, оценивая все внешнеполитические события и выступления отдельных групп из среды господствующих классов России с точки зрения борьбы за победу пролетарской революции. Во многих произведениях В. И. Ленина, относящихся к изучаемому времени, содержится характеристика отдельных лиц, политических групп и партий России, сущности противоречий между ними по вопросам внешней политики. Ленинские оценки послужили основой для автора настоящей статьи. В ней сделана попытка рассмотреть некоторые аспекты борьбы в России по вопросам внешней политики в 1906—1910 гг., в период, когда столкновения между сторонниками и противниками сближения с Англией в среде господствовавших в России классов носили особенно острый характер. Открывается этот период борьбой по вопросу об англо-русском соглашении и завершается свиданием Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме, где имела место последняя (перед первой мировой войной) попытка добиться смены внешнеполитической ориентации России, отколоть ее от англо-французской Антанты. Именно в это время для России был решен в основном вопрос, с кем ей идти: с Англией или с Германией? Решение данного вопроса имело важнейшее значение в расстановке сил империалистических держав накануне войны.

★

Как известно, контроль над внешней политикой России находился в руках помещиков-крепостников или, точнее говоря, их верхушки — придворной клики. Формально единственным лицом, определявшим направление внешней политики, был Николай II. Фактически направление это определялось на Особых совещаниях высших сановников — став-

---

[2] См., например, С. Фей. Происхождение мировой войны. Т. 1—2. М. 1934; O. Bickel. Rußland und die Entstehung des Balkanbundes. Berlin. 1933; E. B. Price. The Russo-Japanese Treaties of 1907—1916. Baltimore. 1933; W. M. Carlgren. Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionkrise. Uppsala. 1955.

[3] «История дипломатии». Т. II. М. 1945, стр. 80—82, 156—157, 201 и др.; «Красный архив». Т. 15, стр. 3—10, т. 50—51, стр. 172—174; т. 58, стр. 49; т. 69—70, стр. 5. Краткое освещение ряда вопросов этой проблемы (применительно к 1912—1917 гг.) дается в докторской диссертации Е. Д. Черменского «Борьба классов и партий в IV Государственной Думе» (М. 1947).

ленников придворной камарильи. Непосредственно руководство внешней политикой осуществлял министр иностранных дел, назначавшийся царем и отвечавший за свои действия только перед ним. Когда же самодержавие, ослабленное революцией 1905—1907 гг., оказалось вынужденным лавировать между помещиками-крепостниками и буржуазией, то последняя выдвинула требование, чтобы при определении курса внешней политики ей также было предоставлено слово.

Между буржуазно-помещичьими группировками началась ожесточенная борьба по вопросам контроля над внешней политикой. Многочисленные отголоски этой борьбы встречаются и в думских речах и на страницах прессы того времени. Кадеты, октябристы и умеренно-правые, выражая тревогу широких кругов русской буржуазии и помещиков по поводу усиления австро-германской экспансии на Ближнем и японской — на Дальнем Востоке, настаивали на том, чтобы «охрана экономических интересов стала одной из первых задач дипломатии...» Они критиковали царских дипломатов, пренебрегавших порой этими интересами, и требовали «реформы нашей дипломатии»[4].

Чтобы побудить бюрократию полнее учитывать интересы буржуазии, последняя добивалась в период революции 1905—1907 гг. создания правительства, ответственного перед Думой. И кадеты и октябристы требовали тогда включения вопросов внешней политики в сферу компетенции Думы[5]. Пока исход революции оставался еще не ясным, придворная клика вела с буржуазными лидерами переговоры о так называемом «коалиционном правительстве», в которое предполагалось включить представителей буржуазных партий, причем среди кандидатов на пост министра иностранных дел фигурировали имена таких деятелей кадетской партии, как Милюков и Набоков[6]. Но как только обозначилась победа реакции, идея «коалиционного правительства» была отброшена царизмом. Напуганная революцией буржуазия примирилась с этим, ограничившись требованием «совещательного голоса» в области внешней политики, то есть разрешением обсуждать вопросы внешней политики в прессе и в Думе, чтобы побудить правительство внимательнее прислушиваться к буржуазному «общественному мнению».

Буржуазные деятели доказывали самодержавию, что контакт дипломатии с «общественным мнением» будет выгодным прежде всего правительству, так как оно сможет найти таким путем важную для себя опору. В то же время буржуазная пресса все чаще напоминала правительству, что при проведении внешней политики ему придется считаться с «общественным мнением», отражавшим интересы крепнувшего русского монополистического капитала. «Пора видеть в печати силу, которая должна идти рука об руку с министерством иностранных дел, а не воевать с нею»,— взывал к правительству октябристский «Голос Москвы»[7]. «Теперь,— указывало «Новое время»,— создались новые участники в дипломатической деятельности: общественное мнение и печать как его ежедневная выразительница. Западноевропейская, американская и японская дипломатия давно оценила значение этих новых фигур на шахматной доске и пользуется ими разнообразными способами. И только наша дипломатия по-прежнему упорствует в своем неприступном великолепии и знать не хочет новых и иной раз решающих сил, участвующих в игре»[8].

---

[4] «Новое время», 18 октября 1908 г.; 24 ноября 1909 года.

[5] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 115, оп. 2, д. 2, л. 12 об.

[6] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 22—23; А. П. Извольский. Воспоминания. Птрг.-М. 1924, стр. 112—133.

[7] «Голос Москвы», 3 декабря 1909 года.

[8] «Новое время», 27 апреля 1910 года.

Добиваясь у царизма права хотя бы на «совещательный голос» в елах внешней политики, кадеты, октябристы и умеренно-правые одновременно ратовали за такую перестройку министерства иностранных ел, в результате которой можно было бы рассчитывать на то, что этот олос будет услышан. Задача облегчалась тем, что структура дипломаического ведомства явно устарела и перестала соответствовать содержанию его деятельности. Например, продолжали существовать дипломатические представительства России при германских дворах, давно отерявших самостоятельное значение во внешней политике. Между ем на Востоке Россия имела миссии далеко не во всех странах. До райности запутано было распределение обязанностей между департаментами министерства. Очень низок был уровень подготовки дипломатов, подбиравшихся обычно по протекции придворных кругов. Сохранялось порочное деление дипломатической службы на заграничную министерскую, вследствие чего одна часть дипломатов постоянно оставалась за границей, теряя живую связь с Россией, а другая часть— министерстве, не зная особенностей работы за рубежом. Главный ке недостаток, с точки зрения лидеров буржуазии, заключался в том, то, несмотря на существенные сдвиги в области внешней торговли, онсульская сеть осталась неизменной; в результате на местах, где расширились торговые связи, консулов не было, а там, где торговые интересы России свелись к нулю, консульства продолжали существовать. К тому же русские консулы сплошь и рядом плохо заботились об интересах отечественных торговцев [9].

На страницах кадетской, октябристской и умеренно-правой прессы появлялись один за другим проекты реформ дипломатического ведомства, сводившиеся в общих чертах к следующим требованиям: изменение структуры министерства в соответствии с содержанием его деятельности; упразднение утративших свое значение дипломатических представительств, консульств и учреждение их там, где этого требуют внешнеполитические и внешнеторговые интересы России; осуществление периодической смены служащих в заграничных и центральных учреждениях, а также в посольских и консульских учреждениях; установление образовательного ценза для поступления на дипломатическую службу и твердо регламентированного порядка прохождения службы; сосредоточение деятельности консулов на обслуживании интересов отечественной торговли; создание в министерстве иностранных дел отдела печати для контакта с «общественным мнением»; наконец, отделение сумм, предназначенных на содержание послов и посланников, от сумм, расходуемых на их представительство [10].

Опасаясь потерять свое влияние на дела дипломатического ведомства, придворная клика долгое время противилась всяким нововведениям в министерстве иностранных дел. Однако по мере усиления ажима со стороны октябристских и умеренно-правых кругов, группировавшихся вокруг столыпинского правительства, неизбежность проведения реформы министерства иностранных дел становилась все чевиднее. К 1911 г. перечисленные выше требования в общем были превращены в жизнь. На основе их дипломатическое ведомство подверглось екоторой перестройке. По существу, однако, это было компромиссным ешением вопроса. Придворные круги, пойдя на ряд уступок, оставили

---

[9] Эта характеристика дается на основании материалов фонда департамента личого состава и хозяйственных дел МИД, относящихся к реорганизации министерства в 906—1911 гг. (фонд хранится в Архиве внешней политики России (АВПР), а также атериалов прессы.

[10] «Речь», 23 июня 1907 г., 25 декабря 1909 г.; «Голос Москвы», 10 марта и 14 мая 909 г., 21 февраля 1910 г.; «Новое время», 20 августа 1907 г., 7 января, 6 и 7 марта 908 г., 7 марта, 30 апреля, 7 июля 1909 г., 24 апреля, 7 августа, 16 сентября 1910 года,

за собою право проводить своих ставленников на наиболее ответственные дипломатические посты.

Особенно напряженная борьба развернулась из-за того, кто персонально должен возглавлять министерство иностранных дел и важнейшие представительства за границей. Либеральная буржуазия добивалась замены послов России в Париже, Берлине, Вене, Константинополе, Токио, а также ряда высших чиновников министерства иностранных дел, не умевших отстаивать за границей «экономические интересы» русских предпринимателей и не желавших содействовать сближению России с Англией для совместного выступления против Германии. Вместе с тем либералы защищали от нападок со стороны крайне правых министра иностранных дел Извольского, его заместителя Чарыкова и других ведущих дипломатов, опасаясь, что другой министр и его ближайшие сотрудники окажутся несравненно хуже в смысле отстаивания специфичных интересов буржуазии, а главное, что отставка Извольского может повести к смене ориентации во внешней политике России[11]. Такого рода опасения имели основания, ибо крайне правые выступали за оставление указанных послов на своих постах, а в крайнем случае за замену их представителями самой придворной клики (гофмаршалами графом П. Бенкендорфом и князем Н. Долгоруковым, адъютантами царя князем Енгалычевым, генералом Татищевым и др.). В то же время они вели кампанию за смену Извольского «консервативным» министром, который перестал бы заигрывать с лидерами буржуазии и взял курс на сближение с Германией. Их кандидатом на этот пост долгое время оставался бывший председатель Совета министров Горемыкин — сторонник восстановления «союза трех императоров»[12].

В ходе борьбы чаще всего брали верх октябристские и умеренно-правые круги, которые поддерживали столыпинское правительство, пытавшееся одновременно обеспечить интересы русской торговли за границей и не подорвать влияния придворной камарильи в дипломатическом ведомстве, продолжить сближение с англо-французским лагерем и в то же время не идти на окончательный разрыв с Австро-Венгрией и Германией. В конце концов Извольский был заменен ставленником Столыпина Сазоновым, посол в Константинополе Зиновьев — Чарыковым, посол в Вене князь Урусов — Н. Гирсом (оба — ставленники Столыпина), посланник в Тегеране Гартвиг — Поклевским-Козелл (его кандидатуру поддерживала либеральная буржуазия), а посол в Токио Бахметьев — Малевским-Малевичем (кандидатура крайне правых кругов). Были сменены также несколько высших чиновников министерства иностранных дел и ряд видных дипломатов. В целом изменения в составе дипломатического корпуса усилили позиции сторонников сближения с Англией.

★

Рупором русской буржуазии в борьбе за влияние на внешнюю политику страны являлись ее классовые организации: Совет съездов представителей промышленности и торговли, биржевые комитеты, октябристская и кадетская партии, а также примыкавшие к ним политические группировки. Так, на первом съезде представителей промышленности и торговли в январе 1906 г. был затронут вопрос о направлении дальневосточной политики России после Портсмутского договора. Второй съезд, состоявшийся в феврале 1907 г., высказался за изменение таможенной

[11] «Речь», 23 сентября 1908 г., 15 мая 1909 г., 6 мая 1910 года.

[12] АВПР, ф. Извольского, д. 21, лл. 37—38; «Die große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914» (G.-P), XXV. 2. Berlin. 1925—1927. S. 464—466; «Гражданин», 1909, № 17, стр. 1—2; 1910, № 4, стр. 14, № 6, стр. 1; «Московские ведомости», 30 октября 1909 г., 6 января 1910 года.

системы России, хотя это в сложившейся обстановке грозило обострением отношений с Германией. На третьем съезде (март 1908 г.) высказывались требования об ускорении реорганизации ведомства иностранных дел, а также об отмене системы порто-франко на Дальнем Востоке, несмотря на угрозу обострения отношений с Японией. Наконец, на пятом съезде в мае 1910 г. был заслушан доклад «Экономические интересы России на Ближнем Востоке», в котором выдвигалась задача активизировать балканскую политику России, чтобы противодействовать в этом районе австро-германской экспансии [13]. Таким образом, российский крупный капитал, сознавая свою возраставшую экономическую мощь, начинал все увереннее выдвигать требования в области внешней политики. Чтобы ускорить их реализацию, Совет съездов добился права посылать своих представителей для обсуждения вопросов внешнеторговой политики в министерство торговли и промышленности, а затем стал добиваться такого же права и в отношении министерства иностранных дел [14]. Представители крупной буржуазии стали появляться на Особых совещаниях по вопросам внешней политики. Например, летом 1909 г. вопрос о пересмотре торгового договора с Китаем (а фактически о направлении дальневосточной политики России) обсуждался в Совете министров с участием Полякова, Морозова, Рябушинского и других магнатов капитала [15].

Из биржевых комитетов наибольшую активность в области внешней политики проявлял московский биржевой комитет, возглавлявшийся такими столпами русского капитала, как Крестовников, Коновалов, Рябушинский и др. Этот комитет выступил инициатором постановки перед правительством ряда вопросов внешней политики, в частности об отмене системы порто-франко на Дальнем Востоке, об ориентации дальневосточной политики в связи с необходимостью выбора между Японией и США, об активизации балканской политики и т. д. [16]. Председатель комитета Крестовников поддерживал постоянный контакт со Столыпиным, Извольским, Коковцовым, Тимашевым и другими членами столыпинского кабинета. Известны факты, когда названные министры консультировались с Крестовниковым, прежде чем сделать окончательные выводы по проблемам внешней политики. Это, например, имело место при решении вопроса об ориентации дальневосточной политики [17].

Важно отметить, что в вопросах внешней политики русская буржуазия не всегда была единодушна. Между отдельными ее группировками часто имели место разногласия. Так, восточносибирские торгово-промышленные круги во главе с владивостокским биржевым комитетом требовали сохранения выгодного им порто-франко на Дальнем Востоке, а также усиления борьбы с японской экспансией. Но торгово-промышленные круги Центральной России во главе с московским биржевым комитетом выступали за активизацию балканской, а не дальневосточной политики и в конце концов настояли на своем [18]. Другим примером могут служить противоречия между металлургическими магнатами юга России и московскими текстильными промышленниками по вопросу о строительстве железных дорог на Среднем Востоке. Первые, заинтересованные в получении концессий, ратовали за усиление железнодорожного строительства в Персии. Вторые, опасаясь, что по новым транспортным магистралям на средневосточные рынки

---

[13] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 32, оп. 1, д. 31, лл. 90, 98, 215; д. 594, лл. 34—36.

[14] Там же, д. 291, л. 4; АВПР, ф. Личного состава и хозяйственных дел, д. 27, л. 51.

[15] Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 143, оп. 1, д. 188, л. 59; д. 325, лл. 98—99.

[16] Там же, лл. 29—30, 56—58; д. 379, лл. 1—2.

[17] Там же, лл. 58, 139.

[18] ЦГИАМ, ф. 555, оп. 1, д. 439, лл. 1—4.

хлынут товары иностранных конкурентов, выступали против этого [19]. Между тем от хода железнодорожного строительства в данном районе зависело не только направление средневосточной политики, но и вообще отношения России с Германией и Англией, для которых указанный вопрос имел в то время первостепенную важность. Как известно, в конечном счете возобладала точка зрения московской группы.

Партия октябристов выработала платформу сотрудничества с правительством в области внешней политики на совещании своей думской фракции в мае 1906 года. Суть этой платформы сводилась к тому, что «о вмешательстве законодательного собрания в ход переговоров или в отдельные распоряжения по тому или иному вопросу международных отношений не может быть речи», но за Думою «должно быть признано право авторитетного наблюдения за общим направлением иностранной политики» [20]. Что касается тактики октябристов в отношении контроля над внешней политикой, то она вылилась на деле в форму сговора лидеров партии с членами столыпинского кабинета, тогда как выступления в прессе и с думской трибуны играли здесь чисто вспомогательную роль. Гучков и другие лидеры октябристов поддерживали личный контакт со Столыпиным, Извольским, Коковцовым, высказывали им свои пожелания относительно направления внешней политики, согласовывали с ними свои думские резолюции и выступления в прессе по этим вопросам. Для облегчения такого сотрудничества на пост заведующего отделом печати МИД был приглашен октябрист А. Гирс.

Выработка платформы кадетов в отношении внешней политики проходила более сложным путем. Вопрос этот обсуждался на заседании думской фракции кадетов в феврале 1908 г., на октябрьской конференции кадетской партии в том же году, на заседании ЦК кадетской партии в марте 1909 г., на майской и ноябрьской конференциях того же года. При обсуждении выявились две точки зрения. Часть кадетов во главе с Шингаревым настаивала на том, чтобы исключить вопросы внешней политики из программы партии. Публичные выступления в данной области, по мнению Шингарева, способны были лишь подорвать престиж кадетов как «оппозиционной» правительству партии, разоблачив их как принципиальных сторонников империалистической внешней политики царизма [21]. Другая часть кадетов во главе с Милюковым утверждала, что «уйти от внешней политики нельзя» и что «в области внешней политики мы должны выражать мнения по возможности общенационального значения, стоять на внепартийной точке зрения» [22]. После долгих прений была принята точка зрения Милюкова, результатом чего была развернутая кампания кадетов в Думе и в прессе за активизацию балканской политики, за союз с Англией против Германии и за сотрудничество с США против Японии.

Критика кадетами внешней политики царизма была, по выражению В. И. Ленина, протестом из среды «т о й ж е капиталистической волчьей стаи во имя той же волчьей политики», борьбой «против одного вида буржуазной внешней политики за другой вид такой же политики» [23]. Тем не менее кадеты старательно поддерживали выгодную им видимость оппозиционности правительству, и это не могло не наложить соответствующего отпечатка на их тактику. В качестве «оппозиции слева» они в отличие от октябристов не могли осуществлять личный контакт с членами правительства и поэтому сосредоточили усилия на выступлениях в прессе и с думской трибуны, на организации «политических клу-

---

[19] «Красный архив». Т. 26, стр. 100; АВПР, ф. Гартвига, д. 63, лл. 98—130, 140—149; ф. Сазонова, д. 32, лл. 1—2.

[20] ЦГИАМ, ф. 555, оп. 1, д. 457, лл. 1—2.

[21] Там же, ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 25; д. 7, лл. 18—22; д 30, лл. 6—7.

[22] Там же, д. 2, л. 24; д. 7, лл. 26—29, 49—55; д. 9, лл. 5—6, 44—45, 54; д. 30, л. 2.

[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 206, 207.

бов» для обсуждения вопросов внешней политики, на обеспечении себе поддержки либеральной буржуазии Англии и Франции, с которой царизм должен был считаться, как со своим кредитором.

Если буржуазия в вопросах контроля над внешней политикой была стороной, ратовавшей за определенные изменения существовавших порядков, то помещики-крепостники были заинтересованы в сохранении этих порядков, ибо они позволяли им фактически контролировать внешнюю политику правительства и вообще держать ведомство иностранных дел на положении заповедного поля деятельности дворянства. Однако конкретная обстановка, сложившаяся в России после 1905 г., была такова, что крепостникам стало затруднительно отстаивать прежние порядки в ведомстве иностранных дел. Слишком очевидной была гнилость этих порядков, чтобы возражать против необходимости реформ, слишком усилились позиции крупного (в том числе и иностранного) капитала, чтобы не считаться с пожеланиями буржуазии в области внешней политики. Наконец, страх эксплуататорских классов перед революцией не мог не вызывать у них стремления к сделкам между собой для создания единого блока против народных масс. Вследствие подобного положения дел помещикам приходилось маневрировать. Суть этих маневров всегда сводилась к одному — обеспечить собственные классовые интересы в области внешней политики. Но по вопросу о том, каким образом добиться этой цели, в среде помещиков имелись разногласия. Разногласия эти, как и в лагере буржуазии, были, конечно, незначительными по сравнению с тем, что объединяло помещиков как класс, но они все же существовали и в области внешней политики проявлялись особенно ярко.

Часть помещиков (умеренно-правые), осознавшая необходимость перехода от полукрепостнического к капиталистическому хозяйству, активно поддерживала Столыпина, который, собственно, и являлся ее идеологом. Она одобряла курс на соглашение с буржуазией, на превращение России в буржуазную монархию при сохранении в ней господствующих позиций за крупными землевладельцами. Ради этой цели она готова была пойти на уступки буржуазии в такой мере, в какой это не ущемляло основные интересы помещиков. В частности, она была согласна на реформу ведомства иностранных дел в буржуазном духе. Представители этой части помещиков в рассматриваемом нами плане ничем не отличались от октябристов. Граф В. Бобринский, Крупенский и другие лидеры умеренно-правых, как и октябристы, поддерживали постоянный контакт со Столыпиным, согласовывали с ним свои выступления по вопросам внешней политики в Думе и в печати. В 1908 г. умеренно-правые создали собственную политическую организацию — Всероссийский национальный союз, на собраниях которого вопросы внешней политики нередко оказывались одним из главных пунктов повестки дня [24].

Другая, крайне правая часть помещичьего класса находилась в «оппозиции справа» к правительству Столыпина. Она рассматривала его политику лишь как временную уступку буржуазии для «умиротворения страны», а отнюдь не как средство превращения России в буржуазную монархию. Поскольку возглавлявшая эту часть помещичьего класса придворная клика фактически осуществляла контроль над деятельностью министерства иностранных дел, крайне правые протестовали против вмешательства «общественного мнения» в область внешней политики вообще и против обсуждения в Думе этих вопросов в частности [25]. Так как реформа дипломатического ведомства грозила несколько ущемить монополию двора в подборе кадров дипломатиче-

[24] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М. 1927, стр. 5.
[25] «Московские ведомости», 16 октября 1909 года.

ского корпуса, крайне правые всячески старались затормозить ее проведение, соглашаясь лишь на замену особенно скомпрометировавших себя дипломатов другими (своими же ставленниками) [26]. Пуришкевич, Марков, князь Мещерский и другие лидеры крайне правых, подобно кадетам, не поддерживали личного контакта с членами столыпинского кабинета. Они постоянно критиковали правительство на страницах черносотенных газет и журналов, с думской трибуны и на собраниях разного рода организаций. Но в отличие от кадетов главным в тактике крайне правых были не публичные выступления, не апелляция к «общественному мнению», а интриги в придворных сферах с целью поставить у руководства внешней политикой «своих» людей, способных повернуть руль в нужную сторону. Несколько великих князей и княгинь, группа сановников из Государственного совета во главе с Акимовым и Горемыкиным, ряд близких к царю лиц, вроде начальника его канцелярии князя Орлова, заведующего его кабинетом князя Оболенского, царских адъютантов князя Енгалычева, князя Путятина и др.,— вот те силы, которые рассчитывали повлиять на Николая II, устранить Столыпина и Извольского, самим стать у кормила правления и повернуть на путь сближения с Германией [27].

Не следует забывать, однако, что разногласия между умеренными и крайне правыми по вопросам внешней политики были частными разногласиями внутри одного и того же помещичьего класса. Помещики располагали в то время единой классовой организацией в лице Совета объединенного дворянства, который, не вмешиваясь непосредственно в борьбу по вопросам внешней политики, стремился учитывать требования и крайнего и умеренного крыла черносотенцев, оказывая существенное влияние как на правительство, так и на придворные круги. Позиция этой организации в отношении внешней политики, по сути дела, ничем не отличалась от позиции самого царя. Известно, что Николай II так же, как и крайне правые, негодовал по поводу вмешательства «общественного мнения» в область внешней политики и так же был расположен к сближению с Германией и Австро-Венгрией [28]. Но он понимал, что без опоры на буржуазию держаться на престоле стало невозможно, и страх перед революцией заставлял его мириться с курсом на постепенное превращение России в буржуазную монархию при сохранении господствующих позиций за помещиками. В конечном счете Николай II должен был вопреки личным симпатиям санкционировать и курс на сближение с Англией против Германии. В этом направлении его толкали и усиливавшийся русский монополистический капитал, и нараставшая зависимость от англо-французского капитала, и сама международная обстановка того времени, характеризовавшаяся обострением русско-германских противоречий вследствие активизации германской экспансии на Востоке, что таило в себе угрозу низведения России на положение такой же зависимой от Германии державы, какой стала тогда Австро-Венгрия.

Те же причины заставили Николая II в 1906 г. назначить министром иностранных дел посланника в Копенгагене Извольского, который был известен царю как человек, преданный самодержавию. Николай II полностью доверял ему и относился к новому министру с большой симпатией. В то же время Извольский был убежденным сторонником столыпинской политики и высказывался за предоставление не-

---

[26] «Гражданин», 1908, № 57—58, стр. 2; «Московские ведомости», 24 июня 1908 г., 20 января 1909 года.

[27] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Л. 1927, стр. 165, 223, 234; т. 2, стр. 31—33, 369; G—P, XXVI, 2, S. 740, 782; ЦГИАЛ, ф. 1012, оп. 1, д. 50, л. 189; «Le Temps», 18 juni 1909.

[28] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. стр. 372; А. П. Извольский. Воспоминания, стр. 34; П. Н. Милюков. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк. 1955, стр. 105.

которых уступок либеральной буржуазии, за реформу ведомства иностранных дел в буржуазном духе, за сближение с Англией против Германии [29]. Все это позволило Извольскому, опираясь на кадетов, октябристов и умеренно-правых в Думе, лавируя между двором и правительством, несмотря на ряд серьезных дипломатических неудач, сохранять портфель министра вплоть до 1910 года.

Извольский был подчинен не председателю Совета министров, а непосредственно царю и поэтому обладал известной самостоятельностью в разрешении практических вопросов внешней политики. Иногда он не считал нужным сообщать Совету министров о заключаемых им соглашениях с другими державами [30]. Столыпин, разумеется, не мог мириться с таким положением и во время Боснийского кризиса, когда Россия оказалась на грани явно гибельной тогда для царизма войны с Германией и Австро-Венгрией, начал энергично вмешиваться в деятельность министерства иностранных дел, а впоследствии окончательно прибрал это ведомство к рукам, посадив во главе его своего ставленника Сазонова. Извольский упорно отстаивал свою линию во внешней политике и «независимость» от председателя Совета министров. При этом и тот и другой старались привлечь на свою сторону думское большинство, заручиться поддержкой кадетских, а особенно октябристских и умеренно-правых лидеров. Наиболее остро вопросы внешней политики встали в среде господствующих классов России в период Боснийского кризиса.

★

Вступив на путь лавирования между крепостниками-помещиками и буржуазией, царизм накануне третьеиюньского переворота по собственной инициативе нарушил «Основные законы» 1906 г. в той их части, которая предусматривала изъятие вопросов внешней политики из сферы компетенции Думы, предоставляя ей право обсуждать лишь финансовую сторону дела, а именно годовую смету министерства иностранных дел. В мае 1907 г. Николай II дал Извольскому «общее указание относительно возможности в нужных случаях выступления министра иностранных дел в законодательных учреждениях по поводу тех или иных... вопросов международной политики» [31].

27 февраля и 4 апреля 1908 г. состоялись заседания Думы, формально посвященные обсуждению вопросов о переименовании русской миссии в Токио в посольство и о смете расходов министерства иностранных дел на 1908 г., а фактически — о направлении дальневосточной и балканской политики России. Им предшествовали секретные совещания руководителей дипломатического ведомства с лидерами октябристов и умеренно-правых, а также с «представителями торгово-промышленного мира» Крестовниковым, Коноваловым, Четвериковым, Рябушинским и др. На этих совещаниях было определено в общих чертах содержание предстоявших думских дебатов, начиная от выступления министра иностранных дел и кончая принятием резолюции [32]. Затем фракции кадетов и октябристов на своих заседаниях приняли решение выступить в поддержку взятого царизмом направления внешней политики [33]. На указанных заседаниях Думы выступал Извольский, обещавший завершить реформу министерства иностранных дел и прокламировавший курс на сближение с Англией, а также на соглашение с Японией и Австро-Венгрией. Гучков, Крупенский и другие ораторы от

[29] Ж. Луи. Записки посла. М. 1925, стр. 29.
[30] «Красный архив». Т. 50—51, стр. 173.
[31] ЦГИАМ, ф. 601, д. 755, л. 10.
[32] АВПР, ф. Канцелярии МИД, д. 99, лл. 86—88; «Слово», 27 марта 1908 года.
[33] ЦГИАМ, ф. 6, оп. 1, д. 2, лл. 24—25; ф. 115, оп. 2, д. 19, л. 64.

имени октябристов и умеренно-правых одобрили курс на сближение с Англией и Японией, но выразили сомнение в целесообразности соглашения с Австро-Венгрией. Милюков от имени кадетской «оппозиции» в основном солидаризировался с октябристами и умеренно-правыми [34]. Крайне правые протестовали против сближения с Англией и Японией, одобряя лишь соглашение с Австро-Венгрией. Они вообще выступали против обсуждения вопросов внешней политики в Думе [35]. Стоявшей за их спиной придворной клике удалось добиться того, что курс на соглашение с Австро-Венгрией продолжался и что вопросы внешней политики не ставились более на обсуждение Думы. В. И. Ленин назвал заседание Думы 27 февраля 1908 г. заказанной «полицейски-патриотической демонстрацией», где «думские марионетки разыгрывали комедию под дудку самодержавной камарильи», помогая правительству занять миллиарды на новые карательные экспедиции, виселицы, тюрьмы и усиленные охраны [36].

Замешательство царизма во время Боснийского кризиса, его стремление перед угрозой явно гибельной для него войны заручиться активной поддержкой со стороны русской буржуазии привело к некоторому усилению позиций кадетов, октябристов и умеренно-правых в решении вопросов внешней политики. Столыпин, выражавший мнение группировавшихся вокруг него октябристских и умеренно-правых буржуазно-помещичьих кругов, выступил против курса Извольского на соглашение с Австро-Венгрией, за сколачивание союза всех балканских государств во главе с Турцией против Австро-Венгрии [37]. Извольский, отстаивая прежнюю линию, в свою очередь, апеллировал к Думе [38].

Кадеты, октябристы и умеренно-правые развернули широкую антиавстрийскую кампанию и вновь настояли на обсуждении внешней политики правительства в Думе 12 декабря 1908 г., установив тесное сотрудничество со столыпинским кабинетом. В ноябре 1908 г.— марте 1909 г. состоялось несколько секретных совещаний членов правительства с лидерами октябристов и умеренно-правых, а также с представителями крупной буржуазии [39]. На этих совещаниях был выработан такой курс балканской политики, который устраивал крупную буржуазию и получил одобрение ее представителей (включая кадетов) на заседаниях Думы 12 декабря 1908 и 8 марта 1909 года [40]. Фактическое руководство внешней политикой перешло к Столыпину и его ставленникам. Был сменен ряд наиболее скомпрометировавших себя в глазах буржуазии царских дипломатов. В этих условиях крайне правые должны были почти полностью прекратить открытые выступления против антиавстрийского (а тем самым и антигерманского) курса внешней политики. В то же время, однако, придворная клика усилила свои происки, стремясь заменить Извольского не ставленником Столыпина, а Горемыкиным или другим сторонником сближения с Германией [41].

После ликвидации Боснийского кризиса, когда международные позиции царизма несколько окрепли, самодержавие попыталось ликви-

---

[34] «Государственная дума. Созыв третий. Сессия первая». Стенографические отчеты. Ч. 2, стб. 102—125, 1763—1826.

[35] Там же, стб. 109—110, 1813—1823; «Гражданин». 1908, № 15, стр. 13.

[36] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 443—444.

[37] ЦГИАМ, ф. 601, д. 765, л. 16 и сл.

[38] Там же, д. 750, лл. 26—27; см. «Новое время», 12 октября 1908 года.

[39] «Речь», 9 декабря 1908 г.; «British Documents on the Origins of the War (BD)». Vol. V. London. 1928—1929, p. 603; G—P, XXVI, 2, S. 655—656, 784.

[40] «Государственная дума. Созыв третий. Сессия вторая». Стенографические отчеты. Ч. 1, стб. 2616 и сл.; G—P, XXVI, 2, S. 654.

[41] «Гражданин», 1908, № 81—82, стр. 15—16; 1909, № 17, стр.1—2; G. Lambsdorff. Die Militärbevollmächtigten Kaiser Wilhelms II am Zarenhofe. 1904—1914. Berlin. 1937, S. 297.

дировать некоторые, по его мнению, чрезмерные уступки, сделанные в пользу либеральной буржуазии. Несмотря на то, что «либералы» заверяли царизм в своей лояльности и продолжали лакействовать перед ним (что особенно ярко проявилось во время поездки думской делегации летом 1909 г. в Англию и Францию, укрепившей престиж самодержавия в глазах буржуазного общественного мнения этих стран), последний занял по отношению к этой группе буржуазии более неуступчивую позицию.

Секретные совещания членов правительства с лидерами буржуазно-помещичьих партий почти прекратились. На заседании Думы 2 марта 1910 г. Извольскому было разрешено выступить лишь по вопросам сметы министерства иностранных дел, а когда Милюков попытался снова открыть дебаты по внешней политике, то члены правительства демонстративно покинули зал заседаний [42]. В то же время придворные круги развернули кампанию за сближение с Германией, кульминационным пунктом которой явилось свидание Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме в октябре 1910 г., где вновь был поставлен вопрос о русско-германском союзном договоре по типу Бьеркского [43]. Столыпин и группировавшиеся вокруг его кабинета буржуазно-помещичьи круги выступили против попыток восстановления «союза трех императоров», неприемлемого для русской буржуазии и большинства помещиков. В конце концов им удалось свести на нет тенденцию к сближению с Германией и окончательно закрепить курс на соглашение с Англией. Но эти события в основном развертывались уже в иной внутриполитической обстановке — в обстановке нового революционного подъема 1911—1914 годов.

★

Разногласия в среде эксплуататорских классов по вопросам внешней политики отступали на задний план, как только буржуазия и помещики сталкивались с трудящимися массами страны. Здесь борьба развертывалась не за структуру министерства иностранных дел, не за ориентацию империалистической внешней политики, а за то, сохранится ли царизм вообще. Сопротивление народа империалистической внешней политике самодержавия очень осложняло ее проведение, о чем убедительно свидетельствовали события русско-японской войны и первой русской революции. Поэтому помещики и буржуазия, пытаясь не допустить создания антиимпериалистического единого фронта народных масс, всеми средствами стремились вызвать шовинистические настроения у наиболее отсталых слоев крестьянства и пролетариата, выдвинув с этой целью лозунг «национального единства» при разрешении внешнеполитических вопросов.

В таких условиях было очевидно, какую опасность для интересов трудящихся представляли призыв эсеров к демонстративному игнорированию вопросов внешней политики, а также ориентация на кадетов оппортунистического крыла в рядах русской социал-демократии. Вставал вопрос: исключить ли область внешней политики из сферы классовой борьбы во имя якобы «общенациональных интересов» или, напротив, использовать эти вопросы для усиления позиций народных масс в классовой борьбе, отвергнув лозунг «национального единства», как лживый и своекорыстный маневр эксплуататоров. Меньшевики высказывались за первое решение, большевики во главе с В. И. Лениным твердо стояли за второе.

---

[42] «Государственная дума. Созыв третий. Сессия третья». Стенографические отчеты. Ч. 2, стб. 2741 и сл.

[43] «Красный архив». Т. 3, стр. 9—10; А. М. Зайончковский. Подготовка мировой войны в международном отношении. Л. 1926, стр. 209.

Теоретические основы тактики большевиков в борьбе по вопросам внешней политики были заложены В. И. Лениным в его статьях «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» и «События на Балканах и в Персии». Суть ленинских положений сводилась к следующему. Внешняя политика определяется господствующими классами. Она имеет целью обеспечить интересы этих классов вне и внутри страны. Эксплуататоры стремятся обмануть народ, выдавая свои узкоклассовые интересы в области внешней политики за общенациональные, и заставить тем самым народные массы поддерживать внешнюю политику своих угнетателей. Поскольку интересы эксплуататоров и эксплуатируемых непримиримы, необходимо подходить к внешней политике не с «общенациональных», а с интернациональных классовых позиций и всю борьбу по вопросам внешней политики подчинять задачам борьбы против господствующего строя [44]. Далее В. И. Ленин указывал на то, что нельзя превращать борьбу по вопросам внешней политики в самоцель, как это делали «ультра-левые» социал-демократы, вроде Эрве во Франции, предлагавшего отвечать восстанием на любую войну и мотивировавшего это тем, что «пролетарии не имеют отечества». Такая тактика привела бы к тому, что рабочие стали бы вести борьбу против следствия (войны), оставляя существовать причину (капитализм). Кроме того, это ослабило бы пролетариат, так как передало бы инициативу в руки буржуазии, дав ей возможность наносить удары в удобный для нее момент [45]. В то же время нельзя пренебрегать борьбой по вопросам внешней политики, как делали правые социал-демократы (например, Фольмар в Германии), которые утверждали, что раз внешняя политика определяется существующим строем, то излишне уделять специальное внимание таким вопросам, так как все они решатся сами собой с падением этого строя.

Борьба по вопросам внешней политики, подчеркивал В. И. Ленин, необходима, ибо ослабляет позиции эксплуататорских классов в целом, она практически целесообразна и плодотворна, так как усиливает общий натиск угнетенных на эксплуататоров [46]. Следует учитывать важность патриотических чувств трудящихся: им не может быть безразлична судьба их страны, то есть те условия, в которых им приходится вести борьбу за свое освобождение, писал В. И. Ленин [47]. При этом необходимо, однако, решительно выступать против попыток эксплуататорских классов протаскивать свои узкоклассовые интересы под флагом мнимых «общенациональных». Подчинение борьбы за национальные интересы классовой борьбе означает, что всякий конкретный шаг в области внешней политики следует оценивать исключительно с точки зрения его последствий для классовой борьбы пролетариата [48]. Основной упор в борьбе по вопросам внешней политики в условиях России необходимо делать на разоблачение антинародной сущности не только царизма, но и либерально-буржуазной «оппозиции» [49].

Эти теоретические положения В. И. Ленина легли в основу практической деятельности большевиков. Большевистская печать раскрывала характер внешней политики царизма, показывала, как она служит интересам помещиков и буржуазии и какой ущерб наносит трудовому народу. В то же время вскрывалась антинародная сущность кадетской «оппозиции» правительству в области внешней политики, срывалась маска, которой эксплуататоры пытались прикрыть свои агрессивные

[44] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 169—170.
[45] См. там же, стр. 172—173.
[46] См. там же, стр. 173—175.
[47] См. там же, стр. 171—172.
[48] См. там же, стр. 175—176.
[49] См. там же, стр. 199, 205, 207.

устремления. В статье «Горючий материал в мировой политике» В. И. Ленин указывал, например, что главной особенностью международной обстановки накануне Боснийского кризиса являлось усиление революционного движения. Именно это обстоятельство определяло внешнюю политику империалистических государств, которые стремились подавить революции в Персии и Турции, а также революционное движение в Индии и Китае. Между империалистами шла грызня из-за размеров добычи в закабаленных ими странах. Они пытались за счет внешнеполитических успехов укрепить положение правящих классов внутри каждой страны. «Политика русских кадетов, как и политика европейских либеральных буржуа,— писал В. И. Ленин,— есть лакейство перед реакционными правительствами, есть отстаивание колониальных захватов, грабежа и вмешательства в чужие дела... Нельзя разъяснить народу всего вреда, всей реакционности царской политики, не разъясняя т о й ж е с у щ н о с т и кадетской внешней политики. Нельзя бороться с шовинизмом и черносотенством во внешней политике, не борясь с фразами, ужимками, недомолвками и подходцами кадетов»[50]. Для разоблачения классовой сущности внешней политики царизма В. И. Ленин использовал каждое событие в международной жизни — будь то англо-русское соглашение или Боснийский кризис, дебаты по внешней политике в Государственной думе или поездка думской делегации в Англию и Францию.

Свою точку зрения большевики могли высказывать главным образом через нелегальную прессу. Здесь приходилось прибегать ко всем средствам, вплоть до гектографированных или даже рукописных листовок[51]. В нелегальной большевистской печати тех лет (в первую очередь в «Пролетарии») появилось около десятка ленинских статей, в той или иной степени касавшихся вопросов внешней политики[52]. Со статьями по этим вопросам выступали Н. А. Алексеев (печатавшийся под псевдонимом «Угрюмый») и другие большевики[53]. Что касается легальных возможностей, то они были связаны в основном с деятельностью социал-демократической фракции в Думе. В. И. Ленин придавал работе фракции исключительное значение, стремясь использовать думскую трибуну для революционной пропаганды. Известно, что еще накануне открытия III Государственной думы (в октябре 1907 г.) состоялась городская конференция петербургской организации РСДРП, на которой с докладом о Думе выступил В. И. Ленин. После горячих прений была принята предложенная Лениным резолюция. Примерно в то же время было созвано совещание членов ЦК РСДРП с большевиками — депутатами Думы, где В. И. Ленин произнес речь о тактике социал-демократической фракции. Этот вопрос был включен также в повестку дня III Общероссийской конференции РСДРП в ноябре 1907 года. Он обсуждался и на V Общероссийской конференции РСДРП в декабре 1908 г., а через полгода — на заседании расширенной редакции «Пролетария».

Последовательное руководство деятельностью думской фракции со стороны ленинского ядра ЦК РСДРП способствовало тому, что по вопросам внешней политики большевикам удалось повести за собой в Думе не только всю социал-демократическую фракцию, но в ряде случаев и группу трудовиков, переходившую от «нейтралитета» при об-

---

[50] Там же, стр. 202—203.

[51] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), листовки Ц-21771, 33726, 36099 и др.

[52] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 397—402, 404—409, 441—446; Т. 15, стр. 159—165, 168—178, 187—190, 198—208, 209—223, 425—429.

[53] См. «Вперед», 1906, №№ 5, 10 и 11; «Эхо», 1906, №№ 3, 8 и 10; «Вестник жизни», 1906, № 5.

суждении вопросов внешней политики к поддержке резолюций, выдвигавшихся большевиками. По инициативе большевиков социал-демократическая фракция использовала для революционной пропаганды все заседания Думы, посвященные обсуждению вопросов внешней политики. Правда, на заседаниях 27 февраля и 11 марта 1908 г. выступавший от имени фракции меньшевик Чхеидзе сосредоточил полемический огонь против придворной клики и как бы солидаризировался в этом отношении с Милюковым и даже с Извольским, которые в своих выступлениях также протестовали против вмешательства «неответственных дипломатов» в сферу деятельности министерства иностранных дел [54]. Чхеидзе не смог дать четкую характеристику классовой сущности внешней политики царизма и ее «критики» из кадетского лагеря, не провел резкой черты между позициями социал-демократов и либералов по вопросам внешней политики. На совещании социал-демократической фракции 29 марта 1908 г. эти недостатки были вскрыты большевиками [55]. Чхеидзе, выступавший в качестве оратора фракции по вопросам внешней политики, был заменен примыкавшим к большевикам И. П. Покровским, который на заседании Думы 4 апреля убедительно разоблачил своекорыстие царизма и эксплуататорских классов в международных делах. Он открыто заявил, что социал-демократы — «принципиальные противники политики русского правительства, внешней так же, как и внутренней», и внес следующую резолюцию: отвергнуть ассигнования по смете министерства иностранных дел, заклеймив внешнюю политику царизма как носящую «характер авантюризма», как игнорирующую «интересы широких народных масс», направляемую «своекорыстными интересами отдельных групп из привилегированных классов» [56].

С наступлением Боснийского кризиса и усилением активности либерально-буржуазной оппозиции меньшевики попытались свернуть выступления социал-демократов по вопросам внешней политики. Они мотивировали свои происки тем, что «в настроении всей Государственной думы» теперь чувствуется «протест против администрации» и «выступление оратора от социал-демократической фракции» способно якобы лишь «нарушить это настроение» [57]. Большевики решительно протестовали против того, чтобы «не мешать кадетам» в их «критике» официальной дипломатии. Они указывали, что выступления социал-демократов по вопросам внешней политики являются «политически необходимыми», ибо имеют «не столько парламентское значение, сколько агитационное» [58]. Борьба между большевиками и меньшевиками по этому вопросу шла на совещаниях фракции 14, 15 и 18 октября, а также 13 ноября 1908 года. Большевикам удалось убедить большинство членов фракции в несостоятельности предложения меньшевиков, и 13 ноября одиннадцатью голосами против трех было принято решение о возобновлении выступлений по вопросам внешней политики [59].

15 ноября 1908 г. И. П. Покровский выступил от имени фракции с запросом о деятельности в Персии полковника Ляхова и заклеймил пособничество царизма в подавлении персидской революции [60]. 12 декабря он снова заявил с думской трибуны, что «внешняя политика

---

[54] «Государственная дума. Созыв третий. Сессия первая». Стенографические отчеты. Ч. 2, стб. 381—383.

[55] ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 42227, л. 12.

[56] «Государственная дума. Созыв третий. Сессия первая». Стенографические отчеты. Ч. 2, стб. 1804—1812.

[57] ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 42227, лл. 40, 71.

[58] Там же, лл. 25—26, 29—30, 40, 72

[59] Там же, лл. 71—72.

[60] «Государственная дума. Созыв третий. Сессия вторая». Стенографические отчеты. Ч. 1, стб. 1270.

русского правительства ведется за спиной народа и не в интересах народа»[61]. 1 июня 1909 г. И. П. Покровский повторил запрос о Ляхове (на который правительство, разумеется, не ответило) и еще раз протестовал против «роли жандарма, которую русское правительство взяло на себя» в Персии[62]. 2 марта 1910 г. Покровский вновь использовал дебаты по внешней политике для разоблачения агрессивности и антинародности царизма[63]. Выступления И. П. Покровского вызывали замешательство среди буржуазно-помещичьих политиканов. Речь социал-демократа всегда сопровождалась звериным воем черносотенцев. Председатель то и дело прерывал оратора, лишал его слова, удалял из зала заседания. А затем на трибуну поднимались Извольский, Гучков или Крупенский, которые пытались как-то развеять впечатление, созданное обличительной речью большевика.

Между тем страстные выступления большевистского оратора по вопросам внешней политики действительно производили большое впечатление как вне стен Думы — на тех, кто читал отчеты о думских заседаниях,— так и в самой Думе — прежде всего на членов фракции трудовиков. Если 27 февраля 1908 г. трудовики, как обычно, уклонились от обсуждения вопросов внешней политики, а 4 апреля критиковали официальную дипломатию с «общенациональной» позиции кадетов, то в ноябре они уже поддерживали запрос социал-демократов о деятельности Ляхова, а 12 декабря целиком солидаризировались с социал-демократами и внесли резолюцию, близкую по содержанию к той, которая вносилась ранее Покровским[64]. 2 марта 1910 г. представитель трудовиков также поддержал И. П. Покровского, заявив, что внешняя политика царского правительства «не соответствует интересам русского народа» и что поэтому трудовая фракция вместе с фракцией социал-демократической будет голосовать против сметы министерства иностранных дел[65].

Таким образом, и в области отношения к внешней политике обозначилась резкая, принципиальная грань, отделявшая грызущиеся между собой партии черносотенного и буржуазного лагерей от революционно-демократического.

★

Анализ борьбы, происходившей в России в 1906—1910 гг. по вопросам внешней политики, показывает, что здесь сталкивались те же силы, что и в области внутренней политики.

Однако особенности международного положения России того времени (обострение русско-германских и соответствующее ослабление англо-русских противоречий) обусловили своеобразное распределение сил в борьбе по вопросам внешней политики: выступавшая за сближение с Англией часть черносотенцев сомкнулась с либеральной буржуазией, благодаря чему умеренно-правые, октябристская и кадетская партии противостояли здесь, как правило, крайне правой черносотенной группировке. Царизм, стремясь расширить свою социальную опору, взял курс на политику лавирования между крепостниками-помещиками и буржуазией и поэтому должен был все в большей степени считаться с пожеланиями последней в области внешней политики.

Буржуазия требовала реформы министерства иностранных дел с тем, чтобы оно лучше защищало ее интересы за рубежом. Кроме того, она требовала сближения с Англией и Францией для совместного

---

[61] Там же, стб. 2632—2644.
[62] Там же, стб. 3122—3123.
[63] Там же. Сессия третья. Ч. 2, стб. 2813—2814.
[64] Там же. Сессия первая. Ч. 2, стб. 1816—1817; сессия вторая. Ч. I, стб. 1270; ч. 2, стб. 2644—2664.
[65] Там же. Сессия третья. Ч. 2, стб. 2813.

выступления против германской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке. Чтобы добиться этого, буржуазия и смыкавшаяся с ней часть помещиков во главе со столыпинским правительством развернули борьбу по вопросам внешней политики. Выступавшие за сближение с Германией крайне правые круги помещиков-крепостников во главе с придворной камарильей, которая фактически осуществляла контроль над внешней политикой, упорно сопротивлялись проведению реформы дипломатического ведомства, а особенно курсу на сближение с Англией против Германии. Но в конечном счете расширение германской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, увеличение зависимости России от англо-французского капитала, а также усиление позиций крупного капитала в самой России заставили самодержавие провести реорганизацию министерства иностранных дел и взять курс на сближение с Англией. Правда, вследствие происков придворных кругов эта реформа оказалась довольно куцей, а курс на сближение с Англией то и дело осложнялся попытками нового сближения с Германией.

Противоречия между буржуазно-помещичьими группировками по вопросам внешней политики всегда отступали на задний план перед борьбой черносотенного и буржуазного лагерей против революционно-демократического движения, возглавляемого пролетариатом и его авангардом — партией большевиков. Разоблачая классовую сущность внешней политики царизма, лицемерие кадетской «оппозиции» царскому правительству в вопросах внешней политики, вскрывая вред, наносимый интересам пролетариата и крестьянства меньшевистским курсом на поддержку либеральной буржуазии, большевики во главе с В. И. Лениным умело использовали грызню среди правящих классов по вопросам внешней политики для усиления революционного натиска на самодержавие и его кадетское прикрытие.

Историческое значение борьбы большевиков по вопросам внешней политики против буржуазно-помещичьих группировок России заключается в том, что в ходе этой борьбы вырабатывались теоретические, принципиальные основы такой внешней политики, которая соответствовала бы интересам пролетариата и всех трудящихся, той самой внешней политики, которую с начала своего существования проводит первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян.

РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЯПОНИИ в 1897—1906 годах

Д. И. Гольдберг

Рабочее и социалистическое движение в Японии прошло несколько этапов развития.

Первый этап этого движения в Японии (1872—1896 гг.) характеризуется стихийными выступлениями японского пролетариата, которые скорее напоминали бунты, чем стачки, созданием объединений рабочих, в которых преобладала ремесленно-цеховая идеология. С начала 70-х годов XIX в. в Японию стали проникать идеи утопического и мелкобуржуазного социализма (Т. Мора, Р. Оуэна, Сен-Симона, Ш. Фурье, Л. Блана, П. Прудона, Ф. Лассаля и других), распространение которых объяснялось слабым развитием крупной фабрично-заводской промышленности. Эти идеи пропагандировались мелкобуржуазной интеллигенцией, находившейся под сильным влиянием буржуазно-либерального движения «за свободу и народные права» («дзию минкэн ундо»), характерного для 70—80-х годов XIX века [1].

На втором этапе (1897—1906 гг.) развитие рабочего и социалистического движения происходило в условиях перерастания японского капитализма в монополистическую стадию. Этот процесс охватывал период с конца XIX в. до первой мировой войны [2]. «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии,— отмечал В. И. Ленин,— сложился вполне к 1898—1914 гг.» [3]. Японо-китайская война (1894—1895 гг.) и контрибуция (около 370 млн. иен), полученная Японией с Китая, ускорили развитие японской промышленности, в особенности ее военных отраслей. Отличительной чертой этого развития были высокие темпы. Так, за период 1898—1913 гг. добыча угля увеличилась: в Японии — на 310%, в США — на 260%, в Германии—на 200%, в Англии—на 150%; выплавка чугуна в Японии — на 1 040%, в США — на 340%, в Германии — на 260%, в Англии — на 120% [4].

Однако Япония серьезно отставала в технико-экономическом отношении от передовых стран Запада.

Колониальная экспансия, с помощью которой правящие классы стремились разрешить внутренние противоречия японского капитализма, играла важную роль в процессе превращения Японии в страну современного монополистического капитализма. Отмечая эту характерную черту японского империализма, В. И. Ленин писал, что в Японии, как и в Рос-

---

[1] Возникновению и первому этапу рабочего и социалистического движения в Японии (1872—1896 гг.) посвящена статья автора настоящей работы, опубликованная в журнале «Вопросы истории» (1956, № 8). О периодизации истории рабочего и социалистического движения Японии до 1917 г. см. Д. И. Гольдберг. Рабочее движение в Японии до 1917 г. Л. 1938.

[2] Подробнее об этом см. Д. И. Гольдберг. К вопросу о характерных чертах становления монополистического капитала в Японии. «Вестник Ленинградского университета», 1957, № 8, стр. 179—193.

[3] В. И. Ленин. Соч., Т. 23, стр. 95.

[4] См. Д. И. Гольдберг. К вопросу о характерных чертах становления монополистического капитала в Японии, стр. 185.

сии, «монополия военной силы», используемая для ограбления Китая и Кореи, «отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» [5]. Ускоренное капиталистическое развитие Японии в рассматриваемый период происходило прежде всего на основе жестокой эксплуатации японского пролетариата и крестьянства.

На формировании японского империализма сказалось сохранение после незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. феодальных пережитков в экономике и политическом строе страны. К числу таких пережитков относились полуфеодальная эксплуатация крестьянства, серьезно препятствовавшая образованию емкого внутреннего рынка, императорская система, сохранившая известную самостоятельность монархической бюрократии и военщины. Японские пролетарии испытывали на себе гнет феодальных пережитков, таких, например, как натуральная форма заработной платы, кабальная контрактация рабочих (и прежде всего женщин) на фабричные предприятия, режим казарменных общежитий, патернализм, большая роль мастеров и старшинок, система ученичества и т. д.

Аграрное перенаселение и связанный с этим постоянный приток избыточной рабочей силы в города позволяли японским капиталистам сохранять низкий уровень заработной платы японских рабочих. Увеличение заработной платы после японо-китайской войны 1894—1895 гг. не могло компенсировать более быстрого повышения цен на предметы первой необходимости. Рост налогов, инфляции и бремени внутренних займов, а также промышленный кризис 1900 г. ухудшили положение рабочего класса. Возросшие государственные расходы на вооружение армии и флота накануне и в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. производились за счет усиления эксплуатации трудящихся масс страны. Продолжительность рабочего дня на предприятиях японской промышленности составляла в среднем 12 часов [6].

Все это накладывало определенный отпечаток на процесс формирования японского рабочего класса, задерживало развитие его классового самосознания и перерастание стихийного рабочего движения в сознательную, организованную борьбу. Рабочий класс был рассредоточен в основном по мелким предприятиям, что затрудняло организацию его и отражалось на формах борьбы. К 1897 г. в Японии насчитывалось около 437 тыс. промышленных рабочих, в 1907 г.— 643,3 тысячи [7]. Более половины общего количества рабочих в эти годы составляли женщины (от 58 до 66%). Свыше 60% японского пролетариата было сконцентрировано главным образом в текстильной промышленности, где были особенно сильны феодальные пережитки, и только 10,6% рабочих (1907 г.) приходилось на машиностроительную промышленность [8].

В таких условиях развертывалось рабочее движение в Японии на втором этапе своего развития. Начало этого периода характеризовалось некоторым усилением стачечной борьбы японских пролетариев: во второй половине 1897 г. произошло 29 стачек, в них приняло участие 3 768 человек, в 1898 г. число стачек увеличилось до 43, а количество участников составило 6 293 [9]. Наиболее значительные выступления произошли среди горнорабочих на Хоккайдо и на рудниках в Фукусима (1897 г.), которые про-

---

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 104.

[6] Огава Нобукадзу. Родося-но дзётай оёби родося ундо (Положение рабочих и история рабочего движения). Ч. 1. Токио. 1932, стр. 32—33.

[7] Окоти Кадзуо. Рэймэйки-но Нихон родо ундо (Рабочее движение Японии в период зарождения). Токио. 1957, стр. 205.

[8] Такахаси Камэкити. Мэйдзи Тайсё сангё хаттацуси (История развития промышленности в период Мэйдзи и Тайсё). Токио. 1929, стр. 555; см. также Минобэ Рёкити. Карутэру, торасто, консэрун (Картели, тресты и концерны). Ч. 2. Токио. 1931, стр. 26.

[9] Огава Нобукадзу. Указ. соч., стр. 35; Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 205.

тестовали против тяжелых условий труда и произвола надсмотрщиков и требовали увеличения заработной платы, среди железнодорожников (машинистов и кочегаров) на линии Токио — Аомори (1898 г.) [10] и вагоновожатых и кондукторов трамваев в Токио (1899 г.). Обычно выступления рабочих были непродолжительными, требования их удовлетворялись лишь частично. Руководители стачек, как правило, подвергались увольнениям.

Хотя это движение носило тред-юнионистский характер, оно тем не менее отражало процесс пробуждения классовой сознательности рабочих, их стремление к созданию своих организаций. С конца 90-х годов появились первые крупные профессиональные объединения, в которых еще было сильным влияние ремесленно-цеховой и буржуазной идеологии.

В борьбе за создание первых рабочих организаций важное значение имела деятельность «Отважного общества мастеровых». В 1897 г. оно опубликовало листовку «Призыв к товарищам рабочим» [11], в которой выдвигался принцип организации рабочих как необходимое условие их освобождения, ставилась задача общеяпонского объединения профсоюзов и образования отраслевых союзов на местах. В декабре 1897 г. возникло «Общество подготовки создания профсоюзов» («Родо кумиаи кисэй домэйкай») [12], советниками которого были избраны Катаяма Сэн, Такано Фусатаро и Савада Ханноске. Кроме того, в руководство вошли Абэ Исоо, Мураи Тиси и буржуазные либералы Сакума Садаити и Симада Сабуро. Общество выдвинуло задачи по организации рабочих профсоюзов и кооперативов, достижению единства и сплоченности между рабочими, защите и расширению прав трудящихся. Рост влияния общества находил отражение в увеличении числа его членов: в конце 1897 г.— 1 200, в конце 1898 г.— 3 000 и в 1899 г.— 5 700 [13]. Общество организовывало митинги и демонстрации рабочих, движение за введение фабрично-заводского законодательства, за сокращение рабочего дня.

Важную роль в борьбе против буржуазной идеологии, за объединение рабочих сыграл печатный орган общества — «Рабочий мир» («Родо сэкай») [14], главным редактором которого стал Катаяма Сэн. В первом номере «Рабочего мира» (1 декабря 1897 г.) были определены его задачи: создание профсоюзов и политическое воспитание рабочих, а в декларации указывалось, что «Рабочий мир» явится рупором эксплуатируемых масс [15].

Активную деятельность развернула также «Рабочая ассоциация великой Японии» («Дайнихон родо кёкай»), основанная группой Ои Кэнтаро в июне 1899 года [16]. Она провозгласила своей целью защиту интересов трудящихся, организацию рабочих профсоюзов, строительство общежитий [17]. «Рабочая ассоциация» сделала попытку связаться с крестьянским движением: в ее составе была создана «Лига подготовки (издания) законов об

---

[10] Огава Нобукадзу. Указ. соч., стр. 41—42.

[11] Катаяма Сэн, Нисикава Кодзиро. Нихон-но родо ундо. «Мэйдзи бунка дзэнсю» (Рабочее движение Японии. «Собрание сочинений по культуре периода Мэйдзи»). Т. 21. Токио. 1929, стр. 169—174; см. также Сакаи Тосихико, Осуги Сакаэ и др. Сякай мондай гайкан (Общий обзор социальных проблем). Токио. 1922, стр. 211—212; Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 59—61.

[12] О подготовке создания этого общества см. Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 63—64; Хаттори Сисо. Нихон родо ундо (Рабочее движение Японии). Токио. 1953, стр. 18—19.

[13] Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 64.

[14] Сначала «Рабочий мир» выходил раз в две недели, с января 1902 г. он был реорганизован в ежедневную газету «Внутренние и международные новости» («Найгай симпо»), с 1903 г. — в журнал «Социализм» («Сякайсюги»).

[15] Декларацию «Рабочего мира» см. Katayama Sen. The Labor Movement in Japan. Chicago. 1918, p. 39.

[16] Танака Согоро. Нихон сякай ундоси (История социалистического движения в Японии). Ч. I. Токио. 1947, стр. 232.

[17] Акамацу Кацумаро. Нихон родо ундо хаттацуси (История развития рабочего движения). Токио. 1925, стр. 60.

аренде», члены которой приняли участие в борьбе крестьян-арендаторов префектуры Ямагути, требовавших снижения арендной платы.

Начало второго этапа рабочего и социалистического движения в стране характеризовалось обострением борьбы различных направлений вокруг вопроса о путях его развития. Представители формировавшегося социалистического направления, одним из самых видных руководителей которого был Катаяма Сэн, повели борьбу против буржуазных либералов (Кувада, Канаи, Симада и др.), пытавшихся насаждать в японском рабочем движении буржуазную идеологию. Отстаиваемая этой группой буржуазных либералов теория «гармонии труда и капитала» представляла собой японскую разновидность оппортунизма в рабочем движении, возникшего после японо-китайской войны 1894—1895 гг., в годы промышленного подъема. Одной из причин распространения этой «теории», заимствованной у А. Тойнби (1852—1883 гг.), было сохранение феодальных пережитков в японской промышленности и прежде всего патернализма. Наибольшее развитие патернализм получил на мелких предприятиях. Теория «гармонии» интересов капиталистов и рабочих являлась новым выражением и дальнейшим развитием ремесленно-цеховой идеологии, характерной для первого этапа японского рабочего движения (1872—1896 гг.). Вместе с тем это был худший вид экономизма. Буржуазные либералы и «буржуазные социалисты» пытались доказать рабочим, что они должны вести только экономическую борьбу в рамках профсоюзов.

Резкое столкновение между представителями указанных двух направлений произошло в 1899 г. на собрании союза печатников. Здесь выступили профессора Токийского императорского университета Кувада Кумадзо и Канаи Нобэру, образовавшие несколько позднее «катедер-социалистическую» организацию «Общество социальной политики» типа «Verein für sozial Politik». Их заявления о якобы возможном участии рабочих в прибылях капиталистических предприятий были направлены против Катаяма Сэн, добивавшегося изменения оппортунистического курса союза печатников. Кувада пытался доказать невозможность существования государства без капиталистов; «прогресс экономики» он считал возможным при осуществлении фантастической идеи о «взаимной помощи» рабочих и капиталистов, «гармонии» классовых интересов эксплуататоров и эксплуатируемых. Канаи возражал против провозглашения социализма в качестве конечной цели борьбы рабочего класса и утверждал, что профсоюзы должны ставить перед собой только чисто экономические цели. Катаяма Сэн в своем выступлении разоблачил подлинную природу всякого рода теорий «гармонии труда и капитала». Он справедливо говорил, что отношения капиталистов и рабочих — отношения господ и слуг, хозяев и рабов. Катаяма отстаивал необходимость привнесения в рабочее движение идей социализма [18]. Это означало, что Катаяма решительно порывал с теорией «гармонии труда и капитала», которой он придерживался, находясь в Америке, где увлекся идеями Лассаля [19]. Однако в этот период еще не выделилось последовательно социалистическое направление в рабочем движении, в нем значительно преобладала идеология мелкобуржуазного, домарксистского социализма, еще сильным было влияние буржуазной идеологии.

---

[18] О выступлениях Катаяма, Кувада и Канаи на собрании союза печатников см. Сакаи Тосихико, Осуги Сакаэ и др. Указ. соч., стр. 34—35; Огава Нобукадзу. Указ. соч., стр. 69—70; Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 77—78; Танака Согоро. Указ. соч., стр. 194.

[19] Следует решительно возразить тем японским авторам, которые искажают правду, называя Катаяма «апостолом социальной гармонии». См., например, Найто Такэо. Роси тёва тоситэ-но Катаяма Сэн. «Охара сякай мондай кэнкюсё дзасси» (Катаяма Сэн — теоретик гармонии труда и капитала). «Журнал исследовательского общества социальных проблем Охара», март 1936, стр. 1—29. Аналогичную ошибку совершает Окадзаки Сабуро, называющий Катаяма Сэн популяризатором идей «социального реформизма». См. «Современные японские мыслители». Сборник статей под редакцией Сакисака Ицуро. М. 1958, стр. 189.

В связи с оживлением рабочего движения японские власти предприняли ряд репрессивных мер. В 1900 г., когда Японию охватил экономический кризис, правительство Ямагата внесло на сессию парламента проект реакционного закона «об охране общественного порядка и спокойствия», составленного по образцу бисмарковского закона 1878 г. против социалистов. Закон ставил японское рабочее движение в жесткие рамки полицейского контроля, ограничивал возможность создания политических обществ, проведения собраний и демонстраций, причем полиции предоставлялось право запрещать собрания, если она найдет их опасными для «общественного порядка и спокойствия». Закон строго регламентировал повестки дня собраний и митингов, организуемых политическими обществами, и требовал заблаговременного представления подробных сведений об их инициаторах. Параграф 5-й закона запрещал участие в политических обществах военным и полицейским чинам, педагогам и учащимся государственных и частных учебных заведений, женщинам и лицам духовного звания. Закон был направлен против забастовок; нарушение этого положения каралось шестимесячным тюремным заключением [20]. Разоблачая полицейский характер закона, Катаяма Сэн писал в «Рабочем мире», что такое законодательство защищает капиталистов и помещиков и своим острием направлено против рабочего и крестьянского движения [21].

Несмотря на репрессии, в Японии в 1900 г. продолжали возникать новые профсоюзы (грузчиков, докеров, сапожников и др.); под руководством «Лиги борьбы за всеобщее избирательное право» развивалось движение за предоставление политических прав рабочим. Широкую пропаганду за организацию рабочих вел «Рабочий мир». В майском номере журнала за 1900 г. была помещена статья Катаяма Сэн «Социальная реформа и революция», в которой доказывалась невозможность освобождения рабочих при помощи социальных реформ в условиях капиталистического общества и выдвигался вопрос о необходимости социальной революции.

В начальной стадии второго этапа рабочего и социалистического движения действовали объединения японских социалистов, которые распространяли социалистические идеи. Однако это еще не был научный социализм. Среди японских социалистов того времени господствовали идеи утопического мелкобуржуазного социализма. В октябре 1898 г. Катаяма Сэн, Котоку Дэндзиро (он же Котоку Сюсуй), Абэ Исоо, Мураи Тиси, Каваками Киёси и другие организовали в Токио «Общество исследования социализма» («Сякайсюги кэнкюкай»), ограничившее свою цель изучением социалистических идей. Устав предусматривал созыв ежемесячных собраний общества, на которых каждый его участник должен был докладывать результаты своих исследований, после чего происходило обсуждение, а также проведение лекций по вопросам социализма для населения столицы [22], которые посвящались главным образом утопическому социализму Сен-Симона, Ш. Фурье и анархизму Прудона.

Оживление рабочего движения в Японии оказало большое воздействие на японских социалистов. В 1900 г. «Общество исследования социализма» было реорганизовано в «Социалистическую ассоциацию» («Сякайсюги кёкай»). Хотя «Социалистическая ассоциация» оставалась, как и ее предшественник, на позициях мелкобуржуазного социализма, она сделала решительный шаг вперед, чтобы отмежеваться от буржуазных либера-

---

[20] Полный текст закона «об охране общественного порядка и спокойствия» 1900 г. см. «Моханроппо дзэнсё» (Свод законов). Токио. 1926, стр. 26—28.

[21] Судзуки Бундзи. История рабочего движения в Японии. «Сякай кэйдзай тайкэй». 1926, № 3, стр. 283.

[22] Текст устава «Общества исследования социализма» (§§ 1—8) см. Кимура Такэси. Мэйдзи ханки-но сякайсюги сисо то сякай ундо. Сякай кагаку. Нихон сякайсюги ундоси (Социалистические идеи и общественное движение в первой половине периода Мэйдзи. Серия «Социальные науки». История социалистического движения в Японии). Токио. 1928, стр. 72—73; см. также Танака Согоро. Указ. соч., стр. 229—230.

лов. Под ее руководством созывались рабочие массовки, митинги и собрания. «Социалистическая ассоциация» установила связь с рабочими, в частности с союзами железнодорожников и металлистов. Ее руководители совершали агитационные поездки по рабочим районам страны. Огромная заслуга этой организации заключалась в том, что она подготавливала почву для создания в Японии первой социал-демократической партии.

В апреле 1901 г. на одном из совещаний виднейших социалистов было признано необходимым создать партию, выступающую под знаменем социализма [23]. Социал-демократическая партия («Сякай минсюто») была основана 20 мая 1901 г. на базе распущенной «Социалистической ассоциации». Ее учредителями явилась «шестерка социалистических гэнро» (старейшин): Катаяма Сэн, Котоку Дэндзиро, Абэ Исоо, Киносита Наоэ, Нисикава Кодзиро и Каваками Киёси. Программные документы «Сякай минсюто» были составлены по образцам германской социал-демократической партии [24]. Подобно многим партиям II Интернационала, «Сякай минсюто» выдвигала на первый план парламентские формы борьбы и ограничивалась легальной деятельностью. В ее манифесте указывалось, что великие революции, часто сопряженные с насилием, никоим образом не могут служить примером для партии, что парламент является «ареной нашей будущей деятельности» и завоевание большинства в нем позволит осуществить намеченные цели с помощью «чистого демократизма и чистого социализма» [25]. Это означало, что «Сякай минсюто» была реформистской партией, партией мелкобуржуазного социализма. «В те времена,— писал Катаяма Сэн,— ...мы еще не умели разобраться в самой сущности марксизма» [26]. «Сякай минсюто» опубликовала свою программу действий. Хотя эта программа и не содержала призывов к радикальному изменению социально-экономического строя страны, она выдвигала требования, близкие интересам широких слоев трудящихся масс города и деревни: предоставление политических прав народу и прав на объединение рабочих, ликвидация верхней палаты, осуществление всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, отмена полицейского закона «об охране общественного порядка и спокойствия», сокращение вооружений, рабочее и профсоюзное законодательство, запрещение детского труда, отмена ночной работы для женщин и малолетних детей, полная отмена налогов на потребление и замена их прямыми налогами на наследство и доходы, издание закона о защите арендаторов и другие [27].

Как только «Рабочий мир» и шесть крупнейших газет Токио опубликовали программные документы «Сякай минсюто», партия была немедленно запрещена, а газеты оштрафованы. Тогда инициаторы создания партии восстановили «Социалистическую ассоциацию», органом которой вскоре стал «Социализм» [28]. Пропаганду мелкобуржуазных социалистических идей наряду с «Ассоциацией» вело левое издательство «Бантёхо», возглавленное Котоку Дэндзиро и Сакаи Тосихико.

1903—1906 годы характеризуются значительной активизацией социалистического движения, огромным воздействием на японское рабочее и социалистическое движение идей первой русской революции, установлени-

[23] Хаттори Сисо. Указ. соч., стр. 23.

[24] Абэ Исоо. Сякайсюги ундо дайиппо (Первые шаги социалистического движения). «Ниппон хёрон», 1935, № 11, стр. 127.

[25] Асо Хисаси. Мусан сэйто-ва нандзо? (Что такое пролетарские политические партии?). Токио. 1926, стр. 48; см. также Хосокава Кароку. Нихон сякайсюги бункэн кайсэцу (Комментарии к литературе японского социализма). Токио. 1932, стр. 25; Сакаи Тосихико, Осуги Сакаэ и др. Указ. соч., стр. 37.

[26] Катаяма Сэн. К вопросу о развитии марксизма в Японии. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 7—8, стр. 79.

[27] См. Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 93—94; Огава Нобукадзу. Указ. соч., стр. 70—71.

[28] Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 97, 109.

ем связей с русской социал-демократией и революционными организациями других стран.

В условиях форсированной подготовки войны против России и развернувшейся официозной антирусской шовинистической пропаганды с 1903 г. социалистические организации в Японии усилили свои антимилитаристские выступления. Катаяма Сэн и его соратники совершили ряд агитационных поездок по стране, организовали антивоенные митинги и основали филиалы «Социалистической ассоциации». Большое значение имел антивоенный митинг, созванный ассоциацией 8 октября 1903 г. в Токио. Выступая на митинге, Катаяма энергично протестовал против готовившейся войны с Россией. Он заявил, что эта война будет выгодна капиталистам, а рабочим она принесет лишь страдания и усиление эксплуатации [29].

Центром антимилитаристской пропаганды становилось общество «Хэймин-ся» («Народное общество»), начавшее выпускать с 15 ноября 1903 г. еженедельную газету «Хэймин симбун» («Народная газета») под редакцией Котоку Дэндзиро и Сакаи Тосихико. В первом номере газеты был опубликован манифест, который провозглашал цели «Хэймин-ся»: достижение свободы, равенства и братства, ликвидация классов и всякого угнетения, обобществление средств производства, запрещение войны и обеспечение мира [30]. Наряду с манифестом была помещена декларация, где сообщалось, что главное назначение газеты состоит в пропаганде идей демократии, социализма и мира [31].

«Хэймин симбун» отвергала революционные методы борьбы. Однако ей принадлежали большие заслуги в антивоенной пропаганде, в особенности после возникновения русско-японской войны [32]. 14 февраля 1904 г. газета в передовой статье призывала решительно выступать против войны [33]. Ненавистью к войне была пронизана статья, обращенная к уходившим на фронт солдатам [34]. Выступления «Хэймин симбун» против войны неоднократно вызывали репрессии правительства; ее редакторы Сакаи и Котоку подвергались штрафу и тюремному заключению [35].

Известное влияние на антивоенную пропаганду в стране оказала статья Л. Н. Толстого о русско-японской войне, озаглавленная «Одумайтесь», перевод которой был опубликован в «Хэймин симбун» 7 августа 1904 года [36]. Как справедливо отметил академик Е. М. Жуков, «Хэймин симбун», отправляясь от этой статьи, вела критику милитаризма и шовинизма с толстовско-пацифистских позиций, ограничиваясь моральным осуждением войны [37]. Христианско-гуманистические идеи Толстого находили отклик среди широких крестьянских масс, составлявших большую часть армии. Идеи христианского гуманизма Л. Н. Толстого встретили различное отно-

---

[29] Катаяма Сэн. Моя жизнь. М.-Л. 1926, стр. 41.

[30] «Хэймин симбун». Т. 1. Осака-Киото. 1953, стр. 3.

[31] Там же, стр. 4.

[32] О заслугах и недостатках «Хэймин симбун» см. «Очерки новой истории Японии». М. 1959, стр. 406—408.

[33] «Хэймин симбун». Т. 1, стр. 302. Характерной для антивоенной позиции газеты является также статья, опубликованная 28 февраля 1904 года. В ней говорилось, что никакой бешеный восторг «по поводу наших морских побед не может поколебать наше отношение к войне», что «война приносит огромную выгоду капиталистам, а для пролетариата является самым ужасным событием» (там же, стр. 18, 351—352).

[34] Там же, стр. 303.

[35] За опубликование статьи, содержавшей протест против увеличения налогов и разоблачавшей шовинистические призывы «все для войны» (№ 20, 27 марта 1904 г.), Сакаи был предан суду и приговорен к двухмесячному тюремному заключению. См. «Хэймин симбун». Т. 2. Токио. 1954, стр. 75—76.

[36] «Хэймин симбун». Т. 3. Токио. 1955, стр. 140—162.

[37] Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (из истории социалистической мысли в Японии). «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к семидесятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина. М. 1955, стр. 700.

шение среди японских социалистов: одни (Абэ Исоо, Исикава Сансиро) поддержали их, другие (Котоку Дэндзиро) подвергли критике.

Значительную роль в консолидации сил социалистического движения сыграл другой печатный орган, «Социализм», редактируемый Катаяма Сэн. В № 11 этого журнала Катаяма в противовес сторонникам ненасильственных средств борьбы доказывал необходимость использования рабочими политической стачки и захвата ими политической власти [38]. В начале ноября 1903 г. «Социализм» опубликовал призыв ко всем рабочим готовиться к всеобщей забастовке, главной целью которой объявлялось завоевание всеобщего избирательного права, расширение политических прав рабочих.

Важное значение в консолидации сил рабочего и социалистического движения имели труды его руководителей: Катаяма Сэн и Нисикава Кодзиро — «Рабочее движение в Японии» (1901 г.), Катаяма Сэн — «Социализм в Японии» (1903 г.) [39], Котоку Сюсуй — «Дух социализма» (1903 г.) [40] и др.

В 1903 г. была сделана попытка объединить всех японских социалистов в единой организации, для чего в Осака была созвана общеяпонская конференция, проведены собрания и митинги, на которых выступили руководители социалистического движения на тему «Будущее социалистической партии». Конференция приняла решение, в котором указывалось, что осуществление социализма является важнейшей целью японских социалистов, и содержался призыв объединить силы международного социализма [41].

В самом начале русско-японской войны, 20 марта 1904 г., японские социалисты созвали в Токио митинг, на котором приняли резолюцию, выражавшую солидарность с русскими рабочими. В ней говорилось, что японский и русский народы должны не воевать между собой, а вести совместную борьбу против общего врага — милитаризма и мнимого патриотизма. Социалисты всех стран, гласила резолюция, сопротивляясь общему врагу, должны подать друг другу руки по завету Карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; они должны понимать, что «кто бы ни победил, результаты войны будут во всяком случае одни и те же: общая нищета, гнет увеличившихся налогов, нравственный упадок и дальнейшее развитие милитаризма». Вместе с тем японские социалисты заявили, что в своей борьбе они решительно отвергают применение насилия, предпочитая ему мирные средства («Хэймин симбун», т. II, стр. 28—29).

Некоторые социалисты проповедовали утопическую идею о достижении социализма «в рамках существующих законов».

1904 год знаменателен выходом японского социалистического движения на международную арену. Об этом свидетельствовали решения «Социалистической ассоциации» (июнь 1904 г.) о посылке открытого письма товарищам-социалистам в Европу и Америку и командировании своего делегата (Катаяма Сэн) на VI, Амстердамский конгресс II Интернационала.

---

[38] Хосокава Кароку. Указ. соч., стр. 30—31; см. также Катаяма Сэн. К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. «Коммунистический Интернационал». 1933, № 7—8, стр. 79—80. Накануне объявления войны Катаяма Сэн в письме к Жану Лонге писал, что японские социалисты являются противниками войны с Россией, что эта война увеличит число вдов и сирот, усилит бедность. Катаяма Сэн сообщал, что, объезжая страну, он увидел, как рабочие и крестьяне враждебно относятся к войне. См. Ж. Лонге. Общественное движение в Японии. 1905, стр. 29—30; его же. Социализм в Японии. Одесса. 1905, стр. 35; Katayama Sen. Les socialistes Japonais et la guerre. «Le Mouvement Socialiste», 15 April 1904, pp. 456—459.

[39] Катаяма Сэн. Вага сякайсюги (Социализм в Японии). Токио. 1903.

[40] Котоку Сюсуй. Сякайсюги синдзуй. «Сякай бунгакусю» (Дух социализма. Серия «Социальная литература»). Т. XXXIX. Токио. 1930, стр. 172—196.

[41] Хирано Ёситаро. Родо ундо-но дзётай (Состояние рабочего движения), «Кэйдзай хёрон», 1936, № 1, стр. 40.

Участие Катаяма в работе конгресса II Интернационала (14—20 августа 1904 г.) имело большое значение для дальнейшего развития рабочего и социалистического движения в Японии [42].

Историческая заслуга Катаяма заключалась и в том, что он, впервые представлявший на международном конгрессе молодое рабочее и социалистическое движение Японии, решительно встал на позицию марксистской группы Бебеля, выступавшей против ревизионистов, отстаивавших возможность вхождения социалистов в буржуазное правительство. Он принимал участие в выработке приветственной резолюции русскому пролетариату, принятой конгрессом.

Роль Катаяма на конгрессе охарактеризована Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. «На Амстердамском конгрессе довоенного II Интернационала,— говорится в обращении ИККИ,— он (Катаяма.— *Д. Г.*) выступил с разоблачением социал-предателей, прикрывающих империалистическую политику своей буржуазии и стремившихся к участию в буржуазных правительствах. Он решительно звал рабочих Японии и России объединиться в борьбе против своих правительств» [43].

1904 год ознаменовался еще одним событием, имеющим огромное значение в истории рабочего и социалистического движения. В первую годовщину существования «Хэймин симбун», 15 ноября 1904 г., на ее страницах был опубликован на японском языке «Манифест Коммунистической партии», переведенный Котоку Сюсуй и Сакаи Тосихико. Первый перевод произведения основоположников марксизма являлся показателем начавшегося проникновения марксистских идей в Японию. Появление его в печати послужило поводом для усиления полицейских репрессий в отношении газеты «Хэймин симбун». В ноябре 1904 г. была запрещена «Социалистическая ассоциация». О размахе ее деятельности говорит тот факт, что она сумела в течение 1904 г. выпустить 32 тыс. различных листовок, посвященных проблемам социализма, 7 тыс. листовок и 3 тыс. петиций о всеобщем избирательном праве, свыше 15 тыс. экземпляров брошюр из серии «Библиотека социализма».

После неоднократных штрафов и процессов, возбуждаемых полицейскими властями против «Хэймин симбун», 29 января 1905 г. газета была запрещена. В последнем номере был опубликован манифест о прекращении выпуска газеты, в котором говорилось, что ее руководители не ограничивали свои цели изданием газеты, считая главной задачей развитие социалистического движения в стране [44]. Эту задачу продолжало выполнять общество «Хэймин-ся».

5 февраля 1905 г. начал выходить еженедельник «Рупор» («Тёкуэн») [45]. Ему принадлежит заслуга широкой информации о первой русской революции. В № 2 была помещена статья «О развитии русского революционного движения». В передовой статье № 3 (19 февраля 1905 г.) «Об уроках русской революции» отмечалось: «Революция никогда не приходит и никогда не побеждает сразу. Долгие годы проходят, многочисленные жертвы приносятся, прежде чем революция вспыхивает. Но как только революционное движение началось, ничто уже не в силах заставить его остановиться, и раньше или позже оно должно при-

---

[42] Об участии Катаяма в работе Амстердамского конгресса в 1904 г. см. «Катаяма Сэн дзидэн» («Автобиография Катаяма Сэн»). Токио. 1954, стр. 235—240; «Хэймин симбун». Т. III, стр. 361—363; Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. XVI. М.-Л. 1925, стр. 311—312.

[43] См. «Катаяма Сэн». Партиздат. 1933, стр. 6.

[44] Хосокава Кароку. Указ. соч., стр. 34—35; Катаяма Сэн. К вопросу о развитии марксизма в Японии, стр. 81.

[45] В еженедельнике «Рупор» принимали участие Катаяма Сэн, Котоку Дэндзиро, Сакаи Тосихико, Нисикава Кодзиро, Исикава Сансиро, Киносита Наоэ, Ямагути Кокэн, Морита Умпэй и другие.

вести к решительным столкновениям. Смотрите, как шествует вперед революционная мысль и как она ширится и какое влияние она оказывает на русских... Революционную мысль ничто не заставит остановиться!» [46].

Передовая статья в № 6 «Рупора» рассказывала о глубоких корнях русской революции. 19 марта 1905 г. в еженедельнике было напечатано открытое письмо русским военнопленным в Японии, в котором говорилось: «...В то время, как вы бились с японской армией на кровавых полях Маньчжурии, в Петербурге, Москве и в других городах развивалось революционное движение. Мы глубоко сочувствуем революционной партии и рабочим вашей страны». Далее указывалось, что «разграбленные и порабощенные страны Востока» ждут сигнала русской революции [47]. 26 марта 1905 г .«Рупор» опубликовал воззвание II Интернационала, призывавшее оказать помощь русским революционерам. «Мужественная борьба авангарда русской революции, русского пролетариата за свободу всей Европы,— гласило воззвание,— не прекратится, пока не будет разрушен этот средневековый опасный режим... Их борьба — наша борьба. Враг, против которого они борются,— наш враг и враг всего человечества... Долой абсолютизм!» [48].

Таким образом, благодаря «Рупору» японский читатель получал широкую информацию о революции 1905 г. в России. «Японские рабочие,— писал Катаяма,— обнаруживали глубокий интерес к русской революции и к освободительной борьбе русских рабочих... Революция 1905 г. по мере развития событий все больше привлекала к себе умы трудящихся Японии...» [49].

Воздействие первой русской революции на Японию проявилось в росте стачечного движения (в 1905 г. произошло 19 забастовок с участием 5013 рабочих, тогда как в 1904 г. имели место лишь 6 стачек с участием 879 рабочих), а также в ряде народных манифестаций. Так, 2 апреля в Токио была организована демонстрация с участием нескольких сот рабочих, шедших с красными знаменами. Демонстранты провозглашали лозунг «Да здравствует социализм!». 1 мая 1905 г. в Японии в закрытом помещении было проведено собрание, посвященное международному празднику трудящихся [50].

Наиболее ярким отражением влияния русской революции на Японию явились события 5—6 сентября 1905 г. в Токио в связи с подписанием Портсмутского мирного договора. В эти дни произошли массовые антиправительственные выступления различных социальных слоев. Рабочие, рикши, ремесленники и студенты выражали протест против политики милитаристского кабинета Кацура и громили полицейские участки. Даже буржуазный журнал «Нихон» был вынужден признать, что в событиях 5—6 сентября «пролетариат протестовал против своего положения», а один из очевидцев, Людовик Нодо, сообщал: «...Толпа бунтовщиков, которая подожгла сорок трамваев на улицах Токио и угрожала погромом жилищ миллионеров и нажившихся политиканов, состояла не столько из разочарованных патриотов, сколько из безработных и всякой бедноты» [51]. Лишь часть демонстрантов, провоцируемая реакционно-шовинистическими кругами и «Ассоциацией борьбы против России», требовала объявления траура по поводу «слабого» и «невыгодного»

---

[46] Цит. по Катаяма Сэн. Революция 1905 г. и Япония. Сборник «Первая русская революция и международное рабочее движение». Л. 1925, стр. 7—8.

[47] Там же, стр. 9, 10.

[48] Там же, стр. 11.

[49] Там же, стр. 7, 11.

[50] У. Хаяма. Рабочее движение в Японии. М. 1937, стр. 105. Впервые первомайское собрание в закрытом помещении было организовано в 1898 году. См. Хаттори Сисо Указ. соч., стр. 22.

[51] Цит. по Ф. Шалле. Рабочее движение в Японии. М. 1923, стр. 58.

мирного договора. Правительство прибегло к жестоким репрессиям против антивоенно настроенных демонстрантов. Многие участники были арестованы и осуждены по обвинению в «подстрекательстве к насильственным действиям». Издательское «Общество простого народа» было распущено. За призыв к свержению правительства был закрыт и «Рупор». Народные волнения 5—6 сентября 1905 г.[52] были стихийными и проходили без руководства со стороны японских социалистов. Это объяснялось слабостью социалистического движения в Японии.

Под воздействием русской революции 1905 г. и роста японского рабочего движения в рядах социалистического движения Японии начался процесс внутренней дифференциации. Группа «христианских социалистов» во главе с Абэ Исоо, Исикава Сансиро и Киносита Наоэ 10 ноября 1905 г. начала выпускать свой орган «Новая эра» («Синкигэн»), пропагандировавший «теорию» тождественности социализма и христианства. Другая группа социалистов во главе с Нисикава Кодзиро и Ямагути Кокэн стала выпускать свой журнал «Свет» («Хикари»), который уделял много внимания русской революции и международному социалистическому движению. Буржуазные либералы во главе с Кувада Кумадзо окончательно отошли от социалистического движения.

Японские социалисты обоих направлений предприняли в 1906 г. попытку слиться в единой организации на общей платформе. В феврале 1906 г. группа Нисикава создала «Японскую народную партию» («Нихон Хэйминто»), а группа Сакаи — «Социалистическую партию Японии» («Нихон Сякайто»). К концу месяца обе группы решили объединиться. На учредительном съезде новой, социалистической партии был избран совет из 13 человек, который возглавили три секретаря: Сакаи Тосихико, Нисикава Кодзиро и Моритика Умпэй,— а также утвержден устав партии. В последнем нашли отражение реформистские идеи партии. Это видно уже из того, что построение социализма предусматривалось уставом «в рамках существующих законов»[53]. Вскоре партия стала издавать теоретический журнал «Изучение социализма» («Сякайсюги кэнкю»)[54]. Из материалов, опубликованных журналом, видно, что японские социалисты смешивали идеи марксизма, анархизма и утопического социализма. Вместе с тем заслугой журнала является опубликование полных переводов «Манифеста Коммунистической партии» (№ 1) и труда Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (№ 4), сделанных Сакаи Тосихико и Котоку Дэндзиро[55]. В «Сякайсюги кэнкю» освещались также различные вопросы международного социалистического движения.

Социалистическая партия пыталась поддерживать конкретные требования народных масс. В апреле 1906 г. партия приняла участие в руководстве массовым движением против повышения платы за проезд в трамвае и снижения заработной платы вагоновожатым и кондукторам. Большую роль в этом движении сыграл Катаяма Сэн. Сакаи Тосихико, Моритика Умпэй и Катаяма Сэн написали популярную брошюру, содержавшую решительный протест против повышения проездной платы в трамвае. Поскольку плата была все же увеличена, партия организовала в сентябре 1906 г. кампанию за бойкот трамвая, в результате которой

---

[52] О волнениях 5—6 сентября 1905 г. см. Хаттори Сисо. Указ. соч., стр. 34—35, 38—40; «Очерки новой истории Японии», стр. 412—418.

[53] Сакаи Тосихико. Рэймэйки сосэцу. Сякай кагаку. Нихон сякайсюги ундоси. (Общий обзор периода зарождения. Серия «Социальные науки». История социалистического движения Японии). Токио. 1928, стр. 18—19; см. также Асо Хисаси. Мусан сэйто-ва нандзо? Стр. 55—56.

[54] Окоти Кадзуо. Указ. соч., стр. 144.

[55] Кояма Хиротакэ. Нихон Марукусу сюгиси (История марксизма в Японии). Токио. 1956, стр. 13.

движение трамвая было временно прекращено. Значение протеста против повышения проездной платы в трамвае и снижения заработной платы вожатым и кондукторам заключалось в том, что это движение народных масс вышло за легалистские рамки устава социалистической партии.

Летом 1906 г. Котоку Дэндзиро вернулся из США, где он увлекся идеями Кропоткина и сблизился с анархо-синдикалистской организацией «Индустриальные рабочие мира». 28 июня 1906 г. он выступил на митинге, организованном социалистической партией, с большой речью о «тенденциях в мировом революционном движении» [56]. Котоку очень тепло отозвался о революции в России. Он заявил, что знакомство с европейским и американским социалистическим движением убедило его в необходимости перехода от мирных, парламентских методов к насильственным методам, среди которых важнейшее место занимает тактика «прямого действия» («тёкусэцу кодо»). Объявив, что анархистские террористические покушения и заговоры являются пережитками первой половины XIX в., Котоку подчеркивал, что всеобщая забастовка представляет собой самое действенное средство борьбы.

Группа анархо-синдикалистов предприняла попытки установить связь с рабочими. Нисикава Кодзиро, Ямагути Кокэн и другие вели пропаганду среди шахтеров рудников Асио, создавали кружки по изучению социалистических идей и содействовали появлению новых рабочих организаций. В результате деятельности рабочих организаций горняки Асио, Бэсси и Юбэнага, в особенности после первой русской революции, выдвинулись в первые ряды японского рабочего движения.

Таким образом, в японском социалистическом движении стал распространяться анархо-синдикализм, который признавал единственным средством борьбы всеобщую забастовку. Рассматривая анархо-синдикализм как продукт буржуазного влияния на пролетариат, В. И. Ленин отмечал, что «анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события» [57].

Преобладание в Японии анархо-синдикализма, а также реформизма объяснялось отсталыми экономическими отношениями, существовавшими в стране, сохранившимися феодальными пережитками, относительно слабым развитием крупной промышленности, сравнительно небольшим количеством индустриальных рабочих. Политическими условиями, способствовавшими в тот период распространению анархо-синдикализма в Японии, являлись отсутствие политических свобод в стране, усиливавшиеся репрессии японской монархии. Значительное распространение реформистских и анархо-синдикалистских взглядов в социалистическом движении Японии на втором этапе его развития и преобладание реформистской теории и тактики отражали незрелость и слабость рабочего движения в стране. Все это в большой степени препятствовало консолидации сил японского пролетариата, соединению рабочего движения с научным социализмом. В. И. Ленин писал, что реформизм и анархизм «тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при всяких условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании» [58].

---

[56] Выступление Котоку было полностью опубликовано в № 16 журнала «Свет» от 5 июля 1906 года.

[57] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 319.

[58] Там же.

★

С конца 90-х годов XIX в. борьба японских рабочих становилась более организованной, но она носила экономический, тред-юнионистский характер. Число стачек и количество их участников было незначительным.

Несмотря на появление в Японии в 1904—1906 гг. ряда переводов произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, марксизм еще не получил широкого распространения. Рабочее движение Японии все еще развивалось в отрыве от социалистического движения, носившего в то время мелкобуржуазный характер. Японские социалисты не понимали сущности марксизма. Их «социализм» сводился к идеям свободы, равенства, гуманизма и пацифизма. Марксизм рассматривался ими как одно из «равноправных социалистических течений» и пропагандировался наравне с идеями Сен-Симона, Р. Оуэна, Ш. Фурье, Л. Толстого, П. Кропоткина. В мелкобуржуазных социалистических организациях и кружках интеллигенции того времени преобладала установка на легальные, мирные методы борьбы. Возникновение в 1906 г. анархо-синдикалистского направления в рядах социалистического движения являлось реакцией на длительное засилье в нем реформистско-парламентских средств борьбы. Борьба этих направлений проходит через весь третий этап рабочего и социалистического движения в Японии (1907—1917 гг.) [59].

Анархо-синдикализм нанес наряду с реформизмом сильный удар рабочему движению Японии. Возводя в абсолют одно из средств борьбы рабочего класса (всеобщую стачку), анархо-синдикалисты не были в состоянии соединять различные методы борьбы, диктовавшиеся историческими условиями. Анархо-синдикализм способствовал культивированию сектантской замкнутости в японском рабочем движении, он препятствовал развертыванию широкого массового движения рабочих и образованию революционной пролетарской партии.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на рабочее движение Японии. Открылся новый период его развития. Летом 1922 г. была создана Коммунистическая партия Японии. Ее деятельность оказала огромное влияние на развитие рабочего движения в стране на новом этапе, когда в Японии завершилось соединение рабочего движения с научным социализмом.

---

[59] См. Д. И. Гольдберг. Третий этап рабочего и социалистического движения в Японии (1907—1917 гг.). «Проблемы востоковедения», 1959, № 6.

ДИСКУССИИ

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

И. М. Скляр

Со времени выхода в свет известной монографии И. И. Смирнова [1] советская историческая наука накопила значительный материал, дающий основания для известного пересмотра существующей точки зрения на характер бурных событий начала XVII века. Статья А. А. Зимина [2] представляет собой попытку сделать шаг вперед именно в этом направлении. А. А. Зимин рассматривает историю начала XVII в. как комплекс событий, органически связанных друг с другом. Наиболее характерной чертой данного периода он считает крестьянскую войну, которая продолжалась «с 1603 по 1614 г. и усложнялась борьбой с иностранной интервенцией» [3]. Определенный отход от старых точек зрения наметился и при обсуждении указанной проблемы в Ленинградском отделении Института истории (выступления Н. Е. Носова, В. Н. Бернадского) [4]. Однако большинство участников обсуждения, и прежде всего И. И. Смирнов, продолжает настаивать на прежней трактовке событий начала XVII века [5].

Не вызывают возражений общетеоретические высказывания И. И. Смирнова о том, что крестьянская война есть война гражданская и как таковая она неизбежно предполагает постановку вопроса о политической власти и распаде территории государства на две части, на одной из которых признается власть восставших [6]. Но, как известно, гражданские войны нередко осложняются вмешательством извне, иностранной интервенцией, использованием внутренней борьбы в антинациональных целях. И. И. Смирнов игнорирует это и, по существу, отказывается от серьезного разбора и оценки движений, связанных с именами обоих Лжедмитриев, заявляя, что они представляли собой лишь «особую форму интервенции польских феодалов» и поэтому не могут рассматриваться как этапы крестьянской (иными словами — гражданской) войны. Возражения И. И. Смирнова по главному вопросу — об общей оценке социальной природы событий начала XVII в. — являются, в сущности, попыткой опровергнуть выводы А. А. Зимина о начальном этапе крестьянской войны [7]. Однако эти выводы нашли в последнее время подтверждение в статье В. И. Корецкого, осветившего предпосылки крестьянской войны и восстание Хлопка как одно из событий ее начального этапа [8].

---

[1] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951.

[2] А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 3.

[3] Там же, стр. 113.

[4] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века». «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 206, 207—208.

[5] См., например, И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 12.

[6] Там же, стр. 116.

[7] Там же, стр. 117, 120.

[8] В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века. «Вопросы истории», 1959, № 3.

Представляется необходимым подробно рассмотреть и события 604—1605 гг., которые сыграли важную роль в крестьянском движении, азвернувшемся на территории Русского государства. Они широко отра-ены в сохранившихся источниках («Новый летописец», разрядные за-иси, русские повести, созданные по горячим следам современниками, аписки иностранцев, как правило, очевидцев или участников описывае-ых событий). Тенденциозность этих памятников, служивших оружием строй политической борьбы, несомненна, и пользоваться ими приходится осторожностью. Вместе с тем обилие сообщаемых фактов открывает озможность с большой полнотой изучить движение 1604—1605 годов.

Ценою огромных усилий правительству Бориса Годунова удалось одавить восстание Хлопка. Но то была лишь временная победа феода-ов. Она привела к известному спаду крестьянского движения, однако е устранила причин, вызвавших крестьянскую войну. Часть восстав-ших, по признанию «Нового летописца», «уйдоша на украйну»[9]. Именно тот район стал теперь центром крестьянской войны, новая волна которой однялась осенью 1604 года.

И. И. Смирнов возражает против того, чтобы рассматривать крестьян-кое движение 1604—1605 гг., связанное с выступлением Лжедмитрия I, ак составную часть крестьянской войны. Он видит в нем лишь особую орму интервенции польских феодалов, ничего общего не имевшую с кре-тьянской войной[10]. Фактически И. И. Смирнов вступает в противоре-ие с выводами, сделанными в его монографии, где он характеризует вос-тания крестьян Комарицкой и Околенской волостей осенью 1604 г. и Московское восстание 1 июня 1605 г. как антифеодальные[11]. А ведь эти ыступления были составной частью движения 1604—1605 гг., причем Московское восстание закончилось свержением династии Годуновых и ереходом власти к Лжедмитрию I.

Чтобы решить вопрос о природе движения 1604—1605 гг., следует братиться к анализу конкретных фактов. Северская земля, где оно воз-икло, находилась на стыке двух границ — литовской и Дикого Поля. Это елало ее областью, чрезвычайно важной в стратегическом отношении. ерьезное значение для обороны южных русских границ имели и так на-ываемые города Польской украйны. Испытывая здесь постоянную нужду людях, правительство для пополнения рядов служилых казаков исполь-овало ссылку людей в эти районы и смотрело сквозь пальцы на то, что юда бежали преступники[12], а также крестьяне и холопы, искавшие убе-ища от растущего феодального гнета[13]. Часть их пополняла ряды воль-ых, «воровских», по официальной терминологии, казаков, количество оторых в 80—90-х годах XVI в. резко увеличилось. На этот период па-ает и резкое усиление репрессий против «воровских» казаков со сторо-ы правительства—«гонение велие», по характеристике «Нового летопис-а»[14]. Впрочем, правительство охотно привлекало на «государеву служ-

[9] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

[10] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 117.

[11] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 85—86, 115, 119—121.

[12] «Акты исторические» (АИ). Т. 1, № 154, стр. 271; «Русская историческая биб-иотека» (РИБ). Т. XIII, стб. 980.

[13] РИБ. Т. XIII, стб. 983; «Акты, собранные и изданные Археографической экспе-ицией» (ААЭ). Т. II, № 40, стр. 96. Колонизация Дикого Поля шла главным образом счет притока беглых крестьян и холопов. Указ от 1 февраля 1606 г. прямо говорит массовом бегстве крестьян «в дальние места из Замосковных городов на украйны». сновная масса беглых крестьян на Северскую и Польскую украйны была, по-види-ому, из Рязанских и Заоцких городов.

[14] АИ. Т. 1, № 228, стр. 433—434; «Акты Московского государства» (АМГ). Т. 1 ПБ. 1891, №№ 32, 34; А. И. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Раз-дный приказ (Акты Юшкова). Ч. 1. М. 1898, №№ 238, 240—243; ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, р. 61; РИБ. Т. XVIII, стб. 248—249.

бу» часть вольных казаков, как это имело место, например, при постройке города Царева-Борисова [15]. Ряды служилых людей «по прибору» пополнялись также за счет вербовки «охочих людей», преимущественно из беглых крестьян и холопов. К недовольству, которое гнало всю эту массу на юг, прибавлялось здесь общее недовольство пограничных гарнизонов тяжелыми условиями службы и ростом феодальных повинностей в пользу государства. Десятинная пашня, которую должны были пахать «жилецкие всякие люди» пограничных уездов, достигала таких размеров, что впоследствии правительство Михаила Федоровича вынуждено было уменьшить ее вдвое, а кое-где и вовсе отменить. Не удивительно, что среди служилых людей «по прибору» постоянно имели место глухие волнения, о чем с тревогой доносили воеводы [16].

Особенностью этого района являлось слабое развитие поместного и вотчинного землевладения; поэтому частновладельческих и церковных крестьян здесь было сравнительно немного. В большинстве своем крестьяне в этом районе являлись, по-видимому, дворцовыми [17]. Однако общее усиление крепостного гнета к концу XVI в. коснулось и населения юга. По некоторым сведениям, в 80-х годах XVI в. Борису Годунову была пожалована Комарицкая волость [18], «многолюдная и большая», где жили, по словам И. Массы, «богатые крестьяне» [19]. Еще недавно свободные, комарицкие мужики болезненно ощущали рост феодальной эксплуатации, и враждебное отношение к Борису Годунову проявлялось в их среде особенно сильно. Между тем Комарицкая волость была одним из наиболее

---

[15] Д. И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII столетиях. Т. I. Харьков. 1886, стр. 9—10. Подобные случаи имели место и раньше. См. АИ. Т. 1, № 228.

[16] Постоянными были жалобы казаков и других служилых людей на то, что они «худы и лошадей у них нет» (Акты Юшкова, № 241), что «они наги и боси и голодны», что «им... дворов ставить нечем» (АИ, Т. 1, № 228), что, находясь в дозорах, они «з голоду едят лошади, а запасов у них нет» (Акты Юшкова, № 243). Тяжелое положение пограничных гарнизонов признавало правительство, предписывая выдавать казакам дополнительное жалованье и обещая высокие награды за «терпенье» (Акты Юшкова, №№ 241—243). В воеводских отписках говорилось также, что казаки и прочие служилые люди «хотят... брести розно» и «нашего указа не слушают» (там же, №№ 241, 243). О десятинной пашне см. И. Н. Миклашевский. Из истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. М. 1894, стр. 266—270.

[17] Слабое развитие поместного и вотчинного землевладения в этом районе несомненно (см., например, АМГ. Т. 1, №№ 21, 29; И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 120—121). Отсюда И. И. Смирнов пытается сделать вывод о малочисленности крестьян на юге (И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 120—121). Но одна только степень развития поместного и вотчинного землевладения не может служить основанием для выводов о численности и удельном весе крестьянского населения хотя бы потому, что существовало еще дворцовое и черносошное крестьянство. Можно согласиться с тем, что в районах Дикого Поля численность крестьян была невелика. Что касается Северской украйны, то документы постоянно говорят о крестьянах (АМГ. Т. 1, № 3; АИ. Т. 1, № 228; Акты Юшкова, №№ 228, 240, 242). В 1606—1607 гг. правительство Шуйского указывало, что Лжедмитрия I поддержали «на севере мужики-севрюки, люди простые» («Дополнения к актам историческим» (ДАИ). Т. 1, № 151; «Сборник Русского исторического общества» (Сб. РИО). Т. 137, стр. 243, 258). Характерно, что на Северской украйне не было десятинной пашни и хлеб закупался у местного крестьянства (И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 271—272). Здесь преобладало, очевидно, дворцовое землевладение. Дворец владел в этом районе огромными промысловыми угодьями и рядом сел (И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 121—122, 125; АМГ. Т. 1, № 42; ДАИ. Т. 1, № 156). Дворцу принадлежала почти все время Комарицкая волость.

[18] Сведения об этом содержатся в работах орловских историков Г. М. Пясецкого (см. «Сборник Орловского церковного историко-археологического общества». Т. II. Орел. 1906, стр. 13, 21—24) и Д. Святского (Д. Святский. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел. 1908, стр. 76). Косвенным подтверждением этих сведений является сообщение Д. Флетчера о пожаловании Борису Годунову доходов «с Рязани и Северска» (Д. Флетчер. О государстве Русском. СПБ. 1906, стр. 34); см. также И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 117.

[19] А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 324; И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 81.

рупных крестьянских районов Северской украйны [20]. Крестьянство юга есло значительные тяготы из-за увеличения налогов, а также широкого боронительного строительства, развернувшегося в конце XVI века.

Скопление большого числа беглых, рост прослойки вольных казаков, лубоко враждебных феодальному правительству, недовольство погра-ичных войск (прежде всего служилого казачества) тяжелыми условиями лужбы, усиление феодального гнета — все это делало положение на Се-ерской и Польской украйнах весьма напряженным. Есть сведения, что менно здесь возникло восстание Хлопка; правда, при нынешнем состоя-ии источников этот факт невозможно проверить [21]. Но совершенно бес-порно то, что сюда бежали остатки разбитых отрядов Хлопка. Кроме ого, в годы голода резко возросло количество крестьян и холопов, при-едших на Северскую и Польскую украйны [22], где неурожая не было [23]. Появление вчерашних повстанцев и новых беглецов с севера еще более акалило атмосферу в этом районе, что отмечал еще С. Ф. Платонов [24]. Достаточно было малейшего толчка, чтобы открытое восстание, с трудом одавленное в центре, вспыхнуло с новой силой. Таким толчком и послу-кило выступление Лжедмитрия I. Еще летом 1604 г. «подметные письма» амозванца появились «в Путивле и в разных иных местах». Эта агита-ция имела явный успех; по свидетельству одного из очевидцев, «тогда еликую любовь к царевичу народ возымел» [25].

13 октября 1604 г. войска Лжедмитрия I переправились через Днепр, уже 18 октября ему без боя сдалась пограничная крепость Моравск [26]. 25 октября, еще до подхода главных сил самозванца, восстал Чернигов, вляющийся, по описаниям иностранцев, весьма сильной крепостью [27]. Вое-ода И. А. Татев, пытавшийся организовать оборону, был выдан Лже-дмитрию, а жители города «здались к Ростриге и крест ему целовали» [28]. Сопротивление Лжедмитрию оказали только в Новгороде-Северском, где укрепились П. Ф. Басманов и Н. Р. Трубецкой [29].

Осада Новгорода-Северского началась в первых числах ноября, а 8 ноября в лагерь самозванца прибыли гонцы из Путивля с вестью о сдаче города [30]. В короткий срок восстание против годуновского прави-ельства широко распространилось: вслед за Путивлем восстал Рыльск, потом же украинные города: Царев-Борисов город, Белгород, Аскол, Валуйки, Куреск и Камаретцкая волость» [31]. «Карамзинский хронограф» обавляет к этому списку Кромы [32], а «Иное сказание» — Старо-уб [33]. Согласно одной из разрядных записей, восстание вспыхнуло и в

[20] По подсчетам И. И. Смирнова, в Комарицкой волости было в начале XVII в. не менее 2 500 крестьянских дворов (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 111—114).

[21] Сведения о том, что восстание Хлопка началось на Северской украйне, имеются у С. М. Соловьева (С. М. Соловьев. История России. Т. VIII. Б. м. Б. г., стр. 79—80). Но он не дает ссылок на источники. Орловские историки Г. М. Пясецкий (см. Г. М. Пясецкий. Указ. соч., стр. 23) и Д. Святский (см. Д. Святский. Указ. соч., стр. 37) приводят аналогичные сведения также без ссылок на источники. Бес-порно, однако, что в этом районе имели место крестьянские волнения во время вос-тания Хлопка. Так, в 1602—1603 гг. произошли столкновения между комарицкими кре-стьянами и властями Ново-Печерского Свинского монастыря из-за земли (В. И. Ко-ецкий. Указ. соч., стр. 125).

[22] РИБ. Т. XIII, стб. 484; ААЭ. Т. II, № 40.

[23] И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 6—7.

[24] См. С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве. СПБ. 1901, стр. 196—197.

[25] Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. II, № 81, стр. 174.

[26] Там же, № 80, стр. 169; ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61.

[27] См. РИБ. Т. I, стб. 368; «Киевская старина». Т. 64, кн. 1. Киев. 1899, стр. 10.

[28] СГГД. Т. II, № 80, стр. 169; ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61.

[29] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62; Н. Устрялов. Сказания современников о Дмит-рии Самозванце. Т. I. СПБ. 1859, стр. 157.

[30] СГГД. Т. II, № 80, стр. 170.

[31] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62.

[32] А. Попов. Указ. соч., стр. 324.

[33] РИБ. Т. XIII, стб. 28.

районе Орла [34], а С. Борша, сопровождавший самозванца с начала похода, пишет, что к Лжедмитрию присоединились Елец и Воронеж [35]. По сообщению Маржерета, как правило, хорошо осведомленного, восстание вспыхнуло и в Ливнах [36]. Таким образом, осенью 1604 г. движение охватило районы к югу от линии Стародуб — Орел — Елец и к западу от линии Елец — Воронеж — Валуйки — Царев-Борисов, то есть тот самый район, который летом 1606 г. стал очагом восстания Болотникова.

Бесспорно, что самозванец являлся ставленником польских магнатов, стремившихся к расчленению Русского государства. Но значит ли это, что восстание, вспыхнувшее на юге с его появлением, можно рассматривать только как особую форму интервенции польских феодалов, по существу, как результат действий кучки изменников? Еще С. Ф. Платонов справедливо возражал против подобной точки зрения. Но для него события на юге были прежде всего бунтом недовольного пограничного служилого люда [37]. Анализ социального состава движения приводит к иным выводам. Первыми примкнули к Лжедмитрию запорожцы и «воры... донские казаки» во главе с атаманом Корелой, двинувшиеся в недавно освоенные районы Дикого Поля. Видимо, уже по пути к ним присоединились вольные казаки, жившие в бассейнах рек Сейма, Оскола и Северного Донца. «Новый летописец», говоря об их участии в движении, объясняет, что «казакам от царя Бориса было гонение велие» [38]. Это свидетельствует о том, что выступление вольных казаков, большую часть которых составляли беглые крестьяне и холопы, имело характер социального протеста.

Но против правительства Бориса Годунова выступили не только вольные казаки. Ряд данных свидетельствует о широком участии в восстании крестьян. Во время переговоров с Сигизмундом III правительство Василия Шуйского признавало, что со вступлением Лжедмитрия в Северскую землю «тутошние мужики-севрюки глупые прельстились и поверили» ему [39]. По словам Маржерета (он принимал непосредственное участие в боях против восставших), самозванец «присоединил к ним (своим войскам.— *И. С.*) довольно земледельцев, которых приучил владеть оружием» [40]. И. Масса, использовавший рассказы очевидцев, сообщает, что «крестьяне переходили на сторону Дмитрия сотнями и признавали его законным своим государем» [41]. О крестьянском восстании в районе Орла говорит одна из разрядных записей: «лета 7113 года при царе Борисе... приходили на Орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане» [42].

В ноябре 1604 г. вспыхнуло восстание и в Комарицкой волости [43]. Что здесь поднялись именно крестьяне, не сомневается никто, в том числе и И. И. Смирнов [44]. Известно также, какую зверскую расправу над восставшими комарицкими мужиками учинили зимою 1605 г. правительственные войска [45]. В движении приняли участие беглые крестьяне и холопы. Дипломатические документы правительства Василия Шуйского прямо указывают, что «в совете с тем вором с розстригою з Гришкою с Отрепьевым» были «воры-казаки и беглые холопи» [46]. Едва ли можно отрицать, что

---

[34] С. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М. 1907, стр. 238.
[35] РИБ. Т. I, стб. 368.
[36] Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 293.
[37] С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 196—197, 200.
[38] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61. О районах обитания «воровских» казаков см. Акты Юшкова, № 241.
[39] Сб. РИО. Т. 137, стр. 243.
[40] Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 294.
[41] И. Масса. Указ. соч., стр. 81.
[42] С. Белокуров. Указ. соч., стр. 238.
[43] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62; СГГД. Т. II, № 80, стр. 170.
[44] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 115, 119—121.
[45] См. А. Попов. Указ. соч., стр. 265—266; И. Масса. Указ. соч., стр. 82; Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 41.
[46] Сб. РИО. Т. 137, стр. 414.

реди них находились и участники восстания Хлопка, бежавшие в этот айон.

Следовательно, осенью 1604 г. на юге началось повсеместно всеобщее восстание. По-видимому, именно крестьяне (включая сюда и беглых) оставили основную массу повстанцев, выступивших на стороне Лжемитрия.

Восстание охватило и ряд городов. Правда, не все города юга имели осады; в значительной части города Польской украйны представляли обой крепости. В старых городах Северщины посады имелись; торгово-емесленный люд жил здесь и в частновладельческих слободах. При этом осадское население юга, помимо обычного тягла, несло тяжелую и опасную сторожевую службу, отрывавшую его от обычных занятий [47]. Не удительно поэтому, что с появлением самозванца в городах, по недвусмысленному свидетельству источников, «смутилися черные люди» [48].

Значительный посад существовал в конце XVI в. в Чернигове. Так, 1595 г. было предписано посылать из Чернигова в Моравск, стоявший а самой границе, «по пятидесяти человек мещан, переменяя по месяцом» [49]. Черниговские посадские люди, входившие в состав гарнизона Моавска, несомненно, приняли участие в восстании, вспыхнувшем с приходом войск Лжедмитрия, когда, как отмечено в «Дневнике Марины Мнишек», «чернь сдала» самозванцу Моравск [50]. Восстание произошло и в амом Чернигове. «Сказание о Гришке Отрепьеве» указывает на то, что смутишася черные люди... и здаша... Чернигов» [51]. Об активном участии ерниговского посада в движении говорит и рассказ Паэрле, целиком основанный на сообщениях очевидцев. По словам Паэрле, воевода И. А. Татев аперся с 300 стрельцами в остроге и пытался организовать оборону города, но был осажден восставшим населением, призвавшим на помощь 2 тыс. азаков [52]. По-видимому, под влиянием черниговских событий П. Ф. Басанов, укрепившийся в Новгороде-Северском, предусмотрительно сжег осад и согнал жителей города в крепость [53].

В середине ноября 1604 г. вспыхнуло восстание в Путивле. Некоторое представление о Путивле начала XVII в. дает писцовая книга 1626 года. В Путивльском посаде насчитывалось в то время 92 тяглых и 3 белых вора, посадские люди (52 чел.) жили «на дворничестве» и в 22 осадных ворах. В посаде же находилось 90 дворов церковных бобылей и 3 слободы (275 дворов), принадлежавших Молчинскому монастырю. К этим 82 дворам, населенным торгово-ремесленным людом, надо добавить казачьи и стрелецкие слободы [54]. При этом писцовая книга отмечает, что Путивль только начал оправляться «от литовского разорения». Следовательно, в начале XVII в. размеры посада были больше, чем в 1626 году. Не случайно современники отмечали, что «Путивль город был многолюдный» и вел «торговлю в той местности» [55]. Источники говорят, что против Б. Годунова в Путивле выступили князь В. Масальский и дьяк Б. Сутупов «с черными людьми» [56]. Характерно, что именно «черные люди», мещане» Путивля поддержали Лжедмитрия, когда он после поражения од Новгородом-Северским бежал в Путивль [57]. Почти одновременно с Путивлем восстал и Рыльск, жители которого встретили правительственные войска ружейным и артиллерийским огнем [58]. В Рыльске также суще-

[47] См. АМГ. Т. 1, №№ 3, 7, 18; Акты Юшкова, № 258, стр. 175.
[48] РИБ. Т. XIII, стб. 724; см. также А. Попов. Указ. соч., стр. 323—324.
[49] Акты Юшкова, № 258, стр. 275.
[50] Н. Устрялов. Указ. соч. Т. II, стр. 131.
[51] РИБ. Т. XIII, стб. 724.
[52] Н. Устрялов. Указ. соч., Т. I, стр. 156—157.
[53] Там же, стр. 157; ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62.
[54] И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 94—96, 98.
[55] А. Попов. Указ. соч., стр. 324; И. Масса. Указ. соч., стр. 78.
[56] РИБ. Т. XIII, стб. 724.
[57] Там же. Т. I, стб. 385—386; т. XIII, стб. 35.
[58] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62.

ствовал посад, о чем свидетельствуют документы конца XVI в., а также писцовая книга 1626 года [59]. Ясно, что и здесь посадские люди приняли активное участие в движении. Указанные факты не оставляют сомнения в том, что в восстании осенью 1604 г. приняли участие посадские люди и зависимое население городских торгово-ремесленных слобод.

В городах восстали также служилые люди «по прибору», составлявшие большинство пограничных гарнизонов. Источники указывают на «измену» и «смуту» «в ратных людех» [60]. Надо полагать, что восстание служилого казачества произошло по всему югу, за исключением Новгорода-Северского, где местные казаки были включены в состав отряда, приведенного П. Ф. Басмановым, и приняли участие в обороне города [61]. Примкнули к движению и стрельцы. Только в некоторых местах, например в Чернигове, они какое-то время колебались.

Таким образом, в восстании, вспыхнувшем осенью 1604 г., приняли участие самые широкие слои населения юга: крестьяне, вольные казаки Дикого Поля и Дона, посадские люди, приборные служилые люди украинных городов (по преимуществу казаки и стрельцы), беглые крестьяне и холопы. Очень характерно, что именно эти социальные группы «Новый летописец» рассматривает как главные силы восстания Болотникова, видя в них, по существу, инициаторов выступления: «бысть же в лето 7115 году, собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху украинские посадцкие люди и стрельцы и казаки» [62]. Выше отмечалось совпадение первоначальных очагов движения 1604—1605 гг. и восстания Болотникова, теперь можно констатировать и совпадение социального состава участников обоих выступлений.

Следует указать и общий для обоих восстаний лозунг: «за истинного царя Дмитрия». Во время восстания Болотникова он имел явно антифеодальное содержание. Какой же смысл вкладывали в этот лозунг народные массы осенью 1604 года? Каковы были характер и программа начавшегося тогда движения?

Обращает на себя внимание, что правительство Василия Шуйского, публикуя летом 1606 г. документы, разоблачавшие Лжедмитрия, обвиняло его, в частности, в стремлении «бояр и дворян и приказных людей и гостей и всяких лучших людей побити» [63]. Василий Шуйский и его окружение, хорошо знавшие самозванца, конечно, сами не верили в существование у него подобных намерений. Слух о желании самозванца истребить бояр, дворян и «лучших людей» возник скорее всего в среде восставших осенью 1604 г. народных масс, ибо такая программа действий отвечала их настроениям. Демагогическая пропаганда Лжедмитрия лишь способствовала распространению этого слуха [64]. А если такое предположение правильно, то следует признать, что уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян, так же как это имело место во время восстания Болотникова. Во всяком случае, действия повстанцев в указанный период были практическим осуществлением именно этих призывов. Как признают все

---

[59] АМГ. Т. 1, №№ 3, 7, 18; И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 98, прим. 1.

[60] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61.

[61] АМГ. Т. 1, № 42. Такой же вывод делает и С. Ф. Платонов (см. С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 200).

[62] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 72.

[63] СГГД. Т. II, № 140, стр. 309; РИБ. Т. XIII, стб. 77.

[64] Правительство Василия Шуйского объявило, что самозванец хотел перебить бояр и прочих представителей господствующего класса «по совету с польскими и с литовскими людьми» как защитников православия и врагов католицизма, планы введения которого у Лжедмитрия действительно имелись (СГГД. Т. II, № 140, стр. 309; РИБ. Т. XIII, стб. 77). Это была попытка сыграть на религиозных и национальных чувствах населения и дискредитировать в глазах масс самую идею физического истребления эксплуататоров как деяния якобы антинационального

сточники, восставшие «воевод били и грабили и связав к нему (Лжедмирию.— *И. С.*) приводили» [65].

Для определения характера восстания важное значение имеет и то бстоятельство, что именно «со 112 году, как начала быть от Ростриги мута», население юга повсеместно прекратило пахать «на государя» детинную пашню, то есть перестало выполнять тяжелейшую феодальную повинность. Как видно из Воронежской дозорной книги 1615 г., земля была разделена местным населением, которое обрабатывало теперь «те десятины... на себя» [66]. Все эти факты свидетельствуют об антифеодальной направленности восстания, начавшегося на юге страны осенью 1604 года. Крестьянская война, пошедшая было на убыль после поражения восстания Хлопка, вспыхнула теперь с новой силой.

Подъемом народного движения воспользовался для осуществления своих авантюристических замыслов ставленник польско-литовских феодалов. Силы, с которыми самозванец начинал поход, были очень невелики [67]. о всяком случае, современники и участники его похода признавали, что тих сил не хватало даже для того, чтобы овладеть пограничными городами Моравском и Черниговом [68]. Понятно, что Лжедмитрий сам по себе е представлял сколько-нибудь серьезной угрозы для правительства Бориса Годунова. Лишь всеобщее восстание на юге превратило Лжедмитрия значительную силу, открыло перед ним ворота городов и отдало в его уки огромные пространства русского юга. Комарицкие крестьяне задержали правительственные войска после боя при Новгороде-Северском. Более того, расширение района восстания свело на нет результаты этого оя, где были наголову разбиты отряды Лжедмитрия: годуновская армия оспешно отошла к Кромам, где засел атаман Корела, а тем временем самозванец пополнил свои войска.

Характерно, что после поражения под Новгородом-Северским Лжедмитрий, бежавший в Путивль, пал духом и «нача помышляти в Литву ежати». Однако жители Путивля («гражане вси», или «мещане», как азывает их С. Борша) не пустили его за рубеж, организовав сбор средств формирование новых войск. В «Ином сказании» мы читаем: «они же му глаголаша: емли, государь, ныне имение наше, ...а затем поидем мы тобою все своими головами, да вси помрем или живот и честь от тебя брящем» [69]. Здесь ярко обрисована та роль, которую сыграли восставшие в победе Лжедмитрия. Без их поддержки последний был бы разгромлен, а его авантюра ликвидирована в первые же недели после перехода м границы.

Причины популярности самозванца следует искать прежде всего в ристских иллюзиях народных масс, ловко использованных Лжедмитрием. Выступая в своих прокламациях с обвинениями против Бориса Годунова, он не скупился на обращенные к народу туманные заявления о вольности» и «благоденственном житии» [70]. Первые шаги его как будто одтверждали реальность таких обещаний: он не препятствовал (да фак-

---

[65] А. Попов. Указ. соч., стр. 323—324; см. также ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61—62; РИБ. Т. XIII, стб. 724 и др.; СГГД. Т. II, № 80; Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, тр. 159 и др. Об отношении повстанцев к боярам свидетельствует такой факт: путивльского воеводу боярина М. М. Салтыкова восставшие привели к самозванцу «на веревке, привязанной к бороде его» (Н. Устрялов. Указ. соч. Т. II, стр. 181).

[66] И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 218, 266.

[67] С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 193—194, 202—203; А. Савич. Польская нтервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского. Сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Ч. I. М.-Л. 1939, стр. 194—195.

[68] Пармский агент, находившийся в армии Лжедмитрия, в своем донесении подеркивал, «что немыслимо было бы взять эти замки силой, если бы они сами не сдались». См. «Киевская старина». Т. 64, кн. 1. Киев. 1899, стр. 10.

[69] РИБ. Т. XIII, стб. 34—35. Рассказ «Иного сказания» подтверждается сообщением Станислава Борши, сопровождавшего самозванца во время его бегства в Путивль (РИБ. Т. I, стб. 385—386).

[70] См. там же. Т. XIII, стб. 723—724, 802; ААЭ. Т. II, № 26.

тически и не мог препятствовать) уничтожению «государевой десятинной пашни», а поведение его войск вначале резко отличалось от варварских действий годуновских воевод, сжигавших городские посады и громивших села и деревни [71]. В результате авторитет самозванца укреплялся, в массах зрело убеждение, что он-то и есть «добрый крестьянский царь».

В этих условиях имя Лжедмитрия стало в известной мере знаменем народного движения, хотя сам он ни в коей мере не являлся крестьянским вождем. Факты говорят о том, что он боялся восставших и всячески стремился привлечь на свою сторону дворянство и боярство. Воевод, которых восставшие, связав, приводили к нему, он, как правило, освобождал и вводил в число своих приближенных [72]. Многие из них сохраняли за собой воеводства, как это было, например, в Путивле и Рыльске [73]. Белгородский воевода князь Б. М. Лыков, выданный восставшими Лжедмитрию, был в мае 1605 г. послан им «приводить ко кресту» кромскую армию, а товарищ Б. М. Лыкова по воеводству Г. Г. Пушкин вместе с Н. Плещеевым повез в Москву «прелестную грамоту» самозванца [74]. Чем прочнее становилось положение Лжедмитрия, тем более определенно обращался он в своих прокламациях к боярам, дворянству и купечеству, тем приглушеннее звучали его обещания народу. Показательна в этом отношении его грамота, привезенная 1 июня 1605 г. в Москву [75].

Так с самого начала в событиях 1604—1605 гг. переплелись две глубоко противоречивые струи: с одной стороны, восстание крестьян, посадских и мелкого служилого люда — прямое продолжение крестьянской войны, начавшейся летом 1603 г., с другой — реакционная авантюра Лжедмитрия, который использовал крестьянское восстание и одновременно стремился привлечь на свою сторону недовольные Годуновым слои господствующего класса. Гражданская война, шедшая в стране, осложнилась иностранным вмешательством.

Боярству и дворянству скоро стало ясно, что самозванец ведет двойную игру и отнюдь не собирается изменять существующие феодальные порядки. Именно тогда и проявились со всей силой как ненависть большинства бояр к царю-выскочке [76], так и недовольство южного дворянства политикой Бориса Годунова [77]. 7 мая 1605 г. годуновская армия, стоявшая под Кромами, перешла на сторону Лжедмитрия. Впоследствии, в ходе переговоров с Сигизмундом III, правительство Шуйского заявляло, что в царской армии к этому времени оставались якобы лишь «немногие бояре и воеводы, а с ними только ратные люди Северских и Украинных городов, стрельцы и казаки и черные люди» [78]. Дипломаты Василия Шуйского,

---

[71] По рассказу С. Борши, после сдачи Чернигова казаки разграбили город, однако Лжедмитрий сделал им выговор и добился возвращения значительной части награбленного (РИБ. Т. I, стб. 369—370). Сообщение С. Борши — единственное упоминание о насилиях войск Лжедмитрия. Русские источники, безусловно, враждебные Лжедмитрию, также ничего не говорят о такого рода фактах.

[72] См. Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 169; С. Белокуров. Указ соч., стр. 2, 5, 28, 61, 73, 191 и др.

[73] С. Белокуров. Указ. соч., стр. 28; РИБ. Т. XIII, стб. 724; ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62.

[74] С. Белокуров. Указ. соч., стр. 5, 28, 72, 201.

[75] ААЭ. Т. II, № 34. Ср. более раннюю прокламацию, опубликованную в том же томе (№ 26), и изложение «прелестных писем» Лжедмитрия в «Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича» (РИБ. Т. XIII, стб. 802).

[76] С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 147—161, 167—169, 175—191, 207—209.

[77] Об этом свидетельствует уже самый факт кромской измены рязанских и заокских дворян. Одной из причин недовольства южного дворянства было, по-видимому, следующее обстоятельство. Известно, что правительство Бориса Годунова настойчиво продвигало в глубь Дикого Поля систему оборонительных сооружений. Южному дворянству приходилось нести при этом часть тягот, связанных с созданием этих сооружений. Дворяне заокских городов участвовали в строительстве новых городов и исполняли тяжелую пограничную службу, отнимавшую много времени и средств (АМГ. Т. I, №№ 3, 18, 20, 21, 23, 27, 31, 34 и др.; Акты Юшкова, №№ 242, 248 и др.). Дворяне, естественно, были недовольны своим положением.

[78] Сб. РИО. Т. 137, стр. 437.

по-видимому, старались в данном случае преуменьшить количество дворян, находившихся в кромской армии. Однако несомненно, что дворянское ополчение, составлявшее ее ядро, непрерывно таяло, и к началу мая 1605 г. «черные люди» (даточные из крестьян) явно преобладали в составе правительственных войск, стоявших под Кромами [79]. Активное участие в событиях 7 мая именно «черных людей» бесспорно. Недаром значительная часть дворянства, напуганная этими событиями, разбежалась из армии [80]. Многих оставшихся в армии бояр и воевод восставшие, «поймав и перевезав, отвели к вору в Путивль» [81]. Антифеодальный характер этого выступления «черных людей» признает и И. И. Смирнов [82]. В этом отношении события под Кромами были прямым продолжением восстания, начавшегося осенью 1604 года.

В то же время в кромской армии имел место боярско-дворянский заговор против годуновского правительства. В числе его участников находились П. Ф. Басманов, князья Голицыны, с которыми «были в совете город Резань, Тула, Кашира, Олексин», или, вернее, вожди дворянства этих городов. Во главе рязанских дворян выступили «Прокофей Лепунов з братьею». Заговорщики завязали сношения с Лжедмитрием задолго до начала рассматриваемых событий под Кромами [83]. Руководители заговора В. В. Голицын и П. Ф. Басманов в самом начале выступления «черных людей» 7 мая были связаны по их собственному приказу. С. Ф. Платонов считал, что это было вызвано их стремлением избежать в будущем возможных обвинений в измене [84]. Однако правильнее было бы объяснить такой шаг страхом перед «черными людьми», которые могли расправиться с ненавистными им боярами. Так или иначе, но в кромских событиях 7 мая 1605 г. перед нами налицо как антифеодальное восстание «черных людей», преобладавших тогда в армии, так и антигодуновский заговор части бояр и верхушки южного дворянства, по своим целям ничего общего не имевший с крестьянским движением.

То, что 1 июня 1605 г., когда самозванец подходил к Москве, здесь вспыхнуло антифеодальное восстание, ныне не вызывает сомнений. И. И. Смирнов справедливо замечает, что приближение Лжедмитрия к Москве вызвало «новый подъем борьбы городских низов Москвы», которые «превратили церемонию присяги самозванцу в поход против бояр» [85]. А Лжедмитрий и перешедшие на его сторону бояре использовали восстание для расправы с Годуновыми [86].

Таким образом, для всего движения 1604—1605 гг. характерно сочетание двух противоречивых тенденций. Мощная волна крестьянской войны, охватившей юг страны и постепенно перемещавшейся в северные районы, была временно использована в политических целях, чуждых народным массам, Лжедмитрием и недовольными Борисом Годуновым группировками господствующего класса. Царистские иллюзии крестьянства и социальная демагогия самозванца облегчили такое развитие событий и привели к тому, что восставшие народные массы, выдвинув антифеодальные лозунги и действуя в соответствии с ними, вместе с тем возлагали надежды на то, что Лжедмитрий улучшит их положение. Не считать-

---

[79] С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 204—207; см. также ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 63—64; И. Масса. Указ. соч., стр. 99; РИБ. Т. XIII, стб. 40.

[80] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 64; РИБ. Т. XIII, стб. 41; И. Масса. Указ. соч., стр. 101—103; С. Белокуров. Указ. соч., стр. 201.

[81] Сб. РИО. Т. 137, стр. 437. См. также ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 64; С. Белокуров. Указ. соч., стр. 4—5; РИБ. Т. XIII, стб. 41, 575—576.

[82] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 120—121.

[83] ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 64; С. Белокуров. Указ. соч., стр. 4—5, 72, 200—201; А. Попов. Указ. соч., стр. 328; РИБ. Т. XIII, стб. 40—41; И. Масса. Указ. соч., стр. 101—103.

[84] С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 216.

[85] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 85—86.

[86] См., например, ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 65—66.

ся с этим самозванец и его окружение не могли. Именно поэтому в политике Лжедмитрия нашли некоторое отражение противоречия, возникшие в ходе восстания. Хотя в целом политика самозванца носила крепостнический характер, он вынужден был в силу указанных причин сделать известные уступки массе восставших крестьян, холопов и казаков [87].

Что же это за уступки? Из записки, составленной, видимо, английским резидентом в Москве Джоном Мериком, видно, что Лжедмитрий на 10 лет освободил Северскую и Польскую украйны — очаг восстания — «от всех налогов и податей» [88]. Не была восстановлена на юге и «государева десятинная пашня», уничтоженная в ходе восстания [89]. Некоторые уступки восставшим отражены и в законодательстве Лжедмитрия по крестьянскому вопросу.

И. И. Смирнов, возражая А. А. Зимину, полагает, что приговор от 1 февраля 1606 г. о беглых крестьянах лишь возобновлял закон 1597 г. о пятилетнем сроке сыска, действие которого было подорвано законодательством Бориса Годунова во время голода, и не содержал каких-либо уступок крестьянству [90]. Такая характеристика не совсем точна. Восстанавливая закон 1597 г., приговор от 1 февраля 1606 г. вместе с тем предусматривал, что крестьяне, бежавшие «в голодные годы» «от бедности», не подлежали возвращению старым господам. При всех оговорках, которыми была обставлена эта статья, она, бесспорно, не только учитывала интересы рязанского и заокского дворянства, но и признавала свободными крестьян, бежавших на Северскую и Польскую украйны в 1601—1603 гг., то есть участников восстания 1604—1605 годов. Наконец, приговор, хотя и с большими оговорками, объявлял недействительными кабальные записи на крестьян, взятых во время голода «во двор с пашни силно», если эти записи не были записаны в кабальные книги [91]. Декларативность этой статьи, конечно, не подлежит сомнению, но самый факт ее появления весьма примечателен. Следовательно, приговор от 1 февраля 1606 г. содержал определенные уступки крестьянству, хотя, конечно, эти уступки не затрагивали основ крепостного строя и носили в значительной мере демагогический характер.

И. И. Смирнов возражает А. А. Зимину и по поводу трактовки последним указа от 7 января 1606 г. о кабальных холопах. И. И. Смирнов видит в этом указе лишь уточнение и развитие норм действовавшего в то время законодательства [92]. Однако он обходит молчанием тот факт, что указ не только запрещал впредь записывать кабальных холопов за двумя господами сразу, но и объявлял недействительными старые кабальные записи, где холоп был записан на имя отца с сыном или братьев, предписывая прямо «тех людей... освободити от них на волю» [93]. Ясно, что нельзя рассматривать этот указ как антикрепостнический. Однако, бесспорно, что некоторые статьи в нем говорили об освобождении тех кабальных холопов, которые находились в зависимости от нескольких господ. Это, и только это, а вовсе не правило, запрещавшее в дальнейшем писать кабалы на имя отца с сыном (как пытается представить дело И. И. Смирнов), имел, по нашему мнению, в виду А. А. Зимин, характеризуя указ от 7 января 1606 г. как акт, содержавший некоторые уступки холопам [94].

Указанные мероприятия Лжедмитрия представляли собой, по сути

---

[87] И. И. Смирнов оспаривает это мнение А. А. Зимина. См. И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 118—120.

[88] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, приложение IV, стр. 552.

[89] И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 218, 266.

[90] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 118—119.

[91] ААЭ. Т. II, № 40.

[92] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 119—120.

[93] Памятники русского права. Вып. IV. М. 1956, стр. 376, 540—541.

[94] А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны..., стр. 100.

ела, продолжение той социальной демагогии, к которой он прибегал в 604—1605 годах. Антикрепостнического в них было не больше, чем в аналогичных мероприятиях годуновского правительства в годы голода и о время восстания Хлопка. Но ряд уступок самозванца способствовал оддержанию крестьянских иллюзий о «хорошем царе Дмитрии». Поэто-у для той части крестьян и холопов, среди которой Лжедмитрий пользо-ался популярностью, прежде всего для населения юга, события 17 мая 606 г. явились неожиданностью, а воцарение Василия Шуйского, хорошо звестного по расправе над комаричанами, означало крах всех надежд на лучшение положения крестьян. Между тем масса участников восстания 604—1605 гг. была вооружена, считала себя победителем, а чистка ар-ии, начатая Лжедмитрием [95], не была закончена. Восстание, казалось, кончившееся с воцарением Лжедмитрия, вспыхнуло с новой силой, при-ем в том же самом районе, что и осенью 1604 г., и под тем же лозун-ом — «за царя Дмитрия». Не удивительно и то, что в восстании Болот-икова с самого начала приняло участие южное дворянство: перед ним ыл свежий пример использования антифеодального движения в борьбе ротив Бориса Годунова. Южные дворяне пытались снова повторить этот пыт в борьбе против боярского правительства Василия Шуйского. Прав-а, дальнейшее развитие событий опрокинуло эти надежды.

★

Подведем некоторые итоги. Анализ имеющегося материала показы-ает, что крестьянская война в начале XVII в. не может быть сведена к дному только восстанию Болотникова. Она началась гораздо раньше, ле-ом 1603 г., и ее первый этап включает, кроме восстания Хлопка, еще и осстание 1604—1605 годов. Последнее сыграло особенно важную роль в альнейшем развитии крестьянской войны начала XVII века. Именно в оде его четко определился главный очаг крестьянской войны — южные айоны Русского государства, выявился сложный социальный состав ее частников, впервые был выдвинут один из главных лозунгов движения — за хорошего царя Дмитрия», тесно связанный с призывом к истреблению еодалов. Появление этого лозунга в значительной степени было вызвано оциальной демагогией Лжедмитрия, авантюра которого представляла со-ой попытку иностранного вмешательства в гражданскую войну в России.

Ловко спекулируя царистскими иллюзиями крестьянства, Лжедмит-ий и присоединившиеся к нему русские феодалы, недовольные политикой ориса Годунова, сумели временно использовать в своих интересах анти-еодальное по своему существу народное движение. Поэтому свержение одунова, которым завершилось восстание 1604—1605 гг., не привело к аким-либо серьезным социальным переменам. Причины, породившие крестьянскую войну, не были устранены. Лжедмитрий продолжал кре-остническую политику своих предшественников. Однако он вынужден ыл пойти на некоторые уступки народным массам, в первую очередь на-елению юга. Массы восставших сохранили оружие и были уверены в воей победе. Именно поэтому воцарение Василия Шуйского привело к овому подъему гражданской войны, значительно превосходившему по ормам и масштабам классовой борьбы и восстание Хлопка и восстание 604—1605 годов. На ход крестьянской войны оказал определенное влия-ие и самый факт временного успеха авантюры Лжедмитрия. Это влияние казалось в том, что и в дальнейшем (в том числе и во время восстания олотникова) были попытки как польско-литовских, так и русских феода-ов использовать крестьянское движение в своих интересах.

[95] См. Акты Юшкова, № 266, стр. 284; А. Попов. Указ. соч., стр. 328—329; В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1. М. 1891, стр. 64, 72, 84, 89—91, 128.

ИСТОРИОГРАФИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

А. А. Матюгин

Изучение истории рабочего класса СССР — одна из центральных задач советской исторической науки. В статье Д. А. Баевского, С. Р. Гершберга и А. В. Митрофановой «Об изучении истории советского рабочего класса», опубликованной в журнале «Вопросы истории» [1], поднимается ряд назревших вопросов. В этой связи нам хотелось бы подробнее остановиться на некоторых из них.

В. И. Ленин указывал, что «для сознательных рабочих нет важнее задачи, как задача п о з н а т ь движение своего класса, его сущность, его цели и задачи, его условия и практические формы» [2]. Эти замечательные строки были написаны еще в 1914 г., когда пролетариат не имел условий для изучения своей истории. С тех пор коренным образом изменилось его положение. В результате Октябрьской революции он стал господствующим классом в нашей стране и в тесном союзе с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии построил социалистическое общество. Однако задача разработки истории рабочего класса, выдвинутая В. И. Лениным, является актуальной и в настоящее время.

В. И. Ленин не только призывал изучать историю рабочего класса. Он неустанно делал это сам. Труды великого вождя и учителя пролетариата являются классическим образцом научного творчества, источником неисчерпаемых знаний для трудящихся масс. Высказывания В. И. Ленина о рабочем классе имеют методологическое значение.

К каждой годовщине Великого Октября В. И. Ленин подводил итоги достижений пролетарской диктатуры. В отчетных докладах на съездах партии и всероссийских съездах Советов, в выступлениях на конгрессах Коминтерна Владимир Ильич много внимания уделял анализу фактов и событий, связанных с положением и развитием рабочего класса СССР. Его выступления представляли не отдельные, случайные характеристики, а стройную систему взглядов, марксистскую концепцию об исторических закономерностях формирования и консолидации советского социалистического рабочего класса.

Совершив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, пролетариат России положил начало новой эпохе в истории человечества, эпохе уничтожения капитализма и построения коммунистического общества. На рабочий класс история возложила гигантской важности задачу — используя свою диктатуру, довести до конца преобразование старого, антагонистического общества в общество без классов. На этом пути он должен был преодолеть большие трудности, сломить сопро-

[1] См. «Вопросы истории», 1959, № 12.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 355.

тивление разгромленных, но не исчезнувших эксплуататорских классов, сделать громадный шаг вперед в развитии производительных сил.

Советская власть получила в наследство от старой России отсталую, разрушенную войной экономику. В народном хозяйстве молодой республики преобладало мелкотоварное производство, мелкобуржуазный капитализм [3]. Ряды фабрично-заводского пролетариата — главного отряда рабочего класса — в то время были малочисленны, изнурены боями с интервентами и белогвардейцами, голодом и разрухой. Предстояла еще трудная и длительная борьба пролетариата с капиталистическими элементами внутри страны, а также с агрессивными силами международного империализма.

В этой борьбе рабочий класс и его партия опирались на объективные материальные условия и прежде всего на индустрию. Пролетариат вырос вместе с развитием крупной промышленности, она его жизненная основа, его материальная база. Усиленное восстановление и развитие после гражданской войны и иностранной военной интервенции крупной, особенно тяжелой, индустрии обеспечивало количественный и качественный рост рабочего класса, повышало его роль как в народном хозяйстве, так и в общественной и государственной жизни страны. Подъем крупной социалистической промышленности и рост рабочего класса являлись непременным условием развития всего народного хозяйства, победоносного движения общества по пути к социализму и коммунизму. В заключительном слове на X съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил, что крупная промышленность представляет из себя основу социалистической хозяйственной организации, что она объединяет передовых рабочих, объединяет класс, осуществляющий диктатуру пролетариата [4].

Одним из важнейших условий развития рабочего класса В. И. Ленин считал его братский союз с трудовым крестьянством. Пролетариат должен был стать вождем и организатором мелких земледельцев, проявить к ним максимум доверия, оказать им помощь в улучшении и социалистическом преобразовании сельского хозяйства. С многомиллионной массой крестьян нужно было ужиться, ее нужно было переделать, перевоспитать, постепенно и осторожно перевести на рельсы крупного коллективного земледелия. Только таким путем трудящиеся крестьяне могли прийти к социализму. Союз рабочих и крестьян В. И. Ленин считал высшим принципом диктатуры пролетариата [5]. Без этого союза рабочий класс не мог бы удержать государственную власть, перестроить старые общественно-экономические отношения, двинуть вперед развитие промышленности.

Но рабочий класс не есть сплошная однородная масса. В. И. Ленин отмечал в нем различные слои. В условиях Советской власти это были прежде всего два слоя: с одной стороны, кадровые, потомственные пролетарии — ядро рабочего класса, главная опора Коммунистической партии и Советской власти; с другой — недавние выходцы из мелкобуржуазных слоев города и деревни. Многие из них были прочно связаны с единоличным хозяйством, сохранили привычки, чувства и мысли той среды, из которой они вышли. Такие рабочие в трудные моменты были способны колебаться. Среди них в первые годы Советской власти некоторым влиянием пользовались мелкобуржуазные партии меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д.

Наименьшее количество рабочих, связанных с земельным наделом, имелось у металлистов. Здесь процент кадровых и потомственных пролетариев являлся наивысшим. Металлисты были развитее и сознательнее других групп рабочего класса. В. И. Ленин называл их авангардом, передовым отрядом всего пролетариата России [6].

---

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 314.
[4] См. там же, стр. 212.
[5] См. там же, стр. 466.
[6] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 421.

В. И. Ленин отмечал также неравномерность развития рабочего класса, которая была вызвана различием исторических условий того или иного промышленного центра или района. Он неоднократно указывал на передовую роль рабочих Петрограда, затем Москвы и Иваново-Вознесенска по отношению к рабочим Сибири и некоторых других районов страны [7].

Советский строй с его общественной собственностью на орудия и средства производства, с его подлинной народной демократией открыл безграничный простор для сознательной творческой деятельности рабочих, как и всех трудящихся. Самой активной творческой силой, самой подготовленной и сознательной частью рабочего класса является Коммунистическая партия. Она ведет за собою всех рабочих, поднимает к активной деятельности миллионы крестьян. Сила Коммунистической партии в тесной и постоянной связи с трудящимися массами. «Все, чего мы достигли,— говорил В. И. Ленин,— показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян»[8].

В. И. Ленин настойчиво и неутомимо разъяснял трудящимся значение партии как руководящей и организующей силы в строительстве социалистического хозяйства и переустройстве общества, в налаживании новых отношений между людьми, перевоспитании человека. Он неустанно напоминал о том, что рабочие, став господствующим классом, должны научиться управлять страной, вырастить из своей среды десятки и сотни тысяч работников для государственного аппарата, организаторов промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства, подготовить кадры народной интеллигенции, по-новому организовать труд, развивать социалистическую культуру.

Для советского строя, учил В. И. Ленин, закономерно постепенное втягивание поголовно всего населения в управление государством [9].

В неразрывной связи с вопросами управления государством В. И. Ленин ставил перед рабочими задачи повышения организованности, трудовой дисциплины, борьбы против мелкобуржуазной расхлябанности. Внедрение в массы идеи советского государственного контроля и учета он рассматривал как величайшую, имеющую всемирно-историческое значение борьбу социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности [10].

С первых лет Советской власти рабочий класс под руководством партии начал осуществлять «более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом» [11]. С присущим ему энтузиазмом В. И. Ленин исследовал причины возникновения и историческое значение коммунистических субботников. Он видел в них пример беззаветного трудового героизма, проявление сознательного и добровольного почина рядовых рабочих, ростки коммунизма. Много внимания В. И. Ленин уделял вопросам повышения производительности труда. Для решения этой задачи после перехода страны к мирному строительству он выдвинул новые приемы и методы привлечения людей к труду. В. И. Ленин призывал развивать народное хозяйство «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности...» [12].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал героизм пролетариата, его «выдержку, настойчивость, готовность, решимость и уменье сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться

---

[7] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 446; 487.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 93.
[9] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр 242.
[10] См. там же, стр. 225.
[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 386.
[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 36.

цели»[13]. Однако он не идеализировал рабочих. «Рабочие строят новое общество,—говорил Владимир Ильич,—не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи»[14]. От своих недостатков рабочие и все трудящиеся освобождаются в процессе повседневной практической деятельности, создавая под руководством партии новое общество. В условиях советской демократии социалистические производственные отношения, свободный труд во имя коммунизма формируют новое, социалистическое сознание у рабочего класса, новые взгляды на общество и государство.

Одной из характерных черт рабочего класса В. И. Ленин считал интернационализм. Оценивая достижения революционного движения в разных странах, он исходил из общности коренных интересов пролетариев всего мира. Совершая Октябрьскую революцию, строя социализм, пролетариат России боролся не только за собственные интересы, но и за интересы всего трудящегося человечества. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что опыт величайших преобразований, накопленный рабочими СССР, вошел в историю как завоевание международного социализма[15].

Мысли о развитии советского рабочего класса были изложены В. И. Лениным в многочисленных трудах, докладах, выступлениях, письмах, заметках. Особенно большой вклад в разработку этой проблемы он внес такими трудами, как «Очередные задачи Советской власти», «Великий почин», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Два года Советской власти», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», написанными весной 1918 г. и в период гражданской войны. В этих произведениях раскрываются закономерности героической борьбы рабочего класса за власть, его деятельность по экспроприации крупных капиталистов, налаживанию управления страной, организации социалистического производства.

Важное значение для разработки истории советского рабочего класса имеют труды В. И. Ленина «О продовольственном налоге», «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», доклады на X и XI съездах РКП(б), на III и IV конгрессах Коминтерна, на II Всероссийском съезде политпросветов. Все они относятся к периоду восстановления народного хозяйства. В этих работах В. И. Ленин раскрыл сущность экономической политики пролетарского государства, рассчитанной на построение социализма, показал последствия длительной войны и хозяйственной разрухи, отразившиеся на положении рабочего класса и вызвавшие распыление и деклассирование значительной его части, выявил условия, определявшие развитие рабочего класса в советском обществе. Главное внимание при этом В. И. Ленин обращал на необходимость подъема производительных сил, восстановления крупной промышленности как базы роста и консолидации рабочего класса, как фундамента социалистического хозяйствования.

Новой технической основой восстановления и развития промышленности и всего народного хозяйства В. И. Ленин считал электрификацию страны. План ГОЭЛРО, воплотивший в себе эти идеи, он назвал второй программой партии. Ее осуществление означало перестройку всего народного хозяйства на базе крупной машинной техники, на базе социализма. В ходе этой перестройки должна была произойти консолидация, формирование социалистического рабочего класса.

Все изложенное хотя и не дает исчерпывающего освещения содержания трудов и высказываний В. И. Ленина по вопросам истории советского рабочего класса, все же показывает, какое большое значение при-

[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 483.
[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 403.
[15] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 377.

давал В. И. Ленин разработке данной проблемы. В своих произведениях В. И. Ленин наметил пути, по которым должны идти исследователи в изучении этого важного раздела истории советского общества.

★

К сожалению, изучение истории рабочего класса и усвоение ленинского теоретического наследства в этой области длительное время развертывалось медленно. Во-первых, для этой работы не было достаточного количества подготовленных кадров. Дореволюционная официальная историческая наука была пропитана буржуазной идеологией. Чтобы начать изучение хотя бы первых шагов, сделанных Советской властью в области развития социалистической промышленности, исследовать трудовое законодательство, деятельность рабочего класса, нужно было создать сначала соответствующие кадры советских историков и экономистов. Во-вторых, в первые годы существования Советского государства главные силы партии и рабочего класса были направлены на упрочение нового государственного аппарата, укрепление вооруженных сил, оборону страны. Правда, уже в апреле 1920 г. В. И. Ленин, обращаясь к В. В. Адоратскому, поднимал вопрос о сборе материалов по истории гражданской войны, истории Советской республики [16]. Но сделать это в условиях войны и разрухи было чрезвычайно трудно.

Лишь после окончания гражданской войны и изгнания интервентов изучение истории Советского государства стало приобретать довольно широкий характер. По инициативе ЦК РКП(б) и Советского правительства в 20-х годах в СССР для этих целей был открыт ряд институтов и научных учреждений. Однако длительное время внимание исследователей было приковано к дооктябрьской тематике.

Одной из важнейших задач историков-марксистов того времени являлась критическая работа. Чтобы успешно развивать новую, марксистско-ленинскую историческую науку, нужно было разоблачить антинаучность дворянских, буржуазных, меньшевистско-троцкистских концепций исторического процесса. Большое место в деятельности ученых было отведено изучению истории рабочего движения, выяснению движущих сил первой русской революции, истории Коммунистической партии и профсоюзов. По мере роста культурного уровня рабочего класса увеличивалась его потребность в исторических знаниях. А. М. Горький, хорошо знавший настроения широких масс, писал о стремлении рабочего класса к «познанию своего исторического прошлого» [17].

В соответствии с этими стремлениями 2-я сессия ЦИК СССР 4-го созыва в октябре 1927 г. приняла постановление об изучении истории пролетариата. В постановлении указывалось, что современная буржуазная историческая наука ограничивается изучением главным образом истории господствующих классов. Во всем мире нет ни одного научного учреждения или общества, которое посвятило бы свои усилия изучению истории эксплуатируемых и угнетенных масс. «Только Союз ССР, в котором пролетариат завоевал политическую власть и установил свою диктатуру в целях осуществления коммунизма, может взять на себя инициативу в деле создания всех необходимых предпосылок для планомерного, всестороннего и детального изучения истории трудящихся классов» [18]. «Одной из важнейших культурных задач, стоящих перед пролетариатом,— говорилось далее в постановлении,— является изучение своей собственной истории, исследование различных исторических ступеней, пройденных пролетариатом, в течение которых он из неопре-

[16] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 379.

[17] А. М. Горький. Собрание сочинений. Т. 26. М. 1953, стр. 172.

[18] «Вторая сессия ЦИК СССР». Стенографический отчет. Л. 1927. Постановления, стр. 28.

деленной массы трудящихся, через различные формы организации, превратился в особый класс и выработал свою особую классовую идеологию» [19].

Собирание и изучение материалов по истории пролетариата в различных странах, исследование процессов его выделения из мелких крестьян и ремесленников, его положения в различные периоды существования капитализма, развития его классовой организации, борьбы против эксплуататоров, согласно постановлению ЦИК СССР, возлагалось на Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

В постановлении говорилось об изучении истории пролетариата в условиях капитализма. Однако оно сыграло большую роль и для разработки истории советского рабочего класса. На Первой всесоюзной конференции историков-марксистов (26 декабря 1928 — 4 января 1929 г.) выступила А. М. Панкратова с докладом «Проблемы изучения истории рабочего класса России». В нем были затронуты также некоторые вопросы развития рабочего класса в условиях советского строя (изменение положения пролетариата, формирование социалистической идеологии). Конференция решила образовать при Обществе историков-марксистов комиссию (затем переименованную в секцию) истории пролетариата. Председателем ее стал М. Н. Покровский, ученым секретарем — А. М. Панкратова. Комиссия разработала обширный план издания литературы по этой проблеме, в котором, в частности, предусматривалась подготовка исследований о развитии рабочего класса в восстановительный период.

В сентябре 1929 г. при Коммунистической академии был создан Институт истории, а при нем — секция истории пролетариата. Секция предполагала издать ряд монографических и коллективных трудов по истории рабочего класса СССР. В 1930—1935 гг. она выпускала сборник «История пролетариата СССР». В предисловии к его первому номеру (1930 г.) М. Н. Покровский писал: «За историю пролетариата нашей страны мы принимаемся через двенадцать лет после того, как этот пролетариат взял в свои руки власть» [20]. Всего было выпущено 22 номера. В них были опубликованы некоторые из намечавшихся к изданию работ, имевших известное научное значение. Но таких исследований было напечатано сравнительно немного [21].

Одной из причин, тормозивших в то время разработку истории советского рабочего класса, являлись неправильные установки М. Н. Покровского. Крупный советский ученый, чьи заслуги в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией неоспоримы, М. Н. Покровский допускал, однако, принципиальные ошибки в трактовке исторического процесса в СССР, в частности в объяснении причин успешной борьбы советских рабочих за построение социализма. Он не понял до конца исторический материализм, который рассматривает развитие общества как естественноисторический процесс, как диалектическое взаимодействие объективного (экономического) и субъективного факторов при решающем значении первого и требует от историков всестороннего учета фактов, относящихся к каждой исследуемой проблеме. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а так-

---

[19] Там же.

[20] Сборник «История пролетариата СССР», 1930, № 1, стр. III.

[21] Наиболее значительные из них: М. Гильберт. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны (1934, № 3; 1935, № 1); А. Посе-лянина. Борьба за социалистическую организацию труда (1934, № 3).

же, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [22].

М. Н. Покровский считал, что рабочие СССР строили социализм наперекор объективным экономическим факторам; создавая материально-техническую базу социализма, новое общество, они опирались будто бы лишь на голый энтузиазм, то есть на фактор субъективный [23].

Неправильные взгляды М. Н. Покровского, возглавлявшего тогда советский исторический фронт, тормозили продуктивное изучение истории рабочего класса.

Советская наука тех лет развивалась в условиях напряженной классовой борьбы. Сменовеховцы, меньшевики и эсеры отстаивали контрреволюционный тезис о «прогрессивности» буржуазии и «неспособности» рабочего класса возглавить экономическое и государственное развитие страны. Активно выступали против линии партии троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы, «обосновывая» свой тезис об «отсутствии» объективных материальных предпосылок для построения социализма в СССР.

Коммунистическая партия под руководством Центрального Комитета отстояла ленинское учение о социалистической революции, о диктатуре пролетариата, о возможности и необходимости построения социализма в нашей стране. Выдающуюся роль в борьбе партии против идейных врагов сыграли такие ее деятели, как Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин и др. В их работах и выступлениях содержалась научная оценка руководящей роли рабочего класса, характеризовалось его развитие в годы социалистического строительства.

Конец 20-х и 30-е годы ознаменовались гигантским индустриальным строительством, промышленной революцией в СССР. В короткие сроки создавались мощные заводы, возникали новые отрасли машинной индустрии, росли новые города и промышленные центры. Невиданными темпами увеличивалась численность рабочего класса, ковались кадры советского рабочего класса в ранее отсталых районах и национальных республиках. Вся жизнь Советской страны проходила под знаком могучего творческого и культурного подъема. Именно в связи с этим возникла потребность в глубоком изучении и обобщении материалов, освещающих историю советского рабочего класса, его героические усилия, направленные на социалистическую индустриализацию СССР.

10 октября 1931 г. ЦК ВКП(б) одобрил предложение А. М. Горького о написании истории фабрик и заводов и принял постановление об издании сборников, которые давали бы «картину развития старых и возникновения новых заводов», их значения в экономике страны, положения рабочего класса до Октябрьской революции, его борьбы против капитализма, его созидательной деятельности и руководящей роли в Советском государстве, развития социалистического соревнования, подъема производства [24]. Была образована редакция истории фабрик и заводов, в которую вошли А. М. Горький, А. А. Андреев, Н. М. Шверник, П. П. Постышев, Л. З. Мехлис, А. М. Панкратова, Вс. Иванов и др.

Свою деятельность решением Центрального Комитета партии А. М. Горький себя инициатором, в которых высказал чрезвычайно ценные мысли об планомерного, ии промышленности и рабочего класса СССР. Он прися классов» [18]. «ветскую действительность во всем ее объеме, знать лицо пролетариатом,— го промышленного предприятия. Значение фабрик и ние своей собственький оценивал не только с точки зрения развития ступеней, пройденны. точки зрения воспитания революционного самосо-

[16] См. В. И. Ленин.

[17] А. М. Горький Со. Т. 13, стр. 21—22.

[18] «Вторая сессия ЦИК сборнику «История пролетариата СССР», 1930, № 1, стр. 28.

о работника». Вып. 8. М. 1934, стр. 374—375.

знания рабочих. История фабрик и заводов, писал он, это есть история рабочего класса [25]. Особое внимание он обращал на изучение процесса восстановления промышленных предприятий, участия в этом деле рабочих [26].

В 30-е годы был издан ряд книг по истории фабрик и заводов [27]. Их появление сыграло положительную роль.

Важное значение имело осуществление постановлений ЦК ВКП(б) и Советского правительства от 16 мая 1934 г. и 16 января 1936 г. о преподавании истории в школе. Принятые тогда меры в первую очередь сказались на улучшении научного исследования истории советского общества, ускорили создание ряда учебников. Это было закономерно, так как предстояло снабдить учебниками по истории пропагандистов и агитаторов, партийные организации, учащихся и преподавателей.

В 1938 г. вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)». В это же время Институт истории АН СССР приступил к подготовке учебников по истории СССР и всеобщей истории для высшей школы.

Война, навязанная Советскому Союзу гитлеровской Германией, создала большие трудности для развития исторической науки. Многие исследования были приостановлены. Но и в тот период советские историки своими трудами внесли большой вклад в науку.

После разгрома фашистской Германии усилился интерес к разработке героической истории рабочего класса СССР.

В первые же послевоенные годы историческая литература пополнилась новыми книгами, брошюрами, статьями, в которых освещались различные вопросы истории рабочего класса. В частности, вышли книга П. Цветкова «Рабочий класс СССР» (1946 г.) и некоторые другие работы. Все эти издания носят научно-популярный характер. Они представляют значительный интерес, так как дают систематическое изложение истории рабочего класса. Однако авторы их не ставили перед собой задачи всесторонней, фундаментальной разработки данной проблемы. Она ждет еще своего исследования.

★

Д. А. Баевский, С. Р. Гершберг и А. В. Митрофанова справедливо отметили в своей статье недостаточную изученность процессов развития советского рабочего класса в первой половине 20-х годов (1921—1925) [28]. Между тем исследование этих вопросов представляет большой интерес, так как раскрывает громадную, неистощимую творческую энергию рабочего класса — ведущей силы советского общества. Только класс, освободивший себя, всех угнетенных и эксплуатируемых от ярма помещиков и капиталистов, мог, преодолевая невероятные трудности, разруху, голод, поднять из руин народное хозяйство, упрочить и развить социалистические завоевания.

Проблема «Рабочий класс в восстановительный период» включает в себя ряд больших вопросов, степень изученности которых неодинакова. Исходя из требований жизни, историки прежде всего исследовали трудовой героизм рабочих. В большей части работ, посвященных этой теме, ставилась задача выяснить организаторскую роль Коммунистической

---

[25] См. А. М. Горький. Собрание сочинений. Т. 26, стр. 270.

[26] Там же, стр. 274.

[27] «История Московского инструментального завода». М. 1934; «Были горы Высокой». Рассказы рабочих. М. 1935; З. Островский. От Бромлея к «Красному пролетарию». М. 1937; М. Д. Розанов. Обуховцы. Л. 1938; «Старая и новая Даниловка». М. 1940, и др.

[28] «Вопросы истории», 1959, № 12, стр. 10.

партии в восстановлении промышленности, изучить особенности трудового подъема рабочих масс, показать их как активную творческую силу, стремящуюся под руководством партии быстрее восстановить и наладить экономическую жизнь. Первоначально история рабочего класса в восстановительный период освещалась в общих трудах по истории советского общества. Так, некоторые сведения о трудовой активности рабочих в 1921—1922 гг. приведены в книге Э. Б. Генкиной «Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922 гг.)» (М. 1954). Следует, однако, отметить, что в этой книге не показана деятельность Коммунистической партии и профсоюзов по воспитанию у рабочих нового, социалистического отношения к труду, недостаточно приведено необходимых фактических материалов о трудовом подъеме рабочего класса.

В первые годы нэпа важную роль в привлечении рабочих к труду стали играть материальные стимулы. После окончания гражданской войны Советское государство перестроило тарифную политику, перешло от уравнительного распределения к социалистическому принципу оплаты труда. Наряду с этим серьезное значение в организации труда в эти годы играли моральные факторы. Коммунистическая партия и профсоюзы повседневно разъясняли массам необходимость укрепления трудовой дисциплины, участия в управлении производством, воспитывали трудовой героизм. Такая разъяснительная работа называлась в то время производственной пропагандой, экономическим просвещением. Она составляла одну из важных сторон деятельности партии по воспитанию социалистического сознания у рабочих.

К сожалению, эти вопросы не нашли достаточного отражения ни в общих работах по истории СССР, ни в специальных исследованиях по истории рабочего класса. Лишь отчасти коснулась их К. И. Князева в своем исследовании «Борьба Тульской партийной организации за сплочение рабочего класса в первые годы нэпа. 1921—1923» (Тула. 1957).

Более основательно освещен вопрос о трудовом подъеме рабочего класса в 1924—1925 годах. Эта тема нашла отражение в книге «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». В последующие годы она освещалась как в общих работах, например в учебном пособии по истории СССР для вузов, так и в исследованиях, показывающих восстановление промышленности и деятельность Коммунистической партии [29].

Наиболее ярким выражением творческого подъема рабочих масс в восстановительный период были производственные совещания. Естественно, что этот сюжет привлек внимание историков. Он нашел отражение в коллективных трудах, изданных Институтом истории АН СССР, а также в отдельных работах: статье Э. Б. Генкиной «Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.)» [30] и некоторых других.

Но в разработке темы о производственных совещаниях имелись серьезные недостатки. Она исследовалась без необходимой связи с вопросами участия масс в управлении народным хозяйством. Подобный пробел имеется даже в тех работах (исключением является упомянутое исследование Э. Б. Генкиной), которые вышли сравнительно недав-

---

[29] См., например, В. И. Беляева, Л. Г. Гольдфарб. Борьба заводских партийных организаций Украины за восстановление черной металлургии в 1924—1925 гг. («Вопросы истории», 1956, № 2); К. Шиян. КПСС — руководитель и организатор борьбы рабочего класса Украинской ССР за повышение производительности труда в 1924—1925 гг. («Ученые записки» Харьковского государственного педагогического института. Т. XIX, 1957); Н. В. Черненко. Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности и консолидацию рабочего класса Украины в 1921—1925 гг. Киев. 1959, и др.

[30] Журнал «История СССР», 1958, № 3.

но, например в брошюре М. Н. Коровиной «Роль партийных организаций в руководстве производственными совещаниями в конце восстановительного периода (1924—1925 гг.)» (1957).

Большое значение для истории советского рабочего класса имеет разработка проблемы «Борьба рабочего класса за повышение производительности труда». Серьезный вклад в ее изучение внес академик С. Г. Струмилин [31], исследования которого помогают историкам выяснить многие сложные вопросы истории производственной активности рабочих масс.

Однако вся эта проблема, в том числе деятельность производственных совещаний в восстановительный период, как в коллективных трудах по истории СССР и истории национальных республик, так и в специальных работах отдельных авторов освещена еще недостаточно. Мало изучен фактический, особенно архивный, материал, характеризующий методы и формы повышения производительности труда, укрепления трудовой дисциплины среди рабочих различных отраслей промышленности и транспорта. По этой проблеме не написаны обобщающие исследования.

Очень важное значение имеет изучение состава рабочего класса. Его численность в различные исторические периоды, удельный вес в нем кадровых и потомственных пролетариев, как и выходцев из других социальных слоев, культурный уровень и квалификация, процент коммунистов среди тех или иных его групп и т. д.— все это вопросы, разрешение которых поможет выяснить закономерности развития рабочего класса СССР. По степени изученности их можно поставить на второе место после проблемы «Трудовой героизм рабочего класса».

Накоплен огромный статистический материал, показывающий изменение состава рабочего класса. Этот материал нужно всесторонне и глубоко исследовать. До последнего времени таким исследованием плодотворно занимался покойный А. Г. Рашин. Еще в 1930 г. он предварительно обработал данные выборочной переписи металлистов, текстильщиков и горнорабочих, проведенной ВЦСПС в 1929 году. В результате этой обработки А. Г. Рашин составил и опубликовал две книги: «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР» и «Металлисты СССР» [32]. Ценность их заключается не только в характеристике состава важнейших групп рабочего класса к началу первой пятилетки, но и в том, что приведенный в них статистический материал бросает яркий свет на процесс изменения рабочего класса в годы гражданской войны и в восстановительный период.

Изучением и популяризацией материалов промышленной статистики занимается также М. Н. Черноморский, опубликовавший оригинальную статью «Распределение промышленных заведений по социальным секторам в первые годы нэпа» [33]. Она написана по материалам промышленных переписей 1920 и 1923 годов. Читатель найдет в ней сведения об изменении численности рабочих в те годы в социалистическом и капиталистическом секторах промышленности.

В сборнике «Вопросы труда в СССР», изданном Научно-исследовательским институтом труда в 1958 г., была опубликована статья Б. М. Смехова «Рост и изменение состава рабочего класса СССР». Она охватывает период с 1917 по 1955 год. Однако затронутые в ней вопросы освещены поверхностно.

Важное значение имеет исследование состава рабочего класса в крупнейших промышленных центрах СССР (Москва, Ленинград, Свердловск, Харьков, Киев, Горький и т. д.), а также в национальных

[31] С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М. 1957; его же. На плановом фронте. М. 1958; его же. Очерки социалистической экономики СССР (1929—1959). М. 1959.

[32] Обе книги вышли в 1930 году.

[33] См. журнал «История СССР», 1958, № 6.

республиках: Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Таджикской ССР и других, где формирование рабочих кадров происходило в условиях советского строя. Но пока на данную тему можно назвать лишь работу ленинградского историка О. И. Шкаратана «Изменения в социальном составе фабрично-заводских рабочих Ленинграда (1917—1928 гг.)»[34].

Недостаточно изучены источники формирования и пополнения рядов рабочего класса. Этому вопросу посвящена статья А. А. Матюгина «Источники пополнения состава промышленных рабочих СССР в восстановительный период (1921—1925 гг.)»[35]. Важной задачей историков является исследование источников формирования рабочего класса в национальных республиках.

Мало разрабатывалась до сих пор тема о материальных факторах роста и развития рабочего класса СССР. Историки не всегда учитывали положение В. И. Ленина о том, что крупная машинная индустрия, фабрики и заводы есть главная материальная база преобразовательной деятельности и борьбы рабочего класса за новое общество.

В довоенные и послевоенные годы вышел ряд трудов по истории промышленности и народного хозяйства, а также истории составления и осуществления ленинского плана ГОЭЛРО[36]. К сожалению, в этих книгах, написанных экономистами, влияние подъема производительных сил на рост и консолидацию рядов рабочего класса не освещено.

Слабо в наших исследованиях затрагивается вопрос об улучшении материального положения рабочих в 20-х годах. Этот вопрос освещен только в одном из параграфов книги «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» (автор его Н. А. Ивницкий)[37].

Чрезвычайно бедна историческая литература о трудовом законодательстве Советского Союза. Правда, имеются содержательные исследования З. А. Астапович (брошюра «Первые мероприятия Советской власти в области труда» (М. 1958) и статья «Разработка Лениным программы социалистической организации труда и улучшения материального положения рабочих»[38]), в которых освещается развитие советского трудового законодательства в 1918 году. Но в восстановительный период было разработано новое трудовое законодательство. В 1922 г. ВЦИК утвердил кодекс законов о труде. Как отмечал В. И. Ленин, это было громадным завоеванием Советской власти, так как кодекс «прочно устанавливает основы рабочего законодательства, как, например, 8-часовой рабочий день»[39]. Разработка кодекса была продиктована заботой об интересах рабочих, задачами социалистического строительства и имела большое международное значение. Между тем до сих пор важный в политическом и научном отношении вопрос о значении советского трудового законодательства не раскрыт в исторической литературе.

Как уже говорилось, одной из самых существенных черт советского рабочего класса В. И. Ленин считал его творческую деятельность по

---

[34] Журнал «История СССР», 1959, № 5.

[35] «Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР», № 12, 1957.

[36] «Развитие советской экономики» под редакцией А. А. Арутюняна и Б. А. Маркуса. М. 1940; П. И. Лященко. История народного хозяйства. Т. III. М. 1956; Э. Ю. Локшин. Очерки истории промышленности СССР. М. 1956; И. А. Гладков. В. И. Ленин и план электрификации России. М. 1947; его же. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М. 1956; «Развитие электрификации Советской страны. 1921—1925 гг». М. 1956; «Советская социалистическая экономика. 1917—1957». М. 1957, и др.

[37] По вопросам заработной платы имеются статистические работы А. Г. Рашина, в частности его монография «Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР. 1922/23—1926/27 гг.». М. 1927.

[38] «Из истории Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР». «Ученые записки» Академии общественных наук при ЦК КПСС. Кафедра истории СССР. М. 1957.

[39] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 354.

управлению государством. К сожалению, этой теме посвящено лишь несколько статей и брошюр, относящихся к истории РКИ[40].

В. И. Ленин называл союз рабочего класса и трудового крестьянства альфой и омегой Советской власти[41]. Советские историки призваны детально исследовать взаимоотношения (экономические, политические, культурные) рабочих и крестьян. Некоторые успехи в этой области уже есть. Имеется несколько книг, статей и диссертаций, посвященных этому вопросу[42]. Следует ожидать, что в ближайшие годы более обстоятельно и конкретно будут изучены руководящая роль рабочего класса в отношении деревни в 1921—1925 гг., различные формы помощи пролетарского государства и рабочей общественности трудовому крестьянству.

В послевоенный период советские историки стали уделять больше внимания исследованию вопросов международной пролетарской солидарности. Рабочие России первыми проложили путь к социализму. Их передовая роль в международном рабочем движении признана трудящимися всего мира. Именно поэтому рабочие СССР всегда получали всемерную поддержку международного пролетариата, выливавшуюся в разнообразные формы. В восстановительный период пролетарии капиталистических стран требовали от своих правительств установления торговых и дипломатических отношений с СССР, оказывали бескорыстную, братскую материальную помощь советскому народу, в частности путем сбора средств на закупку хлеба для голодавшего вследствие засухи населения Поволжья, приобретение оборудования для промышленных предприятий, машин для сельскохозяйственных коммун и т. д.

Иностранные рабочие делегации многократно приезжали в Советский Союз для установления личных контактов и ознакомления с жизнью и трудом рабочих СССР. В то же время советские рабочие стремились оправдать доверие трудящихся всего мира, быть достойными звания зачинателей социалистического преобразования общества, старались помочь международному пролетариату в его героической борьбе с капитализмом. Между советскими и зарубежными рабочими укреплялась взаимная помощь и братская солидарность.

Этой теме посвящена статья Э. Б. Генкиной «Интернациональные связи рабочего класса СССР в годы восстановительного периода»[43]. Однако она лишь частично освещает этот вопрос, не давая обстоятельного научного анализа проблемы. Автор использовал только некоторый фактический материал о переписке советских и иностранных рабочих, дружеских связях рабкоров СССР и капиталистических стран, деятельности Международной организации помощи борцам революции.

Научный интерес с точки зрения изучения международной солидарности рабочего класса вызывает статья Е. М. Полянской «Автономная индустриальная колония «Кузбасс» (1921—1927 гг.)», в которой рассказывается о создании и деятельности колонии иностранных рабочих в Сибири[44]. Но эта работа касается только одного, хотя и важного, вопроса данной темы. Она требует дальнейшего, более глубокого и всестороннего освещения.

Огромное значение для изучения истории рабочего класса имеют исследования, проводимые на Урале, в Сибири и других районах СССР,

---

[40] См., в частности, содержательные статьи С. Н. Иконникова в журнале «Вопросы истории», 1957, № 8; 1960, № 2.

[41] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 301.

[42] А. П. Молчанова. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства (1924—1925 гг.). М. 1956; Г. Л. Попова. Укрепление союза рабочего класса с крестьянством в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Сборник «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР». М. 1958, и др.

[43] «Из истории рабочего класса и революционного движения». Сборник статей. Памяти акад. А. М. Панкратовой. М. 1958.

[44] «Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса...». Кемерово. 1957.

а также в национальных республиках. В связи с этим следует назвать работу А. И. Федотова «Роль тульских рабочих в восстановлении промышленности (1921—1925 гг.)» (Тула. 1958), где освещены развитие промышленности в Тульской губернии, изменения численности рабочего класса, его творческая активность, направленная на повышение производительности труда, рост классовой сознательности и организованности рабочих, сплочение их вокруг партии. Тула — старый промышленный район нашей страны. Здесь с давних времен сложился и воспитался большой отряд кадровых пролетариев. К сожалению, вопрос о тульских рабочих как определенном, имеющем свои особенности отряде рабочего класса СССР остался в книге А. И. Федотова неразработанным. Автор не коснулся социального состава, источников роста рядов тульских рабочих.

В 1958 г. в Иркутске вышла брошюра П. А. Уварова «Развитие социалистической промышленности Иркутской губернии в восстановительный период», показывающая улучшение материального положения трудящихся и политический подъем среди иркутских, особенно черемховских, рабочих в первой половине 20-х годов. Но в этой работе, как и в предыдущей, не затронуты многие важные вопросы развития рабочего класса (состав, источники роста и т. д.).

В восстановительный период, когда существовала многоукладная экономика, рабочие были заняты в различных социальных секторах. Подавляющая часть их трудилась на социалистических предприятиях (национализированная промышленность, транспорт, городское хозяйство, совхозы и т. д.), где не было предпринимателей-капиталистов, отсутствовала эксплуатация. В экономическом и политическом отношении это были ведущие отряды рабочего класса. Но значительная часть рабочих СССР обслуживала частный и государственно-капиталистический секторы, мелкое производство в городе и деревне, частную торговлю, частное строительство и т. д. Эти рабочие подвергались эксплуатации и при поддержке советских профсоюзов вели борьбу против буржуазных элементов.

Чтобы правильно понять процессы изменения социально-экономических отношений в Советской стране и развития советского рабочего класса, необходимо исследовать положение всех групп рабочих в тот период. Изучению положения рабочих на предприятиях частнокапиталистического сектора кладет начало статья Т. К. Рафаиловой «Положение рабочих и классовая борьба на частнокапиталистических предприятиях в период нэпа (1921—1929)» [45]. Однако в ней мало обобщенных количественных показателей, неполно освещена классовая борьба, не указаны пути вытеснения частника социалистическим сектором и т. д. Тема эта ждет дальнейшего и более обстоятельного исследования.

Немаловажное значение имеет изучение развития крупных социалистических промышленных предприятий, железных дорог, пароходных линий. В послевоенные годы дело, начатое в свое время по инициативе А. М. Горького, оживилось. В различных районах страны был издан ряд хороших книг по истории фабрик и заводов [46], сообщающих много конкретных фактов о восстановлении промышленных предприятий, о трудностях, которые испытывали рабочие, их трудовом героизме и творческом росте. Думается, что анализу содержания монографий по истории фабрик и заводов следовало бы посвятить специальную работу.

Историческая литература была бы гораздо богаче, если бы публиковались все написанные исследователями работы или наиболее суще-

[45] «Труды» Ленинградского технологического института имени Ленсовета. Вып. XLVII. Сборник работ кафедры марксизма-ленинизма. Л. 1958.

[46] А. М. Панфилова. История завода «Красный Богатырь». 1887—1925 гг. М. 1958; Н. Древетняк. Гвардия машиностроителей. М. 1947; Б. С. Рябинин. Верх-Исетский завод. Свердловск. 1948; Ю. Ф. Глебов, В. М. Соколов. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново. 1952, и др.

твенные их разделы. В Библиотеке имени В. И. Ленина накопился боль-
шой фонд диссертаций. Среди них немало работ и по истории рабочего
класса СССР в восстановительный период [47], преимущественно освещаю-
щих организаторскую деятельность партии и правительства по восста-
новлению промышленности, трудовой героизм рабочего класса.

Серьезным недостатком литературы по истории рабочего класса
СССР является также то, что в ней показана главным образом история
фабрично-заводского пролетариата. История других групп рабочего
класса (железнодорожники, водники, сельскохозяйственные рабочие, ра-
бочие городского хозяйства и т. д.) почти не исследуется.

До сих пор не разработаны вопросы консолидации и формирова-
ния советского социалистического рабочего класса. Некоторая попытка
подойти к решению этой задачи была сделана в работе Н. В. Черненко
«Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности
и консолидацию рабочего класса Украины в 1921 — 1925 гг.» (Киев.
1959). В этом исследовании автор хорошо показал организаторскую роль
КП(б)У в деле возрождения промышленности. Но процессам консолида-
ции рабочего класса он не уделил внимания. Лишь частично Н. В. Чер-
ненко коснулся улучшения материального положения рабочих, привел
некоторые цифры о численности фабрично-заводского пролетариата. Но
ведь этим проблема не исчерпывается. Консолидация — сложный про-
цесс объединения рабочих в сфере социалистического производства, фор-
мирования их социалистического сознания. Тема консолидации рабочего
класса затрагивается также в упоминавшейся выше книге К. И. Князе-
вой «Борьба Тульской партийной организации за сплочение рабочего
класса в первые годы нэпа. 1921—1923». Но упомянутые работы лишь
начало исследования этой важной проблемы.

За последнее время появился ряд книг, в которых сделана попытка
выяснить особенности формирования рабочего класса в некоторых на-
циональных республиках. Например, в Улан-Удэ в 1958 г. была издана
содержательная книга Б. М. Митупова «Развитие промышленности и
формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923—1937 гг)».
Важнейшим итогом промышленного прогресса республики автор пра-
вильно считает создание, формирование рабочего класса, без чего
невозможно было в ранее экономически отсталой Бурятии решить задачи
социалистического преобразования экономики и культуры. Б. М. Митупов показал, как Коммунистическая партия с первых лет существования Советского государства разрабатывала и осуществляла программу ликвидации экономической отсталости страны, частью которой являлась индустриализация национальных районов и создание там кадров рабочего класса.

Формирование рабочего класса в национальных республиках в той или иной степени освещается и в других книгах [48]. К сожалению, в них лишь констатируется создание национальных рабочих кадров, но не ана-

---

[47] П. И. Щелкунов. Рабочий класс СССР в восстановительный период. М. 1951; М. А. Литвиненко. Рабочие Донбасса в борьбе за восстановление каменноугольной промышленности в период перехода к нэпу. Харьков. 1953; Э. П. Мохнатская. Борьба рабочих Криворожского бассейна под руководством Коммунистической партии за восстановление железорудной промышленности. Харьков. 1954; А. В. Шевцова. Борьба ленинградских рабочих за восстановление социалистической промышленности в первый период нэпа (1921—1925 гг.). Л. 1954, и др.

[48] Т. С. Мельникова. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент. 1956; Ш. И. Ульмасбаев. Промышленное развитие Советского Узбекистана. Ташкент. 1958; К. А. Акилов. Из истории формирования рабочего класса в Узбекистане. Сборник статей «Из истории Советского Узбекистана». Ташкент. 1956; Б. Н. Абишева. О некоторых вопросах социалистической индустриализации Казахстана. Алма-Ата. 1957; А. А. Байшин. Исторические этапы формирования рабочего класса в Советском Казахстане. Алма-Ата. 1958; А. Алтмышбаев. О некоторых особенностях формы перехода народов Средней Азии к социализму. Фрунзе. 1959, и др.

лизируется этот принципиально важный вопрос, отсутствуют соответствующие обобщения. Попытки отдельных авторов выяснить закономерности формирования национальных кадров рабочего класса делаются без достаточной опоры на конкретный материал, что снижает научный уровень работ и не позволяет представить процесс развития рабочего класса в целом.

Изучение истории советского рабочего класса, несмотря на трудности и недостатки, продвигается вперед. Однако это продвижение до сих пор было недостаточно планомерным, целеустремленным, о чем свидетельствуют пробелы в исследовании некоторых коренных проблем. В настоящее время научная работа по истории рабочего класса приобретает более глубокий смысл и широкий размах. Поэтому предложение Д. А. Баевского, С. Р. Гершберга и А. В. Митрофановой об организации при Отделении исторических наук Академии наук СССР научного совета по истории рабочего класса следует считать правильным. Можно надеяться, что такой совет, если он будет создан, мобилизует историков на творческую работу по исследованию важнейших вопросов истории рабочего класса.

В научных учреждениях, высших учебных заведениях, на крупных предприятиях СССР ведется большая работа по сбору и систематизации фактического материала о жизни советских рабочих. Без его глубокого изучения и обобщения нельзя создать исследований, раскрывающих закономерности развития рабочего класса и всего советского общества. Нужно только пожелать, чтобы собирание и изучение фактического материала было подчинено определенному плану, решению крупных, наиболее актуальных научных задач.

Назревшим, по нашему мнению, вопросом изучения истории советского рабочего класса в переходный от капитализма к социализму период является формирование и консолидация социалистического рабочего класса. Это большая и сложная тема. Надо более обстоятельно исследовать, как в прошлом угнетенный и эксплуатируемый класс наемных рабочих превратился в господствующий, руководящий класс советского общества; как рабочие под руководством Коммунистической партии, создав свое пролетарское государство, научились управлять им и руководить многомиллионным крестьянством; как они создали свою народную интеллигенцию; как формировалось их социалистическое сознание. Необходимо выяснить закономерности промышленного развития нашей страны, полнее исследовать источники количественного роста рабочего класса, изменение его социального и возрастного состава, рост культуры и техники, производительности труда и в связи с этим непрерывное повышение жизненного уровня трудящихся. Особое внимание следует обратить на изучение вопросов роста и консолидации рабочего класса в старых промышленных районах и создания его новых многочисленных отрядов в национальных республиках, которые в прошлом были отсталыми окраинами царской России.

Изучение всех этих проблем полностью отвечает требованиям В. И. Ленина о познании сущности исторического развития рабочего класса и тем высоким задачам, которые поставлены перед историками XX и XXI съездами КПСС, а также постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

ИТОГИ И ЗАДАЧИ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР (1945—1959 гг.)

В. Д. Королюк, И. А. Хренов

Славяноведение как наука начало складываться в конце XVIII—начале XIX в., в период так называемого возрождения славянских народов в связи с формированием славянских наций и подъемом национально-освободительного движения западных и южных славян[1]. Рост национального самосознания вызвал усиленный интерес к национальной истории, к родственным чертам в языке и культуре, сближающим славянские народы между собой.

На первом этапе развития славяноведения отчетливо преобладали работы филологического характера. Преимущественный интерес к филологии объяснялся тем, что близость славянских языков являлась наиболее очевидным проявлением славянской общности, наиболее неоспоримым свидетельством родства славянских народов. Однако разработка проблем истории славян имела место уже в первых исследованиях ученых-славистов и с течением времени именно историко-общественные и историко-культурные связи славянства становились важнейшим аспектом славяноведения.

Во второй половине XIX в. славяноведение продолжало успешно развиваться, неуклонно расширяя и углубляя сферу своих научных интересов, что привело к постепенной его дифференциации. Выделились такие специфические отрасли славяноведения, как история, археология, языкознание, фольклористика, литературоведение, этнография. В этот период славяноведение окончательно формируется как совокупность научных славистических дисциплин.

Первые элементы марксистского славяноведения, возникшие на рубеже XIX—XX вв., были одним из выражений пролетарских, интернационалистских связей славянских народов. Огромную роль в развитии марксистского славяноведения сыграли труды В. И. Ленина, идейно разгромившего ложные теории славянофильства. В. И. Ленин дал также гениальный анализ национального движения в славянских странах в эпоху империализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к коренным изменениям в судьбах славянских народов и оказала огромное влияние на развитие славяноведения, вставшего на прочный фундамент марксистско-ленинской методологии.

Однако первое время исследования в области истории славянских народов тормозились ошибками школы Покровского. В значительной мере деятельности наших славистов мешало отсутствие научных контактов со славянскими странами, реакционные правящие круги которых всемерно препятствовали установлению научного сотрудничества.

Исследовательская деятельность советских славистов активизировалась к концу 30-х годов, когда встала задача разоблачения фальсифи-

---

[1] Общая характеристика дореволюционного русского славяноведения дана в статье академика В. И. Пичеты «К истории славяноведения в СССР». «Историк-марксист», 1941, № 3. См. также «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. I. М. 1955.

кации всемирной истории в писаниях фашистских лжеученых и расистов [2]. В годы второй мировой войны разработка вопросов истории, культуры и языка зарубежных славянских стран приобрела особенно большую научную и политическую актуальность. Разгром германского фашизма и переход славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы на путь социалистического строительства создали чрезвычайно благоприятные условия для дальнейшего развития в Советском Союзе славистических исследований. Прямым отражением необычайно возросшего интереса к прошлому зарубежных славянских стран, их культуре и языку явилось создание в 1947 г. в системе Академии наук СССР специального научного учреждения — Института славяноведения.

Следует подчеркнуть, что советская наука принципиально иначе определяет понятие «славяноведение», чем это делается в трудах зарубежных ученых.

Буржуазное славяноведение, рассматривая единство происхождения славянских народов и общие черты в их истории, культуре и языке, исходило из ложных, идеалистических представлений об особых свойствах «славянской души». Марксистское славяноведение рассматривает историческую и культурную жизнь славянских народов в свете общих закономерностей исторического процесса, не противопоставляя славян другим народам. Общие черты в истории, культуре и языке славянских народов марксистская наука объясняет как результат общности их этнического происхождения, смежности территорий, тесных экономических, политических и культурных связей, развивавшихся на протяжении веков. Поэтому без глубокой разработки историко-культурной проблематики славяноведение не может быть подлинно общественной наукой.

Взгляд на славяноведение как на чисто филологическую науку, по существу, представляет пережиток ранней стадии развития этой дисциплины. Эта точка зрения продолжает, однако, и поныне разделяться определенными научными кругами за рубежом. В результате такого подхода историки-слависты были устранены из международных славистических организаций, занимающихся подготовкой периодически созываемых международных съездов славистов. Надо думать, что при содействии ученых социалистических стран такое ненормальное положение будет ликвидировано.

Нам представляется правильным определить славяноведение как совокупность научных дисциплин, изучающих жизнь славянских народов в историческом, историко-литературном, лингвистическом и этнографическом аспектах. Советское славяноведение развивается как комплексная наука, основанная на марксистско-ленинской методологии. Проникнутое высокими чувствами интернационализма и революционной солидарности трудящихся, советское славяноведение исходит из признания равноправия и исторической полноценности всех народов. В этом состоит его главное и принципиальное отличие от дореволюционного славяноведения. В советском славяноведении полностью изжиты господствовавшие прежде реакционные славянофильские и панславистские концепции.

★

Задача настоящей статьи — рассмотреть развитие славистических исследований в СССР начиная с 1945 года [3]. При этом речь пойдет главным образом о работах советских историков-славистов, изучающих прошлое западных и южных славян.

[2] Помимо многочисленных статей и рецензий, написанных видными советскими историками-славистами, разоблачению фашистского извращения истории, и прежде всего истории славянских народов, были посвящены специальные сборники: «Против фашистской фальсификации истории» (М. 1939), «Преступления фашистов против исторической науки» (М. 1945).

[3] Авторы попутно коснутся работ, вышедших ранее. Анализ славистических исследований в СССР в области истории за предшествующий период читатель найдет в статье В. И. Пичеты и У. А. Шустера «Славяноведение в СССР за 25 лет» (см. сборник «Два-

Институт славяноведения создавался как комплексное историко-филологическое учреждение с заметным преобладанием изучения в нем исторических и историко-культурных проблем. На институт были возложены задачи научной разработки вопросов истории, языка и культуры западных и южных славян, истории экономических, политических, культурных и языковых связей между славянскими народами. Одной из первоочередных задач нового научного учреждения была подготовка квалифицированных кадров славистов.

Институт славяноведения АН СССР — центральное славяноведческое учреждение в стране. Разработку славистических проблем ведут также кафедры истории западных и южных славян и славянского языкознания Московского, Ленинградского и Львовского университетов. Большая группа историков, занимающихся исследованием славянской проблематики, имеется в Киеве, в Институте истории АН УССР. Институт славяноведения АН СССР поддерживает постоянные связи со славистами Ленинграда, Киева, Львова, Воронежа, Саратова, Одессы и других городов, координирует свою научную деятельность с институтами истории, истории материальной культуры, языкознания, Институтом мировой литературы Академии наук СССР, с научными учреждениями академий наук Украинской, Белорусской и Литовской республик.

Главными направлениями в работе советских славистов были и остаются новая и новейшая история и литература славянских народов; история строительства социализма и социалистической культуры в славянских странах; межславянские исторические и культурные связи; национальное возрождение славянских народов; история национально-освободительных движений и становления национальной культуры; вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков (фонология, этимология, грамматический строй, синтаксис, лексика); диалектология отдельных славянских языков; межславянские и балто-славянские языковые связи; публикация исторических и литературных памятников и документальных материалов.

В настоящее время большое внимание уделяется изучению славяно-германских отношений. Историки-слависты ведут решительную борьбу с пропагандой реваншизма и национализма в современной буржуазной литературе.

Значительное место в деятельности ученых Института славяноведения занимают обобщающие труды по истории славянских народов с древнейших времен до наших дней. Институт поддерживает и развивает тесные научные связи с зарубежными славистическими центрами, особенно с научными учреждениями стран народной демократии.

Одна из важных форм таких связей — совместная подготовка ряда изданий. Институт славяноведения АН СССР и Институт истории Польской Академии наук готовят к изданию материалы и документы о восстании 1863—1864 гг., а также по истории советско-польских отношений. Институтом истории Болгарской АН и Институтом славяноведения АН СССР будут опубликованы документы и материалы, посвященные освобождению Болгарии от турецкого гнета. Совместно с болгарским Институтом языкознания составляется атлас болгарских говоров. Традицией стало обсуждение трудов советских славистов и ученых славянских стран народной демократии на совместных совещаниях. Так, например, обсуждались проспекты, а затем и тексты больших коллективных трудов по истории славянских стран, издаваемых в СССР, Польше, Чехословакии и Болгарии.

дцать пять лет исторической науки в СССР». М.-Л. 1942). О последних работах советских славистов, изучавших историю южных славян VI—XV вв., писала недавно К. В. Хвостова в статье «История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе 1950—1957 гг.». «Византийский временник» («ВВ»). Т. XV. М. 1959.

С момента создания института его научным коллективом подготовлено и издано свыше ста томов и выпусков коллективных трудов, монографий и серийных изданий общим объемом около двух тысяч авторских листов.

Достижения советского славяноведения в рассматриваемый период были в значительной мере подготовлены предшествующей научной, общественной и преподавательской деятельностью таких выдающихся славистов, как академики Б. Д. Греков, Н. С. Державин, В. И. Пичета и М. Н. Тихомиров, к которым в годы второй мировой войны присоединился приехавший тогда в СССР замечательный чешский ученый З. Р. Неедлы. Они отдали много сил и времени подготовке молодых славистов и явились инициаторами создания Института славяноведения.

К написанию обобщающих исследований по истории отдельных славянских стран первыми приступили ученые старшего поколения. Академик Н. С. Державин предпринял попытку дать сводную работу по истории Болгарии [4]. Обобщающий труд (к сожалению, незавершенный и неопубликованный) готовил академик В. И. Пичета (в бумагах ученого сохранился недоработанный текст I и часть II тома, которые должны были охватить события польской истории до середины XIX века). Сводный очерк, посвященный истории Чехии, писал в Москве академик З. Р. Неедлы. Им написана также большая статья о формировании словацкого народа [5].

Популярная «История Чехии» — одно из первых изданий, осуществленных коллективом Института славяноведения под руководством академика В. И. Пичеты [6]. В 1952 г. увидели свет «Очерки по истории Польши» А. Я. Манусевича. Популярные книги не могли, однако, заменить фундаментальных трудов по истории славянских стран.

С конца 1948 г. создание обобщающих работ по истории зарубежных славянских народов стало одной из основных задач советского славяноведения. Сложность этой задачи определялась тем, что наши слависты начали работу над обобщающими изданиями еще до того, как соответствующие марксистские сводные труды стали появляться в странах народной демократии.

Необходимость создания таких трудов диктовалась интересами развития отечественной науки. Исторический процесс в нашей стране тесно связан с развитием соседних славянских стран, идущих ныне по пути социализма.

За последние годы полностью закончены двухтомная «История Болгарии» [7] и трехтомная «История Польши» [8]. В 1956 г. вышел в свет первый том коллективной «Истории Чехословакии», а в 1959 г.— второй. К 15-й годовщине народно-демократической Чехословакии вышел в свет третий, завершающий том «Истории Чехословакии» [9]. Сейчас заканчивается подготовка первого тома двухтомной «Истории Югославии» и ведется работа над вторым томом.

Коллективные труды советских славистов рисуют широкую картину славянского прошлого, причем материал строится таким образом, что изложение становится все более подробным по мере приближения к современности. Это, бесспорно, одна из характерных черт исследований советских историков в отличие от аналогичных по типу книг буржуазных ученых.

---

[4] Н. С. Державин. История Болгарии. Тт. I—IV. М.-Л. 1945—1948.

[5] З. Р. Неедлы. История политического формирования словацкого народа. «Исторический журнал», 1942, № 7.

[6] «История Чехии». М. 1947.

[7] «История Болгарии». Т. I. М. 1954; т. II. М. 1955.

[8] Первый том «Истории Польши» вышел двумя изданиями: М. 1954 и М. 1956; т. II. М. 1955; т. III. М. 1958.

[9] «История Чехословакии». Т. I. М. 1956; т. II. М. 1959; т. III. М. 1960.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, советские слависты в своих трудах стремились прежде всего выявить те общеисторические закономерности, которые лежали в основе развития славянских стран, то общее, что объединяет славян со всеми народами земного шара. Вместе с тем они обращали пристальное внимание и на специфику исторического развития каждого из изучаемых народов, на особенности экономических, политических и культурных процессов, которые определяют национальное своеобразие их истории. Особенно важное значение придавалось изучению героических традиций национально-освободительного движения славянских народов, их борьбы против феодального и капиталистического гнета, освещению многовековых межславянских связей.

Книги по истории Болгарии, Польши и Чехословакии вызвали положительные отклики в СССР и за рубежом.

Накопленный опыт позволил нашим ученым приступить к созданию работ нового типа, предназначенных для преподавания истории славян в средней школе и высших учебных заведениях. Так появилось крупное коллективное издание «История южных и западных славян» [10] — первый советский учебник по истории славянских народов для вузов. Одновременно группой ленинградских историков были подготовлены «Очерки истории южных и западных славян» [11] — пособие для учителей средней школы.

Активное участие историки-слависты принимали в создании больших коллективных изданий, осуществляемых другими институтами Академии наук СССР: двухтомной «Истории культуры древней Руси», многотомных «Очерков истории СССР», «Истории Москвы», «Всемирной истории», двухтомной «Революции 1848 года», учебников для высших учебных заведений по истории СССР, средних веков и нового времени.

Нельзя не упомянуть и о некоторых исследованиях общего характера по истории культуры зарубежного славянства. Прежде всего следует назвать «Очерки новой и новейшей болгарской литературы XIX—XX веков» [12], написанные коллективом авторов. Готовится книга по истории чешской литературы. В недалеком будущем перед коллективом славистов-литературоведов встанет задача написания сводных трудов по польской, словацкой и югославской литературе.

Интересны работы по истории чешской и польской музыкальной культуры, написанные И. Ф. Бэлзой [13]. Заслуживает внимания общий очерк истории болгарского театра К. Н. Державина [14].

Одной из основных проблем, разрабатываемых советскими славистами, является проблема славянского этногенеза. К сожалению, именно в этой области нашими славистами сделано все еще мало. О проблемах славянского этногенеза много писалось в 30-е и особенно 40-е годы. В спорах по этому вопросу принимали активное участие такие видные исследователи, как Н. С. Державин, М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов, В. И. Пичета, С. П. Толстов, П. Н. Третьяков.

Упрочившиеся в нашей науке ошибочные взгляды Н. Я. Марра на историческое развитие языков служили основным препятствием, мешавшим успеху этногенетических исследований. Поэтому главной задачей в данной области науки в течение последних лет была тщательная критика этногенетических концепций, основанных на взглядах Н. Я. Марра,

---

[10] «История южных и западных славян». М. 1957. Учебник написан коллективом кафедры западных и южных славян Московского университета при сотрудничестве ряда работников Института славяноведения.

[11] «Очерки истории южных и западных славян». Л. 1957.

[12] «Очерки новой и новейшей болгарской литературы XIX—XX веков». М. 1959.

[13] И. Ф. Бэлза. Очерки развития чешской музыкальной классики. М.-Л. 1951; «История польской музыкальной культуры». Т. I. М. 1954.

[14] К. Н. Державин. Болгарский театр. «Очерки истории». М.-Л. 1950.

последовательное разоблачение его немарксистских взглядов. Активное участие в разработке проблем славянского этногенеза принимали археологи [15] и лингвисты [16].

В настоящее время появились уже первые работы, авторы которых ставят своей целью проследить в целом происхождение славян, используя при этом не только восточнославянский, но и западнославянский материал. Такая попытка сделана, в частности, в книге П. Н. Третьякова [17] и в брошюре М. И. Артамонова [18].

Во взглядах ученых по вопросам славянского этногенеза много еще спорного, неясного и неубедительного. К числу дискуссионных относится вопрос о древней балто-славянской общности. Данному вопросу, а также вопросам славянской топонимики уделяют много внимания слависты-языковеды. Вышел специальный сборник статей о славянском этногенезе и древних балто-славянских связях [19]. Необходимо усилить в ближайшее время исследовательскую работу в области славянского этногенеза. Это одна из первоочередных задач нашего славяноведения.

Ценный вклад внесли советские историки — слависты и византинологи в изучение проблемы славянских передвижений V—VII веков. В результате их исследований была выяснена огромная прогрессивная роль славянства в ликвидации отжившей рабовладельческой формации в Юго-Восточной Европе и переходе к передовому тогда феодальному способу производства. Славянская община на Балканах сыграла такую же роль в процессе, положившем начало феодализму в Европе, как германская — на территории Италии, Галлии и Испании. Славянские передвижения оказали свое влияние (правда, не столь значительное) и на крушение западного очага рабовладения — Западно-Римской империи.

В изучении данной проблемы особенно важное значение имела работа В. А. Мишулина [20]. Много сделали для ее решения Б. Д. Греков [21], П. Н. Третьяков [22]. Из византинистов в первую очередь следует назвать Е. Э. Липшиц [23], из археологов — М. Ю. Брайчевского [24]. В последнее время этой проблемы касались А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин, осветившие в целом историю славяно-византийских отношений [25].

Капитальные исследования Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, С. В. Юшкова и др., посвященные Киевской Руси, явились стимулом для постановки в славистической литературе проблемы образования государственности у западных и южных славян. Заслуга со-

---

[15] «Против вульгаризации марксизма в археологии». М. 1953.

[16] См. С. Б. Бернштейн. Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. «Ученые записки Института славяноведения» (УЗИС). Т. III. М. 1951.

[17] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М. 1953.

[18] М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л. 1950.

[19] «Вопросы славянского языкознания». Вып. 3. М. 1958; см. также В. Н. Топоров. Очерк изучения древнейших балто-славянских отношений. «УЗИС». Т. XVII. М. 1959.

[20] В. А. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. «Вестник древней истории» («ВДИ»), 1939, № 1.

[21] Б. Д. Греков. Избранные труды. Т. II. М. 1959.

[22] П. Н. Третьяков. Указ. соч.

[23] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник». М.-Л. 1945; ее же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. «ВВ». Т. I. М. 1947. Сопоставление литературы по рассмотренной проблеме читатель найдет в статье акад. В. И. Пичеты «Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947)». «ВДИ», 1947, № 3.

[24] М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомаврикия. «Советская этнография», 1953, № 2.

[25] А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М. 1958. А. П. Каждану принадлежит обзор концепций по этой проблематике, выдвигаемых в зарубежной буржуазной историографии. См. А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. «Краткие сообщения Института славяноведения» («КСИС»), 1953, № 11.

ветских историков состоит в том, что они решительно опровергли теорию завоевания, в частности развенчали взгляды норманистов. Показав истоки славянской цивилизации, вскрыв классовый характер древнеславянских государств, объяснив социально-экономические причины появления у славян государственности, наши ученые доказали всю беспочвенность теории об иноземном происхождении государства у славян. Вместе с тем была подробно проанализирована раннефеодальная структура возникавших славянских государств и обоснован тезис о том, что в своем историческом развитии славянские народы миновали рабовладение как социально-экономическую формацию.

Глубоко проанализирован в советской славистической литературе и вопрос о роли внешнего фактора — иноземной агрессии — в процессе образования государства.

Всеми этими сложными вопросами много занимались советские историки-слависты. Упомянем труды В. И. Пичеты и Ю. В. Готье[26], С. А. Никитина, Н. С. Державина, Н. П. Грацианского и В. Д. Королюка, посвященные проблеме образования государственности у славян[27]. Ценный памятник для изучения истории образования болгарской государственности издал академик М. Н. Тихомиров[28]. О судьбе македонских славян в раннефеодальный период рассказывает специальная работа Р. А. Наследовой[29]. Вопросы образования государственности у славян неразрывно связаны с проблемой феодализации общества, с историей крестьянства. Л. В. Разумовская исследовала историю польского крестьянства, охватив и период образования древнепольской государственности.

Опубликован ряд трудов по истории крестьянства в южнославянских странах, главным образом в XI—XIV веках. Разрабатывалась история классовой борьбы в городе и деревне[30].

В результате изучения проблемы немецкой феодальной и империалистической агрессии на Востоке в печати появился ряд статей и исследований. Обзорная работа написана Н. С. Державиным. Большой материал по этой теме содержит изданный в 1944 г. специальный сборник статей под редакцией З. Р. Неедлы.

Трагическая судьба полабо-прибалтийского славянства, павшего под ударами германской феодальной агрессии, в течение многих лет изучалась Н. П. Грацианским. Работал в этой области и Н. С. Державин. Судьбы полабо-прибалтийских славян рассматривали в своих трудах, посвященных исследованию истории германской агрессии на Восток, З. Р. Неед-

---

[26] Их работы об образовании польского и сербского государств опубликованы в «Славянском сборнике». М. 1947.

[27] С. А. Никитин. Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства. «Вестник МГУ», 1952, № 1; Н. С. Державин. Славяне в древности. Б. м. Б. г.; Н. П. Грацианский. Славянское царство Само. «Исторический журнал», 1943, № 5—6; его же. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве. «Вопросы истории», 1945, № 1; В. Д. Королюк. Государство Готшалка. XI в. «Славянский сборник». М. 1947; его же. Древнепольское государство. М. 1957.

[28] «Именник болгарских князей». «ВДИ», 1946, № 3.

[29] Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. «ВВ». Т. XI. М. 1956.

[30] Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян с древних времен до XV века. М.-Л. 1958; Г. Г. Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. «УЗИС». М. 1956, № 14; его же. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. «ВВ». Т. XI. М. 1956; А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в Южной Сербии XII—XIV вв. «КСИС», 1955, № 17; С. П. Боброва. К вопросу об условном землевладении в Сербии XIII—XIV вв. «Славянский сборник». Вып. I. Воронеж. 1958; А. Е. Москаленко. Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII—первой половине XIII века. «Славянский сборник». Вып. I. Воронеж. 1958; А. И. Виноградова. К вопросу о возникновении городов в Чехии. «УЗИС», 1954, № 10; ее же. Чешские цехи XIV — начала XV в. и социальная борьба внутри них. «УЗИС». 1955, № 11; В. Д. Королюк. Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг. Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М. 1952.

лы, В. И. Пичета и др.[31]. К сожалению, еще слабо изучена история сербов-лужичан. Здесь можно упомянуть только небольшую книжку М. И. Семиряги «Лужичане»[32].

Главная заслуга в развитии той области советской славистики, которая занимается сравнительно-историческим изучением памятников средневекового славянского права, принадлежит Б. Д. Грекову. Еще при жизни он опубликовал два больших исследования о памятниках южно-славянского права — «Винодол» и «Полица». В изданном в 1957 г. первом томе его «Избранных трудов» появилась работа о третьем изученном им правовом памятнике XIII в. «Польской правде»[33]. В известной статье «Русская правда и ее славянское окружение»[34] Б. Д. Греков убедительно показал плодотворность сравнительно-исторического метода анализа такого рода памятников, анализа, позволяющего глубже и полнее изучить параллельные, хотя и не всегда синхронно проходившие процессы социально-экономического развития в отдельных славянских странах.

В настоящее время крупный труд о древнейшем памятнике славянского права — «Законе судном людем» — готовят М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Из других исследований в этой области назовем работу Г. Э. Санчука о чешском законнике Карла IV[35].

Особую группу составляют труды советских славистов, посвященные характеристике гуситского революционного движения в Чехии. В них раскрыты социально-экономические предпосылки крестьянской войны начала XV в.[36], отражены взгляды революционных вождей чешской реформации Яна Гуса и Иеронима Пражского[37], революционная идеология таборитов[38], отклики на гуситское движение в Западной Европе[39]. З. Р. Неедлы в бытность свою в СССР занимался вопросами русско-чешских связей гуситской эпохи[40].

Отправным пунктом для работ советских историков по проблеме перехода к фольварочно-барщинной системе эксплуатации крестьянства в западнославянских странах послужили исследования Б. Д. Грекова, под-

---

[31] Н. С. Державин. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М. 1943; см. также сборник статей «Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии». М. 1944; Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М. 1943; его же. Карл Великий и славяне. «Исторический журнал», 1945, № 3; его же. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. «Вопросы истории», 1946, № 2—3; Я. П. Зинчук. Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X—XII вв. «КСИС», 1957, № 21; его же. Борьба западных славян против агрессии немецко-датских феодалов в конце XII в. «УЗИС», 1959, № 18.

[32] М. И. Семиряга. Лужичане. М.-Л. 1955.

[33] Б. Д. Греков. «Винодол». М.-Л. 1948; его же. «Полица». М. 1951; его же. Избранные труды. М. 1957.

[34] Б. Д. Греков. Русская правда и ее славянское окружение. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1952, № 2; ср. его же. Большая семья и вервь Русской правды и Полицкого статута. «Вопросы истории», 1951, № 8.

[35] Г. Э. Санчук. Чешский законник «Majestas Carolina» (1355) как исторический источник для изучения начала образования чешского национального государства. «КСИС», 1951. № 2.

[36] Б. Т. Рубцов. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV в.). М. 1958; его же. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV в. в Чехии). М. 1955.

[37] А. С. Сазонова. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. «КСИС», 1952, № 9; Б. М. Руколь. Письмо Поджио Браччиолини к Леонарду Арентинскому и рассказ Младеновица как источники об Иерониме Пражском. «УЗИС», 1951, № 3.

[38] М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М.-Л. 1947.

[39] А. И. Озолин. Гуситы в Турнэ. К вопросу об откликах на чешскую крестьянскую войну в Европе. «УЗИС», 1952, № 6; его же. О международном значении чешской Крестьянской войны XV в. «Вопросы истории», 1955, № 8; М. М. Смирин. Революционные отклики гуситских войн в Германии. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1951, № 4.

[40] З. Р. Неедлы. Гуситы и русские. «Исторический журнал», 1941, № 10—11.

черкнувшего значение внутреннего экономического фактора в этом процессе[42]. Судя по недавно переизданной книге В. И. Пичеты об аграрной реформе Сигизмунда-Августа[43], а также по его незавершенной, оставшейся в рукописи «Истории Польши», такой взгляд он не разделял. В. И. Пичета отмечал решающее значение в процессе перехода к фольварку и барщине внешнего рынка. Нелишним, однако, представляется отметить, что переходу к новой системе феодальной эксплуатации крестьян и в Польше и в Чехии предшествовали подъем городов и расцвет денежной ренты. Роль внешнего рынка стала заметной и, по-видимому, даже решающей уже в процессе перехода.

Опираясь на труды Б. Д. Грекова, Ю. В. Бромлей исследовал вопрос о переходе к барщине и о так называемом «втором закрепощении» крестьянства в Хорватии XVI века. В. И. Пичета, Д. Л. Похилевич и Н. Н. Улащик изучали развитие фольварочно-барщинной системы на белорусской и литовской территории Речи Посполитой, А. И. Баранович — на украинской, О. Е. Иванова — на собственно польской. В отношении Чехии аналогичное исследование осуществлено Н. М. Пашаевой и Н. Ф. Филоненко-Алексеевым[44].

Для выяснения предпосылок перехода западнославянских стран к фольварочно-барщинной системе известное значение имеют упомянутые выше работы Л. В. Разумовской и Б. Т. Рубцова по истории польских и чешских крестьян. Историей крестьянского движения в Хорватии и Словении XVI в. специально занимался Ю. В. Бромлей, в Польше XVII в.— О. Е. Иванова и И. С. Миллер[45]. Последний изучал связи польского антифеодального крестьянского движения середины XVII в. с освободительной войной украинского народа 1648—1654 годов. Этой же теме посвящена работа Е. С. Компан[46]. Антифеодальную борьбу чешского крестьянства в XVII в. изучал Н. Ф. Филоненко-Алексеев[47].

Проблемы исторических отношений и связей России с южными и западными славянами (в эпоху феодализма до конца XVIII в.) разработаны в обобщающих коллективных трудах по истории славянских стран. Что касается монографического исследования отдельных тем из этой очень широкой проблематики, то здесь следует особенно подчеркнуть заслуги

---

[42] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М. 1954; его же. Перестройка сельского хозяйства и судьбы крестьян в Европе XVI века. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1948, № 1.

[43] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1958.

[44] Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI веков. «УЗИС», 1951, № 4; его же. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М. 1959; Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. Львов. 1957; Н. Н. Улащик. Кобринская экономия после проведения волочной померы. «УЗИС», 1957, № 14; А. И. Баранович. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII в. М. 1955; О. Е. Иванова. К вопросу об упадке крестьянского хозяйства в Польше во второй половине XVII в.— первой половине XVIII в. «УЗИС», 1952, № 6; Н. М. Пашаева. Формы эксплуатации крестьян в чешском поместье XVII в. (К вопросу об особенностях вторичного закрепощения крестьянства в Чехии). «УЗИС», 1958, № 16; Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Некоторые общие и специфические черты вторичного закрепощения в Чехии. «Вопросы истории», 1960, № 3. Многочисленные исследования В. И. Пичеты по XVI—XVII вв. подготавливаются сейчас Институтом славяноведения к печати в виде отдельного сборника статей.

[45] Ю. В. Бромлей. Восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г. «УЗИС», 1955, № 11; его же. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии; О. Е. Иванова. Положение крестьян в Новотаргском старостве в XVII в. и восстание 1630 г. «Ученые записки Ленинградского университета». Т. 127, 1950; И. С. Миллер. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г. «УЗИС», 1950, № 2; его же. Крестьянское восстание в Великой Польше в 1651 г. «УЗИС», 1951, № 3.

[46] И. С. Миллер. Освободительная война 1648—1654 гг. и польский народ. «Вопросы истории», 1954, № 1, Е. С. Компан. Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. для антифеодальных движений в Польше. «КСИС», 1954, № 13.

[47] Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Второе закрепощение в Чехии и крестьянское восстание 1679—1680 гг. «КСИС». 1958, № 23.

старшего поколения советских славистов — М. Н. Тихомирова, Н. С. Державина, С. К. Богоявленского [48].

Как уже отмечалось, проблемы чешско-русских связей в эпоху гусизма исследовал в период пребывания в Москве З. Р. Неедлы; в настоящее время над этой проблемой работает А. И. Озолин. В. И. Пичета много сделал для изучения литовско-русско-польских отношений середины XVI века [49]. Две работы посвящены русско-польским отношениям второй половины XVI века [50]. А. А. Савич, И. В. Галактионов и И. Б. Греков рассмотрели польско-русские отношения в XVII веке [51]. Историей польско-русских отношений в период освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. занимается Г. М. Лызлов [52]. Русско-польские отношения начала XVIII в. получили освещение в статьях В. Д. Королюка [53] и А. П. Глаголевой [54].

По истории более ранних периодов разрабатываются преимущественно вопросы польско-русских и русско-болгарских отношений X—XI веков [55].

Советские историки специально занимались исследованием деятельности Юрия Крижанича, главным образом изучением его политических и экономических взглядов [56]. Попытка изобразить Крижанича в качестве орудия международной реакции [57] была решительно отвергнута советской историографией [58].

Ближайшей задачей советских ученых является усиление разработки проблем межславянских связей. Следует отметить, что при освеще-

---

[48] М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник». М. 1947; С. К. Богоявленский. Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв., там же; Н. С. Державин. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.-Л. 1944.

[49] В. И. Пичета. Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия. «Исторические записки», 1940, № 7.

[50] В. Д. Королюк. Ливонская война. М. 1954; Л. А. Дербов. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). «Ученые записки Саратовского университета». Т. XXXIX. 1954.

[51] А. А. Савич. Андрусівське перемир'я 1667 р. «Наукові записки АН УРСР». Институт історії и археології. Кн. 2. Київ. 1946; И. В. Галактионов. Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове. «УЗИС». 1959, № 18; И. Б. Греков. Вечный мир. 1686 г. «КСИС», 1951, № 2; его же. Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской рады (1657—1659 гг.). Сборник «Воссоединение Украины с Россией». М. 1954.

[52] Г. М. Лызлов. Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. (до Зборовского мира). «КСИС», 1958, № 24; его же. К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 году. «Ученые записки Казахского педагогического института имени Абая». Т. XXXIX (20). Алма-Ата. 1959.

[53] См. «УЗИС», №№ 3, 5, 7, 10; см. также «Вопросы истории», 1948, № 4.

[54] А. П. Глаголева. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы. «КСИС», 1955, № 14.

[55] П. А. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава. «Вопросы истории», 1951, № 8; его же. К истории балканских войн Святослава. «ВВ». Т. VII. М. 1953; его же. К истории балканских походов Руси при Святославе. «КСИС», 1955, № 14; В. Д. Королюк. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке. «КСИС», 1952, № 9; его же. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. «Славянский архив». М. 1958; Н. И. Ильин. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М. 1957.

[56] С. В. Бахрушин. Юрий Крижанич. «Исторический журнал», 1942, № 1—2; В. И. Пичета. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618—1683 гг.). «Славянский сборник». М. 1947; Б. Д. Дацюк. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М. 1946; А. Л. Гольдберг. Неизвестное сочинение Ю. Крижанича «О превертве беседа». «Научный бюллетень ЛГУ», 1947, № 19; Л. М. Мордухович. Антифеодальная концепция Юрия Крижанича. «КСИС», 1958, № 26.

[57] П. П. Епифанов. Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич. «Вопросы истории», 1953, № 10.

[58] Л. Н. Пушкарев. Об оценке деятельности Юрия Крижанича. «Вопросы истории», 1957, № 1.

нии польско-русских отношений, исключая эпоху раннего феодализма, в нашей литературе явно преобладала политическая история. Экономические и культурные связи раскрывались недостаточно. Думается, пришло время исправить этот недостаток.

Изучение национально-освободительной борьбы южных славян в XIX в. и поддержки, оказываемой этой борьбе русским народом, объединило творческие усилия многочисленного коллектива славистов. При исследовании национально-освободительного движения и связей России с южнославянскими странами серьезное внимание уделяется вопросам социально-экономического развития славянских стран Балканского полуострова [59].

Большое значение придается изучению влияния идей русских революционных демократов на передовых общественных деятелей Болгарии и Сербии (Л. Каравелова, Х. Ботева, Св. Марковича) [60]. В последние годы Институт славяноведения издал три специальных сборника, посвященных освобождению Болгарии от турецкого ига, русско-югославским и русско-болгарским связям [61].

---

[59] И. С. Достян. Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. «УЗИС», 1952, № 6; ее же. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV—начало XIX в. М. 1958; В. В. Зеленин. Развитие ремесла и промышленности в Сербии в период первого сербского восстания (1804—1813 гг.). «КСИС», 1958, № 23; Н. Г. Левинтов. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг. Сборник «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М. 1953; К. Л. Струкова. Социально-экономические основы движения за воссоединение в Южной Болгарии в 1879—1885 гг. «УЗИС», 1956, № 14; В. Г. Карасев. Основные черты социально-экономического развития Сербии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. «КСИС», 1952, № 5; В. Н. Кондратьева. К истории восстания в Боке Которской в 1869 г. «УЗИС», 1958, № 16; ее же. К вопросу о предпосылках восстания 1858 г. в Боснийской Краине и Посавине. «УЗИС», 1959, № 18; Н. И. Казаков. М. И. Кутузов и национально-освободительное движение народов Балкан в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Сборник «Полководец Кутузов». М. 1955; его же. Из истории русско-сербских отношений в начале XIX в. «Доклады и сообщения Института истории». М. 1954, № 3; его же. Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией (1806—1812). «Вопросы истории», 1955, № 6; И. И. Лещиловская. К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Хорватии и Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. «УЗИС», 1959, № 18; С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. «Славянский сборник». М. 1947; его же. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. «Вопросы истории», 1946, № 4; его же. Славянские съезды шестидесятых годов XIX века. «Славянский сборник». М. 1948; его же. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. Сборник «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М. 1957; И. В. Козьменко. Из истории болгарского ополчения (1876—1877). «Славянский сборник». М. 1948; ее же. Первоначальные проекты Тырновской конституции. Сборник «Освобождение Болгарии от турецкого ига»; В. Д. Конобеев. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса. Там же; его же. Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М. 1953; Т. Г. Снитко. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг. Сборник «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии»; С. И. Седельников. Селянські повстання в 1841 і 1850 рр. в Болгарії. Харківський державний педагогічний інститут ім. Г. С. Сковороди. «Наукові записки (історична серия)». Т. XV. Київ—Харьків. 1954; его же. Система турецької політичної сваволі в Болгарії в 50—60-х роках XIX ст. «Наукові записки...». Т. XVII. Київ. 1955; В. П. Чорный. Болгарська еміграція в період підготовки квітневого повстання 1876 року. «Питання загальної історії». Львів. 1959.

[60] В. Г. Карасев. Революционно-демократическая программа Светозара Марковича. «УЗИС», 1952, № 6; его же. Сербский революционный демократ Светозар Маркович. «УЗИС», 1953, № 7; С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. «УЗИС», 1952, № 6; К. А. Копержинский. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России. «УЗИС», 1956, № 12; Л. С. Ерихонов. Мировоззрение Любена Каравелова. «УЗИС», 1957. № 15; Л. Воробьев. Христо Ботев (1849—1876). М. 1953.

[61] «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М. 1953; «Общественно-политиче-

Значительно слабее изучены в нашей литературе русско-чешские отношения в XIX веке. Исследование этой проблемы только еще начинается. Н. Д. Ратнер в своей работе касается политических связей чешской либеральной буржуазии с Россией в 60-х годах XIX в.[62]. Основное внимание в настоящее время советские слависты уделяют вопросам чешско-русских связей в области культуры. Из последних выступлений на эти темы назовем статьи Л. С. Кишкина и С. В. Никольского[63].

Инициатива постановки сложной проблемы о роли славянских народов в европейских революционных событиях 1848—1849 гг. принадлежит З. Р. Неедлы и В. И. Пичете. В 1947—1949 гг. на решение этой проблемы были направлены усилия большого коллектива историков-славистов — В. Н. Кондратьевой, И. Н. Мельниковой, И. С. Миллера, С. А. Никитина, И. И. Удальцова, У. А. Шустера и других. Результаты их монографических исследований были опубликованы в первом томе «Ученых записок» Института славяноведения (М.-Л. 1949) и в коллективном труде «Революция 1848 года» (Тт. I—II. М. 1952). Монографию о революционном движении в Чехии в 1848—1849 гг. издал И. И. Удальцов[64]. С. А. Никитин дал в статье общую картину участия славянских народов в европейском революционном движении 1848—1849 годов[65].

Проанализировав причины контрреволюционной позиции либеральной буржуазии ряда славянских стран в бурных событиях так называемой «Весны народов», советские историки сосредоточили свое внимание на изучении революционного, демократического крыла в движении славянских народов тех лет.

Одним из первых разработку вопросов национально-освободительного движения польского народа в конце XVIII в. в нашей историографии начал В. И. Пичета[66]. Много внимания уделил он и восстанию 1830—1831 гг. на территории Украины, Белоруссии и Литвы. В. И. Пичета готовил работу о первом Западном комитете и о польском вопросе в международных отношениях первой половины XIX века. Только небольшой отрывок из его незавершенных исследований в этой области появился в печати[67].

Ряд трудов советских ученых посвящен истории развития капиталистических отношений в польских землях в первой половине XIX в. и формирования польской нации[68]. Но главными темами оставались все же национально-освободительное движение и русско-польские революционные связи. Советские слависты возобновили изучение восстания Костюш-

---

ские и культурные связи народов СССР и Югославии». М. 1957; «Из истории русско-болгарских отношений». М. 1958.

[62] Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. «УЗИС», 1956, № 14.

[63] Л. С. Кишкин. Декабрист Враницкий. «КСИС», 1952, № 9; его же. К вопросу о знакомстве А. С. Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков. «УЗИС», 1951, № 4; С. В. Никольский. К вопросу о знакомстве Ф. Л. Челаковского с русской фольклористикой XIX в. «УЗИС», 1949, № 1; его же. О знакомстве Ф. Л. Челаковского с декабристским журналом. «УЗИС», 1954, № 8.

[64] И. И. Удальцов. Очерки истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году. М. 1951.

[65] С. А. Никитин. Славянские народы в революции 1848 года. «Вопросы истории», 1948, № 7.

[66] В. И. Пичета. К истории восстания Костюшко 1794 г. «УЗИС», 1953, № 7.

[67] В. И. Пичета. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг. «УЗИС», 1951, № 3.

[68] И. С. Миллер. Накануне отмены барщины в Галиции. «УЗИС», М.-Л. 1949, № 1; его же. К вопросу о формировании польской буржуазной нации. «Вопросы истории», 1952, № 7; И. И. Костюшко. Разложение феодальных отношений и развитие капитализма в сельском хозяйстве Царства Польского (30-е — начало 60-х годов XIX в.). «УЗИС», 1954, № 10; И. М. Нефедов. Про селянське землеволодиння в Галичині (1772—1847 рр.). «Питання загальної історії». Львів. 1959.

ко[69]. Русско-польские революционные связи в 20-х годах XIX в. рассматривает в своем капитальном труде М. В. Нечкина[70]. В последнее время над этими темами работали И. И. Беккер, А. И. Бортников, П. Н. Ольшанский[71]. Польско-украинские революционные связи явились предметом исследования И. И. Костюшко[72].

Большой коллектив славистов и историков СССР разрабатывает широкую проблематику, связанную с восстанием 1863—1864 годов. Первая марксистская книга С. Н. Драницина[73] об этом восстании вышла еще в 1937 г., затем появилась обзорная статья М. В. Миско[74]. Несколько лет назад была издана монография И. М. Белявской о польско-русском революционном союзе 60-х годов XIX в. и деятельности А. И. Герцена[75]. Вопросом о крестьянстве в 40-х годах XIX в. в связи с восстанием 1863 г. занимались И. И. Костюшко и В. Н. Кондратьева[76]. Материалы о польско-русском революционном сотрудничестве в 60-х годах XIX в. изучает И. С. Миллер. И. И. Костюшко пишет монографию об аграрной реформе 1864 г. в Царстве Польском. В. Г. Ревуненков написал книгу «Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия»[77].

С 1959 г. Институт славяноведения приступил к изданию сборников статей и материалов о восстании 1863—1864 гг. и русско-польском революционном сотрудничестве 50—60-х годов XIX века. Непосредственное отношение к этой проблеме имеют также некоторые опубликованные работы наших литературоведов, в которых они рассматривают связи А. Мицкевича с русским обществом[78].

Одно из основных мест в работах советских славистов занимает исследование рабочего движения в славянских странах. Важно при этом было показать тесные связи российского рабочего движения с подъемом рабочего движения в славянских странах. Вопросы истории польского рабочего движения конца XIX — начала XX в. рассмотрены в работах И. Волковичера[79], Г. И. Лурье[80], в статьях Н. Н. Пухлова[81]. Рабочее дви-

[69] В. И. Ивашкевич. Народное движение в Польше накануне восстания 1794 г. «Ученые записки Ленинградского университета». Т. 194, 1955.

[70] М. В. Нечкина. Движение декабристов. Тт. I—II. М. 1955.

[71] И. И. Беккер. Декабристы и польский вопрос. «Вопросы истории», 1948, № 3; А. И. Бортников. Декабристы и польское национально-освободительное движение. «Труды Воронежского университета». Т. 29, 1954; П. Н. Ольшанский. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М. 1959.

[72] И. И. Костюшко. Польская демократия первой половины XIX в. и освободительное движение украинского народа. «КСИС», 1954, № 13.

[73] С. Н. Драницин. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л. 1937.

[74] М. В. Миско. Польское восстание 1863 г. «Исторический журнал», 1945, № 1—2.

[75] И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное восстание 60-х годов XIX в. М. 1954. Специальную работу посвятил З. Сераковскому В. А. Дьяков (В. А. Дьяков. Сигизмунд Сераковский. М. 1959).

[76] В. Н. Кондратьева. К вопросу о положении польских крестьян накануне и во время восстания 1863 г. «УЗИС», 1951, № 3; И. И. Костюшко. К истории крестьянского движения в Царстве Польском во второй половине 40-х годов XIX в. «УЗИС», 1959, № 18.

[77] В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л. 1957.

[78] С. С. Ланда. У истоков «Оды к юности». «Литература славянских народов». М. 1956, № 1; Б. Ф. Стахеев. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М. 1955; Г. Д. Вервес. Адам Мицкевич и украинская литература. «Литература славянских народов». М. 1956, № 1; его же. Адам Мицкевич в українській літературі. Київ. 1955. См. также И. И. Беккер. Произведения Мицкевича и царская цензура. «Литература славянских народов», М. 1956, № 1.

[79] И. Волковичер. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше. Ч. I. М.-Л. 1925; его же. Стачка 1883 г. в Жирардове. «Пролетарская революция», 1923, № 6—7.

[80] Г. И. Лурье. Красная Лодзь. Рабочая стачка в 1892 г. М. 1934.

[81] Н. Н. Пухлов. Начало рабочего движения в Польше (70—80-е годы XIX века). «Вопросы истории», 1952, № 12; его же. Рабочее движение в Королевстве Польском в 90-е годы XIX века. «Вопросы истории», 1954, № 2.

жение в Болгарии того же периода исследовано в работах А. М. Шнитмана [82], В. Дядькина [83], И. Курбатовой [84]. Революционная борьба пролетариата Чехословакии показана в специальном сборнике статей Института славяноведения.

Значительный интерес проявляют советские ученые к проблеме влияния первой русской революции на подъем революционного движения в зарубежных славянских странах. Революция 1905—1907 гг. явилась событием огромного международного значения, оказавшим прогрессивное влияние на весь последующий ход общественного развития.

Влияние первой русской революции с особой силой сказалось в славянских странах потому, что здесь на очереди стояли задачи буржуазно-демократической революции. Международное значение событий 1905—1907 гг. в России нашло широкое освещение на страницах обобщающих трудов Института славяноведения по истории Болгарии, Польши, Чехословакии. К пятидесятилетию первой русской революции, которое было торжественно отмечено как в Советском Союзе, так и в славянских странах народной демократии, появился ряд работ. В сборнике статей «Первая русская революция и международное революционное движение» (М. 1955) показаны революционные события в европейских странах, в том числе и славянских, тесно связанные с первой русской революцией. Влиянию событий 1905—1907 гг. на подъем революционного движения в славянских странах посвящен специальный выпуск «Кратких сообщений» (№ 20) Института славяноведения. Здесь опубликованы доклады советских и зарубежных ученых на научной сессии института.

Революционное движение в славянских странах в период 1905—1907 гг. исследовалось также и в отдельных работах. В монографии И. А. Хренова «Лодзинское восстание» и ряде его статей [85] освещены революционные связи русского и польского рабочего класса, их совместная борьба против самодержавия. Проблема революции 1905—1907 гг. в Королевстве Польском рассмотрена У. А. Шустером [86]. Отдельные вопросы революции 1905—1907 гг. в Королевстве Польском исследованы в статьях С. М. Стецкевича [87]. Темой крестьянского движения в Королевстве Польском в 1905—1907 гг. специально занималась С. М. Фалькович [88]. Вопросы влияния русского рабочего движения на революционное движение в Болгарии рассмотрены в статье А. Шнитмана, над проблемами внутренней обстановки в Болгарии несколько более позднего времени работал В. А. Жебокрицкий [89]. Рабочее движение в

---

[82] А. М. Шнитман. Революционная деятельность Д. Н. Благоева в России и Болгарии (1878—1885 гг.). «Вопросы истории», 1956, № 2.

[83] В. Дядькин. К вопросу об образовании партии тесных социалистов в Болгарии. «Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института», 1956. № 20.

[84] И. Курбатова. Г. В. Плеханов и революционное социал-демократическое движение в Болгарии. «Вестник Ленинградского университета». 1958, № 14.

[85] И. А. Хренов. Лодзинское восстание. М. 1958; его же. Революционное выступление варшавских рабочих в январские дни 1905 г. «Вопросы истории», 1952, № 2; его же. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на славянские страны. «КСИС», 1955, № 20.

[86] У. А. Шустер. Революция 1905—1907 гг. в Польше. «Исторические записки», 1947, № 22.

[87] С. Стецкевич. Первомайская демонстрация в Варшаве в 1905 г. «Вопросы истории», 1955, № 5; его же. Всеобщая политическая стачка в Варшаве в декабре 1905 г. «КСИС», 1955, № 20.

[88] С. М. Фалькович. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Королевстве Польском в революции 1905—1907 гг. «УЗИС», 1956, № 12.

[89] А. Шнитман. К вопросу о влиянии русского революционного движения 1885—1903 гг. на революционное движение в Болгарии. «Вопросы истории», 1949, № 1; В. А. Жебокрицкий. Внутрішнэ становище в Болгарії після Балканських воэн. «Украинський історичний журнал», 1958, № 1.

чешских землях в конце XIX в. исследуется в статье Н. И. Иванова[90]. О революционном движении 1905 г. в Чехии рассказывает статья К. П. Гогиной[91]. Анализу революционных событий в южнославянских областях Австро-Венгрии в 1905 г. посвятил статью Ю. А. Писарев[92]. О влиянии первой русской революции на общественно-политическое развитие Черногории говорится в статье Н. И. Хитровой[93]. Революционное движение в славянских странах накануне и в период первой мировой войны исследовано в работах В. Д. Вознесенского[94], В. И. Владимирской[95], А. М. Коренькова[96], А. Я. Манусевича[97], В. А. Упеника[98].

Большое внимание советские историки уделили проблеме влияния Великой Октябрьской социалистической революции на исторические судьбы славянских народов. Этот важный вопрос подробно изложен в обобщающих трудах Института славяноведения. Специальный сборник «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы» содержит материалы об участии трудящихся славянских стран в Великой Октябрьской социалистической революции в России[99]. В ряде монографических работ и статей показано, какое значение имела пролетарская революция в России для восстановления государственной самостоятельности Польши, Чехословакии и образования Югославии. В монографии М. В. Миско[100] исследовано значение Великого Октября для восстановления самостоятельного польского государства. Проблема образования Коммунистической партии Польши исследуется в статье И. А. Хренова[101].

Влиянию Октябрьской революции на подъем революционного движения в Болгарии посвятили свои работы М. А. Бирман и А. С. Бейлис[102]. История революционного движения в Чехословакии в 1918—1921 гг. рассматривается в статьях И. Н. Мельниковой[103], В. В. Марьиной[104],

---

[90] Н. Иванов. Рабочее движение в чешских землях в конце 90-х годов XIX века. «Из истории революционного движения народов Чехословакии». М. 1959.

[91] К. П. Гогина. Революционное движение в чешских землях в 1905 г. Сборник «Из истории революционного движения народов Чехословакии». М. 1959.

[92] Ю. А. Писарев. Революционное движение в южнославянских областях Австро-Венгрии в 1905 г. «Вопросы истории», 1956, № 3.

[93] Н. И. Хитрова. Социально-экономическое развитие Черногории в конце XIX — начале XX в. и конституция 1905 г. «КСИС», 1955, № 20.

[94] В. Д. Вознесенский. К вопросу о влиянии русского революционного движения на болгарское рабочее движение (1910—1912 гг.). «КСИС», 1955, № 17.

[95] В. И. Владимирская. Борьба болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) против империалистической войны (1914—1918 гг.). «УЗИС», 1956, № 14.

[96] А. М. Коренькова. Интернационалистская позиция болгарских тесных социалистов в период первой мировой войны 1914—1918 гг. «УЗИС», 1954, № 10.

[97] А. Я. Манусевич. Из истории революционного движения в Польше в 1917—1918 гг. «Новая и новейшая история», 1957, № 4.

[98] В. А. Упеник. Рабочее движение в Сербии накануне первой мировой войны. «Вопросы истории», 1955, № 7.

[99] «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М. 1957. Специально вопросами революционного союза трудящихся России и Польши в 1917 г. занимается И. И. Белякевич. (И. И. Белякевич. Революционное содружество польских и российских трудящихся в 1917 г. (Львов. 1957).

[100] М. В. Миско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М. 1957.

[101] И. А. Хренов. Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши. «Вопросы истории», 1959, № 6.

[102] М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М. 1957; его же. Нарастание революционной ситуации в Болгарии в 1917—1918 гг. и Владайское восстание. «УЗИС», 1952, № 5; его же. К вопросу об участии болгар в защите завоеваний Октябрьской революции. «Новая и новейшая история». 1957, № 5; А. С. Бейлис. Велика Жовтнева соціалістична революція в Росії и революційне піднесення в Болгарії в 1917—1920 рр. «40 рокив Великого Жовтня». Львів. 1957.

[103] И. Н. Мельникова. Из истории революционного движения на Закарпатской Украине в 1921—1924 гг. «УЗИС», 1952, № 6.

[104] В. В. Марьина. Словакия в годы послевоенного революционного подъема (1918—1923 гг.). «КСИС», 1958, № 21; ее же. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Словакии в 1918—1920 гг. Сборник «Из истории революционного движения народов Чехословакии».

А. Х. Клеванского[105]. Развитие революционного движения в югославянских землях в 1918—1923 гг. и образование самостоятельного югославского государства рассмотрены в работах Ю. А. Писарева[106]. Историю краха лоскутной Габсбургской монархии исследовал В. М. Турок[107].

Не останавливаясь подробно на работах, характеризующих период 1918—1939 гг. в истории славянских стран[108], перейдем непосредственно к обзору тех исследований, которые ставили своей задачей изучение освободительной революционной борьбы славянских народов в годы второй мировой войны, опыта социалистического строительства в странах народной демократии Европы.

Советские историки-слависты с каждым годом уделяют все больше внимания проблемам возникновения строя народной демократии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и строительства социализма в них. Эти вопросы нашли отражение в обобщающих трудах Института славяноведения, в специальных сборниках[109], в ряде книг советских историков, вышедших в последние годы. Л. Б. Валев подробно исследовал революционную борьбу болгарских трудящихся в 1942—1944 гг., определившую переход страны на путь демократических преобразований[110]. Социально-экономические преобразования в Польше, Болгарии, Чехословакии освещены в работах П. В. Галенко, Д. Бочарова, А. Н. Киршевской, Ф. Т. Константинова, В. П. Тихомирова, А. А. Хачатурова, А. И. Недорезова; в книгах П. М. Калениченко, Л. Б. Валева и С. И. Грачева[111]

---

[105] А. Х. Клеванский. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный подъем в Чехословакии. Сборник «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1957; его же. Некоторые вопросы истории чехословацких революционных организаций в России (1917—1921) в связи с новейшими работами чехословацких историков. «История СССР», 1958, № 5.

[106] Ю. А. Писарев. Из истории революционного движения рабочего класса и крестьянства в сербо-хорвато-словенском государстве в 1919—1923 гг. «УЗИС», 1952, № 5; его же. Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Словении в 1917—1919 гг. и интервенция Антанты. «УЗИС», 1959, № 17.

[107] В. М. Турок. Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции (январская забастовка 1918 г.). «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1952, № 3; его же. Кризис реакционного режима Габсбургов (январь—март 1918 г.). «УЗИС», 1953, № 7; его же. Очерки истории Австрии. 1918—1929. М. 1955.

[108] Ф. Г. Зуев. Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920). М. 1954; М. И. Богуславский. Политическая борьба в Польше в связи с наступлением фашистских агрессоров на Чехословакию. «Вопросы истории», 1948, № 5; его же. Политическая борьба в Польше по вопросам внешней политики накануне второй мировой войны. «Вопросы истории», 1949, № 10; А. Н. Киршевская. Падение правительства Земледельческого Союза в Болгарии. «УЗИС». 1955, № 11; И. Н. Мельникова. Экономическое развитие Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929). «УЗИС», 1958, № 16; С. И. Прасолов. Чехословакия в годы экономического кризиса (1930—1933). «УЗИС», 1956, № 12 и др.

[109] «Болгарский народ в борьбе за социализм». М. 1954; «Борьба польского народа за социализм». М. 1955; «Народы Чехословакии в борьбе за социализм». М. 1957.

[110] Л. Б. Валев. Из истории Отечественного фронта Болгарии. М.-Л. 1950.

[111] П. В. Галенко. Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике. М. 1955; А. И. Недорезов. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М. 1954; его же. Установление и развитие народной демократии в Чехословакии (май 1945 — февраль 1948). «УЗИС». 1955, № 11; А. Хачатуров. Социально-экономические преобразования в народно-демократической Чехословакии. М. 1954; Д. Бочаров. Болгарский народ строит социализм. М. 1954; Ф. Константинов. Болгария на пути к социализму. М. 1953; В. Тихомиров. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Болгарии. М. 1951; П. Калениченко. Польска прогрессивна еміграція в СРСР в рокі другої світової війні. Київ. 1957; С. Грачев. Помощь СССР народам Чехословакии в их борьбе за свободу и независимость. М. 1953; Л. Б. Валев. Народно-демократическая Болгария с 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны. «УЗИС», 1951, № 3; его же. Болгария в период борьбы за укрепление народно-демократического строя и восстановление народного хозяйства. «УЗИС», 1951, № 4; А. Н. Киршевская. Отечественный фронт и аграрный вопрос в Болгарии в первый период развития народной демократии (1944—1947). «УЗИС». 1952, № 5.

говорится о братских связях СССР со славянскими странами народной демократии, о помощи Советского Союза этим странам в социалистическом строительстве. В сборнике «15 лет народной Польши» [112] дана картина достижений польского народа на всех фронтах социалистического строительства за период народной власти.

Советские люди уделяют огромное внимание успехам и достижениям трудящихся социалистических стран. Долг советских славистов — еще шире ознакомить советского читателя с историческими успехами трудящихся стран социалистического лагеря. Мы должны создавать такие научные труды по истории братских славянских народов, которые бы содействовали дальнейшему упрочению дружбы народов Советского Союза с народами стран социалистического лагеря. Для этого советские исследователи располагают всеми возможностями.

В советских архивах имеются ценнейшие материалы по внутренней истории славянских стран и истории русско-славянских и советско-польских, советско-чешских, советско-болгарских отношений. Перед советскими славистами стоит задача скорейшего выявления и публикации наиболее важных архивных документов, ввода их в широкий научный оборот. Совместными усилиями Института славяноведения, Главного архивного управления, с одной стороны, Института истории ПАН, главной дирекции польских архивов — с другой, будут опубликованы документы о восстании 1863—1864 годов. Предстоит выявить сохранившиеся материалы центральных повстанческих властей и максимально полно представить документы, характеризующие польско-русский революционный союз 60-х годов XIX века. Публикация, посвященная национально-освободительному движению южных славян в 70-х годах XIX в. и роли России в освобождении Болгарии, готовится Институтом вместе с ГАУ и Институтом истории Болгарской АН. В задачи составителей входит возможно более широкое освещение братской помощи славянским народам со стороны русского народа, передовых общественных кругов России.

Начата работа над многотомным советско-польским изданием документов и материалов по истории советско-польских отношений с момента установления Советской власти в России до сегодняшних дней. В публикации будет показана неизменно дружественная внешняя политика Советского государства по отношению к Польше, ставшей самостоятельной и независимой благодаря победе Великого Октября. Будут опубликованы документы и материалы, разоблачающие антисоветскую, реакционную политику правящих кругов Польши, приведших страну к национальной катастрофе. В завершающих томах издания будут опубликованы документы и материалы, показывающие дружественные связи и братские отношения народной Польши с Советским Союзом.

Советские слависты заботятся о создании научно-популярных книг, рассчитанных на широкую общественность. Следует назвать трехтомный сборник произведений прогрессивных польских мыслителей конца XVIII—XIX в. (составители — И. С. Миллер и Н. С. Нарский) [113]. Вышел из печати сборник произведений выдающегося сербского революционера-демократа Св. Марковича (составитель — В. Г. Карасев) [114]. Институт славяноведения участвует в подготовке большой серии публикаций «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», издаваемой Отделением исторических наук АН СССР; переведены важные памятники средневековой истории славян: хроника так называемого Галла Анонима, хроника Гельмольда, хроника Лаврентия из Бржезова и др. Готовится перевод хроники Козьмы Пражского.

[112] «15 лет народной Польши». М. 1959.

[113] «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей». Тт. I—III. М. 1956—1958.

[114] Светозар Маркович. Избранные сочинения. М. 1956.

Большую научную ценность представляет публикация, посвященная истории славистических исследований в СССР [115].

Стремясь усилить источниковедческие исследования и быстрее ввести в научный оборот новый архивный материал, Институт славяноведения предпринял издание непериодических сборников — «Славянского архива». Вышли уже первый (М. 1958) и второй (М. 1959) выпуски.

Продолжая изучение узловых вопросов эпохи феодализма и капитализма, советские ученые в текущем семилетии будут уделять основное внимание проблемам новой и новейшей истории славянских стран. Предстоит полностью завершить капитальные издания Института славяноведения по истории славянских стран, а также обобщающие труды по истории славянских литератур. В области проблематики феодализма и капитализма исследования советских славистов-историков предполагается сосредоточить на трех основных проблемах: 1) генезис капитализма, национально-освободительное движение, формирование национальной культуры; 2) межславянские исторические связи; 3) славяно-германские отношения и связи. Совершенно очевидно, что наиболее актуальным является изучение прежде всего революционных связей. Важнейшее место в научно-исследовательской работе историков-славистов по новейшей истории займут вопросы строительства социализма и социалистической культуры в славянских странах народной демократии.

В свете исторических решений XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза особую актуальность приобретают задачи изучения общих закономерностей строительства социализма в странах народной демократии, закономерностей развития мирового лагеря социализма в целом. Советские историки должны внимательно исследовать все этапы того важнейшего процесса, который ведет в настоящее время все страны социалистического лагеря к выравниванию уровня их экономического развития. Особую ценность приобретают работы сравнительно-исторического характера, исследования, посвященные экономическому, политическому и культурному содружеству и взаимопомощи социалистических стран, позволяющим каждой из них развиваться быстрее, создающим условия для успешного преодоления трудностей и связанного с прошлой историей отставания некоторых из них.

Борьба славянских стран вместе со всеми другими социалистическими странами за установление на нашей планете прочного и нерушимого мира тоже должна находиться в центре внимания наших историков, ибо борьба за мир является характерной, непреходящей основой политики социалистических государств. В этой связи особую актуальность представляет разоблачение реакционной буржуазной идеологии и прежде всего идеологии германского реваншизма, стремящегося путем искажения исторических фактов оправдать захватнические планы германского империализма в отношении славянских стран.

Тематика исторических работ Института славяноведения на ближайшие годы определена его семилетним планом. Важное место в плане отводится вопросам строительства социализма и социалистической культуры в славянских странах. Разработке этих проблем будут посвящены следующие работы: «Очерки истории народно-демократической Польши», «Очерки строительства социализма в Чехословакии», «Строительство социализма в Болгарии», «Некоторые проблемы народной революции в Польше», «Борьба Компартии Чехословакии за массы в 1945—1948 гг.» и другие.

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции запланировано издание труда «Участие трудящихся славянских стран в борьбе за победу и упрочение Советской власти в России», в котором бу-

[115] «Документы к истории славяноведения в России (1850—1912)». М.-Л. 1948.

дут показаны интернациональная солидарность и революционное содружество трудящихся славянских стран и нашей страны. Интернациональным, братским связям между славянскими народами будет посвящен ряд монографических исследований, объединенных темой «Совместная борьба славянских народов против фашизма в годы второй мировой войны». В отдельных работах будет исследоваться революционное движение в славянских странах накануне и в период второй мировой войны.

Надо признать, что Институт славяноведения АН СССР далеко не всегда проявляет необходимую оперативность в научном решении актуальных проблем. Небольшое место все еще занимает в его работе подготовка трудов сравнительно-исторического и обобщающего характера, особенно по вопросам новейшей истории и прежде всего по истории строительства социализма в славянских странах.

Институт мало внимания обращал на организацию широких дискуссий по узловым проблемам славяноведческой науки; его работа все еще слабо увязана с деятельностью специалистов в других научных учреждениях, особенно за пределами Москвы и Ленинграда. Отчасти это объясняется отсутствием у института своего периодического издания, что затрудняет и замедляет публикацию исследований по актуальным научным вопросам.

Для более успешного выполнения задач, стоящих перед советскими историками-славистами, необходимо, на наш взгляд, в ближайшее время провести совещание славистов (на котором надо обсудить насущные проблемы советского славяноведения), а также приступить к изданию журнала «Советское славяноведение».

Задачи огромной важности поставлены перед общественными науками в решении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». В свете этого решения значительно перестраивается и работа Института славяноведения. Научная продукция института должна содействовать повышению идеологического уровня масс, помогать им успешнее решать задачи коммунистического строительства.

Призывая советских ученых глубоко и всесторонне изучать вопросы новейшей истории, прежде всего проблемы строительства социализма и перехода к коммунизму, постановление ЦК КПСС прямо касается славистов, изучающих историю славянских стран народной демократии. Советским славистам предстоит не только глубоко изучать опыт социалистического строительства братских славянских народов, специфику и своеобразие исторического пути каждого из них, но и в доступной, популярной форме познакомить советский народ с громадными достижениями социалистических стран за последние 15 лет как в области экономического развития, так и в области культуры. Эти достижения являются блестящим подтверждением ленинских идей о неизбежности торжества социализма, тех великих идей, которые освещают путь борьбы за счастье трудящихся всему человечеству.

Создавая труды, проникнутые идеями пролетарского интернационализма, труды, которые будут способствовать укреплению дружбы между народами, одновременно разоблачая реакционные человеконенавистнические теории, советские ученые-слависты тем самым внесут свой вклад в дело укрепления мира.

Рецензии

История СССР

О II ТОМЕ «ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР» *

Изучение истории союзных республик имеет большое научное и политическое значение. На их опыте ярко видны успехи ленинской национальной политики в нашей стране, великая сила принципов пролетарского интернационализма. Изучение истории советских республик является важным средством коммунистического воспитания трудящихся.

В 1954 г. вышел I том «Истории Белорусской ССР». Выход в свет II тома явился завершением большой работы коллектива научных сотрудников Института истории АН БССР. Книга посвящена советскому периоду истории Белоруссии и представляет собой первую попытку создания обобщающего труда в этой области.

Такой труд мог появиться лишь на основе достигнутых нашей наукой успехов в исследовании важнейших проблем истории Белоруссии. За последние годы опубликован ряд монографий и научных статей, а также сборников документов и материалов [1], защищено немало диссертаций по истории Белоруссии. Все это сыграло положительную роль при написании рецензируемого труда.

Авторскому коллективу удалось в основном правильно отразить славный исторический путь, пройденный белорусским народом за годы Советской власти. В книге убедительно показано, что только на основе проведения в жизнь принципов пролетарского интернационализма сложились прочные дружественные отношения между белорусским и другими народами СССР.

На конкретных фактах авторы раскрыли решающую роль народных масс республики в строительстве новой жизни, организующую и направляющую роль Коммунистической партии в создании и развитии Белоруссии.

Вместе с тем авторы показали борьбу белорусских трудящихся с буржуазным национализмом.

---

* «*Гісторыя Беларускай ССР*». Т. II. Пад рэдакцыяй кандыдатау гісторычных навук І. С. Краўчанкі і Н. В. Каменскай. Мінск. 1958. 661 стр.

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии». Тт. 3—4. Минск. 1953—1954; «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы. Тт. 1—2. Минск. 1957; «Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг.». Минск. 1940; «В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте» (Воспоминания активных участников Октябрьской революции). Минск. 1957; «Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства» (июль—декабрь 1920 г.). Сборник документов и материалов. Минск. 1957; Е. П. Лукьянов. Крестьянское движение в Белоруссии накануне Октябрьской социалистической революции. Минск. 1958; Л. С. Гапоненко. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). М. 1953; Н. Каменская. Первые социалистические преобразования в Белоруссии (25 октября 1917 г. — июль 1919 г.). Минск. 1957; «История Минска». Минск. 1957; В. Г. Иваш и н. Великий Октябрь в Минске. Минск. 1957; Е. Бугаев. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии. М. 1959; «Из истории борьбы белорусского народа за Советскую власть и победу социализма». Сборник статей. Минск. 1957; «Вопросы истории БССР». «Ученые записки» БГУ. Вып. 36. Минск. 1957; Ф. А. Зеленовский. Большевики Белоруссии в борьбе за укрепление союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в период установления и упрочения Советской власти. «Ученые записки» Гомельского педагогического института. Вып. 4. 1957; П. П. Липило. Компартия Белоруссии — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск. 1959; И. И. Саладков. Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Минск. 1957, и др.

В первой главе (авторы Е. П. Лукьянов и Н. В. Каменская) рассказывается о положении, сложившемся в Белоруссии после победы Февральской революции, о нарастании революционных выступлений среди рабочих, крестьян и солдат Западного фронта, явившихся ответом на антинародную политику Временного буржуазно-помещичьего правительства, продолжавшего империалистическую войну. Опираясь на убедительные факты, авторы опровергают лживые утверждения буржуазных фальсификаторов истории о том, будто в нашей стране отсутствовали условия для победы пролетарской революции, рассматривают силы, которые боролись за установление Советской власти.

Известно, что местный пролетариат в Белоруссии был малочислен и сосредоточен в основном на мелких промышленных предприятиях, работавших в годы первой мировой войны главным образом на нужды фронта. Но наличие рабочих, мобилизованных царским правительством из промышленных губерний Центральной России для обслуживания нужд Западного фронта, содействовало подъему революционного движения в Белоруссии. На Западном фронте находилось большое число солдат, среди которых имелось много рабочих и беднейших крестьян из различных районов страны. Своими активными выступлениями против войны они оказывали огромное влияние на трудящихся Белоруссии, боровшихся за свободу, землю и мир.

Серьезной революционной силой было белорусское крестьянство, задыхавшееся от безземелья, разоренное войной. В деревне значительную прослойку составляло батрачество (стр. 28), которое вместе с беднейшим крестьянством явилось надежным союзником рабочего класса в борьбе против помещиков и капиталистов. Все это создавало благоприятную почву для победы социалистической революции, для развертывания работы большевистских организаций по завоеванию масс на свою сторону.

Для обеспечения победы социалистической революции в Белоруссии необходимо было преодолеть немалые трудности, которые были вызваны многонациональным составом населения, отсутствием крупных промышленных центров, наличием значительных сил буржуазно-националистической контрреволюции, а также реакционного генералитета и офицерства в войсках Западного фронта и в Ставке. Авторы обстоятельно осветили вопрос о том, как трудящиеся Белоруссии, руководимые большевиками, преодолевали эти трудности, как с каждым месяцем нарастало революционное движение среди рабочих, солдат и крестьян, как развертывалась деятельность большевиков по подготовке народных масс к вооруженному восстанию.

После пролетарской революции трудящиеся Белоруссии и революционные солдаты под руководством большевистских организаций помешали контрреволюционным силам Западного фронта оказать поддержку свергнутому Временному правительству, героически защищали Советскую власть от посягательств ее врагов.

Завершается глава освещением начального этапа социалистических преобразований в области экономики и культуры. Показываются первые шаги в создании нового государственного аппарата в Белоруссии.

Хотя эта глава и является одной из лучших в книге, она не лишена недостатков. Несколько снижает ее научный уровень отсутствие обобщенных данных о количественном и качественном составе белорусского рабочего класса, социальном составе крестьянства.

В книге рассказывается о разносторонней деятельности большевиков по завоеванию крестьянских масс на сторону революции. В частности, большевики активно выступали на крестьянских съездах Минской и Виленской губерний в апреле и июле 1917 г. (стр. 21—22, 34—35). Первый из этих съездов высказался за национализацию земли и принял решение об организации крестьянских комитетов. Следовало бы лишь подчеркнуть, что этот съезд содействовал укреплению союза рабочего класса и крестьянства, а его решения оказали революционизирующее влияние на крестьян, о чем свидетельствуют опубликованные документы [2]. Вместе с тем съезд принял решение о запрещении самовольных захватов земли крестьянами до Учредительного собрания и о продолжении войны, что было результатом давления эсеровских и кулацких элементов.

II съезд крестьян Минской и Виленской губерний, состоявшийся в июле 1917 г., свидетельствовал о дальнейшем процессе революционизирования крестьян и росте

[2] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы. Т. I. Минск. 1957, стр. 245—247, 280, 281, 299.

влияния большевиков среди них. Но при освещении его работы авторы допустили ошибку, утверждая, что съезд принял решение о немедленной передаче всей земли крестьянским комитетам, не дожидаясь Учредительного собрания (стр. 35). В действительности съезд такого решения не принимал [3].

В параграфах пятом и шестом, по нашему мнению, следовало бы обстоятельнее раскрыть роль состоявшихся после победы Советской власти в Белоруссии трех областных съездов Советов: рабочих депутатов, крестьянских депутатов, солдатских депутатов,— более убедительно показать участие трудящихся масс в создании новых органов власти, привести фамилии активных участников советского строительства в тот период.

Допущена неточность в изложении существа закона о социализации земли. Авторы утверждают, будто бы законом «задачи развития коллективного землевладения... были поставлены как первоочередные» (стр. 82). (Разрядка наша.— *Рец.*)

Верно, что Советская власть и в то время оказывала предпочтение коммунам, артелям и государственным организациям при определении форм землепользования, однако задача перехода к этим формам в условиях 1918 г. не могла быть первоочередной. Речь шла тогда лишь о создании предпосылок для того, чтобы в будущем задачу коллективизации крестьянских хозяйств сделать первоочередной.

Вторая глава книги (автор Н. В. Каменская) посвящена периоду иностранной военной интервенции и гражданской войны на территории Белоруссии. Здесь рассказывается об упорном сопротивлении белорусского народа австро-германскому нашествию в 1918 г., действиях партизанских отрядов против оккупантов. Борясь против империалистов, трудящиеся Белоруссии отчетливо сознавали, что только в союзе с Советской Россией они добьются социального и национального освобождения (стр. 91—92, 94—95, 98). На большом фактическом материале в главе освещается организующая роль ЦК РКП(б), руководимого В. И. Лениным, и местных партийных организаций в мобилизации сил белорусского и других народов на разгром внутренних и внешних врагов революции.

К недостаткам главы следует отнести слишком краткую, почти справочную характеристику деятельности объединенной Литовско-Белорусской Республики, возникшей в феврале 1919 года. Образование ее имело большое политическое значение для интернационального воспитания масс, для борьбы против буржуазных националистов, которых поддерживала буржуазно-помещичья Польша (стр. 116—119). По этому вопросу в свое время были опубликованы документы, дающие представление о деятельности правительства и объединенного ЦК большевиков Литвы и Белоруссии [4].

Ряд неточностей допущен при описании военных событий на территории Белоруссии. Так, автор ограничился лишь краткими сообщениями о результатах июльского наступления (1920 г.) на Западном фронте и привел некоторые факты помощи партизан наступавшим регулярным частям Красной Армии (стр. 148—149). Нам кажется, что ход военных действий на территории Белоруссии следовало бы описать более полно и последовательно.

Неясно изложен вопрос о восстановлении независимости БССР после изгнания белопольских оккупантов. На стр. 114 правильно сказано, что 1 января 1919 г. был опубликован Манифест Временного Рабоче-Крестьянского правительства о провозглашении БССР. Эта дата и вошла в историю как день образования Белорусской Советской Республики. Однако дальше, на стр. 150, автор снова говорит о создании БССР. Действительно, после изгнания белополяков 31 июля 1920 г. на заседании представителей партийных и советских организаций в Минске была принята «Декларация о провозглашении независимости Белорусской ССР», но в данном случае речь шла уже о восстановлении независимости республики [5].

Третья глава — «Белоруссия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» (автор М. Я. Шкляр) — написана в значительной мере на новом материале. Здесь показана многогранная деятельность большевистской партии по укреплению союза рабочего класса с крестьянством, по мобилизации народных масс на преодоление трудностей восстановитель

[3] Там же, стр. 516—520.

[4] См., например, публикацию «Из истории борьбы Коммунистической партии за установление Советской власти в Литве и Белоруссии» (1918—1920 гг.). «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 3—33.

[5] См. «Исторический архив», 1957, № 3 стр. 230—232.

ного периода. Подробно освещены перестройка хозяйственной жизни БССР в условиях нэпа, взаимопомощь русского и белорусского народов в социалистическом строительстве.

Однако и в этой в целом содержательной главе есть недостатки. Например, автор не показал, какие существовали объективные экономические и политические предпосылки для перехода к новой экономической политике, в частности — многоукладность нашей экономики в тот период.

Сущность нэпа в главе определена неточно: «Новая экономическая политика была рассчитана на допущение капиталистических элементов во вред (у шкоду) социалистическим, на борьбу капиталистических и социалистических элементов, на победу социалистических элементов над капиталистическими, на уничтожение эксплуататорских классов и победу социализма» (стр. 170). (Разрядка наша.— *Рец.*) Как известно, Советское государство допускало в известных рамках (под своим контролем) частный капитал в торговлю и в определенные отрасли промышленности. Эта мера диктовалась необходимостью. Ее осуществление шло в общем и целом не во вред, а на пользу делу восстановления народного хозяйства, делу социалистического строительства. В условиях диктатуры пролетариата происходило не только абсолютное, но и относительное возрастание социалистических элементов, завершившееся в период развернутого наступления социализма их полной победой над элементами капиталистическими. Этих обстоятельств автор не учел.

Говоря об укреплении связей между городом и деревней в период нэпа, автор показывает роль кооперации в развертывании торговли как основной формы смычки промышленности и сельского хозяйства. Но было бы полезно здесь же рассмотреть и другие формы связи рабочего класса и крестьянства, в частности производственную, культурную, политическую помощь города деревне.

Серьезным недостатком главы и книги в целом является то, что не раскрыты предпосылки образования СССР, нет оценки значения опыта пятилетнего братского сотрудничества советских республик в условиях диктатуры рабочего класса, в частности сотрудничества БССР и РСФСР.

Огромная заслуга в теоретической разработке национального вопроса и практических путей его разрешения принадлежит В. И. Ленину. Именно он выдвинул и обосновал идею образования СССР, показав значение установления правильных взаимоотношений между всеми народами страны для строительства социализма и международного революционного движения. В. И. Ленин решительно выступил против ошибок так называемого проекта «автономизации», который тогда выдвигал И. В. Сталин и поддерживали некоторые другие видные деятели партии [6]. Однако эти важнейшие моменты не получили освещения в главе.

Вступление Белоруссии в состав СССР укрепило суверенитет республики и имело решающее значение для ее экономического и культурного развития. В 1924 г. была окончательно определена территория БССР. В результате присоединения Гомельской и Витебской губерний территория республики выросла в два раза (стр. 184—185). Этим подтвердилось на практике великое значение для формирования социалистических наций установления границ демократическим путем, согласно воле и симпатиям населения. «Капитализм насилует эти симпатии,— отмечал В. И. Ленин,— и тем прибавляет новые трудности делу сближения наций. Социализм, организуя производство без классового гнета, обеспечивая благосостояние всем членам государства, тем самым дает полный простор «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций» [7]. Значение этих ленинских программных указаний автору следовало бы раскрыть на конкретных фактах истории Белоруссии.

В связи с тем, что в Белоруссии в отличие от РСФСР ликвидация помещичьего землевладения в связи с длительностью оккупации затянулась до конца гражданской войны, немалый научный интерес представляют те процессы и изменения в развитии белорусской деревни, которые происходили в 1921—1925 годах. К сожалению, автор ограничил свою задачу лишь освещением вопроса о перераспределении земли (стр. 178—179).

Четвертая, пятая и шестая главы (авторы А. П. Скуман, В. А. Милованов, В. Г. Гневко, Н. В. Каменская) посвящены ре-

[6] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 553—559.

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 310.

конструкции народного хозяйства и социалистическому строительству в годы предвоенных пятилеток.

Осуществляя ленинский план построения социализма, трудящиеся Белоруссии при помощи братских народов Советского Союза создали крупную промышленность — прежде всего такие ее отрасли, как энергетическая, топливная, машиностроительная, химическая, деревообделочная, а также ряд отраслей легкой и пищевой промышленности. Только в годы первой пятилетки капиталовложения в промышленность республики выросли в 7,5 раза по сравнению с предыдущим пятилетием, составив 338 млн. рублей (в сопоставимых ценах) (стр. 249). Были построены завод сельскохозяйственного машиностроения в Гомеле, ряд машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий, деревообрабатывающий завод в Бобруйске и др. (стр. 249). Многие старые предприятия подверглись основательной реконструкции.

Значительно увеличилась в республике производительность труда: к концу второй пятилетки рабочий при 7-часовом рабочем дне давал в два раза больше продукции, чем в дореволюционной Белоруссии за 11—12-часовой рабочий день (стр. 267). Все это привело к тому, что продукция промышленности восточных областей БССР в 1940 г. возросла по сравнению с 1913 г. в 20 раз (стр. 308), а число рабочих и служащих превысило 1 млн. человек против 20 тыс. в довоенные годы (стр. 309). Увеличение кадров рабочего класса БССР, рост его удельного веса в составе населения республики серьезно укрепили и расширили классовую базу диктатуры рабочего класса.

В годы трех предвоенных пятилеток белорусские трудящиеся осуществили социалистическую перестройку сельского хозяйства. Она велась одновременно с реконструкцией и созданием социалистической промышленности на основе достигнутых в этой области успехов.

В главах уделяется много внимания истории коллективизации сельского хозяйства Белоруссии. При этом авторы использовали большое количество новых материалов.

Положительной стороной рассматриваемых глав является и то, что в них охарактеризованы серьезные успехи, достигнутые республикой в области развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, в повышении материального благосостояния народа.

Однако в указанных главах имеются недостатки. Рассказывая в пятой главе о мероприятиях, которые были проведены для преодоления отставания некоторых отраслей промышленности, о ликвидации ВСНХ и создании хозяйственных наркоматов, о технической реконструкции промышленности, усилении руководства ею со стороны местных организаций, авторы не показывают, какие результаты дало осуществление этих мер.

В книге следовало бы охарактеризовать основные качественные изменения в составе рабочего класса БССР, происшедшие за три предвоенных пятилетки в целом. В какой-то мере это сделано лишь по отдельным пятилеткам.

Требуют улучшения и разделы глав, касающиеся развития сельского хозяйства. Так, следовало бы сказать, что социальная революция в сельском хозяйстве БССР развернулась одновременно с технической революцией, и охарактеризовать особенности той и другой [8].

Успехи социалистического строительства в СССР оказали революционизирующее влияние на трудящихся Западной Белоруссии, боровшихся против гнета помещиков и капиталистов, за воссоединение с Советской Белоруссией. Этому вопросу в книге посвящена VII глава (автор Т. С. Горбунов). На обширном фактическом материале здесь показываются тяжелые последствия колониалистской политики польских помещиков и буржуазии в этом крае, низведенном до положения аграрно-сырьевого придатка Польши, характеризуется борьба трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение.

Революционным движением рабочего класса и трудящегося крестьянства руководила Коммунистическая партия Западной Белоруссии. В ее рядах выросли такие выдающиеся профессиональные революционеры, как П. Корчык, С. Скульский, А. Славинский и др.

Освободившись от реакционного режима польской буржуазии и помещиков, трудящиеся Западной Белоруссии осуществили свою заветную мечту — воссоединиться с

[8] О необходимости исследования этой проблемы по районам указывалось в нашей литературе еще в 1958 г. (см. В. И. Погудин. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР. «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 119—135).

единокровными братьями, проживающими в Советской Белоруссии.

В книге подробно рассказывается о становлении Советской власти и первых шагах социалистического строительства в Западной Белоруссии, об огромном политическом подъеме народа, взявшегося за создание новой, свободной жизни при повседневной помощи Советского правительства и всех народов СССР.

Недостатком главы, с нашей точки зрения, является то, что автор не привел материалов о борьбе Компартии Западной Белоруссии (КПЗБ) за единство своих рядов, о роли Коммунистической партии Польши в развитии КПЗБ. Известно, например, что II съезд Польской компартии, в состав которой входила КПЗБ, принял решение о поддержке движения западных белорусов за воссоединение с БССР [9].

В главе следовало бы осветить антинародную, реакционную роль католической церкви, на которую опирались буржуазные националисты, польская и мировая реакция в борьбе против революционного движения в Западной Белоруссии.

Восьмая глава посвящена истории Белоруссии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (авторы И. С. Кравченко и И. Р. Левтов). Здесь рассказывается о героическом подвиге рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции в тылу, о беспримерном героизме советских воинов на фронтах Отечественной войны, о мужественной борьбе советских людей в районах, временно захваченных врагом, о том огромном вкладе, который белорусский народ внес во всенародное дело разгрома фашистских оккупантов и освобождения советской Родины.

Ценность главы заключается также в том, что в ней дано в целом правильное описание партизанского движения в Белоруссии. Авторы привели обобщенные данные о количестве и составе партизанских отрядов и соединений, показали на ярких примерах их боевую деятельность и ее результаты. В годы немецко-фашистской оккупации в Белоруссии в тылу врага действовали 198 партизанских бригад, 1 108 партизанских отрядов, в которых насчитывалось свыше 370 тысяч партизан и партизанок, в резерве числилось около 250 тысяч человек (стр. 407). Эти цифры свидетельствуют об огромном размахе и поистине всенародном характере антифашистской борьбы, развернувшейся на временно оккупированных врагом белорусских землях.

Авторы сумели показать, что партизанское движение получило такую силу и мощь благодаря руководству Коммунистической партии, неразрывным связям партизан с народом, благодаря их преданности великому делу социализма и Родине.

В главе приводится ценный материал о разносторонней деятельности партийной организации Белоруссии по руководству подпольной работой и партизанским движением, о советских патриотах — героях борьбы с врагами Родины. На временно оккупированной территории Белоруссии действовали 9 подпольных обкомов, 174 городских и районных комитета партии. В партизанских отрядах и бригадах насчитывалось 1 113 первичных партийных организаций. Всего в тылу врага боролось свыше 25 тысяч коммунистов (стр. 397).

Изложение событий Великой Отечественной войны в Белоруссии убеждает читателя в том, что освобождение БССР от немецко-фашистских оккупантов было результатом огромных усилий всего советского народа, героической борьбы Советских Вооруженных Сил, в рядах которых самоотверженно сражались и белорусские трудящиеся.

В главе имеются и некоторые недочеты и упущения. Так, освещая начальный период Великой Отечественной войны, авторы пишут о последствиях, связанных с неправильной оценкой И. В. Сталиным военно-стратегической обстановки накануне войны. Но нельзя забывать и о том, что фашистская Германия в начале войны обладала рядом преимуществ [10]. Вместе с тем следовало подчеркнуть, что в Советском Союзе за годы предвоенных пятилеток были созданы необходимые материальные и морально-политические предпосылки, позволившие нашей стране не только выдержать тяжелые испытания во время войны, но и добиться полной победы над врагом.

Характеризуя партизанское движение в Белоруссии, авторы правильно подчеркивают взаимодействие партизан с наступавшими войсками Советской Армии (стр. 414—416). Но это следовало подтвердить в книге конкретными фактами. Известно, напри-

[9] См. «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. Ч. I. М.-Л. 1925, стр. 595.

[10] См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М. 1959, стр. 517—520.

мер, что в августе 1943 г., накануне наступления наших войск на Западном и Калининском фронтах, партизаны Белоруссии нанесли массированный удар по коммуникациям немецкой группировки «Центр», в результате чего прекратились перевозки по железным дорогам Полоцк — Двинск, Могилев — Жлобин, Могилев — Кричев, значительно снизилась пропускная способность на линиях Вильно — Минск, Минск — Гомель, Волковыск — Невель. 1-я Гомельская бригада под командованием Балыкова заминировала дороги и устроила лесные завалы на путях отхода противника на участке Полесье — Осиповичи, Загорье — Чечерск, а затем действовала совместно с частями 67-й стрелковой дивизии при подходе к реке Сож.

Боевые действия партизан Белоруссии показаны в отрыве от действий партизан РСФСР, Украины и Прибалтики. Между тем общая задача разгрома врага осуществлялась при боевом взаимодействии партизанских сил братских республик [11]. Так, в период боев за Брянск (сентябрь 1943 г.) совместно с частями Брянского фронта действовали партизанские соединения и отряды орловских и белорусских партизан.

На полях сражений против ненавистного врага укреплялась дружба между народами СССР, а также между советским и польским народами. Нужно было отметить, что в освобождении Могилевской области приняла участие в составе 33-й армии Западного фронта 1-я польская дивизия имени Тадеуша Костюшко. Польское войско получило боевое крещение в боях под белорусским местечком Ленино 12 октября 1943 года. Этот день отмечается ежегодно в Польше как праздник Войска Польского [12].

Создание слаженного военного хозяйства в ходе войны было результатом трудовой и политической активности трудящихся масс СССР, прочности союза рабочего класса с крестьянством, дружбы народов, единства фронта и тыла, а также большой идеологической и организаторской работы парторганизаций предприятий, колхозов, совхозов, учреждений. В решении этих задач важная роль принадлежала трудящимся Белоруссии. Однако в книге эти вопросы не получили глубокого освещения. Буржуазные фальсификаторы истории (Фуллер, Бредли, Типпельскирх и др.) пытаются обелить международный и германский империализм, развязавший вторую мировую войну, принизить и исказить роль Советского Союза в разгроме фашизма. В буржуазной прессе ведется клеветническая кампания против партизанского движения с целью извратить его сущность, закономерность и необходимость [13]. Долг советских исследователей — дать отповедь различного рода фальсификаторам истории Великой Отечественной войны. К сожалению, авторы рецензируемой книги этого не сделали.

Многие партизанские отряды были многонациональными, в их состав входили советские люди, чехи, словаки, поляки и др. Подпольные партийные организации вели мужественную, полную опасностей работу по разложению гарнизонов врага, где были зачастую солдаты, мобилизованные из оккупированных гитлеровцами стран. Советские патриоты-подпольщики помогали этим солдатам устанавливать связь с партизанскими отрядами, переходить на сторону партизан и вместе с ними громить немецко-фашистских оккупантов. Это была одна из форм помощи трудящихся оккупированных стран советскому народу. К сожалению, эта сторона деятельности белорусских коммунистов в книге не раскрыта.

В девятой главе (автор И. Я. Марченко) рассмотрена история борьбы белорусского народа под руководством Коммунистической партии за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства в годы четвертой пятилетки. Здесь изложены основные задачи СССР и БССР в этой пятилетке и охарактеризованы многочисленные трудности. Приводится интересный материал о ходе восстановления промышленности, сельского хозяйства и культурно-просветительных учреждений республики, о коллективизации сельского хозяйства в западных областях БССР, о той огромной помощи, которую оказали Белоруссии Центральный Комитет КПСС, Советское правительство и братские народы Советского Союза.

Достоинство этой главы состоит в том, что в ней показаны новые явления в послевоенном развитии производительных сил БССР (укрепление энергетической базы, создание заново таких отраслей промышлен-

[11] См. Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткий очерк. М. 1959, стр. 275.

[12] См. С. А. Лесневский, В. И. Соколовский. Боевой союз. М. 1958, стр. 67.

[13] См., например, Ч. О. Диксон, О. Гейльбрун. Коммунистические партизанские действия. М. 1957

ности, как тракторная, автомобильная и машиностроительная), сопровождавшиеся качественными и количественными изменениями в рабочем классе, повышением его технического уровня и производственных навыков. Окрепла материально-техническая база сельского хозяйства, было проведено укрупнение сельскохозяйственных артелей.

К сожалению, в главе ничего не говорится об идеологической работе партийных организаций Белоруссии в четвертой пятилетке, не выяснены особенности проведения социалистических преобразований в сельском хозяйстве Западной Белоруссии в условиях острой борьбы против буржуазных националистов.

Десятая (автор М. Е. Завалеев) и одиннадцатая (авторы В. Г. Гневко, В. А. Милованов, Э. Ф. Хромова) главы посвящены истории Белоруссии в пятой и в первые три года шестой пятилетки. Здесь впервые собран большой фактический материал о развитии промышленности, сельского хозяйства, повышении материального и культурного уровня белорусского народа в этот период.

Авторами раскрыто огромное историческое значение решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. и последующих пленумов ЦК КПСС, решений XX съезда Коммунистической партии, показана борьба партийных организаций Белоруссии за претворение их в жизнь. Вполне очевидны и трудности, стоявшие перед авторами этих глав: им приходилось впервые обобщать новый фактический материал. Поэтому иногда встречаются неудачи, особенно в отборе цифрового материала. Ряд важнейших аспектов истории Белоруссии этого периода, таких, как борьба БССР за укрепление мира между народами и др., остался вне поля зрения авторов. Не выяснены причины отставания некоторых отраслей промышленности республики в эти годы (стр. 526).

Авторы справедливо отмечают большое положительное влияние реорганизации управления промышленностью и строительством на основе закона, принятого сессией Верховного Совета СССР в мае 1957 года. Однако следовало бы полнее вскрыть причины, вызвавшие необходимость такой реорганизации (стр. 523—524), подчеркнуть революционный характер этих мероприятий. Как известно, они привели к устранению межведомственных барьеров и помогли правильно, творчески применить ленинские принципы демократического централизма в руководстве экономической жизнью страны.

В специальной (XII) главе (авторы А. И. Сидоренко, Э. Ф. Хромова, В. А. Милованов и др.) рассматривается развитие социалистической культуры Белоруссии в 1917—1958 годах. Здесь приведены интересные сведения о расцвете народного образования, науки, литературы и искусства, творчестве выдающихся белорусских ученых, писателей, скульпторов, архитекторов, композиторов, артистов, художников.

Освещая вопросы культуры в отдельной главе, авторы следовали советам, высказанным в 1953 г., при обсуждении макета книги. По нашему мнению, такое выделение вряд ли оправдано. Культурное развитие республики, являясь составной частью исторического процесса, неразрывно связано с экономическим и политическим развитием.

Понимая это, авторы пытались попутно почти во всех главах коснуться вопросов культуры и просвещения, что привело к повторениям.

Авторы не смогли избежать повторений и в других случаях. Например, в главе о гражданской войне четыре раза пишется о социалистическом строительстве (стр. 100—107, 119—125, 137—143 и 152—163). Итоги первой пятилетки сначала даются по отдельным годам, по отраслям промышленности (стр. 268—269), а затем этой теме посвящается отдельный параграф. Дважды приводится материал о Белорусском союзе кустарей (стр. 205—206 и 214), о количестве земли у крестьян (стр. 200 и 220), о чистке партии (стр. 264—272).

Структура книги, на наш взгляд, в основном правильна. Возражения вызывает лишь изложение материалов послевоенных лет по пятилеткам. Нам представляется, что было бы более правильным выделить такие качественно различные периоды, как период восстановления и развития народного хозяйства (1946—1953 гг.) и период создания решающих предпосылок для развернутого строительства коммунизма (1953—1958 гг.). Книга перегружена цифровым материалом, нередко второстепенным.

Рецензируемый труд, несмотря на наличие в нем отмеченных недостатков, в целом заслуживает положительной оценки. Он является серьезным вкладом в разработку истории Белоруссии.

Д. А. Коваленко,
С. Л. Сукач

Ю. АЛЕСКЕРОВ. *Интервенция и гражданская война в Средней Азии.* 234 стр. Ташкент. 1959. Тираж 5 000. Цена 5 руб. 65 коп.

В изучение истории гражданской войны и иностранной военной интервенции в Средней Азии советскими учеными внесен уже значительный вклад[1]. Этой же теме посвящена работа доцента Узбекского государственного университета имени Алишера Навои Ю. Н. Алескерова. В освещении ряда важных моментов она выгодно отличается от некоторых ранее опубликованных трудов.

В рецензируемой книге показывается руководящая роль Центрального Комитета Коммунистической партии и лично В. И. Ленина в борьбе за победу и укрепление власти Советов в Средней Азии. Автор подчеркивает, что Владимир Ильич проявлял постоянную заботу об оказании помощи трудящимся Туркестана, боровшимся с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в исключительно тяжелой обстановке. Так, по его указанию в помощь Туркестанской Советской республике был послан красноармейский полк, а затем отдельный сводный интернациональный отряд численностью в 700 человек и транспорт с оружием и боеприпасами в количестве 20 тыс. винтовок, 7 пулеметов, 2 млн. патронов, 10 тыс. бомб (стр. 117). Автор приводит и другие примеры о помощи Туркестану со стороны правительства РСФСР (стр. 22—23 и сл.).

Ю. Н. Алескеров правильно показывает огромную роль В. И. Ленина как военного руководителя, направлявшего все усилия на фронтах гражданской войны, в том числе и в Средней Азии, на разгром интервентов и белогвардейцев, приводит интересные высказывания по этому вопросу ряда видных партийных, советских и военных деятелей.

Заслугой Ю. Н. Алескерова является то, что ему удалось полнее, чем раньше, показать значение национальной политики Коммунистической партии для сплочения широких народных масс Туркестана в борьбе за власть Советов. Воссоздавая яркую картину выступления народных масс против объединенных сил иностранных интервентов, белогвардейцев и басмачества в Туркестане, автор приводит много примеров и фактов самоотверженной борьбы трудящихся узбеков, таджиков, киргизов, туркмен и других народов Средней Азии.

Несмотря на то, что Средняя Азия трижды оказывалась в кольце антисоветских фронтов, интервенты и белогвардейцы не могли сломить сопротивления молодой Красной Армии Туркестанской республики, насчитывавшей тогда около 25 тыс. штыков и сабель. Автор подчеркивает, что тыл был прочным и всячески поддерживал фронт, обеспечивая его людьми, снаряжением и вооружением (стр. 216).

В книге Ю. Н. Алескерова обстоятельно охарактеризована деятельность Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б), созданных по предложению В. И. Ленина. Туркбюро и Туркомиссия проводили огромную работу по осуществлению ленинской национальной политики и руководству деятельностью партийных и советских организаций Туркреспублики (стр. 152). Выполняя указания В. И. Ленина, изложенные в письме «Товарищам коммунистам Туркестана»[2], Туркомиссия сумела

---

[1] У. Ю. Божко. Гражданская война в Средней Азии. Ташкент. 1930; А. Ниаллo. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе. 1941; С. И. Тимошков. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М. 1941; М. Х. Назаров. Из истории Узбекистана в период военной иностранной интервенции и гражданской войны. Ташкент. 1954; А. Х. Бабаходжаев. Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917—1920 гг. Ташкент. 1955; Ш. А. Шамагдиев. Из истории борьбы против контрреволюционных басмаческих банд в Ферганской долине. Сборник статей «Из истории Советского Узбекистана». Ташкент. 1956; В. Я. Непомнин. Очерк истории социалистического строительства в Узбекистане (1917—1937 гг.). Ташкент. 1957; П. П. Никишов. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе. 1957; «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане». Воспоминания участников. Ташкент. 1957; К. Малышев. Борьба за Советы в Киргизии и Туркестане. Фрунзе. 1958; его же. М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте. Фрунзе. 1958; А. И. Зевелев. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент. 1959; Т. Х. Кельдиев. Разгром контрреволюции в Ферганской и Самаркандской областях Туркестанской АССР (1918—1923 гг.). Ташкент. 1959. Ряд вопросов темы получил освещение и в обобщающих трудах: «История Киргизии». Т. 2. Фрунзе. 1956; «История Туркменской ССР». Т. 2. Ашхабад. 1957; «История Узбекской ССР». Т. 2. Ташкент. 1957; «История гражданской войны в СССР». Т. 3. М. 1957.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 117.

добиться немалых результатов в сплочении трудящихся масс Средней Азии вокруг Коммунистической партии, в нанесении решительного удара по великодержавным шовинистам и местным буржуазным националистам.

Книга Ю. Н. Алескерова выгодно отличается от ранее изданных произведений по истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в Туркестане и тем, что в ней приводится много имен советских и партийных работников, активных борцов за Советскую власть, таких, как Н. Бабаходжаев, С. Касымходжаев, Х. Тураев, А. Бабаджанов, Ю. Ахунбабаев, Д. П. Саликов, П. И. Ильясов, Н. В. Шумилов, В. Д. Фигельский, В. Д. Вотинцев, Д. И. Манжара и др.

Приводимые в книге факты об участии трудящихся масс коренного населения — киргизов, узбеков, туркменов, таджиков и других народов Средней Азии — в борьбе за победу и упрочение Советской власти в Туркестане опровергают измышления зарубежных фальсификаторов истории, сочиняющих различные версии о том, будто в Средней Азии не было почвы для Советской власти и она была якобы навязана народам Туркестана извне.

В рецензируемой книге раскрывается преступная роль иностранных империалистов в развязывании гражданской войны в Средней Азии, разоблачается контрреволюционная деятельность буржуазных националистов, меньшевиков, эсеров и других врагов Советской власти. Автор приводит многочисленные факты зверств и бесчинств иностранных интервентов, а также их наемников в Средней Азии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (стр. 87—90, 94—95 и др.).

Книга написана в плане популярно-исторического очерка и рассчитана на широкий круг читателей. Она иллюстрирована интересными фотографиями, рисунками, схемами, документами.

Однако наряду с этим в рецензируемой книге имеются и недостатки. Некоторые важные события и процессы, способствовавшие упрочению Советской власти и более быстрому разгрому иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в Средней Азии, оказались опущенными или упомянутыми вскользь.

Так, в первой главе, посвященной победе Великой Октябрьской социалистической революции и борьбе за упрочение Советской власти в Туркестане, автор, подробно останавливаясь на деятельности буржуазно-националистических организаций, не показывает, однако, какую работу проделали революционные организации трудящихся местных национальностей (Советы депутатов трудящихся мусульман, Союзы трудящихся мусульман и др.). Между тем эти организации сыграли большую роль в упрочении Советской власти в Туркестане и в борьбе с буржуазными националистами, в частности, с так называемой «кокандской автономией», разгрому которой посвящены многие страницы книги.

Советы депутатов и Союзы трудящихся мусульман имели огромное влияние на местное население. Например, Кокандский союз трудящихся мусульман, работавший под руководством большевиков, объединял более 10 тыс. рабочих хлопкоочистительных заводов, кустарей, чайрикеров и других трудящихся Кокандского уезда [3]. В период борьбы с кокандской буржуазной автономией Союзы трудящихся мусульман шли за большевиками и сыграли большую роль в разоблачении и разгроме буржуазных националистов. В письмах в редакцию «Нашей газеты» (орган Ташкентского Совета) члены Союзов трудящихся мусульман высказывались против признания кокандской автономии и просили русских рабочих не считаться с ней, так как она выражает волю буржуазии, а не пролетариата [4].

На проведенном большевиками в декабре 1917 г. в Чимкенте многотысячном митинге Союза трудящихся мусульман была принята резолюция, выражавшая доверие Советской власти и призывавшая поддерживать ее. В резолюции указывалось, что Советская власть показала себя другом и покровителем трудящихся всего мира, высказывалось пожелание дальнейшего ее укрепления на благо и процветание трудящихся. На митинге было решено послать делегатов в местные Советы [5].

Аналогичные решения принимались и в других городах. Например, в Коканде в апреле 1918 г. на собрании 15 профессиональных союзов и Союза трудящихся мусульман было принято постановление, в котором говорилось: «Мы, трудящиеся, рабочие мусульмане, проклинаем всех буржуазно-националистических авантюристов

[3] «Истпарт. Средазбюро ЦК ВКП(б)». Сборник 1-й. Ташкент. 1929, стр. 5.
[4] «Наша газета», 4 января 1918 года.
[5] «Истпарт. Средазбюро ЦК ВКП(б)». Сборник 1-й. стр. 19.

и признаем Российскую рабоче-крестьянскую социалистическую республику и подчиняемся власти Советов рабочих, солдатских, крестьянско-дехканских и мусульманских депутатов» [6].

Таких примеров можно привести много. Они говорят о том, что трудящиеся массы с первых же шагов Советской власти выступили в ее поддержку, против буржуазных националистов и других врагов трудового народа. Узбеки, киргизы, таджики, туркмены, создавая свои организации, стремились всемерно приобщиться к политической жизни, к активной борьбе с буржуазными националистами и контрреволюционным басмачеством. Однако об этих важных политических и исторических событиях автор рецензируемой книги, к сожалению, говорит мало.

Коммунистическая партия и Советское правительство принимали все меры к тому, чтобы быстрее перейти к мирному созидательному труду, но иностранные империалисты и внутренняя контрреволюция своим вмешательством и вооруженными выступлениями помешали этому, навязали народам Советской России, в том числе и трудящимся Средней Азии, тяжелую, длительную гражданскую войну.

Невзирая на трудности военного времени, Советская Россия оказывала Туркестану большую помощь в подъеме хозяйства. Так, Советское правительство во главе с В. И. Лениным разработало ряд мероприятий по восстановлению хлопководства и промышленности в Туркестане. Весной 1918 г. Владимир Ильич подписал декрет «Об организации оросительных работ в Туркестане», в котором предусматривались ассигнования на эти цели в 50 млн. рублей. По инициативе В. И. Ленина Советское правительство ассигновало 25 млн. рублей для помощи киргизским и казахским беженцам, находившимся в Китае со времени подавления среднеазиатского восстания 1916 года [7].

Ю. Н. Алескерову следовало бы показать, какое влияние на укрепление дружбы между народами Советской России и Туркестана эти важные мероприятия оказали в тот период. Между тем эти вопросы в книге не получили должного освещения.

Не нашла своего отражения в книге и деятельность комитетов бедноты.

Комитеты бедноты были организованы в селах и кишлаках Ферганы, Семиречья и других районов Туркестана. Они создавались и вели свою работу под непосредственным руководством Коммунистической партии. Комитеты бедноты внесли значительный вклад в разгром выступлений кулацко-байских элементов, провели изъятие излишков хлеба у кулаков, баев и т. д. Из числа членов комбедов вышло немало талантливых советских работников в селах и кишлаках. С развертыванием гражданской войны комитеты бедноты в Туркестане сыграли большую роль в формировании Красной Армии [8].

Говоря о политике военного коммунизма, имевшей огромное значение в разгроме интервентов и белогвардейцев, Ю. Н. Алескеров ограничивается лаконичным общим заявлением по этому вопросу (стр. 80), не показывая конкретного осуществления данной политики в Средней Азии.

Автор не показал, почему затянулась гражданская война в Средней Азии, не высказал своей точки зрения на ранее опубликованные труды по истории гражданской войны и интервенции в Средней Азии.

Имеется ряд дефектов в структуре книги, фактические ошибки и неточности. Так, без серьезных оснований автор в ряде случаев отступает от изложения материалов в хронологической последовательности, что приводит иногда к повторению описания тех или иных событий, затрудняет чтение книги. Например, на стр. 136 говорится о разгроме Колчака весной и в начале лета 1919 года. На стр. 138 автор снова возвращается к этому вопросу, допуская здесь ряд неточностей. Так, наступление на Уфу вела Туркестанская, а не 1-я армия, как утверждает автор; во взятии Уфы непосредственно участвовала не только 25-я, но и 26-я дивизия под общим командованием М. В. Фрунзе. Уральск был освобожден от осады войсками 4-й, а не 1-й армии [9].

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, работа Ю. Н. Алескерова заслуживает положительной оценки.

К. И. Малышев,
С. В. Шестаков,

---

[6] «Наша газета», 12 апреля 1918 года.

[7] А. Маматюсупов. Переломные годы в сельском хозяйстве Киргизии. Фрунзе. 1957, стр. 23.

[8] «Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии». Фрунзе. 1957, стр. 57—58.

[9] И. С. Кутяков. Василий Иванович Чапаев. М. 1958, стр. 60—62.

Всеобщая история

НОВЫЙ ВКЛАД СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ *

Большой интерес, проявляемый в нашей стране к истории Франции, не случаен. Он базируется, в частности, на традициях преемственности, свойственных советской исторической науке. Труды по истории Франции русских революционеров-демократов, исследования передовых деятелей русской науки дореволюционного периода (в первую очередь представителей «русской школы») прочно вошли в отечественную историографию.

Историки Советского Союза на новой, марксистско-ленинской методологической основе расширили тематику исследований по истории Франции, подвергли пересмотру многие ошибочные и устаревшие положения старой историографии и создали большое количество трудов по вопросам, которыми русские дореволюционные историки почти не занимались.

Советские исследователи внесли большой вклад в изучение таких важных проблем, как процесс формирования французской нации, зарождение и развитие средневековой французской национальной культуры в борьбе против клерикальной реакции, народные восстания XVI—XVIII вв., роль прогрессивных общественных идей в подготовке Великой буржуазной революции XVIII в., классовая борьба и роль народных масс в период этой революции, ее влияние на антифеодальное движение в других странах, сущность наполеоновских войн.

Много сделали ученые СССР для разработки истории французского утопического социализма первой половины XIX в., революций 1830 и 1848 гг., экономического развития Франции в период промышленного переворота. Большое внимание советская историческая наука уделяла и уделяет изучению истории Парижской коммуны 1871 г., которая была первым опытом диктатуры пролетариата. Ценные труды создали советские ученые по истории внешней политики Франции конца XIX—начала XX в., особенно по истории франко-русских отношений. Видное место в советской историографии принадлежит работам, освещающим культурные связи между Францией и Россией, а также влияние русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и особенно Великой Октябрьской социалистической революции на подъем массового движения во Франции, подготовившего условия для создания Французской коммунистической партии. Успешно изучается в нашей стране новейшая история Франции, в частности, образование народного фронта, внешняя политика французских правящих кругов в 30-х годах, участие Франции во второй мировой войне, движение Сопротивления французского народа немецко-фашистским оккупантам, советско-французские отношения в годы войны и в послевоенный период, внутреннее положение и внешняя политика современной Франции.

В 1959 г. Институт истории Академии наук приступил к изданию «Французских ежегодников» — сборников статей и материалов по истории Франции. Издание осуществляется группой по изучению истории Франции, созданной под руководством академика В. П. Волгина более трех лет назад при Институте истории. В настоящее время группа насчитывает около 200 ученых — историков Москвы, Ленинграда, Горького, Иванова, Одессы, Львова, Тбилиси, Еревана и ряда других городов Советского Союза. Советские историки установили связь с французскими учеными, которые присылают свои работы для опубликования в «Ежегоднике».

Первый выпуск «Французского ежегодника» открывается статьями В. П. Волгина «Ленин и революционные традиции французского народа» и Жака Дюкло «Ленин и уроки французской истории», представляющими собой сокращенные стенограммы докладов, прочитанных на заседании группы по изучению истории Франции в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Систематизируя важнейшие ленинские оценки некоторых событий новой истории Франции, В. П. Волгин останавливается

* *«Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1958»*. Редакционная коллегия: В. П. Волгин (гл. ред.), В. М. Далин, Э. А. Желубовская, А. З. Манфред (зам. гл. ред.), Б. Ф. Поршнев, Ф. В. Потемкин, Н. А. Сидорова. М. Изд-во АН СССР. 1959. 615 стр. Тираж 3 000. Цена 30 руб.

на основных методологических установках В. И. Ленина, стремясь осветить «вопрос об анализе в работах Ленина революционного прошлого французского народа и о значении, которое он придавал французской революционной традиции» (стр. 7). Этот анализ В. П. Волгин дает на основе рассмотрения ленинских высказываний о Французской буржуазной революции XVIII в., революции 1848 г. и Парижской коммуне 1871 г., давших ряд замечательных образцов политической борьбы. Опыт этой борьбы впоследствии с успехом был использован русским пролетариатом под руководством Коммунистической партии в дни Великого Октября.

В интересном выступлении секретаря Французской коммунистической партии Жака Дюкло ярко показано, как много сделал В. И. Ленин для раскрытия основных закономерностей исторического развития Франции. Сквозь призму ленинских положений Ж. Дюкло анализирует ряд важнейших проблем французской истории, являющихся вместе с тем весьма актуальными и для современной Франции. Так, Ж. Дюкло делает очень важное заключение о взаимосвязи между политикой колониальной агрессии и усилением политической реакции в стране, ведущей подобную политику.

Анализ традиций французского революционного движения XVIII—XIX вв., раскрытие подлинного содержания борьбы классов этого периода, разоблачение реформизма и колониализма, данное в работах В. И. Ленина, постоянно используются французскими коммунистами, вдохновляемыми учением Ленина, которому, по словам Дюкло, «Французская коммунистическая партия обязана тем, что она есть» (стр. 29).

Статьи В. П. Волгина и Ж. Дюкло являются своеобразным введением к первому выпуску «Французского ежегодника».

История французского средневековья представлена, по существу, лишь статьей А. В. Конокотина «Классовая борьба во французской деревне IX—XI вв.». Возражая Ф. Я. Полянскому, придерживающемуся мнения, что выступления крестьян в IX—XI вв. носили реакционный характер, поскольку «крестьяне сопротивлялись торжеству прогрессивного способа производства» [1], А. В. Конокотин проводит мысль о том, что в основе крестьянских движений лежало стремление ограничить усиливавшуюся феодальную эксплуатацию и устранить наиболее грубые формы крепостничества. Общий вывод автора сводится к тому, что для крестьянских движений на севере Франции в IX—XI вв. стремление к ликвидации феодального землевладения не является характерным, а сами движения никак не могут быть названы реакционными.

Большое место в «Ежегоднике» занимают работы по истории Великой французской буржуазной революции. Вопрос о роли народных масс в революции является одним из основных предметов исследования в марксистской исторической литературе. Эта тема разрабатывается и в нескольких статьях, помещенных в рецензируемом сборнике.

С. А. Лотте в статье «Дело Ревельона», посвященной восстанию рабочих в Сент-Антуанском предместье Парижа 27—28 апреля 1789 г., сделала попытку по-новому осветить причины и характер этого события [2]. Апрельское восстание 1789 г. рассматривается автором «как звено в истории рабочего движения Франции XVIII в.» и не отрывается «от событий нараставшей буржуазной революции» (стр. 102) (к сожалению, эта связь показана недостаточно конкретно). Вопреки мнению тех историков, которые объясняли и объясняют это восстание только дороговизной хлеба, С. А. Лотте убедительно доказала, что «вопрос о хлебе (как впоследствии вопрос о продовольствии вообще) являлся одной из сторон вопроса о реальной заработной плате и поэтому играл, конечно, соответственную роль в рабочих восстаниях, но боролись рабочие непосредственно не за снижение цен, а за увеличение зарплаты» (стр. 80). В статье С. А. Лотте приведены интересные данные, свидетельствующие о том, что среди французских рабочих уже тогда существовал «зародыш (но, конечно, только зародыш)» понимания того, что трудом рабочих создается богатство предпринимателей (стр. 88).

Необходимость детального изучения истории французского рабочего движения предреволюционных лет, в частности восстания 27—28 апреля 1789 г., представляется нам

[1] См. обсуждение вопроса об основном экономическом законе феодализма. «Вопросы истории». 1955, № 4, стр. 89.

[2] Этой темой занимались многие историки. В частности, ей посвящена глава II труда Е. В. Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Ч. I. СПБ. 1909; см. его же. Крестьяне и рабочие в эпоху Великой французской революции. Изд. 4-е. Пг. 1922.

бесспорной, но удастся ли вместе с тем, как полагает автор, обнаружить наличие в этом событии «элементов организации», мы не уверены. Все, что нам известно о рабочем движении указанного периода, говорит о том, что это восстание, как и другие рабочие выступления предреволюционных лет, носило стихийный характер.

Значительную научную ценность представляет исследование французского историка-коммуниста А. Собуля «Революционные комитеты парижских секций (1793—1794)». Автор этой работы — один из крупнейших в настоящее время специалистов по истории народного движения и массовых общественных организаций в период якобинской диктатуры [3].

В рассматриваемой статье он поставил своей целью изучить социальный состав революционных комитетов, являвшихся одним из главных оплотов революционного правительства якобинцев. Данные, впервые приводимые А. Собулем [4], на новом конкретном материале подтверждают вывод марксистско-ленинской исторической литературы о том, что период якобинской диктатуры был временем политического господства мелкой и средней буржуазии, действовавшей в союзе с народными массами, которые при всей своей революционной активности все же не играли (и не могли играть) руководящей роли в органах революционной власти, даже таких демократических, как революционные комитеты парижских секций.

Я. М. Захер в статье «Последний период деятельности Жака Ру» подробно разбирает критику Жаком Ру буржуазной ограниченности политики якобинской диктатуры, критику слева — с позиций плебейских масс, которая вызвала резкие нападки на Жака Ру со стороны всех групп якобинцев. Я. М. Захер подчеркивает классовую основу борьбы якобинцев как буржуазных революционеров против «бешеных» — защитников интересов бедноты, рабочего класса, и справедливо указывает на двойственный характер якобинского террора, который поражал не только контрреволюционеров, но отчасти и радикально настроенных представителей плебейских низов (это обстоятельство не всегда учитывается в нашей исторической литературе).

«Неизвестная рукопись Бабефа» — так озаглавлена статья В. М. Далина, опубликовавшего за последние годы ряд ценных работ об идеологе и руководителе «движения равных».

В. М. Далин подробно анализирует остававшуюся до сих пор неизвестной биографам Бабефа рукопись (она относится, повидимому, к 1790—1791 гг.) под названием «Философский свет на действительно истинное в том, что именуют: естественное право, международное право, гражданское право» [5]. Рукопись свидетельствует о том, как разносторонни были интересы Бабефа.

Анализируя взгляды Бабефа, В. М. Далин в одном важном пункте, по нашему мнению, преувеличивает степень теоретической зрелости Бабефа в указанные годы. Это касается вопроса о диктатуре. В упомянутой рукописи Бабефом не рассматривается вопрос о диктатуре, что признает и сам В. М. Далин, однако он ссылается на то обстоятельство, что в других документах того же времени Бабеф приближался к идее диктатуры. Этот вывод остается недоказанным. Верно лишь то, что размышления Бабефа, как они отразились в «Философском свете», имеют большое значение для понимания процесса формирования его взглядов на общественно-политические вопросы.

Статья М. Я. Домнича «К истории секуляризации церковных имуществ во Франции» направлена против буржуазной историографии (особенно клерикально-монархической), замалчивающей активную контрреволюционную деятельность духовенства. Фальсифицируя исторические факты, бур-

[3] В 1958 г. А. Собуль опубликовал обширный труд «Les sans-culottes parisiens en l'an II» (La Roche-sur-Jon), составивший его докторскую диссертацию. См. также A. Soboul. Les Papiers des sections de Paris (1790—an IV). Paris. 1952; его же. 1789 «l'an de la liberté» 2-e éd. Paris. 1950.

[4] Основываясь на тщательном изучении неизданных документов Национального архива (348 папок фонда Комитета общественной безопасности), Собуль приходит к выводу, что из 454 членов революционных комитетов основную массу составляли ремесленники — 206 комиссаров (45,3%) и мелкие торговцы — 84 (18,5%); лиц свободных профессий (артистов, художников, музыкантов, учителей, юристов и т. д.) насчитывалось 52(10,5%); к ним можно присоединить 22 служащих (4,8%). Коммерсанты, предприниматели и хозяева мастерских составляли только 2,8% общего количества членов революционных комитетов, наемные рабочие и домашние слуги — 9,9%.

[5] Рукопись обнаружена В. М. Далиным в бумагах Бабефа, хранящихся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

жуазные историки пытаются доказать, будто духовенство, включая высшее, доброжелательно встретило революцию и признало необходимость таких революционных преобразований, как отмена десятины и закрытие монашеских орденов. В действительности дело обстояло совершенно иначе.

Опираясь на многочисленные исторические документы, в частности на брошюры и памфлеты из так называемой «Воронцовской библиотеки», хранящейся в библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде, автор рисует картину ожесточенного сопротивления церковников декретам Учредительного собрания об отмене десятины и о национализации имущества духовенства. Церковь, указывал К. Маркс, «скорее простит нападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем нападки на $^1/_{39}$ ее денежного дохода» [6]. Во время Французской революции конца XVIII в. это обнаружилось в полной мере.

Следует подчеркнуть большое актуальное значение статьи М. Я. Домнича, дающей обширный материал для атеистической и антиклерикальной пропаганды.

В «Ежегоднике» помещено обширное, богато документированное исследование Ф. В. Потемкина «К истории развития черной металлургии во Франции в период промышленной революции», являющееся составной частью подготовляемого автором труда по истории промышленной революции во Франции (некоторые части этого труда были опубликованы в предшествующие годы).

Данная статья полемически направлена против положений, выдвигаемых американским буржуазным исследователем А. Л. Данхэмом [7]. Критикуя американского историка, Ф. В. Потемкин отмечает прежде всего, что Данхэм неправильно относит начало промышленного переворота во Франции к 1815 г., а завершение — к 1848 году. Советский исследователь убедительно доказывает, что промышленный переворот во Франции начался вскоре после Великой французской буржуазной революции и завершился «после буржуазно-демократической революции 1848 г. в исторических условиях, порожденных ею или возникших позднее, но под ее влиянием» (стр. 292). Ф. В. Потемкин отмечает, что Данхэм неправильно объясняет причины медленного развития металлургии во Франции по сравнению с Англией, принижает значение французских технических изобретений и открытий, неправильно трактует вопросы об изменениях цен на древесное топливо и каменный уголь, о времени появления изобилия дешевой рабочей силы и т. д. В книге Данхэма совершенно не освещено положение рабочего класса (на это указал в предисловии к книге известный французский историк прогрессивного направления Жорж Буржен). Именно эти проблемы и поставил Ф. В. Потемкин в центре своего исследования.

Останавливаясь на причинах отставания техники производства чугуна и железа во Франции по сравнению с Англией, Ф. В. Потемкин указывает прежде всего на дороговизну древесного топлива и каменного угля, добывавшегося в шахтах, принадлежавших крупным капиталистам, мало заинтересованным в технических улучшениях; на то, что громадные залежи каменного угля во Франции долгое время почти не разрабатывались; что преобладание во Франции мелкого крестьянского хозяйства (парцеллы и мелкой аренды) задерживало развитие внутреннего рынка, а это неизбежно отражалось на темпах промышленного развития. Автор вскрывает и социально-политические причины сравнительно медленного промышленного развития Франции в тот период.

Статья И. И. Зильберфарба «Творческий путь Шарля Фурье» посвящена выяснению конкретных обстоятельств возникновения и развития «социетарного» учения Фурье.

Анализируя взгляды Фурье, автор попутно объясняет причины отрицательного отношения Фурье к французской революции. Нам представляется, однако, недостаточно обоснованной попытка И. И. Зильберфарба установить «связь некоторых идей Фурье с идеями, рождавшимися в ходе развития революции, в частности с бабувистскими планами» (стр. 309). Слишком уж далеко отстоят друг от друга фурьеризм с его идеей мирного перехода к новому строю от бабувизма с его идеей революционной диктатуры. Сам автор признает, что Фурье до конца своей жизни оставался мечтателем-одиночкой, не верившим в революционные методы борьбы.

Отдельные формулировки, встречающиеся в работе И. И. Зильберфарба, вызывают возражения. Например, безоговорочное утверждение автора о том, что французская

---

[6] К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 8.

[7] См. A. Dunham. La révolution industrielle en France (1815—1848). Paris. 1953.

революция потерпела поражение (стр. 307). Мотивируется этот вывод тем, что в результате революции установилось господство буржуазии. Но ведь объективной задачей революции как раз и было утверждение капиталистического способа производства взамен феодального. Буржуазно-демократические свободы, завоеванные народными массами в ходе революции, были утрачены после крушения якобинской диктатуры (окончательно после бонапартистского переворота 18 брюмера), однако основные социально-экономические и политические результаты революции сохранились и в период торжества реакции (не только во время наполеоновского режима, но и во время реставрации Бурбонов).

В. И. Ленин, касаясь этого вопроса, говорил: «Всякий, сознательно относящийся к истории, скажет, что французская революция, хотя ее и разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы» [8]. Этот ленинский анализ вопроса не был принят во внимание И. И. Зильберфарбом.

Несколько работ, опубликованных в рецензируемом сборнике, посвящено исследованию социалистического и коммунистического движения во Франции.

В статье «Жан Жорес и колониальная проблема» [9] французский историк-коммунист Ж. Брюа, не ставя перед собой задачи исследования отношения Жореса к колониальной проблеме во всех ее аспектах, стремится проанализировать взгляды французского социалиста на политику колониальной экспансии. И главный вывод, к которому приходит автор, сводится к установлению несомненной эволюции во взглядах Жореса по колониальному вопросу. Если в 1885 г. Жорес еще был убежден, что Франция заинтересована в своей колониальной миссии и обязана «распространять цивилизацию», то в 1910—1914 гг. он уже активный борец против колониальной экспансии, хотя теоретические заблуждения подчас и уводили его с прямого пути.

Конечно, позиция Жореса была очень далека от той последовательной борьбы, которую вели на международной арене В. И. Ленин и большевики. Подвергая резкой критике позицию оппортунистов по колониальному вопросу, В. И. Ленин вскрывал также и тактические ошибки Жореса. Никто не показал истинного содержания жоресизма так четко, как сделал это Ленин. «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм,— говорил он,— тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия» [10].

Исследование покойного С. С. Бантке «Массовое рабочее движение во Франции в 1920 г.» представляет собой главу из второй, неопубликованной части его монографии о создании Коммунистической партии Франции [11].

Используя различные источники, особенно французскую прессу начала 20-х годов, автор показывает усиление экономической борьбы трудящихся Франции, переплетение ее с политической борьбой и с выступлениями в защиту Советской России от интервенции. С. С. Бантке приходит к выводу, что процесс высвобождения рабочих масс из-под влияния социал-демократии, их сближение с III Интернационалом и основание Французской коммунистической партии стоят в неразрывной связи с теми уроками, которые французский пролетариат извлек из опыта классовых боев 1920 года. Этот вывод решительно опровергает попытки правых социалистов и буржуазных историков доказать, что коммунистическое движение было привнесено во Францию и в другие страны извне, не имело якобы корней в самих этих государствах. Заслуга автора данной статьи как раз и заключается в том, что, показав воздействие идей Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение Франции, он раскрыл в то же время значение внутренних причин, способствовавших созданию Французской коммунистической партии.

«Общественная и политическая деятельность Поля Ланжевена (1917—1940)» — тема статьи О. А. Старосельской-Никитиной, использовавшей в своей работе документы и рукописи из личного архива этого выдающегося французского ученого.

---

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 342.

[9] В основу статьи положено сообщение автора, сделанное 2 декабря 1956 г. в Париже в Обществе новой и новейшей истории (см. J. Bruhat. Jaurès devant le problème colonial. «Bulletin de la Société d'histoire moderne» (Paris), 1956, ser. 11, № 20, p. 15—21).

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 268.

[11] См. С. Бантке. Борьба за создание Коммунистической партии Франции. Ч. 1. Циммервальдское движение во Франции в годы мировой войны 1914—1918 гг. М. 1936.

О. А. Старосельская-Никитина на примере Ланжевена показывает идейный сдвиг, характерный для наиболее передовой части французской интеллигенции. В этом процессе идейного переосмысления коренных проблем современности взгляды Ланжевена и ряда других прогрессивных деятелей Запада обращались в сторону Советского Союза.

Публикация статьи О. А. Старосельской-Никитиной приводит к мысли о необходимости более пристального изучения истории науки зарубежных стран, и в частности Франции, выявления контактов и связей между советскими и иностранными учеными.

На страницах «Ежегодника» освещаются и некоторые вопросы внешней политики Франции, в частности, раскрываются как общие направления, так и отдельные стороны советско-французских и русско-французских дипломатических отношений.

В сборнике опубликован доклад А. З. Манфреда «Некоторые вопросы франко-советских отношений в период 1917—1957 гг.» (доклад был сделан в связи с празднованием 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции).

Намечая важнейшие вехи в истории франко-советских отношений, А. З. Манфред указывает, что эти отношения на отдельных этапах носили различный характер. Однако, как это убедительно показано в статье, силы сближения между двумя странами всегда оказывались значительнее сил отталкивания. Статья А. З. Манфреда указывает на то, что жизненная необходимость традиционной дружбы и сотрудничества между народами Франции и СССР, покоящаяся на общности их основных интересов, является тем важнейшим фактором, который должен определить характер взаимоотношений между обеими странами.

Отношениям между Россией и Францией посвящены работы Л. А. Неймана «Франко-русские отношения во время боснийского кризиса (1908—1909 гг.)» и Б. Ф. Поршнева «К истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны».

Л. А. Нейман не без основания отмечает, что интересы французского империализма с самого начала боснийского кризиса не совпадали с планами царского правительства. Франция, чувствуя себя еще недостаточно подготовленной к вступлению в войну, не спешила форсировать события и, кроме того, стремилась быстрее «переварить» Марокко. Однако отказываться от своих позиций на Балканах Франция тоже не собиралась [12]. Поэтому не совсем убедительно утверждение автора о том, что «заигрывания Парижа с Веной должны были облегчить французскому империализму «мирное проникновение» в Марокко, а германо-австрийскому — на Балканы и Ближний Восток» (стр. 377). Тем более, что в другом месте своего исследования Л. А. Нейман сам приходит к выводу, что основной задачей французской дипломатии в период боснийского кризиса, поставленной перед ней монополистическим капиталом, было дальнейшее закабаление балканских народов и усиление французских позиций в Турции (стр. 406—407).

Новая работа Б. Ф. Поршнева по истории Тридцатилетней войны, раскрывающая установление первых регулярных дипломатических сношений между Францией и Россией и содержащая широкий анализ историографии вопроса, продолжает его предшествующие изыскания, в период которых он обнаружил и ввел в научный оборот архивные документы о пребывании в Москве в 1629 г. посольства Деэ де Курменена, Ш. Талейрана и Ж. Русселя [13].

Один из вопросов внешней политики Франции нашел отражение в статье Н. А. Ерофеева «Англо-французское соперничество в Тихом океане и аннексия англичанами Новой Зеландии в 1840 г.».

В «Ежегоднике» помещено несколько статей историографического характера. Среди исследований советских ученых по истории зарубежных стран наибольшее количество работ посвящено Франции. Следует поэтому приветствовать помещение в «Ежегоднике» историко-библиографического обзора О. Л. Вайнштейна «Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками», а также

---

[12] Нельзя не учитывать того, что французские займы балканским государствам достигли в 1910 г. суммы в 7 млрд. болгарских левов (см. Хр. Кабакчиев. Избрани произведения. София. 1953, стр. 456).

[13] См. Б. Ф. Поршнев. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Исторический журнал». 1945, № 3, стр. 3—30, и ряд других статей. Выводы Б. Ф. Поршнева нашли дальнейшее развитие в недавно опубликованном исследовании Г. Г. Жорданиа «Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в.». Чч. I—II. Тбилиси. 1959.

историографических статей Б. Г. Вебера, М. А. Алпатова и И. И. Фроловой.

О. Л. Вайнштейн, подводя итоги 40-летней деятельности советских ученых в области изучения истории Франции, мог бы в большей мере придать своему обзору проблемную направленность, указав основные школы в исследовании тех или иных вопросов, дискуссии, проходившие по проблемам всеобщей истории, и т. д. В этом случае автор был бы вправе более обстоятельно остановиться на важнейших трудах, а другие работы упомянуть лишь в подстрочных примечаниях или, в случае их малой научной ценности, вообще опустить.

О. Л. Вайнштейн избрал иной путь. Он попытался зафиксировать все имеющиеся работы, включая и авторефераты диссертаций. Качество такого рода историко-библиографического обзора определяется его полнотой, причем очень важен критерий отбора: необходимо, чтобы были охвачены все основные работы. В этом отношении к обзору О. Л. Вайнштейна нельзя не предъявить некоторых претензий. Так, в нем не охарактеризован ряд исследований Ф. В. Потемкина, Б. Ф. Поршнева, К. П. Добролюбского, Я. М. Захера, А. Р. Иоаннисяна, С. Б. Кана, Т. В. Милицыной, П. Ф. Кухарского и др.[14]. Не упомянуты вовсе работы по истории Франции М. Н. Покровского, М. П. Павловича (Вельтмана), И. И. Скворцова-Степанова, С. А. Лозовского, Г. С. Зайделя, А. И. Анекштейна (Арк. А—на), В. А. Бутенко, С. В. Фрязинова и др.[15]. Эти пропуски, безусловно, снижают ценность обзора.

Кроме того, в подобных обзорах интересно и важно показать общую линию исследований, проводимых историком по той или иной проблеме, проследить последовательность отдельных работ, являющихся как бы частями одной, центральной темы. Это не всегда удается О. Л. Вайнштейну[16].

Освещение достижений советской историографии в области новейшей истории не входило в задачи автора обзора. Поэтому вызывает недоумение то обстоятельство, что О. Л. Вайнштейн в заключительной части статьи останавливается на литературе по новейшему периоду, однако почти целиком сводит ее к авторефератам диссертаций. Даже по таким темам, как влияние Великой Октябрьской социалистической революции на борьбу трудящихся Франции и образование Французской коммунистической партии, которым посвящено немало печатных работ, О. Л. Вайнштейн указывает всего лишь авторефераты.

Проблемам дореволюционной отечественной историографии всеобщей истории посвящены содержательные статьи Б. Г. Вебера и М. А. Алпатова.

Статья Б. Г. Вебера «Происхождение религиозных войн во Франции в освещении И. В. Лучицкого» содержит анализ ранних трудов этого видного русского ученого, посвященных истории реформации и гугенотских войн во Франции.

В работе М. А. Алпатова «П. Г. Виноградов как историк французской буржуазной революции конца XVIII в.» вызывает некоторые возражения известная статичность в анализе воззрений П. Г. Виноградова. Хотя М. А. Алпатов и указывает на наличие эволюции вправо во взглядах П. Г. Виноградова на французскую буржуазную революцию, ясно выступающей в последних работах этого историка, показать это следовало более развернуто, с учетом политической позиции П. Г. Виноградова в последующие годы.

Вопросы зарубежной историографии представлены статьей И. И. Фроловой «Эжен Бонмер и его «История крестьян»».

Рассматривая исследования Бонмера по истории французского крестьянства, опуб-

---

[14] В частности, в обзор не попала книга С. С. Бантке «Борьба за создание Коммунистической партии Франции» (ч. I), в то время как отрывок из второй части этой книги опубликован в самом же «Ежегоднике». В этом уже вина не только О. Л. Вайнштейна, но и редакции.

[15] В то же время в обзоре отмечен курс лекций «Век Людовика XIV», прочитанный А. Н. Савиным в 1912—1913 гг. в Московском университете и изданный в литографированном виде в 1913 году. Этот экземпляр был воспроизведен в издании 1930 года. Однако это не дает оснований включать работу А. Н. Савина в общий ряд исследований советской исторической науки.

[16] Так, останавливаясь на трудах Ф. В. Потемкина в области изучения экономического кризиса 1787—1789 гг. (стр. 500), О. Л. Вайнштейн допускает фактическую ошибку, утверждая, что одним из фрагментов этой темы является статья «Легенда и действительность в истории происхождения и распространения станка Жаккарда». На самом же деле указанная статья, касающаяся одного из вопросов изучаемой Ф. В. Потемкиным проблемы промышленного переворота во Франции, освещает значительно более поздние события, относящиеся преимущественно к периоду консульства и империи.

ликованные в 50-х годах XIX в., И. И. Фролова указывает на те особенности, которые отличали концепцию Бонмера от концепции современных ему французских историков-аграрников Л. Делиля, А. Лемари, К. Дареста де ла Шаванна и других, создавших буржуазно-дворянское направление в историографии французского крестьянства. В отличие от этих ученых Э. Бонмер, подчеркивает автор, выступает в своей работе как представитель мелкобуржуазного направления. И. И. Фролова отмечает также эволюцию во взглядах Бонмера, его скатывание вправо, характерное вообще для всех эпигонов фурьеризма, к которым принадлежал и автор «Истории крестьян».

В статье А. Д. Люблинской «Бастилия и ее архив» проанализирован состав заключенных Бастилии в XVII—XVIII веках. Полемизируя с работами хранителя бастильского архива, издателя его печатного каталога и автора ряда статей о Бастилии Фенк-Брентано, автор опровергает попытки французского историка извратить истинное положение и смягчить жестокие порядки, существовавшие в Бастилии. А. Д. Люблинская рассматривает также содержание архивного фонда тюрьмы.

О важности архивных материалов для изучения исторических проблем свидетельствуют также заметки Э. А. Желубовской и В. М. Далина.

Следует положительно оценить включение в сборник разделов хроники и библиографии. Просмотр материалов о работе группы по изучению истории Франции при Институте истории АН СССР, а также важнейших изданий, как опубликованных, так и подготовляемых к печати в СССР и во Франции, приводит к мысли, что хроникальный раздел следовало бы значительно расширить, чтобы более подробно информировать читателей «Ежегодника» о важнейших событиях, происшедших за истекший год в области изучения истории Франции и франко-советских научных и культурных связей.

Публикуя библиографию трудов советских ученых по истории Франции, изданных в 1957 г., редакция «Ежегодника» должна и в дальнейшем регулярно сообщать читателям о всех работах по истории Франции, появляющихся в СССР.

Помещение в «Ежегоднике» статьи П. Р. Заборова «Общественно-историческая проблематика раннего творчества В. Гюго («Кромвель»)», несомненно, интересной, не оправдано, на наш взгляд, характером данного издания. Литературоведческая направленность исследования П. Р. Заборова не вызывает сомнений. Поэтому оно явно выпадает из общего ряда работ, вошедших в «Ежегодник». В связи с этим возникает вопрос, должен ли «Французский ежегодник» включать только труды по истории или в нем могут публиковаться материалы по литературе, языку, искусству Франции. Нам кажется, что излишняя многоплановость не будет способствовать успеху издания. Целесообразно, чтобы соответствующие отраслевые институты (Институт мировой литературы, Институт истории искусств и другие) выпускали большее количество тематических сборников по отдельным странам, чем это имело место до сих пор. Редакция же «Французского ежегодника» должна стремиться группировать публикуемые исторические исследования по определенным проблемам, избегая излишней многотемности, ощущаемой в первом выпуске.

Следует отметить, что особое внимание редакция «Ежегодника» проявила к проблемам новой истории Франции. Хотелось бы, однако, чтобы в последующих выпусках «Ежегодника» был повышен удельный вес новейшей истории (в данном выпуске только 3 статьи из 25 посвящены периоду 1917—1958 гг.).

«Французский ежегодник» призван способствовать разработке в советской исторической науке наиболее важных и актуальных проблем истории Франции. История общественной мысли, рабочего и коммунистического движения Франции, исследования по различным проблемам новейшего времени, особенно последних двух десятилетий, должны найти большее отражение на страницах сборника. Советская историческая наука, вооруженная марксистско-ленинской методологией, должна глубоко освещать события этих лет, вызывающие особенно большой интерес среди широких кругов общественности нашей страны.

А. И. Молок, В. А. Дунаевский

Заметки о книгах

Г. ЖВАНИЯ. *Большевистская печать Закавказья накануне и в период первой русской революции.* Тбилиси. 1958, 415 стр. Тираж 5 000. Цена 10 руб.

Известна огромная роль большевистской печати в борьбе пролетариата и трудового крестьянства России за осуществление социалистической революции и построение социализма в СССР. Понятен поэтому интерес советских исследователей к истории большевистской прессы. За последние годы опубликован ряд работ по этой тематике. Книга Г. Жвания представляет собой первую попытку систематического научного освещения истории большевистской печати Закавказья со времени ее возникновения до начала столыпинской реакции. Автор рассматривает работу печати в тесной связи с деятельностью нашей партии, на фоне революционных событий, происходивших в стране.

Перед читателем вырисовывается роль В. И. Ленина как организатора и вождя партии. В книге приведено много ярких, волнующих фактов, показывающих, с каким огромным вниманием относился В. И. Ленин к работе большевистских организаций Закавказья. В письме закавказским большевикам 5 февраля 1905 г., написанном по поручению В. И. Ленина, Н. К. Крупская передавала его просьбу: «Присылайте побольше сведений о Кавказе, точные отчеты о ходе дел в отдельных комитетах, все листки пр.» (стр. 165). Автор убедительно освещает вопрос о том, как живая, тесная связь большевистского центра с Закавказьем способствовала развертыванию работы Кавказского союза РСДРП. Произведения В. И. Ленина печатались в Закавказье на страницах большевистских газет и выходили отдельными изданиями. Об их огромном воздействии говорилось, в частности, в письме Кавказского союза РСДРП от 8 марта 1905 г., адресованном большевистскому центру за границей. «Статья «Должны ли мы организовать революцию?»,— указывалось в нем,— производит фурор, а «Революционные дни» (отдел газеты, где были напечатаны статьи В. И. Ленина «Что происходит в России?», «Первые шаги», «Поп Гапон», «Канун кровавого воскресенья», «План петербургского сражения» и др.— *Г. А.*) в № 4 хотят переиздать на грузинском языке. Нравится всем ясность и простота изложения всех передовиц «Вперед» (стр. 164). Ленинская брошюра «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», написанная в декабре 1904 г., также производит «сильное впечатление,— указывалось далее в письме,— думаем перевести на местные языки и издать...» (стр. 164).

Г. Жвания подчеркивает, что между нелегальной закавказской большевистской прессой и центральными органами партии — ленинскими газетами «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» — существовала самая тесная связь. Большевистская пресса Закавказья живо реагировала на события общественно-политической жизни страны, твердо и последовательно отстаивала и пропагандировала идеи большевизма. Большевистская печать Закавказья с честью выполняла задачу интернационального сплочения трудящихся в борьбе против буржуазного национализма. «Образцом для нас,— писал В. И. Ленин,— должна быть социал-демократия на Кавказе, которая вела пропаганду одновременно на грузинском, армянском, татарском и русском языках» [1]. В 1914 г. В. И. Ленин указывал, что принцип интернационального единства социал-демократических рабочих был блестяще испытан на Кавказе с 1898 года [2]. Автор правильно поступает, освещая историю большевистской печати всего Закавказья в целом. Партийные организации строились здесь по интернациональному принципу. Крупнейшие из них — Бакинская и Тифлисская — пользовались огромным влиянием во всем крае. На грузинском, русском, азербайджанском и армянском языках в Баку и Тифлисе издавались газеты, рассылавшиеся как в города, так и в отдаленные районы Закавказья.

К сожалению, в хорошей в целом книге Г. Жвания не все вопросы освещены с достаточной полнотой и убедительностью. Наиболее слабой в этом отношении кажется нам первая глава — «Закавказье накануне революции 1905—1907 гг.». Мало использованы в работе материалы местных, а также центральных архивов нашей страны, без внимания оставлены и диссертации, посвященные этой проблеме. Слабо показана история создания большевистских газет, сравнительно мало имен рабочих-большевиков, усилиями которых эта печать поддержива-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 31.
[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 485.

лась и распространялась. Небезынтересны были бы для читателя также сведения о формате, тираже, стоимости газет, именах авторов, сотрудничавших в них, составе аппарата редакций. Может быть, следовало в книге более широко показать большевистскую печать, издававшуюся на азербайджанском и армянском языках.

Надо сказать и о некоторой структурной недоработанности книги. Например, в главу VII —«Подпольная печатная техника накануне и в период революции 1905—1907 гг.»— почему-то включены параграфы «Легальные типографии и печатавшиеся в них издания», «Легальные большевистские издания в Закавказье в 1905—1907 годах и царская цензура». Встречается ряд неточных, на наш взгляд, формулировок. В числе организаторов и руководителей июльской стачки 1903 г. в Баку названы М. Айдынбеков (в книге ошибочно — Айдыбеков) и М. Касумов (стр. 35), тогда как оба они (первый вступил в партию в 1904, второй— в 1905 г.) были лишь участниками стачки. Газета «Коч-Девет» названа органом азербайджанской социал-демократической группы «Гуммет» (стр. 388). В действительности эта газета являлась органом Бакинского комитета РСДРП и входившей в него группы «Гуммет» и издавалась на азербайджанском и армянском языках. Говоря об идейной борьбе революционной социал-демократии (С. Г. Шаумяна, С. С. Спандаряна и др.) против армянских буржуазно-националистических партий, автор указывает, что она велась на страницах легальных армянских газет «Кайц» и «Нор Хоск» (стр. 281). Следует сказать, что армянские большевики вели эту борьбу также на страницах многих других как нелегальных, так и легальных газет, в том числе издававшихся на русском и грузинском языках («Листок «Борьбы пролетариата», «Кавказский рабочий листок», «Чвени Цховреба» и др.).

Есть в книге и некоторые преувеличения. Небольшую забастовку рабочих и служащих тифлисской конно-железной дороги, происходившую в январе 1900 г., автор называет «мощной стачкой» (стр. 25). Утверждение о том, что в июле 1903 г. в Грузии бастовало свыше 50 тыс. рабочих (стр. 36), он не подтверждает ссылкой на источник. Автора можно упрекнуть и в том, что он ссылается на архивные фонды в тех случаях, когда используемые им документы уже опубликованы (стр. 134 и др.).

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, книга Г. Жвания является серьезным вкладом в изучение истории дореволюционной большевистской печати.

Г. А. Арутюнов

В. В. ГАРМИЗА. *Подготовка земской реформы 1864 г.* Изд-во Московского университета. 1957. 263 стр. Тираж 3 500. Цена 11 руб. 50 коп.

Работа В. В. Гармизы посвящена одной из основных проблем истории России второй половины XIX в.— вопросу о подготовке и проведении земской реформы 1864 года. Надо сказать, что этот вопрос до сих пор мало изучен советской исторической наукой. В серьезном научном исследовании В. В. Гармизы привлечен широкий круг опубликованных и архивных источников, а также периодическая литература 50—60-х годов прошлого столетия. В основу анализа поставленной проблемы автор положил высказывания В. И. Ленина, впервые давшего научную оценку земской реформы. В ряде своих произведений (особенно в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма») В. И. Ленин определил буржуазное содержание реформ 60—70-х годов XIX в., показал помещичью природу земства и объяснил классовую сущность русского либерализма и так называемого земского движения. По словам В. И. Ленина, «земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска» [1].

В первой главе книги выясняются предпосылки земской реформы. Отмена крепостного права подготовила почву для создания земства, но лишь революционная обстановка в стране принудила правительство к проведению реформ. Во второй главе исследования рассмотрены дворянские проекты местного самоуправления. В. В. Гармиза стремится выяснить их классовую сущность, показывает оттенки двух главных политических течений, существовавших в дворянском обществе 50—60-х годов,— консервативно-олигархического и либерально-буржуазного. Значительный интерес представляет сравнительный анализ взглядов либералов на земскую реформу. Автор считает, что при обсуждении принципов будущей реформы

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 30.

славянофилы последовательнее, чем западники, отражали в своих проектах потребности буржуазного развития России в пореформенный период (стр. 124).

В формировании взглядов дворянства на местное самоуправление В. В. Гармиза выделяет два периода. Первый охватывает 1859—1860, второй — 1861—1863 годы. В процессе подготовки земской реформы, как отмечает автор, либеральное крыло дворянства неуклонно эволюционировало в сторону консерватизма, что объяснялось политической обстановкой в стране (стр. 128). В плане общетеоретическом подобную постановку вопроса о тенденциях развития дворянского либерализма можно считать правильной. Однако доказательства, приводимые при этом автором, не совсем убедительны. Действительно, проект А. М. Унковского и «адрес пяти» были наиболее радикальным выражением либерализма конца 50-х годов. Проекты В. А. Черкасского и Ю. Ф. Самарина (начало 60-х годов) оказались умереннее. Однако автор не учитывает, что в то же время значительно более прогрессивные проекты выдвигали И. С. Аксаков и А. И. Кошелев. Самым ярким проявлением дворянского либерализма эпохи буржуазных реформ явилось выступление в 1862 г. тверского дворянства, требовавшего конституционного устройства. От Унковского и «адреса пяти» линия развития ведет, по нашему мнению, к протесту тверских дворян, а не к проектам Черкасского и Самарина.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что, анализируя взгляды М. Н. Каткова на земскую реформу, автор не использовал его статью «Что нам делать с Польшей?» («Русский Вестник», март 1863 г.) и переписку П. А. Валуева с Катковым в 1863 г., опубликованную в «Русской старине» (октябрь — ноябрь 1915 г.). Эти материалы содержат чрезвычайно интересные данные об отношении Каткова к земской реформе и к вопросу о центральном представительстве.

В последних трех главах книги показан процесс разработки проекта земской реформы в правительственных кругах и выяснена истинная роль в этом деле Н. А. Милютина, П. А. Валуева и др. В буржуазной историографии, как известно, консерватизм П. А. Валуева в земском вопросе противопоставлялся радикальным якобы взглядам Н. А. Милютина. После тщательного изучения материалов В. В. Гармиза пришел к выводу, что «Соображения комиссии об устройстве земскохозяйственного управления» (первоначальный проект земской реформы) надо относить ко времени не ранее 1862 г., когда во главе Комиссии о губернских и уездных земских учреждениях стоял не Н. А. Милютин, а П. А. Валуев. Комиссия же Н. А. Милютина уделила главное внимание разработке проекта полицейских реформ.

В целом Комиссия о губернских и уездных земских учреждениях ограничилась лишь частичными нововведениями к дореформенному строю местного управления. Сам Н. А. Милютин, выражавший интересы обуржуазившегося дворянства, шел значительно дальше того, что сделано было комиссией, возглавляемой им. Об этом говорит, в частности, его записка по поводу проекта земской реформы, поданная весной 1862 г. в Комитет министров [2]. Выясняя взгляды Валуева в земском вопросе, автор характеризует его как представителя консервативного дворянства, который под влиянием революционной ситуации, сложившейся в стране, вынужден был пойти дальше своего предшественника. Поэтому в основу разработанных валуевской комиссией проектов легли буржуазные принципы, хотя в проектах и делались большие уступки дворянству.

По-новому рассматривается в книге значение записки М. А. Корфа для подготовки земской реформы. Подчеркивая помещичью сущность взглядов последнего, В. В. Гармиза показывает, что выдвинутые им требования — расширение компетенции земства, отказ от узкосословных дворянских привилегий, выборность председателей в управах — объективно больше отвечали потребностям буржуазного развития страны, чем проекты П. А. Валуева и Н. А. Милютина. Существовал, кроме того, проект земской реформы Д. А. Милютина. Его требования — отказ от поземельного ценза как главного мерила имущественных интересов и последовательное проведение принципа всесословности — наиболее ярко отражали интересы буржуазных элементов. Однако проект этот не был учтен при обсуждении положения о земских учреждениях.

Подготовку земской реформы автор правильно связывает с вопросом о центральном представительстве. В книге В. В. Гармизы

---

[2] Эта записка, за исключением небольшого отрывка, приведенного в книге С. М. Середонина «Исторический обзор деятельности Комитета Министров» (т. III, ч. 2-я. СПБ. 1902, стр. 70—71), до сих пор полностью не публиковалась.

впервые приводятся данные о совещании министров, созванном 15 апреля 1863 г. Александром II для обсуждения записки П. А. Валуева о преобразовании Государственного совета на основе созыва от земства «съезда государственных гласных». Большая часть участников совещания высказалась против предложений Валуева. Александр II, одобрив в целом соображения министра внутренних дел, не дал согласия на «положительное заявление» (стр. 162—163). Однако известно, что он не выразил и отказа от идеи представительства. Об этом свидетельствует тот факт, что именно после совещания Валуев составил проект преобразования Государственного совета (датированный 18 ноября 1863 г.) и на следующий день писал Каткову о возможности его осуществления [3]. Таким образом, почти вплоть до утверждения земского положения параллельно с его подготовкой шла работа и над проектом центрального представительства.

Подводя итоги своему исследованию, В. В. Гармиза приходит к заключению, что развитие идеи земского самоуправления в период подготовки земской реформы правительством Александра II шло по линии уступок буржуазному либерализму. Сравнивая проект, представленный валуевской комиссией, с принятым Государственным советом положением о земских учреждениях, автор отмечает, что из последнего (под влиянием записки Корфа) были устранены места, в которых говорилось о некоторых сословных привилегиях дворянства, расширен состав представительства и несколько увеличена компетенция земских учреждений. Анализируя реформу, автор указывает, что в ней нашел отражение компромисс между обуржуазившимися помещиками-либералами и помещиками-крепостниками.

В целом книга В. В. Гармизы по-новому освещает ряд вопросов подготовки земской реформы 1864 года. К ее достоинствам надо отнести также хороший, четкий язык, живое, динамичное изложение.

Л. Г. Мамулова

[3] «Русская старина». Т. 164, ноябрь 1915 г., стр. 248.

С. Б. ОКУНЬ. *Очерки истории СССР*. Вторая четверть XIX века. Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. Ленинград. 1957. 431 стр. Тираж 20 000. Цена 9 руб. 15 коп.

За последнее время у нас появилось значительное количество монографий и исследовательских статей, посвященных различным проблемам отечественной истории XIX века. Между тем работ, обобщающих итоги изучения этого периода, рассматривающих его историю как единый процесс, по существу, нет. Эту роль обычно выполняют учебники или учебные пособия. Однако специфика их не позволяет всегда полно нарисовать картину прошлого, ввести в научный оборот новые данные, познакомить читателя с новыми выводами, раскрыть всю сложность исторических явлений. К тому же учебники нередко отстают от развития науки.

Книга С. Б. Окуня подводит итоги изучения нашей наукой исторического развития России во второй четверти XIX века. Она продолжает предыдущий труд автора, посвященный первой четверти этого столетия. Монография основана на самых новейших данных советской исторической науки. Вторым ее достоинством является четкое проведение основной идеи: автор рассматривает вторую четверть XIX в. как время общего кризиса феодальной системы, последовательно прослеживая отдельные проявления этого кризиса во всех сферах социально-экономической и политической жизни страны.

Хорошо продумана структура книги. В ней три раздела: социально-экономическое развитие и массовое народное движение, внутренняя и внешняя политика, общественная мысль и идейная борьба. Внутри каждого из них материал систематизирован по хронологическому принципу. Благодаря такому построению автор сумел избежать схематизма и упрощенного изображения событий, показал исторический процесс во всей его сложности и своеобразии. В этом смысле наиболее удачно изложение истории внешней политики России 20 — 50-х годов. Однако целесообразно было бы вопрос о Крымской войне, освещаемый в разделе о внутренней и внешней политике, перенести в конец книги, показав войну как определенный итог развития крепостнической России и наиболее очевидное выражение загнивания феодальной системы хозяйства. И второе замечание: экономическую полити-

ку самодержавия, по нашему мнению, следовало охарактеризовать не в разделе о социально-экономическом развитии, а в главах, посвященных внутренней политике. К сожалению, в данном случае автор придерживается традиционной схемы и тем несколько обедняет соответствующие главы, рассказывающие о внутренней политике.

Хочется отметить яркий язык изложения. Меткость характеристик, образность сравнений и четкость мысли, несомненно, являются достоинствами книги.

В первом разделе монографии рассматривается экономическое развитие России и массовое народное движение в 1826 — 1856 годах. Автор концентрирует здесь внимание на явлениях и процессах, наиболее глубоко отображающих кризис феодальной системы. Наиболее удачно показано развитие промышленности, транспорта, внутренней и внешней торговли. При рассмотрении вопросов сельского хозяйства страны автор вынужден был уделить помещичьему хозяйству значительно больше внимания, чем крестьянскому, отражая тем самым состояние нашей экономической и исторической литературы по данной проблеме. С. Б. Окунь правильно отмечает неуклонный рост оброка и барщины и общую тенденцию к сокращению крестьянских наделов. К сожалению, недостаточно внимания автор уделяет экономической политике самодержавия. Отметив ее противоречивость, он характеризует мероприятия правительства, направленные на ограничение развития капиталистической промышленности (стр. 36), но мало места отводит анализу уступок, на которые правительство вынуждено было пойти, толкаемое экономическим развитием страны и соображениями укрепления обороны. Экономическая мысль второй четверти XIX в. осталась почти не рассмотренной автором.

Обстоятельно написана глава, посвященная массовому народному движению. Здесь использована не только печатная литература, но и материалы диссертаций. Заслуживает одобрения попытка автора дать единую картину массового движения на территории всей России, включая и ее национальные окраины. Правильно раскрыты причины и формы крестьянских волнений. Говоря об особенностях массового движения 1826 — 1856 гг., автор указывает на увеличение числа выступлений, усиление роли «подстрекателей», подчеркивает, что требование свободы стало лозунгом крестьянского движения (стр. 44 — 45). Интересно выдвинутое в книге положение о том, что волнения оброчных крестьян были значительнее по своему размаху, силе сопротивления, характеру требований, чем волнения барщинных крестьян, несмотря на то, что последняя категория крестьян численно преобладала. Автор высказывает оригинальное, хотя и спорное, во всяком случае, требующее еще дополнительного изучения положение: более активный характер движения в оброчных районах обусловливался тем, что здесь «само крестьянство было больше охвачено капиталистическими отношениями» (стр. 45). Слишком мало внимания уделено в книге таким распространенным и типичным формам крестьянского протеста, как бегство, отказ от выполнения барщины, жалобы на помещиков и т. п.; переоценено, с нашей точки зрения, значение «подстрекателей». Раздел о массовом движении в целом растянут, перегружен фактическим материалом.

В разделе о внутренней и внешней политике самодержавия автор приводит много новых данных. Но вопросы внутренней политики освещены им слабее, чем внешней. Отмечая реакционный, охранительный характер внутренней политики, С. Б. Окунь подчеркивает ее противоречивость, что видно, например, из деятельности комитета 6 декабря 1826 г. и секретных комитетов по крестьянскому вопросу. В книге дана яркая, остроумная характеристика Николая I, принципов его политики, ее исполнителей: Бенкендорфа, Нессельроде, Уварова, Канкрина, Киселева и др. Но С. Б. Окунь слабо показал сословную политику самодержавия, особенно в отношении купечества, мещанства, духовенства. По существу, ничего не говорится в книге о национальной политике царизма, его мероприятиях в области центрального и местного управления. Не показана в целом система управления, не освещен вопрос о безуспешных попытках правительства прекратить коррупцию, сократить огромный бюрократический аппарат и др. Все эти недостатки отчасти объясняются слабой разработкой вопросов внутренней политики самодержавия в нашей литературе.

При рассмотрении внешней политики России в центр ставится политика самодержавия на Ближнем и Среднем Востоке. Хорошо проанализированы русско-турецкие отношения этого периода. Раскрывая захватнический характер политики не только самодержавия, но и реакционных правительств Англии, Австрии и Франции на

Ближнем и Среднем Востоке, С. Б. Окунь не оставляет без внимания и европейские дела, подчеркивая контрреволюционную роль царизма в период европейских революций 1830 и 1848 годов. Автор подводит читателя к пониманию краха внешней политики Николая I как результата загнивания всей феодальной системы. В этом смысле весьма удачно изложен материал о Крымской войне.

Вместе с тем надо сказать и о недостатках данного раздела. Нельзя признать удачным параграф «Принципы внешней политики во второй половине 20-х годов» (стр. 108—111), поскольку он не раскрывает этих принципов. Неубедительна трактовка вопроса о внешнеполитической обстановке в конце 30-х годов (стр. 232 — 233). Все перечисленные здесь факторы, мешавшие, по мнению С. Б. Окуня, активной политике России на Ближнем Востоке, не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени имели место в конце 20-х, начале 30-х и в начале 50-х годов XIX века. Ключ к правильному решению вопроса нужно искать в общей международной ситуации, в расстановке сил на международной арене в тот период. Автор преувеличивает значение субъективных факторов при анализе причин Крымской войны (стр. 252 и сл.).

Третий раздел книги знакомит нас с развитием общественно-политической мысли и общественно-идейной борьбы во второй четверти XIX столетия. Рассматривая этот период как дворянский этап освободительного движения, автор показывает назревание элементов новой, революционно-демократической идеологии в это время, освещает деятельность В. Г. Белинского и А. И. Герцена, рассказывает о западниках и славянофилах, кружке петрашевцев. Но и в этом разделе книги есть ряд спорных моментов. Например, характеристика славянофильства как «промежуточного звена» «между теорией официальной народности... и либеральным западничеством» (стр. 302) неопределенна, не выражает классовой природы этого течения, его истоков и социальных корней.

Объясняя, почему кружки 30 — 40-х годов не смогли сложиться в крупные организации типа декабристских, автор указывает на отсутствие социального и профессионального единства (декабристы — в основном дворяне и офицеры), понижение удельного веса представителей армии в революционном движении, крах тактической линии декабристов и поиски новых путей, непродолжительность существования кружков и т. д. Но все это частные причины. Главными же являлись, на наш взгляд, спад общественного движения, наступивший после разгрома декабристов, отсутствие сил для новой борьбы, все углубляющийся кризис дворянской революционности, отсутствие широкого, массового народного движения в стране. Дворянская революционность шла на убыль, а революционность разночинская еще не созрела — в этом сущность тех процессов, которые происходили тогда в общественно-идейной жизни. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, будто уже участники кружков конца 20-х годов «встали перед необходимостью критического пересмотра тактических принципов декабристов» (стр. 324). Это явная переоценка их зрелости.

Таким же преувеличением является положение о том, что «уже первые шаги Петрашевского на политическом поприще связаны со стремлением с помощью пропаганды выйти за рамки декабристской ограниченности» (стр. 404). С. Б. Окунь допускает неточность и тогда, когда пишет, что «русские либералы окончательно отказываются от каких бы то ни было оппозиционных требований» и совместно со славянофилами стремятся всеми силами «укрепить пошатнувшиеся устои абсолютизма» (стр. 371).

В целом книга С. Б. Окуня — хорошее пособие для преподавателей средней школы и студентов.

И. А. Федосов

«Труды отдела древнерусской литературы». Т. XIV. Академия наук СССР. Институт русской литературы. Пушкинский дом. Ответственный редактор В. И. Малышев. М.-Л. Изд-во Академии наук СССР. 1958. 675 стр. Тираж 2 000. Цена 35 руб. 20 коп.

В рецензируемой книге помещено 109 научных статей по конкретным вопросам древнерусской литературы, истории языка, искусства, вспомогательных исторических дисциплин. Наряду с трудами советских ученых в XIV томе опубликовано 9 статей зарубежных ученых.

Издание посвящено крупнейшему специалисту в области изучения древнерусской литературы члену-корреспонденту Академии наук СССР Варваре Павловне Адриановой-Перетц в связи с ее семидесятилетием.

Большой раздел (15 статей) посвящен «Слову о полку Игореве». Лексика и семан-

тика «Слова», его влияние на последующую русскую литературу, установление текста «Слова», его издания, изучение «Слова» в России и за рубежом, переводы этого произведения на современный русский и иностранные языки — вот круг вопросов, рассматриваемых в этой части «Трудов». Несомненный интерес представляет статья К. В. Кудряшова «Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь», в которой содержатся новые и достаточно убедительные данные о пути Игоря и о месте его сражения с половцами. М. П. Алексеев («Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве»), Е. И. Боброва («Первые итальянские переводы «Слова о полку Игореве») и С. С. Советов («Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков») информируют советского читателя о переводах этого произведения и его толкованиях в зарубежной науке.

Из работ, касающихся истории древнерусского государства, следует назвать статью болгарского историка Б. Ст. Ангелова «К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей», в которой автор высказывает свои соображения о наличии русско-болгарских культурных связей до принятия Русью христианства. Необходимо также отметить статью таганрогского ученого Н. Я. Полового «Две ошибки древнейшего русского хрониста», вносящую уточнения в датировку походов Игоря на Царьград.

Двенадцать статей посвящено литературе и истории периода феодальной раздробленности. В статье Г. Н. Караева «Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища», намечается путь к удовлетворительному решению спорного вопроса о месте знаменитой битвы. Г. Н. Караев привел, как нам кажется, убедительные данные о положении Вороньего камня — острова, у которого произошла битва.

Анализ ранних сказаний о монгольском нашествии на Русь позволил И. У. Будовницу в работе «Идейная основа ранних народных сказаний о татарском иге» показать непримиримость народной борьбы против иноземных поработителей.

А. В. Соловьев (Женева) в статье «Автор «Задонщины» и его политические идеи» на основе сопоставления разных списков этого произведения, а также литературы о нем дал характеристику политических идеалов автора «Задонщины» иерея Софония Рязанца, брянского боярина. Софоний был горячим сторонником единства Русской земли. Принимая в целом характеристику основных политических идей Софония, данную Д. С. Лихачевым[1], А. В. Соловьев сравнил политические идеи автора «Задонщины», его кругозор с идеями и кругозором автора «Слова о полку Игореве».

В 8 статьях рассматриваются вопросы истории и литературы Русского централизованного государства конца XV — XVI веков. В 3 статьях рассказывается об отражении идеологической борьбы конца XV — XVI вв. в публицистике того времени. Так, Я. С. Лурье в работе «Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70 — первой половине 80-х годов XV в.» показал выступление митрополита Геронтия как представителя крупных феодалов против централизаторской политики Ивана III. Статья А. А. Зимина «Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии» посвящена доказательству того, что автором повести является Ермолай-Еразм. Н. А. Казакова в работе «Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в.» в результате изучения «Жития» Иосифа Волоцкого показала, что феодалы понимали необходимость поддержания крестьянского хозяйства, так как от его состояния зависело их собственное благополучие.

Пять статей посвящено источниковедческому разбору различных памятников XVI века. М. И. Белов в статье «Северно-русские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания» показал, что «Жития» содержат интересный материал о плаваниях русских поморов по Белому и Баренцову морям в XVI—XVII вв., сообщают ценные сведения о высоком уровне развития морского судостроения на Руси.

Академик М. Н. Тихомиров опубликовал в своей статье «Новый материал об Иване Грозном» извлеченную им из Милютинских Четьи-Миней XVII в. «Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря» в Переяславле-Залесском. Он сопроводил публикацию источниковедческим анализом повести, дающей новые данные о тревожном положении в Русском государстве накануне Ливонской войны.

В работе С. О. Шмидта «Заметки о языке посланий Ивана Грозного» приведены интересные наблюдения над языком посла-

[1] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.-Л. 1945.

ний Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. Автор убедительно показал, как в язык посланий, характерный для литературного языка XVI в., проникали отдельные обороты, заимствованные из приказного делопроизводства, отражающего живую, разговорную речь той эпохи. В. Б. Кобрин, публикуя новую грамоту 1571 г. о борьбе с чумой, высказал предположение, что она носит на себе печать авторского стиля Ивана Грозного. Б. В. Сапунов, изучив Послесловия Ивана Федорова, напечатанные в изданных им «Апостолах» 1564 и 1574 гг., охарактеризовал его писательскую манеру. Новым и ценным в статье Б. В. Сапунова является доказательство авторства И. Федорова путем сопоставления и анализа стиля обоих Послесловий.

В 6 статьях сборника рассматривается русская публицистика начала XVII века. Статья В. Г. Геймана содержит публикацию обнаруженного им письма подьячего В. И. Торокана из Смоленска в Москву в 1609 году. В письме говорится о положении русских людей в осажденном поляками Смоленске.

Литературные памятники XVII в. рассматриваются в 28 статьях, из них 24 принадлежат перу советских авторов и 4 — зарубежных. В статье Н. М. Дылевского (София) «Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения» читатель найдет ценный материал о культурных взаимосвязях славянских народов.

Восемь статей освещают творчество протопопа Аввакума. Публикация новых произведений Аввакума, содержание и стиль его работ, биографические данные об Аввакуме, влияние его произведений на других писателей, перевод «Жития» на иностранные языки — таков комплекс вопросов, затрагиваемых в этих статьях. В. И. Малышев опубликовал два новых письма протопопа: к царевне Ирине Михайловне, дочери царя Михаила Федоровича, и к Ксении Артемьевне Болотовой.

В. Е. Гусев ставит вопрос о возможности рассматривать «Житие» как произведение демократической литературы, поскольку в нем обнажены пороки феодального общества. «Житие» как бы перекликается с посадской сатирической литературой XVII в. и отражает трагедию народных масс, живших в то время в исключительно тяжелых условиях. Статья Н. С. Сарафановой «Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума» касается, по существу, той же темы. Привлекает внимание и статья А. Х. Рафикова о переводе «Жития» Аввакума на турецкий язык.

Из других материалов, рассказывающих о литературе XVII — начала XVIII в., следует отметить статьи А. Л. Гольдберга «Работа Юрия Крижанича над русской летописью» и И. П. Шаскольского «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского». В первой из них показано, как Ю. Крижанич, обосновывая в своей «Истории» самобытность русского самодержавия, критически обрабатывал русские летописи. Вторая статья характеризует основные пути из Руси в Швецию, какими пользовались русские люди в XVII веке.

Тринадцать статей посвящено литературе XVIII в. и отражению традиций древнерусской литературы в произведениях русских писателей XIX века.

В сборнике опубликовано 5 работ по истории древнерусского искусства. Несомненный интерес представляют статьи Ю. Н. Дмитриева «О творчестве древнерусского художника» и М. К. Каргера «К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде».

Один из разделов рецензируемого сборника дает читателю ценные библиографические сведения о собраниях рукописей, об их собирателях и читателях. Все эти статьи свидетельствуют о большой работе по сбору, учету и хранению древних рукописей, проводимой в СССР. Особо следует остановиться на статье Н. А. Баклановой «О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII века». Среди светских книг у купцов преобладали сочинения по истории и географии.

В заключение обзора следует назвать статьи С. Н. Валка «И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой» и П. Г. Богатырева «Новые работы по филигранологии». Статья С. Н. Валка характеризует источниковедческие приемы И. Н. Болтина при подготовке им издания Русской Правды. Статья П. Г. Богатырева содержит ценные библиографические сведения о новейших иностранных работах по филигранологии.

В заключение хочется высказать пожелание, чтобы чаще публиковались такие сборники. Широкая тематика и небольшой объем статей дают многим ученым возможность своевременно ставить читателей в известность относительно новых наблюдений и выводов.

Н. В. Устюгов

STEFAN DOERNBERG. *Die Geburt eines neuen Deutschland, 1945—1949.* Die Antifaschistisch-demokratische Umwälzung und die Entstehung der DDR. Berlin. 1959. 539 S.
СТЕФАН ДЕРНБЕРГ. *Рождение новой Германии. 1945—1949.* Антифашистско-демократические преобразования и возникновение ГДР.

Эта книга вышла в Берлине к десятилетию Германской Демократической Республики. Её автор в течение ряда лет плодотворно разрабатывает проблемы послевоенной истории Германии [1], внешней политики Советского Союза [2] и истории второй мировой войны [3].

Книга «Рождение новой Германии» написана на основе тщательного изучения широкого круга источников. Ее теоретический фундамент составляют труды классиков марксизма-ленинизма, документы СЕПГ, международного коммунистического и рабочего движения, а также работы руководящих деятелей коммунистических и рабочих партий. Автор использовал большое количество архивных материалов, прессу изучаемого периода, воспоминания, а также исследования ученых ГДР, Советского Союза и других стран.

Основная тема рецензируемого труда — история антифашистского демократического переворота в Восточной Германии, происшедшего в 1945—1949 гг. и являющегося первым этапом величайшей революции в истории страны. Неоднократно прибегая к сравнениям с историей других стран народной демократии и первого социалистического государства — Советского Союза, С. Дернберг не только подчеркивает общие черты в их развитии с историей Восточной Германии, но и указывает на те особенности, которые присущи последней, объясняет природу и характер этих особенностей. История антифашистско-демократического переворота в Восточной Германии предстает перед читателем как составная часть общего мирового революционного процесса.

В книге дается четко аргументированная периодизация исследуемого отрезка времени, в основу которой положены решения V съезда СЕПГ (июль 1958 г.) и тезисы Политбюро ЦК СЕПГ, изданные к 10-летию ГДР. Помимо выводов и обобщений, имеющихся в книге, последняя глава — «Характер и этапы народно-демократической революции на территории ГДР» — содержит важные в теоретическом и научном отношении характеристики основных антиимпериалистических задач первого этапа революции, главного содержания антифашистского демократического переворота и возникновения элементов социализма в ходе последнего, а также перехода ко второму этапу революции.

Большое внимание автор уделил вопросу образования Социалистической единой партии Германии и историческому значению этого события для германского и международного рабочего движения. Хотя на эту тему имеется немало работ в марксистско-ленинской историографии, автор сумел написать этот раздел свежо и интересно. Он раскрывает не только акт объединения двух партий германского рабочего класса — КПГ и СДПГ, но и те процессы, которые происходили на местах, в частности в низовых организациях Берлина, в крупных промышленных центрах Западной Германии, показывает общие черты и различия в образовании СЕПГ в сравнении с объединением коммунистов и социал-демократов в единые партии в других европейских странах народной демократии. Доходчиво и убедительно обосновывает автор значение образования СЕПГ как исторической победы марксизма-ленинизма в германском рабочем движении.

Основное место в работе уделено анали-

[1] См. Stefan Doernberg. Die Gründung der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands und ihre historische Bedeutung. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, № 2; его же. Studienanleitung zum Thema: Deutsche Geschichte von 1945 bis 1956 (Manuskriptdruck). Berlin. 1957; его же. Zur Verwirklichung der grundlegenden Lehrer der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution im Verlauf der revolutionären Umwälzung in der Deutschen Demokratischen Republik. «Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution — Ausgangspunkt und Basis der Verwandlung des Sozialismus in ein Weltsystem». Berlin, 1958; его же. Aus der Geschichte des Kampfes um die ökonomische Entmachtund des Monopolkapitals im Osten Deutschlands (1945—1946). «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, № 3; его же. Die revolutionäre Umwälzung in der Deutschen Demokratischen Republik und ihre Etappen. «Einheit», 1959, № 6.

[2] См. Stefan Doernberg. 40 Jahre Aussenpolitik des Friedens und der Völkerfreundschaft. «Deutsche Aussenpolitik», 1957, № 11.

[3] См. Stefan Doernberg. Die Antihitlerkoalition und die Beziehungen zwischen den Grossmächten. «Der zweite Weltkrieg 1939—1945. Wirklichkeit und Fälschung». Berlin. 1959; его же. Für eine marxistisch-leninistische Erforschung und Darstellung der Geschichte des zweiten Weltkrieges und seiner Lehren. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1959, № 2.

зу революционно-демократических преобразований, которые произошли в области экономики Восточной Германии. Политическая история 1945—1949 гг. дана в основном в качестве общего фона изложения. На большом фактическом материале автор показывает проведение в Восточной Германии демократической земельной реформы (гл. III—V), уничтожение власти монополий и развитие народного сектора в промышленности (гл. VI—X).

Последовательно описывая осуществление аграрной реформы, С. Дернберг подчеркнул огромную разъяснительную работу, проделанную среди крестьянства Коммунистической партией Германии, сумевшей убедить широкие слои народа в необходимости новой аграрной политики. Автор четко выделил руководящую роль рабочего класса и его партии в проведении аграрных преобразований в стране, показал позиции и роль других классов и партий, ожесточенную классовую борьбу, развернувшуюся накануне и в ходе проведения реформы, маневры реакционных сил, пытавшихся сорвать это революционно-демократическое преобразование. Автор раскрыл политическое, экономическое и социальное значение аграрной реформы.

Подробно и убедительно С. Дернберг показал ликвидацию монополистического капитала в промышленности Восточной Германии, возникновение и развитие народного сектора в исследуемый период. Сравнивая развитие этого процесса в Восточной Германии и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, автор останавливается на особенностях борьбы немецких трудящихся против «собственного» крупного капитала в отличие от борьбы трудящихся других стран народной демократии против в основном иностранного капитала.

В книге прослежено, как при широком участии рабочего класса, под руководством его партии осуществление всех революционно-демократических мероприятий вело к подъему инициативы народных масс, к росту их демократической сознательности и, что особенно важно, классового самосознания рабочих. В этой части монографии автор сумел конкретно связать создание единой партии рабочего класса с переходом к новой фазе борьбы за устранение монополистического капитала, за создание народных предприятий.

Вопросы строительства новых, демократических органов власти и образования Германской Демократической Республики рассмотрены автором во второй главе. Он показал здесь роль народных масс, участвующих под руководством рабочего класса и его партии в демократических преобразованиях, направленных на слом старого государственного аппарата и развитие новых органов управления в центре и на местах. Непосредственная история образования ГДР, включенная в этот раздел книги, изложена, к сожалению, слишком кратко, так же как и история массового патриотического движения Немецкого народного конгресса.

На конкретном историческом материале в книге раскрыта решающая роль Советского Союза и его вооруженных сил в освобождении немецкого народа от фашистского ига, а также помощь СССР в осуществлении революционно-демократических преобразований в Восточной Германии. Анализируя по ходу изложения деятельность и отдельные приказы советской военной администрации в Германии (СВАГ), автор показал их политическую сущность, классовую направленность и значение для борьбы немецких трудящихся за успешное осуществление задач антифашистского демократического переворота. О тесной связи СВАГ с немецким народом рассказывают приводимые С. Дернбергом новые материалы об обсуждении рабочими крупных предприятий Восточной Германии проектов приказов СВАГ до их опубликования. Автор особо подчеркивает, что работа СВАГ строилась на принципах пролетарского интернационализма.

В книге «Рождение новой Германии» раскрывается содержание и глубина антифашистского демократического переворота, происходившего на территории Восточной Германии в 1945—1949 годах. Отметив высокую политическую и научную ценность этой книги, орган ЦК СЕПГ газета «Neues Deutschland» справедливо писала 13 декабря 1959 г., что данная работа является «наглядной иллюстрацией тезисов Политбюро ЦК СЕПГ, опубликованных к 10-летию ГДР». Советские читатели, несомненно, почерпнут много нового и интересного в этом полезном и политически актуальном исследовании.

Г. Н. Горошкова

«*Za svobodu Československa*». Kapitoly z dějin československé vojenské jednotky v SSSR za druhé světové války. Svazek první. Za svobodu Československa. Naše vojsko. Praha. 1959. 488 str.

«*За свободу Чехословакии*». Из истории чехословацкой воинской части в СССР в период второй мировой войны. Том первый.

Сборник[1] представляет собой первый том подготавливаемого Военно-историческим институтом Чехословацкой народной армии трехтомника. В нем рассматриваются вопросы создания и боевой деятельности чехословацкой воинской части, действовавшей на советско-германском фронте в период с 1942 до весны 1944 года. (Второй том посвящен боевым делам чехословацкого армейского корпуса в период войны и одному из самых славных событий освободительной борьбы народов Чехословакии — словацкому народному восстанию 1944 года. В третьем томе будет показано участие чехословацких воинских формирований совместно с Советской Армией в боях за освобождение Чехословакии.)

Исследование написано на основе широкого документального материала архивов Института истории КПЧ, Министерства иностранных дел, Министерства национальной обороны бывшего чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, чехословацкой военной миссии в Москве и фондов чехословацких воинских формирований в СССР и на Западе. В работе над книгой были использованы и некоторые советские архивы. Изложение оживляют многочисленные воспоминания участников и очевидцев событий.

Первая глава сборника рассказывает о международной обстановке, сложившейся накануне и в начальный период второй мировой войны. Освещена предательская политика чехословацкой буржуазии во главе с Бенешем, а также англо-французских правящих кругов, которая привела к позорному мюнхенскому соглашению, а затем к оккупации гитлеровцами Чехословакии.

В книге убедительно показано, как западные реакционные круги вкупе с правыми элементами чехословацкой буржуазной эмиграции пытались использовать чехословацкие воинские формирования против СССР. Когда же эти планы провалились, они всемерно старались сберечь эти формирования для осуществления своих антинародных замыслов восстановления в Чехословакии буржуазного режима.

В сборнике справедливо отмечается, что чехословацкие солдаты, действовавшие на Западе, не были виновны в том, что большая их часть не смогла внести достойного вклада в общую борьбу против фашизма, о чем чешские и словацкие патриоты мечтали, эмигрируя из оккупированной гитлеровцами Чехословакии.

Авторы сборника указывают, что традиции современной Народной армии Чехословакии берут свое начало не на буржуазном Западе, а в великой стране социализма — Советском Союзе.

Истории чехословацкой воинской части в СССР, ставшей прообразом вооруженных сил народной Чехословакии, посвящена остальная часть рецензируемого труда.

Заслуживает внимания тот факт (он получил отражение в книге), что формирование чехословацкой воинской части в СССР осуществлялось по принципам, не отвечавшим планам чехословацкого эмигрантского правительства. Объясняется это тем, что чехословацкая воинская часть создавалась на территории социалистического государства и ее организацией руководили чехословацкие коммунисты. Благодаря их усилиям было создано ядро новой, подлинно демократической, защищающей интересы народа армии.

Временем рождения Отдельного чехословацкого батальона в СССР авторы сборника считают февраль 1942 г., когда к месту его формирования (г. Бузулук) стали прибывать первые чехословацкие солдаты и офицеры (стр. 121). Это был тяжелый для советского народа период. Тем не менее Советское правительство оказывало всемерное содействие чехословацкому батальону.

В сборнике рассказывается, как агенты эмигрантского правительства пытались тормозить формирование батальона, чинили препятствия коммунистам и всем лицам левых убеждений, выражавшим желание вступить в чехословацкую воинскую часть.

Вопреки происках реакционных элементов формирование и обучение чехословацкого батальона шло успешно. Большим событием в его жизни явился приезд в Бузулук 26 мая 1942 г. группы руководителей КПЧ во главе с Клементом Готвальдом (стр. 126).

[1] Авторы сборника — видные чехословацкие историки Томан Брод, супруги Ныврловы, Карел Краткий и Ольджих Янечек. Руководитель авторского коллектива и научный редактор—Мирослав Шада. Некоторые из указанных авторов известны советскому читателю по вышедшей на русском языке в прошлом году книге «Рождение Чехословацкой народной армии» и ряду статей.

Доклад Готвальда «О международном положении и борьбе чехословацкого народа», с которым руководитель Компартии Чехословакии выступил перед солдатами и офицерами, лег в основу политической работы в части и оказал большое воздействие на укрепление морального состояния личного состава (стр. 127).

8 марта 1943 г. чехословацкие воины в районе Миргорода — Соколова — Артюховки получили боевое крещение (стр. 145—146). Защищая советскую землю, смертью храбрых пали 86 чехословацких воинов, среди них командир 1-й роты надпоручик Отокар Ярош, первым из иностранцев посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Восемьдесят семь чехословацких солдат и офицеров были награждены советскими орденами и медалями (стр. 162—163).

Участие чехословацкого батальона в боях на советско-германском фронте имело важное политическое значение. Сообщение Советского информбюро о действиях чехословацкой воинской части было с радостью встречено трудящимися оккупированной гитлеровцами Чехословакии. Что же касается эмигрантских лондонских кругов и чехословацкой военной миссии в СССР, то они отрицательно отнеслись к этому событию. Ссылаясь на то, что батальон понес большие потери, они пытались прекратить дальнейшее формирование чехословацких воинских частей на территории Советского Союза. Однако планы их рухнули. С помощью Советского правительства и военного командования СССР летом 1943 г. в г. Новохоперске была сформирована 1-я чехословацкая бригада, принявшая участие в боях за освобождение Киева. За участие в этой операции бригада была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего и награждена Президиумом Верховного Совета СССР орденом Суворова 2-й степени; 139 человек были награждены советскими орденами и медалями. Поручику Сохору и подпоручику Тесаржику было присвоено звание Героя Советского Союза (стр. 367).

Совместно с советскими войсками 1-я чехословацкая бригада участвовала в освобождении городов и сел Украины. В боях закалялись чехословацкие воины, росло их боевое мастерство. Бригада стала ядром 1-го чехословацкого армейского корпуса, который был сформирован на территории СССР.

Созданию такого крупного соединения, подчеркивается в книге, содействовала благоприятная политическая обстановка, которая сложилась в конце 1943— начале 1944 г. в результате заключения 12 декабря 1943 г. союзного договора между Чехословакией и СССР, а также проведения политических переговоров (они состоялись в Москве) между руководителями КПЧ и президентом Чехословакии.

Вместе с тем авторы отмечают, что и в это время, как и раньше, чехословацкое эмигрантское правительство не отказывалось от мысли прекратить дальнейшее формирование чехословацких воинских частей в СССР, обеспокоенное ростом влияния коммунистов в них и резким ослаблением влияния реакционных представителей чехословацкой военной миссии. В сборнике приводятся убедительные примеры, показывающие, какой тревогой были охвачены сторонники Бенеша в связи с приближением Советской Армии и чехословацкой бригады к государственным границам Чехословакии.

В заключение сборника говорится, что солдаты и офицеры 1-го отдельного чехословацкого батальона и 1-й отдельной чехословацкой бригады в СССР вписали славную страницу в военную историю Чехословакии, как и в историю чехословацко-советской дружбы. Они сражались плечом к плечу с воинами Советской Армии, в состав которой входили. Благодаря этому чехословацкие воинские части (не будучи еще социалистическими по своему политическому характеру) непосредственно участвовали в выполнении задач социалистической армии (стр. 467).

Остановимся на некоторых недостатках сборника.

При оценке гитлеровских планов летней кампании 1942 г. (стр. 131) и периода Курской битвы (стр. 169) авторам книги следовало бы учесть последние исследования советских историков по этому вопросу. Научный уровень книги оказался бы выше и вклад чехословацких солдат и офицеров в победу над фашистским агрессором был бы показан полнее, если бы наряду с характеристикой тех или иных сражений, в которых участвовали чехословацкие воины, была более четко охарактеризована общая стратегическая обстановка, на фоне которой развивались описываемые события.

Следовало бы ярче показать боевое содружество советских и чехословацких воинов, помощь, оказанную чехословацким друзьям со стороны советского населения во время боев на Украине.

Авторы неоднократно отмечают большое политическое воздействие на население оккупированной Чехословакии самого факта участия чехословацких вооруженных сил в антигитлеровской войне на Востоке. Однако борьба чехословацкого народа против гитлеровских оккупантов и ее усиление под влиянием побед Красной Армии описаны крайне бегло. Авторы, видимо, считают освещение этого вопроса задачей второго тома, где речь идет о словацком народном восстании 1944 года. Нам кажется, что изложение событий должно быть построено по периодам. Важно при этом показать, как развивалось освободительное движение чехословацкого народа по мере изменения обстановки на советско-германском фронте, и особо отметить тот качественно новый этап в нем, который был ознаменован победой советских войск под Сталинградом.

Труд группы чехословацких историков является важным вкладом в историческую науку наших друзей. Он будет содействовать укреплению братских отношений между двумя народами, освященных совместно пролитой кровью за свободу СССР и Чехословакии.

Книга хорошо оформлена, иллюстрирована большим количеством фотографий, снабжена указателем географических названий, схемами и картами.

М. И. Семиряга

А. Д. НОВИЧЕВ. *Крестьянство Турции в новейшее время.* Издательство восточной литературы. М. 1959. 290 стр. Тираж 1 100. Цена 12 руб.

В работах по истории Турции аграрная проблема до сих пор не получила всестороннего освещения. Монография А. Д. Новичева частично восполняет этот пробел. В книге ставится задача исследовать положение турецкого крестьянства на протяжении всего новейшего времени. Автор использовал множество различных материалов: законы меджлиса, декреты правительства, программы различных буржуазных партий, выступления турецких государственных и общественных деятелей, статистические сборники, а также обширную зарубежную литературу.

Придерживаясь принятой советскими историками периодизации новейшего времени, А. Д. Новичев останавливает свое внимание на правительственной аграрной политике, состоянии сельскохозяйственного производства и крестьянском движении в Турции в течение последних 40 лет (с 1918 по 1957 г.). В книге подробно рассмотрены этапы аграрной политики правящих кругов и убедительно показано, что эта политика всегда была направлена на обеспечение интересов крупных землевладельцев и игнорировала основные нужды и запросы трудящегося крестьянства. Значительное место в книге отведено анализу капиталистической эволюции землевладения и землепользования, а также ведущейся между прогрессивными и реакционными силами современной Турции борьбы за влияние на крестьянство.

В первой главе обрисована роль крестьянства как главной движущей силы национально-освободительной войны 1918—1922 годов. Автор разоблачает маневры национальной буржуазии, стремившейся воспрепятствовать развертыванию аграрной революции в стране. Крестьянство на своих плечах вынесло основную тяжесть борьбы с империалистами и тем не менее не получило земли и не освободилось от помещичье-крепостнического гнета и ростовщической кабалы.

Вторая глава знакомит нас с состоянием производительных сил Турции после победы кемалистской революции, а также с аграрной политикой правящих кругов в период с 1923 по 1929 год. Автор делает вывод, что хотя эта политика и была в некотором отношении прогрессивна, в целом она не отвечала насущным нуждам трудового крестьянства. На большом фактическом материале в монографии показаны массовое обезземеливание крестьянства, дальнейшая парцелляция хозяйств, пауперизация бедняцко-середняцких слоев, усиление полуфеодальной и торгово-ростовщической эксплуатации, увеличение налогового бремени в деревне.

Особого внимания заслуживает пятая глава, посвященная эволюции аграрных отношений в республиканской Турции и классовым сдвигам, которые произошли в деревне с момента завоевания страной политической независимости и до начала второй мировой войны. Автор как бы подводит здесь итоги всего довоенного развития сельского хозяйства Турции, анализирует важнейшие предпосылки становления буржуазных отношений, которые проявлялись в дальнейшей специализации сельского хозяйства, росте торгового земледелия, усилении классовой дифференциации крестьянства, протекционистской таможенной политике турецких властей и т. д. Медленно, но неуклонно шло развитие крупных предпринима-

тельских хозяйств и формирование сельскохозяйственного пролетариата. Основной вывод этой главы следующий: «...капитализм развивался в сельском хозяйстве крайне медленно, и в Турции по-прежнему продолжали господствовать полуфеодальные отношения» (стр. 173). Присоединяясь к этой точке зрения, мы в то же время считаем нужным отметить противоречивость оценок, которые автор дает роли капитализма в турецкой деревне довоенного периода. Так, в этой же главе он говорит: «Капиталистический путь развития стал ведущим в экономике страны в целом, включая и сельское хозяйство» (стр. 156).

В последующих главах освещается положение крестьянства в годы второй мировой войны, анализируется аграрная политика правящих кругов. Рассматривая аграрное законодательство послевоенных лет, А. Д. Новичев по-новому трактует ряд вопросов. Авторы, писавшие о земельном законе 1945 г., расценивали его лишь как обман крестьянских масс, а его положения, допускавшие возможность передачи помещичьих земель издольщикам и арендаторам, занятым их обработкой, объявляли буржуазной демагогией. А. Д. Новичев правильно отмечает, что этот закон отражал интересы окрепшей в годы войны национальной буржуазии, которая нуждалась в емком внутреннем рынке и поэтому выступала за ликвидацию издольной системы. Однако национальная буржуазия создавала условия для капиталистического развития полностью за счет широких масс крестьянства.

Заключительные главы книги посвящены положению крестьян после второй мировой войны, борьбе за крестьянство между силами демократии и реакции.

Характеризуя социально-экономические сдвиги в послевоенной турецкой деревне, А. Д. Новичев указывает на значительное развитие капиталистических отношений и сужение сферы применения издольщины. Автор пишет: «Хотя издольщина потеряла свое господствующее значение, капиталистические формы эксплуатации еще не стали основными» (стр. 276). У читателя неизбежно возникает вопрос: какие же производственные отношения господствуют в турецкой деревне?

По нашему мнению, своеобразие послевоенного положения турецкого сельского хозяйства заключается не только в большей интенсивности развития капиталистических процессов, на что обращает внимание автор. Дифференциация крестьянства, применение наемного труда в земледелии, формирование слоя сельских предпринимателей — все это происходило и ранее. Но после второй мировой войны достигнут важный качественный сдвиг: в турецкой деревне возникла система капиталистического хозяйства, занимающая положение господствующего экономического уклада. Если до войны только намечался путь капиталистической эволюции сельского хозяйства, то к настоящему времени он определился. Помещик-капиталист и кулак-предприниматель, концентрирующие в своих руках основную часть земли и других средств производства и поставляющие основную часть товарной продукции, теперь уже не единичное, а типичное явление для турецкой деревни.

Если в султанской Турции концентрация земли происходила на феодальной и полуфеодальной основе и не сопровождалась изменением способа производства, то в настоящее время этот процесс протекает на базе становления буржуазной земельной собственности и знаменует собой изменение аграрного строя страны.

В целом в работе А. Д. Новичева правильно рассказывается о вековых нуждах и чаяниях турецкого крестьянства. Следует, однако, отметить не совсем удачную, на наш взгляд, структуру работы. Из девяти глав шесть посвящены определенным историческим периодам, а три — отдельным проблемам. В результате этого в работе встречается ряд повторений. Например, кредитная политика правительства и роль ростовщичества в деревне описываются неоднократно.

Глава, рассказывающая об эволюции аграрных отношений, охватывает только довоенный период. Ее завершающей хронологической гранью является 1939 год. А ведь в развитии социально-экономических отношений в турецкой деревне заслуживает наибольшего внимания именно нынешний этап.

Кроме отмеченных, автор не избежал и других противоречий. Так, характеризуя аграрную политику турецкого правительства в первые десятилетия республики, автор правильно пишет, что на протяжении всего новейшего периода эта политика содействовала развитию сельского хозяйства по капиталистическому пути (стр. 141). Однако в другом месте работы по тому же поводу говорится: «Политика правительства способствовала консервации полуфеодальных методов эксплуатации турецких крестьян» (стр. 173).

Закон о вакуфах, изданный в Турции в 1935 г., устанавливал, что земли и прочая недвижимость, которая арендовалась по системе мукатаа и иджаретейн, переходила спустя 10 лет с момента вступления в силу этого закона в собственность арендаторов (стр. 122). Другими словами, к 1945 г. эти категории вакуфной собственности должны были исчезнуть. Тем не менее даже в бюджете 1957 г. значились поступления от этих видов недвижимости (стр. 219). Поэтому в книге необходимо было сделать соответствующие разъяснения.

Книга А. Д. Новичева основана на широком круге документальных источников, а также исследованиях турецких и западных авторов. Часть материалов впервые вводится в научный оборот. Тем не менее из поля зрения А. Д. Новичева выпал ряд послевоенных изданий [1].

В целом монография А. Д. Новичева, в которой обработаны и систематизированы сведения о турецком крестьянстве, представляет научную ценность.

П. П. Моисеев

[1] Например, для характеристики положения крестьянства в настоящее время автор привлек итоги обследования крестьянских бюджетов, проведенного четверть века тому назад. Между тем журнал «Forum» в номерах за 1956—1959 гг. опубликовал свыше двух десятков обследований бюджетов деревень, расположенных в самых различных экономических зонах страны (зерновых, табаководческих, хлопководческих и т. д.). Недостаточно полно использованы материалы обследования, проведенного летом 1952 г. факультетом социальных наук Анкарского университета. Не учтены также итоги анкетного опроса земледельческих хозяйств Центральной Анатолии, позволившего выявить задолженность крупных, средних и мелких хозяйств Сельскохозяйственному банку, кооперативам и частным лицам по состоянию на 1944 и 1957 годы. Из наиболее интересных работ турецких экономистов, не упомянутых в монографии, следует назвать книгу О. Л. Баркана «Закон о наделении крестьян землей и проблемы, связанные с аграрной реформой», а также исследование С. Артукмача «Как мы сможем поднять нашу деревню» (Ö. L. Barkan. Çiftçiyi topraklandirma kanunu ve Türkiye'de ziraî bir reformun ana meseleleri. Istanbul. 1946; S. Artukmaç. Köylerimizi nasil kalkindirabiliriz. Ankara. 1955).

ROSARIO ROMEO. *Risorgimento e capitalismo.* Bari. Laterza. 1959. 203 p.
РОЗАРИО РОМЕО. *Рисорджименто и капитализм.*

Автором рецензируемой книги является один из крупнейших современных итальянских историков либерально-идеалистического направления, последователь так называемой этико-политической идеалистической школы Кроче Р. Ромео. В книгу вошли две его статьи, опубликованные ранее в журнале «Nord e Sud». Первая из них, «Марксистская политическая историография», была помещена в номере за август — сентябрь 1956 г., вторая — «Проблемы капиталистического развития в Италии с 1861 по 1887 г.» — в номере за июль — август 1958 года.

Автор, полемизируя с марксистской историографией, переходит на почву, бывшую до сих пор чуждой историкам его школы, освещает круг проблем, связанных с развитием капитализма в Италии, при этом не отвергает огульно марксистские положения, как это часто практикуется среди буржуазных ученых. Такой подход к обсуждению затрагиваемых в книге чрезвычайно важных и интересных вопросов заслуживает внимания.

Чем же вызвано пробуждение у историков школы Кроче интереса к ранее не разрабатывавшимся ими проблемам формирования капиталистического базиса итальянского буржуазного государства? Безусловно, именно марксистская историческая мысль, подняв и разрешив ряд вопросов, связанных с этой проблематикой, привлекла к ней внимание буржуазной исторической науки. Но есть и иная причина: сейчас в Италии, пожалуй, более остро, чем когда бы то ни было, ощущается неполноценность экономического базиса буржуазного государства, определяющаяся не только общими противоречиями капиталистической системы производства, но и специфическими особенностями исторического развития итальянского государства. Чем быстрее происходит развитие и непомерное усиление монополистической верхушки, тем более отчетливо видны черты отсталости, которыми отмечены отдельные секторы экономики: пережитки феодализма в сельском хозяйстве, узость и неустойчивость внутреннего рынка, обострение противоречий между слаборазвитым Югом и индустриальным Севером и т. д. Все эти органические дефекты экономики современной Италии служат тормозом для дальнейшего ее развития и не могут не

беспокоить значительные слои буржуазии. В связи с этим возникает вопрос: каковы исторические причины, предопределившие эти особенности развития итальянского государства? Именно анализ исторических условий формирования капиталистических отношений в Италии должен дать ответ на этот вопрос.

Впервые марксистская интерпретация процесса формирования буржуазного государства в ходе Рисорджименто была дана А. Грамши. Основные положения концепции Грамши таковы: накануне объединения капитализм в Италии еще только зарождался; буржуазия как класс была слаба и экономически неорганизованна; задача состояла не столько в том, чтобы освободить уже развившиеся производительные силы от устаревших экономических и юридических пут, сколько в создании таких общих условий, при которых эти силы могли возникнуть и развиваться [1].

Одной из центральных проблем в ходе Рисорджименто являлся крестьянский вопрос. Крестьянство составляло подавляющую часть населения Италии, и аграрная реформа была его самой насущной потребностью. Если бы Партия действия, объединявшая радикальные элементы буржуазии, стала гегемоном в ходе революции в Италии и выдвинула лозунг земельной реформы, как это сделали якобинцы во Франции, это привлекло бы к ней широкие крестьянские массы и открыло бы путь для ликвидации феодальных пережитков. Тем самым были бы созданы условия для быстрого развития капиталистических отношений в Италии. Но гегемония в движении принадлежала партии умеренных либералов-кавуристов, отражавшей интересы буржуазии, как правило, тесно связанной с землевладельческими интересами и с земельной рентой, и обуржуазившегося землевладельческого дворянства. Это уже само по себе в значительной мере определяло пассивную, а иногда и враждебную позицию крестьянства по отношению к силам, возглавлявшим Рисорджименто. Партия действия не имела опоры ни в одном определенном историческом классе, и колебания ее в конечном счете разрешались в интересах умеренных. Слабость Партии действия, отсутствие в ней якобинского элемента, отрыв от крестьянских масс предопределили ее поражение.

[1] См. А. Грамши. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М. 1958, стр. 311.

Против положений А. Грамши, развитых далее в работах итальянских марксистов [2], и направлен главный удар Р. Ромео. Основная цель автора состоит в том, чтобы вопреки всем концепциям «ревизии Рисорджименто» (к их числу он относит и марксистскую концепцию) доказать, что путь, по которому шло формирование итальянского государства под руководством умеренных и процесс складывания капиталистических отношений, был наиболее «правильным» в конкретных условиях исторического развития Италии.

Исходной позицией, с которой Р. Ромео атакует построения А. Грамши, является так называемый вопрос о несостоявшейся крестьянской революции. Основной тезис автора рецензируемой книги, выдвигаемый им против марксистских положений А. Грамши, сводится к следующему: если бы крестьянская революция в Италии произошла, то результатом ее, по мнению автора, была бы не более передовая, а, напротив, более отсталая социально-экономическая структура по сравнению с возникшей в ходе Рисорджименто (стр. 24).

Свой тезис Р. Ромео стремится подкрепить тем соображением, что крестьянская революция в Италии, направленная на раздел земли, неизбежно поразила бы буржуазные элементы аграрной экономики, ликвидировав возникшие уже тогда крупнокапиталистические хозяйства (в долине По) и заменив их системой мелких независимых крестьянских хозяйств (стр. 28). Действительно, в долине реки По к периоду Рисорджименто уже сложились капиталистические фермерские хозяйства с применением наемной рабочей силы. Но произошло это именно в силу того, что в этом районе раньше, чем на всей остальной территории Италии, состоялось освобождение крестьян от феодальных уз. Спрашивается: что было важнее с точки зрения создания условий для интенсивного развития капиталистических отношений — сохранение ли этих локальных зародышей капитализма вместе с условиями, тормозящими весь ход развития капиталистических отношений в целом, или же осуществление крестьянской революции, которая смела бы нагромождение феодальных пережитков, освободив тем самым путь для бурного развития капитализма? Ясно, что

[2] См. прежде всего Э. Серени. Развитие капитализма в итальянской деревне (1860—1900). М. 1951; его же. Il nodo della politica granaria. Журнал «Politica ed economia», 1958, № 12 и 1959, №№ 1—4.

речь могла тогда идти лишь о буржуазной, антифеодальной революции.

Тезис А. Грамши, развитый в дальнейшем Э. Серени и другими учеными-марксистами, сводится к тому, что в силу специфических особенностей национального объединения, в первую очередь вследствие того, что в этом процессе не принимали участия широкие крестьянские массы, в Италии не произошло радикального уничтожения феодальных пережитков в деревне, что сложившаяся в результате Рисорджименто система экономических отношений предопределила замедленное развитие ее экономики.

Аргументация Р. Ромео отражает великий страх буржуазии того времени перед крестьянской революцией. И действительно, одним из основных фактов, определявших поведение итальянской буржуазии в период Рисорджименто, был страх перед народным движением. Слабая и нерешительная, запоздало родившаяся итальянская буржуазия, смертельно напуганная мощными выступлениями народных масс в революциях Франции, тем более боялась крестьянского движения, что она сама была накрепко связана с землевладением и заинтересована в земельной ренте. Поэтому она видела в крестьянстве, жаждущем земли, своего заклятого врага, готового в любой момент посягнуть на ее собственность.

Во всем комплексе важнейших условий быстрого развития капиталистического производства Р. Ромео интересует лишь вопрос о накоплении капитала. Одним из основных источников накопления капитала Р. Ромео считает доходы, получаемые в сельском хозяйстве, как в докапиталистической форме земельной ренты, так и в специфической капиталистической форме аграрной предпринимательской прибыли. Автор указывает также на то, что вся политика формирования и укрепления единого государства способствовала развитию процесса накопления капитала. Но о таком источнике первоначального накопления, как захват общинных земель и конфискация церковных имуществ, Р. Ромео забывает. Заслуживают внимания, хотя и не могут считаться бесспорными, взгляды Р. Ромео на процесс капиталистического накопления в сельском хозяйстве. Он считает исторически закономерным, что все тяжелое бремя финансирования процесса объединения страны и первоначального накопления капитала легло в конечном счете на крестьянство. Столь же закономерно, с точки зрения автора, и то, что развитие капиталистической промышленности Северной Италии было осуществлено ценою обнищания и деградации Юга, которые он считает временным явлением. Однако автор книги игнорирует тот факт, что это «временное» явление затянулось уже на ряд десятилетий и продолжает все больше обостряться. В общем, то, что Р. Ромео считает естественной ценою промышленного развития севера Италии, в действительности является следствием незавершенности Рисорджименто, отсутствия в нем сильного демократического крестьянского движения, сохранения в экономическом базисе итальянского буржуазного государства феодальных пережитков.

Характерно также, что Р. Ромео совершенно игнорирует те качественные отличия, которые сопровождают переход от капитализма периода преобладания свободной конкуренции к монополистическому капитализму. В Италии монополии начали возникать относительно рано, когда страна еще не пережила периода оживленного промышленного строительства. За короткий срок — в 25—30 лет — Италия прошла путь от господства полуфеодальной, полунатуральной системы отношений и мануфактуры до фазы монополистического капитала, который ныне все в большей мере подчиняет себе экономику страны. Такой стремительный скачок к монополистическому капитализму, не сопровождавшийся значительным расширением здоровой промышленной базы, привел к еще большему усложнению экономической структуры итальянского государства: небольшая группа крупнейших монополий господствует в стране, в которой имеется множество немонополистических и мелких, а также ремесленных предприятий, а в сельском хозяйстве сохранились еще многие полуфеодальные черты. Загнивающий монополистический капитал, с одной стороны, анахронистические полуфеодальные пережитки — с другой, служат тяжелейшим препятствием для дальнейшего нормального развития экономики. Таковы плоды «идеального» исторического развития Италии (в чем пытается уверить читателя Р. Ромео) в период Рисорджименто.

Ю. П. Лисовский

НАУЧНАЯ СЕССИЯ О ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

12 февраля 1960 г. на заседании президиума Академии наук СССР обсуждалась деятельность Научного совета Отделения исторических наук по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Отметив, что Совет «проделал значительную работу по координации научных исследований по истории Великой Октябрьской социалистической революции», президиум решил считать данную проблему для Отделения общественных наук комплексной и предложил сосредоточить главное внимание на развертывании исследовательских работ к 50-летию Октябрьской революции. Среди практических мер, осуществленных Научным советом, отмечена важная в научно-политическом отношении сессия по теме «Иностранная литература об Октябрьской революции». На сессии присутствовало около 700 ученых, старых большевиков, преподавателей, архивистов столицы, в том числе 100 представителей академий наук союзных республик и университетов.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР академик Е. М. Жуков.

С докладом «Основные этапы изучения истории Октябрьской революции за рубежом» выступил академик И. И. Минц. Борьба пролетарской концепции истории Великого Октября, единственно правдивой и научной, против буржуазной, псевдонаучной, ставящей задачу извратить историю Октябрьской революции и не допустить проникновения ее великих освободительных идей в массы, сказал И. И. Минц, ведется во многих странах с рождения Советского государства и до сегодняшнего дня. Зарубежная историография Великой Октябрьской социалистической революции, отметил докладчик, прошла в своем развитии через ряд этапов.

Первым этапом следует считать годы борьбы Советской России против белогвардейцев и иностранных интервентов (1917—1921). Для историографии данного периода богатейший материал дают документы коммунистических партий, выступления их руководителей, резолюции собраний трудящихся, революционная печать, листовки, прокламации и т. д. В этих материалах отражены первые представления об истории Октябрьской революции и ее историческом значении.

Выдающийся деятель международного рабочего движения Карл Либкнехт, находясь в тюрьме, писал 11 ноября 1917 г., что русская революция имеет «перед собой безграничные перспективы...»[1]. Тотчас же после своего освобождения он заявил: «В эти часы моей свободы я успел просмотреть законы и декреты, созданные русской революцией... Это лучший путь к освобождению угнетенных классов, это идеальнейшая программа, которую когда-либо создавали угнетенные классы»[2]. Лучшие представители рабочего класса Германии Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг решительно выступили против попыток правых лидеров социал-демократии ввести в заблуждение пролетариат, объявив Октябрьскую революцию незрелой, преждевременной, противоречащей учению Карла Маркса.

Уже в то время в прогрессивной литературе был поставлен вопрос о неизбежности повторения основных черт Октябрьской революции в других странах. Руководитель Болгарской коммунистической партии Димитр Благоев писал: «...Мы должны с максимальной энергией и смелостью распространять... опыт, который дает социалисти-

[1] K. Liebknecht. Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze. Berlin. 1952, s. 460.

[2] Цит. по Л. И. Гинцберг. Карл Либкнехт. М. 1959, стр. 64.

ческая Советская Россия...»[3]. Выдающийся деятель американского рабочего движения Юджин Дебс указывал, что пролетарская революция в России не имеет границ и подает героический пример всему миру. «Мы, подобно им,— отмечал он,— должны отстранить с пути трусливых соглашателей в наших рядах, бросить вызов разбойничьей власти эксплуататоров и вести с ней борьбу не на жизнь, а на смерть. Я — большевик с головы до пят, и я горжусь этим»[4].

В выступлениях и работах революционных деятелей нашла отражение одна из важнейших проблем истории Октябрьской революции — пролетарский интернационализм. Карл Либкнехт в 1918 г. в приветствии VI Всероссийскому съезду Советов писал: «Россия рабочих и крестьян... и революционная Германия... неразрывно связаны в своей судьбе... Мы клянемся напрячь все наши силы на разрешение исторической задачи германского пролетариата, на уничтожение германского классового государства, на создание германской социалистической республики. Наши сердца с вами, ваше дело — наше общее дело»[5].

Тогда же был поставлен вопрос, извращаемый современными ревизионистами, о соотношении в историческом опыте Великого Октября международного и национального, общего и особенного. Основатель Коммунистической партии Италии А. Грамши высоко оценивал значение пролетарской революции в России и выступал против механического перенесения ее опыта на итальянскую почву, за творческое применение общих принципов большевизма к конкретным условиям своей страны.

В это же время были изданы работы Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир»[6] и Жака Садуля «Письма о большевистской революции»[7]. В этих книгах содержались ценные свидетельства очевидцев событий, имевших место в России в октябре 1917 года.

В ряде стран появлялись тогда первые исследования, авторы которых пытались объективно изложить историю Октября. К таким работам прежде всего следует отнести книги прогрессивного публициста США А. Р. Вильямса[8]. Е. А. Росс, посетивший Россию в 1917 г., издал книгу «Русская большевистская революция»[9]. Он опроверг клеветнические утверждения о том, что пролетарская революция произошла в результате действий кучки заговорщиков. Ход событий, справедливо отмечал автор, объективно вел к революции. Война, неисчислимые потери, усиливавшийся голод заставили массы искать ответ на вопрос о причинах их страданий. Путь к светлому будущему был указан В. И. Лениным.

Уже в тот период отдельные передовые представители буржуазной интеллигенции стали понимать величие и историческое значение Октябрьской революции, а лучшие из них, например, Анатоль Франс, Поль Ланжевен, Теодор Драйзер, Жолио-Кюри и многие другие, позднее вступили в ряды коммунистических партий.

В 1917—1921 гг. возникло реакционное направление в историографии Октября, представленное буржуазными историками и правыми лидерами социал-демократии. По инициативе правящих кругов капиталистических стран были созданы различные организации, занимавшиеся фальсификацией истории пролетарской революции. В Германии такие функции выполнял сперва «Главный секретариат для изучения и критики большевизма», а затем «Антибольшевистская лига». В США подобную деятельность возглавляла сенатская комиссия под председательством сенатора Овермэна. В течение длительного времени она собирала фальсифицированные материалы от контрреволюционеров всех мастей, стремившихся оклеветать Октябрьскую революцию. Выпущенный комиссией сборник с неслыханным цинизмом извращал историю Великого Октября. При поддержке военного министерства США были изданы пресловутые «документы» Сиссона — грубые фальшивки, содержавшие измышления о том, будто бы большевики были связаны с германским генеральным штабом. В Англии фальсификацией истории Октябрьской ре-

---

[3] Димитр Благоев. Три года революции. «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 222.

[4] Юджин Дебс. День народа. «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 221.

[5] Карл Либкнехт. Приветствие VI Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов. «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 215.

[6] J. Reed. Ten Days that shook the World. New York. 1919.

[7] Jacques Sadoul. Notes sur la révolution bolchévique (octobre 1917 — juillet 1918). Paris. 1920.

[8] A. R. Williams. The Bolsheviks and the Soviets. New York. 1919; его же. Lenin. The Man and his Work. New York. 1919.

[9] E. A. Ross. The Russian Bolshevik Revolution. New York. 1921.

волюции занимался так называемый «Русский комитет освобождения». Тогда же появились книги Милюкова, Керенского и других русских контрреволюционеров, злобно клеветавших на советский народ и большевистскую партию. В этот антисоветский хор включились и правые лидеры социал-демократов. Например, К. Каутский выступил в 1918 г. с заявлением, в котором отрицал историческое значение Советов как формы диктатуры рабочего класса, являющейся самым демократическим типом государственности. Эта фальсификаторская «теория» К. Каутского была принята противниками Советской власти на вооружение.

Вторым этапом развития зарубежной историографии Октябрьской революции, по мнению И. И. Минца, можно считать 1921—1929 годы. Советский Союз в этот период успешно восстановил народное хозяйство, разрушенное во время первой мировой и гражданской войн, а также иностранной военной интервенции, и приступил к индустриализации страны, а капитализм вступил в полосу частичной, относительной стабилизации. Марксистское направление в историографии получает дальнейшее развитие. В США, Германии, Англии, Франции начинают выходить Сочинения В. И. Ленина, а также его избранные произведения. В большом количестве стали публиковаться марксистские документальные сборники. В то же время в реакционной буржуазной историографии продолжалась прежняя линия: фальсификация истории Октябрьской революции. Так, книга германского историка Альфреда фон Хеденштрема «История России 1878—1918 гг.»[10], по существу, ничего, кроме ругани в адрес Советской России, не содержала. Вместе с тем в буржуазной историографии стали появляться работы, в которых делались попытки более или менее объективно оценить события Октября. Примером может служить исследование Ф. Шумана «Американская политика по отношению к России 1917 года»[11]. Автор, не скрывая своего отрицательного отношения к социализму, осудил интервенцию империалистов против Советской России.

Третьим этапом развития зарубежной историографии Октябрьской революции докладчик считает 1929—1939 годы. На протяжении этих лет Советский Союз в результате индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства построил социалистическое общество, а капиталистическая система была потрясена тяжелым экономическим кризисом. В это время империалисты усиленно поддерживали фашизм, надеясь использовать его для подавления революционной борьбы и национально-освободительного движения, нараставших в странах капитала, а также для нападения на СССР.

В реакционной буржуазной литературе тогда усиленно пропагандировалась война против нашей страны. В 1930 г. папа римский выступил с призывом организовать «крестовый поход» против Советского Союза. Продолжали выходить книги, в которых содержалась злостная клевета на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Вместе с тем ряд буржуазных историков начинает использовать в своих работах подлинные документы: декреты Советского правительства, произведения В. И. Ленина. Однако нередко эти документы давались в искаженной интерпретации. Так поступил, например, В. Чемберлин, написавший книгу «Русская революция 1917—1921 гг.»[12].

Прогрессивные силы западных стран в эти годы разоблачали захватнические планы империалистов, оказывали поддержку Советскому Союзу, раскрывали международное значение Великого Октября. Следует отметить статьи и выступления В. Пика «За свободу и хлеб, против фашизма и войны!», «Советский Союз — лучший друг германского народа», «Международное значение Советского Союза в борьбе за мир, свободу и хлеб» и ряд других[13], в которых особое внимание он обращал на уроки Октябрьской революции, а также книгу видного деятеля революционного движения Англии Палм Датта «Жизнь и учение В. И. Ленина»[14].

Во время второй мировой войны и особенно Великой Отечественной войны, когда Советский Союз нес на себе основную тяжесть борьбы с фашизмом, буржуазные ученые Запада проявляли более объектив-

[10] A. Hedenström. Geschichte Rußlands 1878—1918. Stuttgart und Berlin. 1922.

[11] F. L. Schuman. American Policy toward Russia since 1917. New York. 1928.

[12] W. H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921. Vol. 2. New York. 1935. В 1954 г. эта работа под тем же названием и в том же объеме была переиздана.

[13] В. Пик. Избранные произведения. М. 1956, стр. 87—112, 148, 149, 150—156.

[14] R. P. Dutt. Life and Teachings of V. I. Lenin. New York. 1934.

ный подход к оценке Октябрьской революции. Примером этого могут служить работы англо-американских историков Г. Р. Тревирануса «Революции в России. Их уроки для западного мира» [15] и супругов Б. и С. Уэббов «Правда о Советской России» [16].

Послевоенный период, по мнению И. И. Минца, является следующим этапом развития зарубежной историографии Великого Октября. Образовавшаяся мировая система социализма окрепла. Советский Союз, восстановив разрушенное войной народное хозяйство, приступил к развернутому строительству коммунизма. Капиталистический мир по-прежнему подвергается непрерывным экономическим и политическим потрясениям, распадается колониальная система империализма.

Марксистская зарубежная историография Октябрьской революции в этих условиях получила значительное развитие. Активную исследовательскую деятельность развернул многочисленный отряд историков стран народной демократии, которые с марксистско-ленинских позиций стали изучать историю Великого Октября. Появляются марксистские работы по истории пролетарской революции в России и в капиталистических странах. Палм Датт выпустил книгу «Кризис Британии и Британской империи» [17], посвященную распаду колониальной системы и значению победы Октябрьской революции для колониальных стран. В США были изданы труды У. Фостера «Закат мирового капитализма», «Октябрьская революция и Соединенные Штаты Америки» [18], и другие, в которых раскрывается международное значение Октябрьской революции. Большое количество марксистских работ появилось в капиталистических странах в связи с празднованием 40-й годовщины Октября. Наряду с этим в послевоенные годы книжный рынок на Западе наводняется низкопробными писаниями Керенского, Локкарта и других врагов Советской власти. В ряде вышедших книг воскрешаются порочные, обветшалые теории правых лидеров социал-демократии. Реакционной буржуазной историографии по-прежнему свойственно отрицание объективной закономерности Октябрьской революции, извращение ее характера и результатов, а также роли большевистской партии.

В заключение И. И. Минц сказал, что пролетарская концепция Великого Октября с каждым днем все сильнее овладевает массами. Топтание буржуазной историографии на месте говорит о бесплодности усилий реакционных ученых извратить историю и принизить всемирно-историческое значение Октябрьской революции. Докладчик призвал усилить борьбу с современными ревизионистами и фальсификаторами истории, установить сотрудничество и взаимопомощь прогрессивных ученых всех стран, занимающихся изучением истории Октября.

С докладом «Китайская литература о Великой Октябрьской социалистической революции» выступил Ю. М. Гарушянц (Институт китаеведения АН СССР). Докладчик привел слова Мао Цзэдуна о том, что орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм. Идеи Октября получили распространение среди китайских трудящихся. В ноябре 1920 г. в Шанхае начал выходить журнал «Коммунист», издаваемый марксистским кружком. В журнале был поставлен вопрос о возможности и необходимости применения опыта русской революции в китайских условиях. Под влиянием идей Октября лучшие представители китайского народа, не найдя истины и справедливости в различных учениях, бытовавших на Западе, постепенно стали переходить от революционного демократизма к коммунизму. 1 июля 1921 г. существовавшие в стране разрозненные марксистские кружки оформились в пролетарскую партию, создание которой, по словам члена ЦК КПК Чэнь Бо-да, явилось концентрированным выражением влияния Октябрьской революции на Китай. Сун Ят-сен первым попытался показать воздействие Октября на подъем общедемократического и буржуазно-революционного движения в Китае [19].

---

[15] G. R. Treviranus. Revolutions in Russia. Their Lessons for the Western World. New York—London. 1944.

[16] S. Webb and B. Webb. The Truth about Soviet Russia. New York. 1942.

[17] R. P. Dutt. The Crisis of Britain and the British Empire. London. 1953. В 1957 г. в Лондоне вышло второе, переработанное и дополненное издание. Рецензию И. А. Лебедева на эту работу см. «Вопросы истории», 1960, № 2. В русском переводе книга издавалась в 1954 и 1959 годах.

[18] Эти книги переведены на русский язык и изданы в Москве в 1958 и 1959 годах.

[19] Подробнее об этом см. статью Г. Ефимова «Великая Октябрьская социалистическая революция и Сун Ят-сен». «Историк-марксист», 1937, № 5—6, стр. 104—130.

Большое количество книг по истории Октябрьской революции вышло в свет в Китае в годы второй гражданской войны (1927—1936). Наиболее значительными докладчик считает «Историю великой русской революции» (1929), «Краткую историю Октябрьской революции» (1930), «Русскую революцию» (1931), «Полную историю русской революции» (1931), «Документы революции 1917 г.», тома 1, 2 (1931), «Краткую историю русской революции» (1936), Цюй Цю-бо «О русской революции» и др.

После победы народной революции в Китае были созданы условия для глубокого изучения истории Октября. Ряд работ по этому вопросу был выпущен Шаньдунским и Пекинским отделениями Общества китайско-советской дружбы. Большое внимание китайские ученые уделяют проблеме влияния Великого Октября на народы Востока. На данную тему написано свыше тысячи газетных и журнальных статей, в которых говорится об исторической неизбежности повторения опыта Октябрьской революции в международном масштабе и в Китае в частности [20]. Убедительно раскрыто историческое значение Октября для судеб китайской революции в работах вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна «Относительно противоречия», «Война и вопросы стратегии», «О затяжной войне», «Место Коммунистической партии Китая в национальной войне», «О новой демократии» [21], а также в партийном документе «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» [22].

В 1957 г. в Китае были выпущены книги «Китайский народ празднует 40-ю годовщину Октябрьской революции» и «Путь Октябрьской революции». В них вошли статьи и выступления руководителей КПК, китайского правительства, видных деятелей науки и культуры. Этими работами, изданными в период острой идеологической борьбы с правобуржуазными элементами и ревизионистами, китайские товарищи внесли свой вклад в развенчание пресловутой теории «национального коммунизма». В заключение Ю. М. Гарушянц отметил, что исследования и публикации китайских историков помогают глубже понять значение исторического процесса крушения империализма и становления мировой системы социализма.

Следует сказать, что за последние годы китайские и советские историки много сделали по изучению вопроса о влиянии Октябрьской революции на Восток и в частности на Китай. В СССР издан ряд книг, посвященных данной теме [23]. Вместе с тем эта работа, по нашему мнению, находится еще в стадии развертывания. Можно надеяться, что совместными усилиями советских и китайских ученых в ближайшие годы будут созданы коллективные фундаментальные труды по этой актуальной проблеме.

С докладом «Польская историография социалистической революции в России» выступил А. Я. Манусевич (Институт славяноведения АН СССР). В Польше работы по истории Великого Октября, отметил он, занимают значительное место. Длительная совместная борьба русского и польского народов против царизма, возникновение независимого Польского государства в результате победы пролетарской революции в России определили глубокий интерес широких кругов польского народа к этому вопросу [24]. В торжестве социалистической революции в России передовые силы Польши видели важнейшую предпосылку национального и социального освобождения польского народа. Образовавшаяся в декабре 1918 г. Комму-

[20] Многие работы и статьи видных китайских политических деятелей и ученых о влиянии Октябрьской революции на Китай были опубликованы в советской печати. См. сборник статей «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение». Т. I. М. 1958, стр. 327—353; Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М. 1959. В Пекине был издан юбилейный сборник выступлений и статей, посвященных 40-й годовщине Октябрьской революции.

[21] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 2. М. 1953, стр. 407—469, 377—405, 191—337, 339—367; т. 3, М. 1953, стр. 199—276.

[22] «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». (Редакционная статья газеты «Жэньминь жибао».) М. 1956 и «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата». (Статья в газете «Жэньминь жибао».) М. 1956.

[23] «Великий Октябрь». Сборник статей. М. 1958. стр. 513—742; «Великий Октябрь и народы Востока». Сборник. М. 1957; А. Н. Хейфец. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М. 1959; Г. В. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М. 1951; Г. Н. Войтинский. Лекции по новейшей истории Китая (1918—1924 гг.). М. 1947; Л. В. Симановская, Б. Г. Эренбург, М. Ф. Юрьев. Очерки истории Китая. М. 1956, и др.

[24] О влиянии Октября на развитие революционных событий в Польше см. статью А. Я. Манусевича «Из истории революционного движения в Польше в 1917—1918 годах». «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 137—157.

нистическая партия Польши в своей деятельности руководствовалась опытом, накопленным РСДРП (б). В документах КПП, трудах руководителей партии, партийной публицистике неизменно подчеркивалось, что Октябрьская революция положила начало новой эре в истории всего человечества и имела громадное значение также и для развития польского народа.

Совершенно иную, в корне противоположную действительности оценку пролетарской революции в России выдвинули польские буржуазные и правосоциалистические историки и публицисты. Исходя из своих классовых целей, вопреки общеизвестным фактам, они отрицали закономерность Октябрьской революции, ее всемирно-историческое значение, замалчивали ее роль в образовании независимой Польши. Господствующие классы упорно старались скрыть от народа все мероприятия Советской власти, касавшиеся польских дел. В работе историка С. Кутшебы «Возрожденная Польша»[25] пропагандировалось фальсификаторское положение о том, что Польша получила независимость будто бы благодаря империалистам США. Автор умолчал о прямой связи между пролетарской революцией в России и образованием независимого Польского государства. Такую же точку зрения пытался обосновать Р. Дмовский в своей книге «Польская политика и восстановление государства»[26], где он высказывал враждебное отношение не только к Октябрьской революции, но и к освободительной борьбе польских народных масс[27].

В результате победы над гитлеровской Германией и образования Польской Народной Республики были созданы широкие возможности для изучения рассматриваемой проблемы, как и вообще для развития польской исторической науки. В литературе, появившейся за последние годы в народно-демократической Польше, в трудах руководителей Польской объединенной рабочей партии освещается освободительная роль Великой Октябрьской социалистической революции, ярко проявившаяся, в частности, в избавлении польского народа от национального угнетения, в создании народно-демократической Польши, идущей по пути строительства социализма. Серьезное значение имеет работа Ю. Ковальского «Великая Октябрьская социалистическая революция и освобождение Польши»[28]. В ней автор рассказывает о влиянии пролетарской революции на создание Польского государства и последующую борьбу трудящихся масс. Ценные сведения содержат монографии Л. Гросфельда о контрреволюционном мятеже 1-го польского корпуса в Белоруссии[29] и Г. Яблоньского «Политика польской социалистической партии во время войны 1914—1918 гг.»[30]. Последний раскрывает воздействие Октябрьской революции на польское рабочее движение, в частности на распространение идеи создания Советов рабочих депутатов. Работа Т. Кузьминьского «Классовая борьба в деревне 1918—1919 гг.»[31] освещает подъем крестьянского движения в Польше, вызванный непосредственным влиянием Октября.

В связи с 40-летием Октябрьской революции в Польской Народной Республике состоялись научные сессии, посвященные этому событию, опубликовано немало работ по данной проблеме, но фундаментального труда, отражающего многообразие влияния Октября на Польшу, еще не создано. К со-

---

[25] S. Kutrzeba. Polska odrodzona. Kraków. 1922.

[26] R. Dmowski. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa. 1925.

[27] Антинаучные измышления буржуазных реакционных и правосоциалистических польских историков по вопросу образования после Октября Польского государства были разоблачены в работах советских историков: см. У. А. Шустер. Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 1; М. Миско. Из истории революционного движения в Польше в 1918—1919 годах. «Вопросы истории», 1948, № 10; его же. Октябрьская революция и восстановление независимой Польши в 1918 году. «Вопросы истории», 1957, № 11; И. Юзефович. Великая Октябрьская социалистическая революция и формирование Польского государства в 1918 г. «Известия» Академии наук СССР, серия истории и философии. 1948, т. V, № 3; А. Я. Манусевич. К постановке вопроса о западных и северных границах Польши на Парижской мирной конференции. «Известия» Академии наук СССР, серия истории и философии. 1946, т. III, № 1, и др.

[28] J. Kowalski. Wielka Październikowa rewolucja socjalistyczna a wyzwolenie Polski. Warszawa. 1952.

[29] L. Grosfeld. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917—1919. Warszawa. 1956.

[30] H. Jabloński. Polityka Polskiej Partii socjalistycznej w czasie wojny 1914—1918 r. Warszawa. 1958. Рецензию А. Я. Манусевича на эту книгу см. «Новая и новейшая история», 1959, № 2.

[31] T. Kuźmiński. Walki klasowe na wsi Lubelskiej w latach 1918—1919. Warszawa. 1955.

жалению, в некоторых работах, например в сборнике «Архивные материалы из истории польско-советских отношений» [32] (т. 1), имели место недостатки и серьезные ошибки, о чем справедливо писалось в польской и советской печати.

С докладом «Германская историография об Октябрьской революции» выступил В. И. Салов (Институт истории АН СССР) [33]. Он дал характеристику прогрессивной литературе, вышедшей по этому вопросу в Германской Демократической Республике. Развитие историографии Великого Октября в ГДР неразрывно связано с именами руководителей Социалистической единой партии Германии В. Пика, В. Ульбрихта и О. Гротеволя. Работы В. Пика «Великая Октябрьская социалистическая революция и германское рабочее движение» [34], В. Ульбрихта «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на германское рабочее движение» [35] являются серьезным вкладом в историческую науку. Эти произведения отличаются широтой охвата событий. В них подчеркивается историческая закономерность Октябрьской революции, ее социалистический характер, раскрывается влияние Октября на революционное движение в Германии.

Много сделали для освещения международного значения Октябрьской революции германские историки В. Бартель, К. Шрейнер, Ф. Книттель, Г. Кольбе. В 1955 г. вышла в свет книга К. Маммаха «Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии», а в 1958 г.— работа Лео Штерна «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию и германское рабочее движение» [36], в которых показано влияние Октябрьской революции на развитие революционных событий в Германии. Большим достижением в исследовании данной проблемы является выпуск сборников документов и материалов [37]; значительное место в них уделено истории пролетарской революции в России. Историки В. Горский, В. Шуман, Г. Зеебер, В. Вильгельмус, В. Разе изучают влияние Октября на ход революционных событий в отдельных районах Германии. Труды историков Германской Демократической Республики оказывают помощь в борьбе против западногерманских фальсификаторов и служат развитию марксистской науки.

Сессии были представлены доклады Д. И. Антонюка «Румынская историография Великой Октябрьской социалистической революции» и М. А. Бирмана «Изучение Октябрьской революции в народно-демократической Болгарии». В них сообщалось о большой работе, проделанной румынскими и болгарскими историками по созданию трудов, освещающих влияние Октября на революционные события в этих странах.

С докладом «Литература об Октябрьской революции, опубликованная в Югославии», выступил И. Д. Очак (МГУ). Для исторического развития Югославии, и в особенности ее рабочего и коммунистического движения, отметил он, русская революция имела исключительно важное значение. Первые известия об Октябрьской революции были восприняты югославскими трудящимися с восторгом. Очевидцами событий в России были тысячи югославских военнопленных. Они приняли горячее участие в создании Югославянской коммунистической группы РКП(б), а затем и своего печатного органа «Всемирная революция», в котором подчеркивали историческое значение Октября для мирового пролетариата. Исключительную роль для марксистско-ленинского воспитания югославских трудящихся сыграли произведения В. И. Ленина. В первые годы Советской власти были переведены на хорватский, сербский и словенский языки

---

[32] «Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich». T. I. Warszawa. 1957. На этот сборник см. рецензию А. Я. Манусевича и И. А. Хренова в «Вопросах истории», 1958, № 5.

[33] См. также статью В. И. Салова «Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции». «Новая и новейшая история», 1957, № 4.

[34] W. Pieck. Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und die deutsche Arbeiterbewegung. «Einheit», 1957.

[35] «Новая и новейшая история», 1957, № 5.

[36] K. Mammach. Der Einfluss der russischen Februarrevolution und der Großen sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse. Berlin. 1955. В русском переводе книга вышла в 1957 г.; Leo Stern. Der Einfluss der Grossen sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung. Berlin. 1958. Рецензию Я. С. Драбкина на эту книгу см. «Новая и новейшая история», 1959, № 4.

[37] «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1957—1958; «Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Periode der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. 1917—1918». Berlin. 1957, и др.

«Империализм, как высшая стадия капитализма», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Государство и революция» и другие работы. Переводчиками их являлись члены Югославянской коммунистической группы РКП(б).

Во время второй мировой войны народы Югославии применяли опыт Октябрьской революции на практике. После окончания войны здесь было опубликовано большое количество статей, в которых давалась оценка значения пролетарской революции в России для народов, идущих к социализму. В дни празднования 40-й годовщины Октября в Югославии была организована специальная правительственная комиссия. Под ее руководством были изданы некоторые работы В. И. Ленина и других видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения, материалы и исследования об Октябрьской революции и отклики на нее в Югославии. Определенный интерес представляют книги Ф. Чулиновича «Отклики Октября в югославских землях», В. Пейовича «Октябрьская социалистическая революция», статья П. Якшича «О военной деятельности Ленина» [38]. Были опубликованы также воспоминания старых коммунистов — участников Октябрьской революции и гражданской войны. Появление этих работ явилось заметным событием в югославской историографии.

Но среди югославских историков есть и такие, в работах которых встречаются тенденции ревизионистского и националистического характера и явные попытки умалить или замолчать международное значение Октября. К числу подобных изданий следует отнести, в частности, «Обзор истории народно-освободительной войны в Югославии» (авторы — Т. Чубелич и М. Милостич), книгу «Югославский добровольческий корпус в России в 1914—1918 гг.», подготовленную Белградским военно-историческим институтом, реферат И. Мариянoвича «Октябрьская революция и народная революция в Югославии» [39] и некоторые другие. Естественно, такого рода тенденциозные работы мешают объективному освещению международного значения Октябрьской революции и мирового революционно-освободительного движения, в том числе и героической революционной истории трудящихся Югославии.

Серьезное внимание на сессии было уделено американской литературе об Октябрьской революции. На эту тему было заслушано пять докладов. С. Ю. Выгодский (ЛГУ) рассказал об освещении внешнеполитической программы Октябрьской революции представителями прогрессивно-демократического направления в американской историографии. Докладчик остановился на книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», сыгравшей, несмотря на ее некоторые недостатки, положительную роль в ознакомлении трудящихся Америки с историей пролетарской революции в России. К сожалению, некоторые произведения Д. Рида до сих пор неизвестны советскому читателю. Далее С. Ю. Выгодский остановился на работах А. Р. Вильямса, который во время Октябрьской революции находился в России и вместе с Джоном Ридом вел пропаганду в интернациональных отрядах Красной Армии. В книге «Ленин. Человек и его дела» А. Р. Вильямс решительно выступил против клеветнических измышлений империалистов о В. И. Ленине и Коммунистической партии России.

Вильямс неоднократно встречался с В. И. Лениным, и страницы, посвященные описанию этих встреч, читаются с особым интересом. В 1919 г. он издал брошюру «Вопросы и ответы о России» [40], которая была распространена в двух миллионах экземпляров на 12 языках и приобрела широкую популярность среди трудящихся.

После посещения Советской России в 1921 г. руководитель Коммунистической партии США У. Фостер написал книгу «Русская революция», показав в ней международное значение Октября. Он отметил, что партия большевиков правильно понимала нужды и требования народных масс. С большой теплотой У. Фостер отзывался о В. И. Ленине. Исследования У. Фостера «История Коммунистической партии США»,

---

[38] F. Čulinović. Odjeci Oktobra u jugoslovenskim zemljama. Zagreb. Izd. «27 srpnja». 1957. На эту книгу см. рецензию И. Д. Очака в «Истории СССР», 1958, № 2 «V. Pejović Oktobarska socijalistička revolucija. Izd. «Narodna armija», 1957; Јакшић О војном делу Лењина. «Војно дело» (Београд), 1958, № 1—2.

[39] T. Čubelić i M. Milostić. Pregled istorije narodno-oslobodilačke borbe Jugoslavije. Zagreb. 1955; «Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914—1918)». Београд. 1957; Ј. Марјановић. Октобарска револуција и народна револуција у Југославији. «Историски преглед». Загреб. 1957, Број 1—3.

[40] A. R. Williams. Questions and answers about Russia. London. 1919.

«История трех Интернационалов», «Очерки политической истории Америки» [41] содержат богатый материал по истории Октябрьской революции и ее влиянии на американский народ.

В 1919 г. в США началась публикация документов, освещающих внешнеполитические акты Советского государства, в том числе и подписание Брест-Литовского договора. Все это способствовало тому, что американский народ узнавал правду о пролетарской революции в России и активно выступал в защиту Советской страны.

В. И. Ленин высоко ценил борьбу народных масс Америки в эти годы. В «Письме к американским рабочим», которое получило широкое распространение среди трудящихся США, он писал: «Американские рабочие не пойдут за буржуазией. Они будут с нами...» [42].

И. М. Краснов, Б. И. Марушкин, А. О. Чубарьян (Институт истории АН СССР) охарактеризовали ряд работ реакционных буржуазных историков США, посвященных социалистической революции в России. Большинство этих работ в соответствии с общим антисоветским курсом правительства США было написано в ненаучном плане, фальсифицировало историю Октября.

Буржуазная историография США прилагала значительные усилия, чтобы вопреки фактам изобразить вмешательство американского правительства во внутренние дела Советской России как «бескорыстную помощь». Подобную точку зрения развивали М. Девис, А. Деннис, В. Чемберлин и др. Советский народ на собственном опыте испытал «бескорыстие» этой помощи: многим она стоила жизни, потери близких людей. Разруха, голод, затянувшаяся гражданская война были прямым результатом вмешательства иностранных империалистов, в том числе американских, в дела Советской России.

Д. Кертис, Д. Кеннан, А. Мурхед и другие отрицают закономерность победы Октябрьской революции, объясняют ее успех ошибочной политикой царизма и Временного правительства, отсталостью России и другими причинами, например ссылкой на климат. Они игнорируют роль трудящихся, рисуя события Октября не как народную революцию, а как переворот, который будто бы был совершен небольшой группой большевиков, замалчивают могучее революционное движение рабочих и крестьян в предоктябрьский период, в том числе забастовочное движение весной и летом 1917 г., разгром корниловщины, сентябрьские и октябрьские стачки, подъем крестьянского движения, начавшегося с лета 1917 г., а также размах национально-освободительного движения на окраинах. В 1921 г. была опубликована книга бывшего посла США в России Д. Френсиса «Россия из американского посольства» [43]. Автор наполнил свои «воспоминания» неправдоподобными вымыслами о деятельности большевистской партии. Враждебное отношение к Октябрьской революции проявляли правые лидеры социал-демократии США С. Гомперс, М. Хилквист, Д. Спарго и др. Например, в 1920 г. на заседании палаты представителей было предложено включить в отчет американского конгресса две статьи С. Гомперса, называвшиеся «Правда о Советской России и большевизм». В них грубо искажались история Октябрьской революции и ее влияние на жизнь американского народа. «Сочинения» Гомперса встретили осуждение со стороны сознательных рабочих. В. И. Ленин в «Письме к рабочим Европы и Америки» характеризовал Гомперса и ему подобных как агентов буржуазии в рабочем движении и указал, что «это — новейший, «moderne», тип социалистического предательства...» [44].

Вторая мировая война не внесла каких-либо существенных изменений в буржуазную историографию США по рассматриваемому вопросу. В 1944 г. Л. Страковский выпустил книгу «Интервенция в Архангельске» [45], в которой выражал сожаление по поводу провала интервенции в Советской России, осуществлявшейся правительствами США и других стран.

В ряде случаев буржуазные историки вынуждены признать несостоятельность антисоветской политики американских правящих кругов. Но их объяснение таких фактов далеко от истины. В этом отношении

---

[41] W. Z. Foster. The Russian Revolution. Chicago. 1921; его же. History of the Communist Party of the United States. New York. 1952; его же. History of the three Internationals. New York. 1955; его же. Outline Political History of the Americas. New York. 1951.

[42] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 52.

[43] D. Francis. Russia from the American Embassy. New York. 1921.

[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 411.

[45] L. Strakhovsky. Intervention in Archangel. Princeton. 1944.

показательна книга Д. Кеннана [46], который стремится свести политику США в период гражданской войны по отношению к Советской России к симпатиям и антипатиям отдельных лиц и тем самым оправдать действия американского правительства, не затрагивая основ империалистической политики правящих кругов своей страны. Книга Кеннана является своеобразной формой апологии, так как в ней политика США критикуется за чрезмерный «идеализм» и «некомпетентность», а не за ее интервенционистскую сущность. Тот же Д. Кеннан пытается дискредитировать работы советских ученых, поставивших вопрос об ответственности Соединенных Штатов Америки за организацию антисоветской интервенции. Он настойчиво проводит мысль о том, что основным фактором, определившим русскую политику «союзников», были стратегические соображения, связанные с войной, которую вели тогда эти державы против Германии.

Отдельные американские буржуазные историки пытаются доказать, будто бы правительство США в 1917—1918 гг. по отношению к Советской России занимало особую позицию, отличавшуюся от позиции английских и французских правящих кругов. Лживость подобных утверждений наглядно показана в работах советских авторов [47].

Р. Г. Симоненко (Институт истории АН УССР) остановился на американской историографии социалистической революции на Украине [48]. С первых дней Октябрьской революции, сказал он, американская прогрессивная общественность внимательно следила за революционной борьбой украинского народа. Украинская федерация американской социалистической партии и газета «Рабочий народ» резко выступали против тех, кто пытался исказить смысл и значение социалистической революции в России и на Украине. Не обошли молчанием этот вопрос и буржуазные историки, выпустив такие работы, как «Украина, Россия и Соединенные Штаты» А. Марголина, «Образование Советского Союза» Р. Пайпса, «Боротьбизм» И. Майстренко [49] и др., которые не внесли ничего нового в разработку рассматриваемой проблемы. Их документальная база чрезвычайно узка, а «теоретические» положения — это лишь перепевы взглядов украинских буржуазных националистов. Появление подобных работ продиктовано интересами реакционных империалистических кругов. Много внимания уделяют реакционные буржуазные авторы прославлению и оправданию национализма, противопоставлению исторического развития русского и украинского народов. Вопреки фактам они игнорируют общность экономической жизни и революционной борьбы двух братских народов против царизма, за свое освобождение, забывают, что рабочие и крестьяне Украины вместе со всеми народами нашей страны боролись за мир, хлеб и землю, за установление Советской власти. Для украинских историков, сказал в заключение Р. Г. Симоненко, разоблачение современных буржуазных, в том числе американских, фальсификаторов истории является одной из основных задач научно-исследовательской работы.

С докладом об англо-американской литературе, посвященной социалистической революции в Закавказье, выступил Г. А. Галоян (Армянский филиал Института марксизма-ленинизма) [50]. Он указал, что за рубежом

---

[46] G. F. Kennan. Soviet-american Relations. 1917—1920. Vol. I. Russia Leaves the War. Princeton University Press. 1956. На эту книгу см. рецензии Б. П. Каневского в «Истории СССР», 1957, № 1 и В. И. Иванова в «Новой и новейшей истории», 1957, № 4.

[47] См. А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М. 1952; А. В. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США (1918—1920 гг.). М. 1952; А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М. 1954, и др.

[48] См. Р. Г. Симоненко. Імперіалістична політика США що до України в 1917—1918 рр. Київ. 1957.

[49] A. D. Margolin. From a Political Diary, Russia, the Ukraine and the America, 1905—1945. New York. 1945; R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Nationalism and Communism, 1917—1923. Harv. University Press. 1954; I. Majstrenko. Borotbism. New York. Research Program on the USSR. 1954.

[50] В нашей исторической литературе имеется ряд работ, посвященных борьбе народов Кавказа за установление Советской власти, в которых разоблачается политика империалистических государств и их отношение к социалистической революции в Закавказье. К их числу относятся: Г. Б. Гарибджанян. Коммунистические организации Армении в борьбе за победу Советской власти. Ереван. 1957; С. Х. Карапетян. Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Ереван. 1959; «Очерки истории Коммунистической партии Грузии». Ч. I (1883—1921). Тбилиси. 1957; Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. М. 1956;

издается немало книг, авторы которых под флагом «объективности» и «беспристрастности» фальсифицируют одни факты и умалчивают о других с целью оправдать интервенцию США и Англии в Закавказье, принизить успехи социалистического строительства в национальных республиках. Они упорно отрицают наличие здесь накануне октябрьских событий революционной ситуации, рисуют революцию как «вооруженную интервенцию» Советской России, вмешательство империалистов Запада рассматривают в качестве «великодушной помощи» народам Закавказья. Подобные утверждения мы находим в книгах Казем-заде «Борьба за Закавказье», К. Жукова-Юдина и Р. Норта «Советская Россия и Восток. 1920—1927 гг.» (документальный обзор), мемуарах Ллойд-Джорджа «Правда о мирных договорах», В. Вильямса «Русско-американские отношения 1781—1947»[51], Р. Пайпса «Образование Советского Союза (коммунизм и национализм)» и др.

Официальная публикация внешнеполитических документов правительств США и Англии скрывает от общественного мнения материалы, разоблачающие деятельность американских и английских правящих кругов в Закавказье. Примером этого может служить доклад пресловутой комиссии Керстена конгрессу США, в котором с серьезным видом делается смехотворная попытка доказать незаконность установления Советской власти в Закавказье. На основе подобных «исследований» американские политики и идеологи пытаются обосновать «право» США на вмешательство в дела закавказских народов.

Явно фальсифицирует историю социалистической революции в Закавказье книга В. Алена и П. Муратова «Кавказские сражения (1828—1921 гг.)»[52]. Авторы не хотят видеть разницы между колониальной политикой царизма и освободительной миссией Советской России, скрывают факт, что «независимые» буржуазные республики Закавказья были созданы и держались то на германо-турецких, то на англо-американских штыках. Стремясь обосновать версию о «захвате Закавказья Советской Россией», апологеты империализма сочиняют басни об отсутствии революционного движения в Закавказье, умалчивают о контрреволюционном сговоре иностранных интервентов с внутренней контрреволюцией. На самом деле после того, как в 1919 г. английские империалисты были вынуждены вывести отсюда свои войска, создались реальные условия для свержения марионеточных правительств Закавказья и установления там Советской власти. Под руководством большевистских организаций Азербайджана, Грузии и Армении народы Закавказья поднялись на вооруженную борьбу против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

В англо-американской реакционной буржуазной литературе извращается факт «отказа» США от мандата на Армению и умалчивается о том, что главными причинами этого были: разгром походов Антанты, рост авторитета Советской власти, борьба народов Закавказья против англо-американского империализма, возмущение зарубежных рабочих империалистической интервенцией. Анализ англо-американской литературы о социалистической революции в Закавказье показывает, что реакционные буржуазные историки являются верными прислужниками империализма. Их работы активно используют сторонники «холодной войны», и написаны они на деньги тех, чьи интересы защищают.

Большое внимание, проявленное на сессии к американской историографии об Октябре, не случайно. Каждый советский человек хочет знать, как отображается одна из самых героических страниц истории нашей Родины, что узнает о ней американский народ. Доклады, заслушанные на сессии, показали, что в настоящее время американская буржуазная историография далека от объективного освещения истории Советского Союза.

Об изучении истории Октябрьской революции в странах Латинской Америки сообщил В. И. Ермолаев[53] (Институт исто-

---

«История Коммунистической партии Азербайджана». Ч. I. Баку. 1958; Г. А. Галоян. Борьба за Советскую власть в Армении. М. 1957, и др.

[51] F. Kazemzadeh. The Struggle for Transcaucasia 1917—1921. New York. 1951; X. Joukoff-Eudin, R. North. Soviet Russia and the East, 1920—1927. A Documentary Survey. Stanford. 1957; Д. Ллойд-Джордж. Правда о мирных договорах. Т. 1—2. М. 1957; W. A. Williams. American-Russian Relations, 1781—1947. New York—Toronto. 1952.

[52] W. E. Allen and P. Muratoff. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-caucasian Border, 1828—1921. Cambridge University Press. 1953.

[53] См. характеристику некоторых работ латиноамериканских авторов по данному

рии АН СССР). Он отметил, что большое количество литературы об Октябрьской революции в странах Латинской Америки стало появляться в годы второй мировой войны. В работе генерального секретаря Национального комитета Народно-социалистической партии Кубы Бласа Рока «Основы социализма на Кубе» [54] раскрывается революционное движение в этой стране в свете идей Октября. Национальное освобождение от империалистического ига, пролетарский интернационализм — вот те теоретические вопросы, которые поднимают коммунисты стран Латинской Америки в своих исследованиях. Это мы видим в книгах В. Кодовильи «Куда идет мир?», «Будет ли Аргентина сопротивляться империализму США?» и «Наш путь ведет к победе» [55].

В крупной теоретической работе секретаря Компартии Бразилии Луиса Карлоса Престеса «Современные проблемы демократии» показано влияние социалистической революции в России на общественное движение и идеологию народов Латинской Америки [56]. К 40-летию Великого Октября в Латинской Америке появилось много брошюр, статей, но монографий по этому вопросу еще не создано.

С докладом «Извращение истории революции в Латвии в зарубежной буржуазной историографии» выступил А. А. Дризулис (Институт истории и материальной культуры ЛатССР). Более 20 лет, заметил докладчик, буржуазные правители Латвии, чтобы отвлечь трудящиеся массы от классовой борьбы, пропагандировали буржуазный национализм в качестве государственной идеологии, широко используя для этого церковь, литературу и искусство. «Теории» идеологов капитализма составляют основу буржуазной и эмигрантской историографии. В 1950—1955 гг. в Стокгольме была издана под редакцией А. Швабе трехтомная энциклопедия Латвии «Latvju enciklopēdija», которая является образцом фальсификации основных проблем истории латышского народа. Особенно упорно ее авторы извращают героическую борьбу народных масс и латышских стрелков под руководством большевиков за социалистическую революцию. В роли наиболее рьяных фальсификаторов нередко подвизаются латышские социал-демократы. Например, Ф. Циеленс в опубликованной в 1956 г. в журнале «Cela zimes» статье «Значение традиций истории» даже «забыл», что в результате победы Октябрьской революции волею трудящихся 16—18 декабря 1917 г. II съезд рабочих, стрелковых и безземельных депутатов установил в Латвии Советскую власть. Другой социал-демократ, Б. Калнынь, не только не упоминает о том, что пролетарская революция была совершена под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным, но фактам вопреки пытается приписать ведущую роль в революции меньшевикам, всячески маскируя их соглашательство и предательство интересов народа. Утверждая, что Октябрьская революция будто бы была вооруженным восстанием меньшинства, он игнорирует такую всем очевидную истину, что ее совершили народные массы, революционную энергию которых соединяла воедино и направляла к одной цели партия большевиков. Для выяснения эволюции взглядов латышских меньшевиков представляет интерес книга Б. Калныня «50 лет социал-демократии Латвии», изданная в 1956 г. в Швеции. Б. Калнынь откровенно заявлял, что в меньшевистской программе 1950 г. по сравнению с программами 1905 и 1930 г. произошли принципиальные изменения, а именно: «отброшено марксистское мировоззрение... и борьба с коммунизмом стала доминирующей».

В заключение А. А. Дризулис заметил, что характерной особенностью современного состояния буржуазной историографии является то, что в незавидной роли фальсификаторов истории выступают как дипломированные историки вроде А. Швабе, так и предатели рабочего класса — социал-демократы типа Б. Калныня, которых объединяет общая ненависть к латышскому народу.

О состоянии английской историографии Октябрьской революции рассказал Б. Е. Штейн. Он выделил и охарактеризовал три периода в освещении истории Октябрьской революции за рубежом в целом: 1917—1924, 1925—1939 и 1939—1959 годы. Основное внимание в докладе было уделено

вопросу в статье В. И. Ермолаева «Прогрессивные деятели Латинской Америки о Великой Октябрьской социалистической революции». «Новая и новейшая история», 1957, № 4.

[54] Blas Roca. Los Fundamentos del socialismo en Cuba. La Habana. 1943.

[55] V. Codovilla. Hacia dónde marcha el mundo. Buenos Aires. 1948; его же. Resistirá la Argentina al imperialismo Yanqui. Buenos Aires, 1948; его же. Nuestro camino Desemboca en la Victoria. Buenos Aires. Fundamentos. 1954. В 1957 г. на русском языке были изданы его статьи и речи 1926—1956 годов.

[56] L. Prestes. Problemas atuais da Democracia. Rio de Janeiro. 1946.

анализу английской историографии периода 1917—1924 годов [57].

С докладом об историографии Октябрьской революции во Франции, подготовленным совместно с С. В. Мокиным, выступил А. Е. Иоффе (Институт истории АН СССР) [58].

Я. С. Драбкин (журнал «Новая и новейшая история») посвятил свое выступление критике взглядов германских правых социал-демократов на историю Октября. Он отметил, что формулировка основных антисоветских аргументов принадлежит центристскому (каутскианскому) течению, лидеры которого с первого дня Октябрьской революции прибегали к грубому искажению ее истории. Центральный орган германской социал-демократии газета «Vorwärts», не имея на то никаких оснований, пыталась убедить читателей, что свержение царизма и Временного правительства будто бы является заслугой социал-демократов Германии, так как, голосуя за военные кредиты, они якобы ослабляли тем самым царскую армию, без чего большевики, по их мнению, не пришли бы к власти. В то же время правые социал-демократы будто бы внушали германскому правительству «готовность к миру».

Правые социал-демократические лидеры убеждали немецких рабочих, что они ни в коем случае не должны следовать примеру русского рабочего класса, ибо условия в этих странах в корне различны, и что для Германии единственно приемлемой является немецкая социал-демократическая тактика, состоящая в «постепенном продвижении вперед». На страницах «Vorwärts» правые социалисты сформулировали тезис о непригодности русского революционного опыта для стран Западной Европы.

Немецкие революционеры Ф. Меринг и К. Цеткин в печати и публичных выступлениях дали решительный отпор клеветникам. Вышедшую летом 1918 г. в Вене брошюру К. Каутского «Диктатура пролетариата» В. И. Ленин охарактеризовал как во сто раз более позорную, более возмутительную, более ренегатскую, чем «Предпосылки социализма» Бернштейна [59].

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии нанесла сокрушительный удар по всей «аргументации» Каутского. Вопреки стараниям шейдемановцев и каутскианцев симпатии немецких рабочих к Советской России возрастали. Германия покрылась сетью созданных «по русскому образцу» рабочих и солдатских Советов. Развитие германской революции целиком опровергло лживый тезис правых социал-демократов, будто опыт России неприменим в Германии.

После второй мировой войны в Западной Германии издаются и переиздаются труды и мемуары правых социал-демократических деятелей периода Ноябрьской революции и первых лет Веймарской республики. В них воспроизводятся все те же фальсификаторские утверждения об Октябрьской революции, которые высказывались прежде. Так поступает, например, бывший редактор «Vorwärts» Ф. Штампфер в своей книге «Первые 14 лет Германской республики» [60].

Западногерманский историк В. Тормин [61] пытается обосновать тезис о превосходстве «социальной демократии» перед «диктатурой Советов» и доказать, что влияние Великого Октября на Германию было будто бы ничтожно и для немецкого народа не подходит ни «русский путь», ни «путь 1918—1919 гг.» (то есть Ноябрьская революция), а пригодно лишь движение правой «социал-демократии» современной Западной Германии, сущностью которого является отказ от революции, идей диктатуры рабочего класса и социализма.

Заявления В. Тормина и ему подобных находятся в кричащем противоречии с фактами. Возьмем, например, Германскую Демократическую Республику. Ее образование и развитие по пути социализма наглядно свидетельствуют о том, что идеи Октябрьской революции и опыт социалистического строительства в Советском Союзе оказали немецким трудящимся неоценимую помощь.

Выступая 9 августа 1957 г. на митинге в Лейпциге, Н. С. Хрущев сказал: «Жизнь жестоко посмеялась над утверждениями апологетов капитализма, будто социалисти-

---

[57] Содержание и главные положения этой части доклада см. Б. Е. Штейн. Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР в освещении зарубежной историографии периода 1917—1924; «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957.

[58] По этому вопросу см. статью А. Е. Иоффе и С. В. Мокина «Некоторые вопросы французской историографии Октябрьской революции». «Вопросы истории», 1960, № 1.

[59] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 85.

[60] F. Stampfer. Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach a. M. 1947.

[61] W. Tormin. Zwischen Rätediktatur und sozialen Demokratie. Düsseldorf. 1954.

ческий строй пригоден лишь в экономически отсталых странах. Успехи социалистического строительства в вашей республике и в таких странах, как, например, Чехословакия, достаточно убедительно свидетельствуют о несостоятельности подобных утверждений. Именно высокоразвитые в экономическом отношении страны могут сделать путь к коммунизму быстрее и успешнее» [62].

С докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и итальянская историография» выступил Б. Р. Лопухов (Институт истории АН СССР). В ряде исторических работ и политических статей, посвященных революционному движению в Италии после первой мировой войны, сказал он, проблема пролетарской революции в России освещается довольно широко.

Реформисты Ф. Турати и Р. Мондольфо проповедовали, что пролетариат в России будто бы не должен был брать власть в свои руки, ибо для этого якобы не созрели условия, что революция, по их мнению, противоречит марксизму и т. д. В. И. Ленин в своих работах «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии» и в речи по итальянскому вопросу (28 июня 1921 г.) на III конгрессе Коминтерна разоблачил антимарксистские взгляды итальянских реформистов. Труды В. И. Ленина сыграли огромную роль в формировании Коммунистической партии Италии.

Особенно острые споры в социалистической литературе Италии велись по вопросу о международном значении опыта Октябрьской революции. Итальянские марксисты считали, что он применим для всех стран, выступали за творческое его использование. Работы А. Грамши об Октябрьской революции «Завоевание государства», «Рабочие и крестьяне», «Профсоюзы и Советы», «Профсоюзы и диктатура» имеют большое политическое и теоретическое значение [63]. Под их влиянием в итальянской коммунистической литературе стал возможен глубокий теоретический анализ опыта борьбы русского пролетариата. Важное значение в освещении рассматриваемой проблемы имеют воспоминания ветеранов революционного рабочего движения Джованни Джерманетто, Джованни Грилли, Марио Монтаньяно. В них подробно показано влияние Октября на Италию. С идеями социалистической революции в России они связывали свои надежды и помыслы [64].

Коммунистическая партия Италии дала решительный отпор ревизионистам, пытавшимся после XX съезда КПСС поставить под сомнение значение Октябрьской революции и ее опыта для классовой борьбы в Италии. На VIII съезде Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти отмечал, что именно Великая Октябрьская социалистическая революция открыла всем народам путь к социализму.

О японской историографии Октябрьской революции рассказал Б. Г. Сапожников (Институт востоковедения АН СССР). Он выделяет два периода в освещении этого вопроса: первый — с 1917 г. до поражения Японии во второй мировой войне — и второй — с 1945 г. до наших дней.

После пролетарской революции в России буржуазная японская печать развернула широкую антисоветскую пропаганду, стремясь подорвать интернациональные чувства японского рабочего класса, его сочувствие к Советской России. Господствующие классы Японии постоянно внушали народу лживую мысль о стремлении Советского государства уничтожить границы, национальные культуры и традиции всех государств и в частности Японии. Усиленно разжигалась расовая ненависть к советскому народу. Действительность показала, насколько клеветническими были эти утверждения. В Советском Союзе никто и никогда не собирался уничтожать границы государств, в том числе и Японии. К национальным традициям всех народов советские люди относятся с искренним уважением. Наша страна — первое в мире государство, где в результате осуществления Коммунистической партией ленинской национальной политики культура всех населяющих ее народов достигла небывалого расцвета.

Вопреки реакционной буржуазной прессе правда о Великом Октябре находила себе дорогу к умам и сердцам японских трудящихся, что способствовало росту их классового самосознания и развитию марксистского направления в рабочем и социалистиче-

---

[62] «Правда», 10 августа 1957 года.

[63] Подробнее о значении работ А. Грамши см. статью К. Ф. Мизиано «Великая Октябрьская социалистическая революция и проблемы рабочего движения в Италии в работах Антонио Грамши 1919—1920 гг.». «Новая и новейшая история», 1957, № 2.

[64] О влиянии Октябрьской революции на Италию см. Умберто Терначини «Итальянское рабочее движение и Великий Октябрь». «Новая и новейшая история», 1957, № 5.

ском движении этой страны. Как отмечают авторы очерков истории рабочего движения в Японии, некоторые японские рабочие говорили: «Революция в России пробудила желание жить» [65].

После второй мировой войны обострилась борьба реакционного и прогрессивного течений в японской историографии. Ведущая роль в правильном освещении истории Октябрьской революции принадлежит коммунистической печати — газете «Акахата» и журналу «Дзэней». В Японии имеется значительное число историков, которые с марксистских позиций подходят к освещению истории Японии, России и других стран. Большую работу в этом направлении проводит общество по изучению России. Из крупных исследований, вышедших в Японии, оратор отметил трехтомное издание Кацубэ Хадзимэ «Великая пролетарская революция» (1949). В этой книге рассматриваются вопросы подготовки и проведения социалистической революции в России, первые шаги Советского государства, начало гражданской войны и военной интервенции. Несмотря на то, что автор не показал влияния Октября на рост национально-освободительного движения народов Азии и революционной борьбы в Японии, его работа — положительное явление в японской историографии.

Освещению революционного движения в России посвящена также книга Отакэ Хирокити «История русской революции» (Курс лекций, 1950). Попытки выяснить влияние Октябрьской революции на японский пролетариат можно найти в книгах Сэкинэ Эцуро «История рабочего движения и партии пролетариата в Японии (1905—1930)», изданной в 1954 г., Синобу Сэйдзабуро «История политики периода Тайсе» (1954), в «Материалах по истории Японии», выпущенных японским обществом по изучению истории при Токийском университете, и в ряде других книг.

Особое место занимает сборник статей Сэн Катаяма [66]. В нем раскрывается международное значение пролетарской революции в России и ее влияние на рабочее движение в Японии.

С заключительным словом на сессии выступил академик И. И. Минц, который отметил, что за последние годы советские историки стали больше уделять внимания изучению литературы об Октябрьской революции, вышедшей за рубежом, критике реакционных буржуазных ученых, фальсифицирующих историю Великого Октября. Эту важную работу следует неуклонно продолжать и впредь.

Обсуждение зарубежной литературы по истории Октябрьской революции вызвало большой интерес советских историков. Состоявшаяся сессия будет содействовать активизации советских ученых в деле разоблачения буржуазных фальсификаторов, что является актуальной задачей нашей исторической науки. Вместе с тем сессия показала, что во многих странах год от года все более развивается прогрессивное направление в исследовании этой проблемы.

В заключение следует отметить, что повестка дня сессии была перегружена докладами, носившими в ряде случаев информационный характер. В некоторых из них разбирались одни и те же книги зарубежных авторов. Иногда преобладало цитирование, не хватало должной аргументации, обобщений и, главное, убедительной критики ошибочных, а порой и вздорных утверждений реакционных буржуазных историков. Участникам сессии заранее не были розданы тексты докладов, что помешало развернуть по ним обмен мнениями.

Надо полагать, что Научный совет продолжит свою деятельность по организации изучения иностранной литературы, посвященной истории Октябрьской революции.

Л. М. Гаврилов,
С. Л. Дмитренко,
Ю. К. Стрижков

[65] «Очерки по истории рабочего движения в Японии». Под общей редакцией Хаттори Корэфуса. М., 1955, стр. 71, 72.

[66] См. Сэн Катаяма. Статьи и мемуары. М. 1959.

ВСЕСОЮЗНАЯ МЕЖВУЗОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ «БОРЬБА КПСС ЗА СОЗДАНИЕ МОЩНОЙ ЗЕРНОВОЙ БАЗЫ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ СТРАНЫ»

В Алма-Ате состоялась Всесоюзная межвузовская научная конференция по проблеме «Борьба КПСС за создание мощной зерновой базы в восточных районах страны». В работе конференции приняли участие ученые и преподаватели высших учебных заведений 38 городов, а также работники партийных, советских, комсомольских и хозяйственных организаций Казахстана и Алтая.

Главной задачей конференции было обобщение опыта борьбы партийных организаций за резкий подъем основной отрасли сельского хозяйства — зернового производства. Положительным моментом в работе конференции явилось содружество представителей общественной науки и практических работников.

Участники конференции заслушали 14 докладов и содокладов и 19 выступлений.

В докладе «Коммунистическая партия — руководитель и организатор всенародной борьбы за освоение целинных и залежных земель в восточных районах страны» доцент Казахского государственного университета И. К. Лукьянц показал, что гигантские успехи в подъеме зернового производства на востоке страны явились результатом политической и непосредственно руководящей и организаторской деятельности КПСС.

Кандидат экономических наук А. Какимжанов (Алма-Ата) сообщил интересные сведения о социально-экономических изменениях, происшедших в районах освоения целинных земель Казахстана. Важнейшим из них является огромный рост производительных сил в сельском хозяйстве республики. За последние шесть лет тракторный и комбайновый парк вырос в 6 раз, а посевные площади — более чем в 4 раза. Число специалистов в сельском хозяйстве республики возросло с 10 тыс. в 1953 г. до 28 тыс. в 1959 году. Основным результатом подъема производительных сил явился небывалый рост сбора зерна и превращение Казахстана в крупнейшую житницу Советского Союза.

Производство зерна в совхозах республики за 1954—1958 гг. увеличилось по сравнению с 1949—1953 гг. в 10 раз. Отдельные совхозы Казахстана, имеющие 500—600 рабочих, могут удовлетворить годовую потребность в хлебе города с населением в 400—500 тыс. человек.

В течение последних пяти лет в Казахстане создано 539 новых совхозов. Создание новых совхозов на целинных землях привело к значительным изменениям в классовой структуре населения республики. В сельском хозяйстве возник и окреп новый большой отряд рабочего класса. Рабочие и служащие совхозов и других государственных предприятий составляют теперь более половины занятого в сельскохозяйственном производстве населения Казахстана.

Вследствие реорганизации МТС большие изменения произошли и в колхозном крестьянстве. В колхозах республики в апреле 1959 г. насчитывалось 87 688 механизаторов, более 2 тыс. инженеров и техников. Повышение уровня механизации сельскохозяйственного производства ускорит стирание существенных различий между рабочим классом и колхозным крестьянством.

Доцент Л. Н. Ульянов (Бийск) осветил деятельность партийной организации Алтайского края по мобилизации трудящихся на освоение целины.

Картину труда советских людей — покорителей алтайской целины дополнил яркими фактами партийный работник из Барнаула В. И. Неверов, рассказавший о большом патриотическом подъеме, охватившем молодежь Алтайского края.

Роли Ленинского комсомола во всенародной борьбе за освоение новых земель посвятил свой доклад первый секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана С. Д. Кенжебаев.

История и характер сельскохозяйственного переселения на различных этапах социалистического строительства в СССР были освещены в содокладе И. Я. Кувариной (Москва).

Об организаторской и политической работе партийной организации Красноярского края рассказали преподаватели В. Е. Кукушкин и Г. П. Сафронов (Красноярск).

Роль рабочего класса — ведущей силы нашего общества — в крутом подъеме социалистического сельского хозяйства осветил аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС И. Г. Ткаченко.

О разносторонней работе местных Советов сделал доклад председатель Акмолинского облисполкома Д. Джангозин.

Значению освоения целинных земель в дальнейшем укреплении дружбы народов СССР посвятил свой доклад профессор Казахского государственного университета А. Б. Турсунбаев.

С докладами и содокладами на конференции выступили также: министр сельского хозяйства Казахской ССР М. Г. Рогинец — «Роль целинных совхозов республики в увеличении производства зерна», доцент И. М. Костин (Кемерово) — «Партийные организации Кузбасса в борьбе за подъем зернового производства», кандидат исторических наук А. И. Якушев (Орск) — «Оренбургская партийная организация в борьбе за освоение целинных земель и дальнейшее развитие совхозного производства», Б. Ф. Чухно (Омск) — «О роли морального фактора в освоении целинных и залежных земель».

Крутой подъем сельского хозяйства, освоение миллионов гектаров целины являются делом не только величайшего практического значения, но и проблемой большого теоретического содержания. Всесоюзная научная конференция показала глубокий интерес историков к этой проблеме. Она явилась первым шагом в научном обобщении положительного опыта организационно-партийной и партийно-политической работы в районах освоения новых земель.

Конференция показала, что в различных концах нашей страны началась активная работа по собиранию и исследованию исторических документов и материалов, освещающих самоотверженную борьбу масс за крутой подъем сельского хозяйства. Однако опыт партийного руководства в подъеме зернового производства на востоке страны пока не получил глубокого теоретического обобщения.

Дальнейшее глубокое исследование многосторонней проблемы, связанной с борьбой за крутой подъем сельского хозяйства, создание трудов по истории освоения целинных земель являются почетным долгом работников общественных наук.

А. С. Рахимов,
А. В. Соловьев

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ ПРОГРАММ ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АН СССР

В декабре 1959 г. Ученый совет Института истории АН СССР обсудил проекты новых программ по истории для восьмилетней и средней школы. В работе Ученого совета приняли участие работники Министерства просвещения РСФСР, Научно-исследовательского института методов обучения Академии педагогических наук, учителя московских средних школ.

Директор Института истории член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов остановился на значении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» для дальнейшего улучшения преподавания истории и коммунистического воспитания молодежи. Это постановление, сказал В. М. Хвостов, является основополагающим документом для работников исторического фронта. В нем наиболее полно и ярко определены основные задачи советской школы в преподавании гуманитарных предметов в период коммунистического строительства в нашей стране.

Заведующий сектором истории Научно-исследовательского института методов обучения Академии педагогических наук А. Т. Кинкулькин охарактеризовал некоторые особенности новых программ по истории и рассказал о предварительных итогах их обсуждения на межобластных совещаниях педагогов, всех работников народного образования, научных работников. После того как был определен порядок изучения истории в школах, сказал А. Т. Кинкулькин, первоочередной задачей стала подготовка программ, то есть детализация содержания образования по ступеням обучения и отдельным курсам, выбор наиболее целесообразного распределения фактического материала по годам обучения. Особое внимание уделяется идейно-теоретическому и научному уровню программ, разгрузке курсов от второстепенного материала.

Проекты новых программ по истории широко обсуждались в научных и учительских коллективах многих краев, областей, автономных республик Российской Федерации,

а также союзных республик. Особенно большое значение имели межобластные совещания учителей и научных работников в Москве, Ленинграде, Свердловске, Горьком, Новосибирске, Ростове, Казани, Уфе.

Главный итог обсуждения проектов программ состоит в том, что они в целом одобрены широкой общественностью, хотя участники совещаний отмечали в то же время их отдельные пробелы. По мнению ряда учителей и научных работников, основной недостаток проектов программ, особенно элементарных курсов истории СССР и истории средних веков, заключается в перегрузке отдельных разделов. К недочетам новых программ отдельные товарищи относят и некоторое усложнение курсов для старших классов как по истории СССР, так и по новой и новейшей истории. Мало времени отводится на повторение материала, что может затруднить его усвоение. Именно на устранение этих недостатков должны быть направлены усилия при дальнейшем совершенствовании программ по истории. Межобластное совещание, проходившее в Горьком, обсуждало вопрос, какой должна быть программа по истории — лаконичной или носящей характер развернутого конспекта. Большинство высказалось за программы с краткими формулировками. Это мнение разделяют многие учителя. Основные положения программы, по их мнению, должны найти конкретизацию в учебниках.

А. Т. Кинкулькин остановился также на отдельных, наиболее существенных предложениях, высказанных при обсуждении проектов программ.

Член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов подчеркнул, что система исторического образования, намеченная проектами новых программ, является новым важным шагом вперед по сравнению с ранее существовавшими учебными планами. В частности, в связи с перемещением курса новой истории из 8-го в 9-й и 10-й классы учащиеся смогут лучше усвоить этот материал.

При изучении на уроках отдельных событий и фактов можно будет обращать больше внимания на то, чтобы они не оказались оторванными от общих процессов исторического развития и чтобы перед учащимися раскрывались связи между этими фактами и событиями.

А. В. Ефимов предложил увеличить в программе по новой истории для 9 — 10-х классов количество часов для изучения истории Америки, Индонезии, Китая, Индии, Японии за счет некоторого сокращения материала по другим темам.

Доктор исторических наук С. Л. Утченко отметил, что в программу курса древней истории следовало бы включить (за счет внутренней перегруппировки материала, без внесения каких-либо существенных дополнений) некоторые отсутствующие в ней важнейшие разделы, например о критомикенском и эллинистическом периодах, об античной культуре.

Кандидат исторических наук Я. А. Левицкий отметил, что новый проект программы по истории средних веков значительно отличается от предыдущего. В нем учтены многие предложения, которые выдвигались при обсуждении первого варианта проекта весной 1959 года. Вместе с тем Я. А. Левицкий считает, что из программы неправомерно исключены некоторые важные темы: о крупнейшем крестьянском восстании во Франции — Жакерии, об абсолютной монархии, о Нидерландской революции.

Доктор исторических наук Е. И. Заозерская считает, что необходимо более внимательно подходить к отбору материала при прохождении курса истории СССР в том или ином классе. В соответствии с новой программой учащиеся 7—8-х классов будут изучать элементарный двухгодичный курс истории СССР, а более обширный курс проходить в 9—11-х классах. Необходимо, чтобы материал при этом не повторялся, а содействовал более углубленному пониманию учащимися исторического процесса, усвоению более широкого круга событий и фактов.

Е. И. Заозерская отметила перегрузку материалом отдельных разделов программы, особенно в курсе истории СССР для 7-х и 8-х классов.

Доктор исторических наук В. Д. Мочалов возражал против отнесения в проекте программы вступления России в эпоху империализма к началу 90-х годов прошлого века.

Даваемая в программах периодизация, по мнению В. Д. Мочалова, приводит к некоторым искажениям картины экономического, а также общественно-политического развития России последнего десятилетия XIX века. Так, неправильно относить к эпохе империализма начало революционной деятельности В. И. Ленина, создание петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», разгром В. И. Лениным либерального народничества, массовый

подъем рабочего движения во второй половине 90-х годов. Пролетарский этап освободительного движения, начало которого датируется серединой 90-х годов, органически связан и непосредственно вытекает из факта быстрого развития капитализма в России, формирования кадров промышленного пролетариата, выступавшего уже в домонополистический период в качестве вождя нараставшей народной революции.

Недостатком программ является и то, что в них ничего не говорится о Пражской конференции РСДРП, на которой были изгнаны из партии меньшевики-ликвидаторы.

Доктор исторических наук И. Б. Берхин остановился на программе по истории советского общества. По его мнению, она является шагом вперед по сравнению с действовавшей до сих пор программой по истории для 10-х классов.

Вместе с тем И. Б. Берхин предложил дополнить проект программы следующими положениями: дать характеристику переходной эпохи от капитализма к социализму; предусмотреть ознакомление учащихся 11-х классов с некоторыми важными работами В. И. Ленина («Очередные задачи Советской власти», «О продналоге», «О кооперации» и др.); показать роль диктатуры пролетариата как главного орудия в борьбе за построение коммунизма; полнее раскрыть недостатки и трудности, которые пришлось преодолеть советскому народу в ходе строительства социализма; показать руководящую роль рабочего класса в борьбе за индустриализацию страны, за социалистические преобразования в деревне. На всем протяжении курса, сказал выступавший, необходимо отразить проблему союза рабочего класса с крестьянством, борьбу партии за укрепление этого союза и ряд других вопросов.

Доктор исторических наук А. И. Молок отметил, что программа по новой истории в целом составлена хорошо, продуманно. Однако он считает, что надо предусмотреть более полное освещение в школьном курсе материалов, касающихся английской революции, аграрного вопроса в крупнейших западноевропейских странах, развития социалистических идей, значения исторического опыта революционных событий 1848—1849 гг., двух направлений в революционных движениях середины XIX в.: революционно-демократическом и умеренно-либеральном.

К сожалению, ни И. Б. Берхин, ни А. И. Молок не сказали, за счет какого сокращения материала и каким путем можно было бы реализовать их предложения.

Проект новых программ по истории, сказал методист Московского городского отдела народного образования А. П. Аверьянов, широко обсуждался учителями столицы и в основном получил одобрение. Было высказано немало ценных предложений. Многие преподаватели внесли свои соображения о тех или иных добавлениях к программам и о том, откуда взять на это соответствующие часы.

А. П. Аверьянов подчеркнул, что сейчас крайне важно развернуть работу по созданию новых учебников. От имени учителей он призвал ученых, принимающих участие в подготовке новых учебников, избегать слишком трудных формулировок, не перегружать учебники фактическим материалом.

А. П. Аверьянов высказался против предложений С. Л. Утченко и Я. А. Левицкого о включении в проекты программ ряда тем.

Против усложнения курса выступил учитель истории 276-й средней школы Москвы И. З. Озерский. Он сказал, что необходимо учитывать возрастной состав учащихся, их нагрузку. Ученик многое может заучить, но не все понять, вследствие чего материал будет усваиваться формально.

Доктор исторических наук В. К. Яцунский высказался против большого числа добавлений, которые специалисты по отдельным разделам предлагают внести в проект программы. В написании новых учебников для средних школ должны участвовать не только ученые, но и учителя-практики. Это поможет избавить учебники от перегруженности фактическим материалом.

Внося те или иные предложения о добавлениях в проект новой программы по истории для школы, сказал доктор исторических наук С. М. Дубровский, следует исходить прежде всего из возрастных возможностей детей. Многие предложения, высказываемые специалистами, сами по себе очень ценны, правильны, но их делают иногда без учета вышеуказанного обстоятельства. С. М. Дубровский предложил принимать только те добавления, которые направлены на исправление отдельных неточностей, искажений, прежде всего на улучшение программ с научной и политической стороны.

К числу неточностей С. М. Дубровский относит одностороннюю формулировку о прогрессивном характере самодержавия в

XVI веке. Нельзя смешивать две вещи, сказал он,— прогрессивный для того времени характер создания централизованного государства и варварские формы управления в этом государстве. Следует дать более объективную оценку роли некоторых видных деятелей периода крепостничества, чтобы не допустить односторонности, искажения общей картины.

Положительную работу, проделанную составителями проектов программ, отметил и доктор исторических наук А. Л. Нарочницкий. Вместе с тем он считает, что проект не лишен существенных недостатков. В нем слабо отражены некоторые крупные исторические явления, особенно на Востоке. А. Л. Нарочницкий сказал, что нельзя признать нормальным положение, при котором на изучение истории стран Востока в 9—11-х классах отводится лишь 10% времени. Совершенно очевидно, что количество часов для изучения истории Востока должно быть увеличено. По мнению А. Л. Нарочницкого, нельзя согласиться и с тем, что на изучение истории первой мировой войны отводится больше времени, чем на изучение истории второй мировой войны. Следовало поступить наоборот.

О необходимости освободить программы от излишнего фактического материала и устранить из них сложные, громоздкие формулировки говорил кандидат исторических наук Г. Н. Голиков.

С замечаниями по проекту выступили также доктор исторических наук П. Г. Рындзюнский, кандидаты исторических наук Н. М. Лавров, М. В. Попов, учитель 201-й московской школы Ю. А. Бер. Кроме того, были оглашены отзывы кандидатов исторических наук Н. И. Саморукова и С. И. Якубовской.

Подводя итоги обсуждения проектов программ по истории, В. М. Хвостов выразил уверенность в том, что замечания и предложения, сделанные специалистами, помогут составителям улучшить программы, что будет способствовать дальнейшему совершенствованию исторического образования в СССР.

А. М. Синицин

О РАБОТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА АН СССР ПО ВЫПУСКУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Среди книг, выпускаемых издательством Академии наук СССР, большое место занимает историческая литература. Достаточно сказать, что в 1959 г. издательство выпустило 108 работ по истории СССР, новой и новейшей зарубежной истории, средневековой и древней истории, истории религии и атеизма, этнографии, славяноведению и археологии. Из них 30 книг, подготовленных к печати преимущественно сотрудниками Института истории АН СССР, посвящены отечественной истории. В числе этих изданий вторая книга шестого, завершающего тома «Истории Москвы». В книге содержится яркий, интересный материал о развитии литературы, искусства и народного образования в Москве с первых лет Советской власти до начала Великой Отечественной войны. Читатель найдет также здесь систематизированные сводные данные о состоянии городского хозяйства, строительстве и реконструкции столицы.

Вопросам истории советского общества посвящены содержательные работы А. В. Карасева — «Ленинградцы в годы блокады», Л. С. Рогачевской — «Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации», М. А. Вылцана — «Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.)».

Обращает на себя внимание монография Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России (1883—1894 гг.)», в которой освещается деятельность первых русских социал-демократических групп и кружков, основанных Плехановым, Благоевым, Федосеевым, Точисским и др. Отдельные разделы книги посвящены началу революционной деятельности В. И. Ленина.

К 250-летию Полтавского сражения издан сборник статей «Полтава», подготовленный Институтом истории Академии наук СССР совместно с Институтом истории Академии наук УССР. Авторский коллектив сборника включает ученых Москвы, Ленинграда, Киева, Полтавы и Львова.

К этой же дате приурочен выпуск сборника «Полтавская победа (Из истории международных отношений накануне и после Полтавы)», подготовленного Институтом славяноведения АН СССР.

Внешняя политика России в первой четверти XVIII в. исследована в монографиях С. А. Фейгиной «Аландский конгресс» и Л. А. Никифорова «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир».

Вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства и положением крестьянства в России, рассматриваются в монографиях Л. С. Прокофьевой «Вотчинное хозяйство в XVII веке» и С. И. Волкова «Крестьяне дворцовых имений Подмосковья в середине XVIII века».

В книге Н. А. Баклановой «Торгово-промышленная деятельность Калмыковых» содержатся материалы о формировании всероссийского рынка в России в XVII веке.

В работе Е. И. Дружининой «Северное Причерноморье в 1775—1800 гг.» впервые в исторической литературе детально рассматривается процесс колонизации и экономического развития Новороссийской и Азовской губерний, Таврической области и Екатеринославского наместничества в XVIII веке.

Привлечет внимание исследователей монография А. И. Барановича «Украина накануне освободительной войны середины XVII века».

Серьезным вкладом в изучение прошлого нашей Родины является капитальный труд В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства», в котором исследуется история Литвы с древнейших времен до образования Литовского великого княжества (1340 год).

Интересна подготовленная Североосетинским научно-исследовательским институтом двухтомная работа «История Северо-Осетинской АССР». В выпущенном в 1959 г. первом томе этого издания рассматриваются экономическая, общественная, культурная жизнь Осетии с древнейших времен до Февральской революции 1917 года.

В серии научно-популярной литературы издательство АН СССР выпустило массовыми тиражами книги «Белорусская ССР» (авторы И. С. Кравченко и И. Е. Марченко) и «Молдавская Советская Социалистическая Республика» (авторы С. Левит, Н. Мохов и А. Одуд).

В этой же серии издана работа А. Ф. Смирнова «Сигизмунд Сераковский» — биография видного деятеля революционного движения 60-х годов XIX в., одного из предводителей восстания 1863 г. в Литве, друга и единомышленника Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Т. Г. Шевченко.

Читатели получили также очередные выпуски (64-й и 65-й) «Исторических записок», том II «Славянского архива», выпуск III «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», два тома «Материалов по истории СССР»: VI, содержащий материалы по истории империализма, и VII, посвященный советскому периоду, в котором опубликованы архивные документы Наркомфина и Наркомторга СССР о состоянии частного капитала в стране в 1926—1927 гг., материалы обследования Днепростроя, проведенного НК РКИ в 1932 г., докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о состоянии колхозного движения в 1928—1929 гг. и материалы о деятельности политотделов совхозов в 1933—1935 годах.

В течение года изданы очередные сборники документов и материалов серии «Великая Октябрьская социалистическая революция»: «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация», «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис» и «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа». Сборники подготовлены Институтом истории АН СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главным архивным управлением. В них опубликованы документы, показывающие рост большевистского влияния в массах накануне Великого Октября, контрреволюционную сущность Временного правительства, соглашательство и оппортунизм меньшевиков, процесс нарастания революционного движения среди рабочих, крестьян, солдат и матросов России и трудящихся национальных окраин, разгром корниловского мятежа и политические итоги августовских событий.

Вышел в свет сборник документов и материалов «Второй период революции 1905—1907 гг. Январь — апрель 1906 г.» (часть первая, книга вторая). В сборник включены документы, рассказывающие о наступлении реакции после поражения декабрьского вооруженного восстания, своеобразии рабочего движения в начале 1906 г., борьбе с массовыми локаутами, об организации помощи безработным.

Выпущен второй том (ч. 2) публикации «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». В сборник вошли ар-

хивные документы о восстании 1670—1671 гг. на Дону, в Слободской Украине, в южных, пограничных с Поволжьем районах, а также в центральной части Русского государства.

Ценным пособием для научных работников является Вологодско-Пермская летопись (Полное собрание русских летописей, т. 26). Это публикация обширного летописного свода «От начала Русской земли» до 1538 г., содержащая много не имеющихся в других летописях сведений по истории Руси, Украины и Белоруссии.

В 1959 г. продолжалась публикация сочинений отечественных ученых. Выпущены четвертый (последний) том научных трудов чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина, в который вошли «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.» и «Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв.», второй том избранных произведений академика Б. Д. Грекова, содержащий одну из его фундаментальных работ — «Киевская Русь», а также статьи по истории России и славянства, генезисе феодализма на Руси и др., пять томов (VI, VII, VIII, IX, X) сочинений академика Е. В. Тарле.

Кроме того, массовым тиражом издан сборник произведений Е. В. Тарле «1812 год», в который вошли работы «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию» и «Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат».

По новой и новейшей зарубежной истории издательство выпустило 17 работ, подготовленных институтами истории и славяноведения Академии наук СССР, в том числе фундаментальную работу Б. Я. Михайлова «Конгресс производственных профсоюзов США (1935—1955 гг.)» и монографию П. В. Гурович «Всеобщая стачка в Англии в 1926 г.».

Мало изученным в советской литературе темам посвящены монография Б. Р. Лопухова «Борьба рабочего класса Италии против фашизма (1920—1922 гг.)» и сборник «Из истории трудящихся масс Италии», который включает статьи, освещающие революционное движение в итальянской армии в 1914—1917 гг., борьбу трудящихся против фашизма, мартовские забастовки 1943 г., аграрный строй современной Италии.

Подготовлен и опубликован сборник «Из истории освободительной борьбы испанского народа» (под редакцией академика И. М. Майского). В сборник включены статьи о франко-испанской войне 1808—1814 гг., национальной борьбе населения Каталонии в 1931—1933 гг., героической борьбе испанского народа против фашизма.

Вышла большим тиражом в серии научно-популярной литературы книга А. Б. Беленького «Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867 гг.)» Большой интерес представляет «Французский ежегодник» за 1958 год.

Осуществлено переиздание ставшей библиографической редкостью работы Ц. Фридлянда «Ж.-П. Марат и гражданская война во Франции в XVIII в.».

Выпущен в свет первый том подготовленного Институтом истории двухтомного труда «Протоколы заседаний Парижской Коммуны». Это — полное научное издание протоколов, сверенных с фотокопиями подлинников. Протоколы показывают кипучую деятельность первого в истории правительства пролетарской диктатуры, воссоздают обстановку, в которой протекала борьба Парижской Коммуны за строительство государства нового типа.

Из книг, посвященных истории стран народной демократии, следует отметить подготовленный Институтом славяноведения АН СССР второй том «Истории Чехословакии», в котором дан полный, всесторонний обзор экономического и политического развития Чехии и Словакии с 1848 по 1917 год.

Этим же институтом подготовлен и другой труд, посвященный Чехословакии,— «Из истории революционного движения в Чехословакии». В книгу включены материалы о революционном движении чешского и словацкого народов во второй половине XIX — первой четверти XX века.

Под грифом Института востоковедения вышла работа Нацагдоржи «Аратское движение во Внешней Монголии». Книга представляет собой исторический очерк национально-освободительного движения аратов с конца XIX в. до 1917 года. Показаны социально-экономические условия, в которых оно возникло, его характер и формы.

Из книг, подготовленных Институтом истории АН СССР, можно упомянуть работу И. Г. Сенкевич «Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг.», Т. М. Исламова «Политическая борьба в Венгрии в начале XX в.».

В серии научно-популярной литературы выпущена книга А. И. Арнольдова и Г. М. Новак «Культура народного Китая».

По древней истории и истории средних веков опубликованы следующие издания, подготовленные Институтом истории АН СССР: сборники «Средние века» (вып. XIV,

XV, XVI) и «Византийский временник» (вып. XV); книга В. И. Рутенбурга «Народное движение в Италии в XIV—XV вв.», монография З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI веке», освещающая социально-экономическое и политическое положение Италии накануне византийского завоевания, причины и ход гото-византийской войны и политику византийского правительства в завоеванных областях; работа Т. В. Блаватской «Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э.», в которой излагаются политическая история и социально-экономические отношения в одном из древних государств Северного Причерноморья. С последней работой перекликается сборник «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», подготовленный Институтом археологии АН СССР.

Вышел в свет второй том работы В. И. Авдиева «Военная история Древнего Египта» (Институт востоковедения АН СССР).

Немало выпущено интересных книг по истории религии и атеизма. Так, большим тиражом вышла книга А. Б. Рановича «О раннем христианстве», представленная Институтом истории АН СССР, в которой особенно привлекают внимание очерки, посвященные христианской философии первых веков, ранне-христианской церкви и ересям. Много свежих материалов содержат сборники «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», подготовленный Институтом этнографии АН СССР, и «Вопросы истории религии и атеизма» (вып. 7), подготовленный Институтом истории АН СССР.

В серии научно-популярной литературы вышла в свет работа М. М. Шейнмана «Папство». В ней освещаются основные моменты из истории папства и Ватикана со времен образования христианской церкви до сегодняшнего дня.

В этой же серии изданы книги Г. Ф. Ильина «Религии древней Индии» и В. И. Рутенбурга «Великий итальянский атеист Ванини».

Выпущены также избранные атеистические произведения И. И. Скворцова-Степанова. Страстные публицистические статьи автора, написанные в 20-х годах, до сих пор воспринимаются как актуальные и способствуют разоблачению классовой направленности религии. Большую помощь в антирелигиозной пропаганде окажет т. 1 избранных сочинений В. Д. Бонч-Бруевича. Вошедшие в этот том произведения раскрывают отношение социал-демократической партии к религии и церкви, освещают историю и идеологию религиозного сектантства в России, показывают связи православной церкви с царизмом.

В серии «Научно-атеистическая библиотека» вышли в свет произведения одного из передовых мыслителей XVII в., Уриэля Дакосты, «О смертности души» и труды известного немецкого гуманиста и политического деятеля XVI в. Ульриха фон Гуттена «Диалоги, публицистика, письма». Первая книга содержит острую критику догматов иудейской религии о «бессмертности души» и «загробной жизни», вторая — блестящее разоблачение ханжества и лицемерия католической церкви и папства.

Из материалов, представленных Институтом археологии, следует остановиться на работе Т. Н. Никольской «Культура племен бассейна верхней Оки в первом тысячелетии н. э.», представляющей собой итоги многолетних раскопок на территории Калужской и Орловской областей. Интересны также «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, в которых приведены материалы раскопок Новгорода Великого, описаны изделия железообрабатывающего, кожевенного и сапожного ремесел, жилища, продукция земледелия Новгородской земли X—XIV вв., и сборник статей «Древности Нижнего Поволжья», т. I, содержащие публикацию материалов раскопок на левом берегу Волги, от Саратова до Сталинграда, и на трассе будущего канала Волга — Урал. Материалы сборника проливают свет на древнюю и средневековую историю Нижнего Поволжья.

В серии научно-популярной литературы вышла работа А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта «В поисках исчезнувших цивилизаций». Это книга об увлекательной и сложной работе археологов.

Среди читателей большим спросом пользуются работы, подготовленные Институтом этнографии АН СССР. В 1959 г. вышли в свет: «Народы Америки» (первый полутом) — хорошо иллюстрированная книга, посвященная описанию социального строя, образа жизни, быта и культуры народов Северной Америки до завоевания ее европейцами, в период завоевания и в настоящее время; «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия» — книга богата иллюстрациями и содержит яркую характеристику культуры, быта и нравов народов Азии; «Африканский этнографический сборник», т. II, дающий представление о жизни и занятиях населения Британской Центральной Африки, Танганьики и острова Мадагаскар.

В «Среднеазиатском этнографическом сборнике» помещены статьи о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана, народной одежде таджиков Гармской области, материальной культуре уйгуров, архитектуре оседлого населения бассейна Кашка-Дарьи, технике металлического производства у киргизов, современном расселении народов и этнографических группах Ферганской долины.

В 1960 г. издательство Академии наук СССР планирует выпуск 142 исторических работ общим объемом около 3 600 авторских листов. Резко возрастет количество монографий по истории СССР советского периода. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина приурочено издание следующих книг: Э. Б. Генкиной «В. Ленин — Председатель Совнаркома и СТО» *, И. С. Смирнова «Ленин и советская культура», И. М. Некрасовой «Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1931 гг.» *, И. П. Немешаева «Ленинский принцип мирного сосуществования в современных условиях», И. Б. Берхина «По плану великого Ленина» *, И. А. Крывелева «В. И. Ленин о религии», С. И. Якубовской «Строительство Союзного Советского Социалистического государства в 1922—1925 гг.» *, С. Н. Иконникова «Организация и деятельность Рабоче-крестьянской инспекции в 1920—1925 гг.» *, а также коллективный труд работников Института истории АН СССР «Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции», тт. II * и III. По теме «История СССР» будет издано 17 работ, в том числе монографии Ю. В. Арутюняна «Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг.» *, А. В. Митрофановой «Рабочий класс СССР в первый период Великой Отечественной войны», А. Л. Сидорова «Финансовое положение России в период первой мировой войны», Э. Э. Краузе «Рабочий класс Петербурга накануне первой мировой войны».

Институтом истории АН СССР подготовлены к печати сборники: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», «Очерки по истории исторической науки в СССР», т. II, под редакцией акад. М. В. Нечкиной, «Исследования по истории культуры Переднего Востока, Кавказа и Средней Азии» и др.,— а также 8 публикаций, в том числе очередной выпуск серии «Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции (лето 1906 г.)», «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» *, «Положение горнорабочих Урала в конце XIX — начале XX в.», «Правда Русская», ч. III.

По новой и новейшей истории готовится к выпуску 18 работ, в том числе: «История Чехословакии», т. III, «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов XIX в.» *, монографии: Н. Д. Смирновой «Образование Народной республики Албании» *, А. А. Фурсенко «Американская буржуазная революция XVIII века», Р. Ф. Иванова «Гражданская война в США (1861—1865 гг.)», акад. В. П. Волгина «Французский утопический коммунизм перед 1848 годом», «Очерки новой и новейшей истории США», т. I *, В. Г. Полякова «Англия и мюнхенский сговор» * и другие.

По древней и средневековой истории подготовлены к печати девять монографий и сборников, в числе которых работы Н. П. Грацианского «Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья», А. П. Каждана «Деревня и город в Византии IX—X вв.» *, Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в X—XI вв.», К. К. Зельина «Исследования по истории земельных отношений в Египте во II—I вв. до н. э.» * и др. В 1960 г. выйдут в свет первый том избранных трудов акад. Н. М. Лукина *, третий том избранных трудов акад. Б. Д. Грекова, шестой том избранных трудов акад. И. Ю. Крачковского и два последних (XI, XII) тома сочинений акад. Е. В. Тарле.

В плане выпуска этого года находятся 22 работы по этнографии, в том числе «Народы Кавказа», «Северный Кавказ» и «Народы Индостана» (из серии «Народы мира»), «Очерки общей этнографии. Вып. 3. Народы Европы», «Современное хозяйство, культура и быт народов Севера», «Американский этнографический сборник», «Восточноазиатский этнографический сборник» и др. Планируется выпустить 26 книг, подготовленных сотрудниками Института археологии, в том числе монографии М. К. Каргер «Древний Киев», т. II, Е. Т. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», А. Л. Монгайта «Рязанская земля», В. В. Кропоткина «Топография кладов римских монет на территории СССР». Готовятся к печати 10 работ по истории религии и атеизма, в том числе книги А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV—XVI вв.» *, В. П. Проппа «Проблемы

* Звездочками помечены книги, уже вышедшие в свет.

мифологии в свете современной науки», Н. А. Добролюбова «О религии и церкви», М. Я. Домнича «Католическая церковь и французская буржуазная революция», В. Ф. Зыбковца «Дорелигиозная эпоха в истории человечества» *.

В серии научно-популярной литературы выйдут 10 работ, в том числе В. М. Турока-Попова «Реформизм правых социалистов на современном этапе», М. Г. Левина «Очерки по истории антропологии в России» *, Т. И. Заславской «Новое в экономике колхозов» и др.

Подводя итоги работы издательства АН СССР по выпуску исторической литературы в 1959 г. и говоря о перспективах на 1960 г., нельзя обойти вопросы, связанные с распространением этой литературы. В настоящее время книги издательства АН СССР реализуются главным образом через магазины «Академкниги». Однако возможности «Академкниги» весьма ограничены, поскольку она имеет небольшую сеть магазинов и киосков в немногих городах.

Основная масса книжных магазинов находится в ведении «Союзкниги», которая, как правило, дает заказы на совершенно незначительное количество академических книг. Так, работа Б. Я. Михайлова «Конгресс производственных профсоюзов США (1935—1955 гг.)» была заказана «Союзкнигой» всего в количестве 176 экз., сборник «Византийский временник» (вып. XVI) — 78 экземпляров. Нередко экспортные организации приобретают для распространения намного больше экземпляров научных изданий, чем «Союзкнига». «Книгоэкспорт» заказал 960 экз. второго тома «Избранных трудов» Б. Д. Грекова, а «Союзкнига» — лишь 100 экземпляров.

Центросоюз устранился от распространения научной литературы в районных центрах, хотя там имеется разветвленная сеть его магазинов. Таким образом, огромная армия районной интеллигенции, интересующаяся историческими проблемами, лишена возможности приобретать научную литературу.

В результате крайне незначительных заказов со стороны торговых организаций на научные книги издательство вынуждено выпускать литературу крайне ограниченными тиражами. Так, «Протоколы заседаний Парижской Коммуны» изданы тиражом 2 500 экз., и можно заранее сказать, что не все желающие приобрести эту ценную публикацию сумеют найти ее в продаже. Можно ли считать нормальным тот факт, что «Очерки общей этнографии. Америка, Австралия, Океания» выпущены тиражом 4 тыс. экз., в то время как румынское издательство отпечатало перевод этой книги тиражом в 12 тыс. экземпляров.

Вместе с тем следует отметить, что институты Академии наук СССР в ряде случаев утверждают к печати работы на узкие темы, рассчитанные лишь на крайне ограниченный круг читателей, либо работы, не представляющие большой научной ценности.

В настоящее время издательство АН СССР приняло меры к тому, чтобы расширить сеть магазинов и киосков «Академкниги», организовать продажу изданий через книгонош, улучшить обслуживание читателей научной книги путем установления индивидуальных связей с покупателями, систематической информации их о вышедших и готовящихся к печати изданиях. Будут шире использоваться специальные полосы академических журналов для рекламных и информационных целей. Наконец, особое внимание обращается на усиление деятельности отдела «Книга — почтой». Читатели, интересующиеся исторической литературой, имеют возможность обратиться в «Книгу — почтой» (Москва, Большой Черкасский пер., д. 2) и могут быть уверены, что нужная книга будет незамедлительно выслана наложенным платежом по указанному ими адресу.

Однако все эти мероприятия могут лишь в известной степени ослабить напряженное положение с распространением научной книги. Для кардинального решения этой проблемы необходимо, чтобы организации, ведающие книжной торговлей в стране, отказались от роли посторонних наблюдателей и приняли активное участие в пропаганде и реализации изданий Академии наук.

В частности, желательно, чтобы Министерство культуры СССР, учитывая возросший выпуск разнообразной литературы, открыло в областных центрах специализированные магазины научной книги, в которых были бы квалифицированно поставлены не только реклама и распространение этих изданий, но и изучение спроса потребителей.

Следует надеяться, что Центросоюз в конце концов пересмотрит свой взгляд на литературу, выпускаемую издательством Академии наук. Эта литература может и должна найти покупателя в районных центрах.

В свою очередь, сотрудники институтов Академии наук СССР могут оказать существенную помощь «Академкниге» в распространении научных изданий

Г. С. Осипян

О СЕМИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ ИЗДАНИЙ СОЦЭКГИЗА ПО ИСТОРИИ

В декабре 1957 г. было создано Издательство социально-экономической литературы (Соцэкгиз). Решение партии и правительства о создании нового научно-политического издательства явилось отражением потребностей в публикации исследовательских работ, подготовленных научными и преподавательскими кадрами экономистов, философов и историков.

За два года работы Соцэкгизом издано свыше 250 книг объемом более 4,5 тыс. печатных листов. В настоящее время в издательстве составлен перспективно-тематический план на семилетие (1959—1965 гг.). При составлении плана Соцэкгиз исходил из исторических решений XX и XXI съездов КПСС. XXI съезд Коммунистической партии поставил перед работниками идеологического фронта задачу создать фундаментальные научные труды, обобщающие практику социалистического строительства в СССР и в братских социалистических странах. Специального исследования требует вопрос о путях перехода от социализма к коммунизму; необходимы труды, посвященные проблемам мирового коммунистического, рабочего, демократического и национально-освободительного движения народов, развитию международных отношений.

При составлении плана в той или иной мере учитывались запросы и предложения научных работников, а также преподавателей центральных и периферийных вузов. Семилетний план лишь в самом общем виде определяет тематическую направленность изданий и является ориентиром в работе издательства и в творчестве научной общественности. Перед Соцэкгизом со всей остротой стоит вопрос о необходимости постоянного расширения круга авторов. Однако издательство пока не добилось серьезных успехов в преодолении узости авторского коллектива, поскольку москвичи еще преобладают. В перспективном плане в этом отношении сделан определенный сдвиг в сторону большего внимания к авторам из национальных республик и городов Российской Федерации. Издательство широко будет привлекать также зарубежных исследователей. В плане в ряде случаев не указаны авторы многих важных тем. Это дает возможность историкам, работающим по той или иной теме, предложить издательству свои услуги. В других случаях в плане выдвинуты проблемы, но сформулирована лишь одна или две темы. Имеется в виду, что необходимые темы будут предложены самими исследователями. Не исключено, что по некоторым темам, по которым в плане обозначены определенные авторы, издательство будет рассматривать предложения и других авторов с целью поощрения творческого соревнования и отбора лучших работ.

Каковы же основные направления и задачи работы Соцэкгиза?

В области истории СССР издательство, как известно, выпускает литературу с древнейших времен до наших дней. Главное внимание при этом обращается на публикацию книг о современности, на освещение наиболее важных, узловых проблем, а также малоизученных вопросов истории. Намечено издание коллективной монографии по истории Великой Октябрьской социалистической революции в трех томах. Каждый из них будут готовить коллективы крупных исторических кафедр вузов Москвы и Ленинграда. Планом предусмотрено также издание коллективной трехтомной монографии о развитии русской культуры и культуры народов СССР.

На семилетие намечено издать большое количество монографий и научно-популярных работ по всем периодам истории нашей Родины. Основное место здесь, несомненно, займут книги по узловым проблемам истории советского общества: труды, обобщающие основные закономерности перехода нашей страны к коммунизму и освещающие героический пафос созидания советского народа, его успехи в развитии экономики и культуры. Большое внимание будет уделено работам, посвященным гениальному создателю и вождю Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленину, великому ленинскому учению о построении коммунистического общества и претворению этого учения в жизнь. Готовится серия книг по проблеме «Ленинский план построения коммунизма и его осуществление в СССР». По этой проблеме будут опубликованы такие монографии, как «Ленин и победа социализма в СССР», «Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР» и др.

Кроме того, будет выпущена серия монографий и научно-популярных работ, показывающих повседневный героический труд советских людей, под руководством Коммунистической партии строящих ком-

мунизм. В их числе разрабатываются такие темы: движение масс за коммунистический труд; перестройка управления промышленностью и строительством; сельское хозяйство СССР на новом подъеме; КПСС в борьбе за повышение благосостояния народа; идеологическая работа партии в массах в период развернутого строительства коммунизма; новый подъем материальной и духовной культуры советского народа; создание производственно-технической интеллигенции в СССР; помощь КПСС братским коммунистическим и рабочим партиям социалистических стран и другие.

За семилетку намечено издать большое количество книг и по другим важнейшим проблемам истории советского общества. Так, планируется выпуск трудов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР (в том числе монографии к 50-летию Октября). Несомненный интерес представят работы по истории рабочего класса СССР и индустриализации страны. Сюда входят, например, такие темы: рабочий класс в СССР (1917—1960), рабочий класс СССР в борьбе за построение коммунизма (1917—1960), героический подвиг рабочего класса в Великой Отечественной войне (1941—1945), социалистическая индустриализация СССР (1926—1932), индустриализация Сибири и т. п. Предусмотрено издание книг по истории крупнейших фабрик и заводов страны, например, по истории ленинградских заводов — Кировского металлического, по истории Уралмашзавода и т. д. Видное место в плане занимают темы по истории советского крестьянства и коллективизации сельского хозяйства, по истории Советского государства, о культурном строительстве в СССР.

Большое внимание план уделяет проблематике истории Великой Отечественной войны и послевоенного строительства.

Намечено издание большого количества книг по истории народов СССР. В них найдут отражение следующие темы: об установлении и упрочении Советской власти в национальных районах, о государственном строе, о культурном развитии народов, о формировании национальных кадров рабочего класса, об участии народов Востока и Крайнего Севера в коммунистическом строительстве.

По периоду капитализма будут издаваться работы в основном по проблемам: а) революционная ситуация 1859—1861 годов. Падение крепостного права. Развитие капитализма в России; б) революционное народничество 70-х годов; в) возникновение революционной социал-демократии в России; г) история рабочего класса, рабочее движение; д) аграрные отношения. Крестьянское движение; е) перемещение центра мирового революционного движения в Россию; ж) крах капитализма в России; з) назревание политического кризиса в стране («кризис верхов») в 1914—1917 гг.; и) борьба большевистской партии за мобилизацию масс в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.); к) победа Февральской революции 1917 г. и т. д.

По периоду феодализма предусматривается опубликование ряда монографий по следующим проблемам: развитие феодальных отношений; история крестьянства; классовая борьба в эпоху феодализма; крестьянские и городские восстания; национальные движения и т. д.

По всем периодам истории СССР будут изданы специальные работы по историографии и источниковедению. Среди них «Историография СССР» в двух книгах, источниковедение истории СССР периода империализма.

По всеобщей истории семилетний план предусматривает издание следующей литературы. В 1961 г. будет завершено издание 11-томной «Всемирной истории». Этот первый в марксистской исторической литературе сводный труд, освещающий весь путь развития человеческого общества вплоть до наших дней, с большим интересом воспринят как в нашей стране, так и за ее рубежами. Он отражает достижения советской и передовой зарубежной исторической науки.

Несомненный интерес вызовет намеченное планом издание серии работ по проблеме «Классики марксизма-ленинизма и вопросы всемирной истории». Среди них особенно привлекают такие темы: «Карл Маркс как историк», «Фридрих Энгельс как историк», «Всеобщая история в трудах В. И. Ленина».

Планом также предусмотрено издание монографических исследований по истории стран социалистического лагеря. Сюда войдут работы по истории Китая (например, «Социалистическая революция в Китае (1949—1959)», «Новейшая история Китая» и другие), по истории Чехословакии, по истории Германской Демократической Республики, Венгрии и других стран народной демократии. Предполагается издание работ по проблемам развития со-

циалистической системы («Сотрудничество стран социализма и пролетарский интернационализм», «Национальный вопрос в странах народной демократии», «Страны социалистического лагеря в борьбе за мир и международную безопасность» и другие).

Большое место в перспективном плане отводится проблеме истории рабочего и коммунистического движения, влиянию Великой Октябрьской социалистической революции и строительства социализма в СССР на судьбы народов всего мира. За семилетие будут изданы труды по истории компартий многих стран Европы, Азии и Америки, их борьбы против империализма, а также по истории рабочего движения в этих странах в новейший период.

Обращает на себя внимание большой раздел плана, посвященный истории национально-освободительной борьбы народов зависимых и колониальных стран Азии и Африки за свободу и независимость (например, «Борьба арабских народов Ближнего Востока за свою независимость», «Народы Западной и Центральной Черной Африки в борьбе за независимость»). Значительный интерес представят работы об образовании новых национальных государств в Африке после второй мировой войны, а также труды, рассматривающие вопросы колониальной политики империалистических держав.

План намечает издание исследовательских работ по новой и новейшей истории целого ряда капиталистических стран, а также по истории средних веков и древнего мира.

С точки зрения развития исторической науки важным разделом плана являются намечаемые к выпуску серьезные труды по историографии всемирной истории. Этот раздел исторической науки до настоящего времени недооценивается учеными. Выпуск Соцэкгизом большого количества книг по историографии будет способствовать в какой-то мере восполнению данного пробела.

Обстоятелен план издательства по истории международных отношений нового и новейшего времени. Намечено издать ряд коллективных монографий по истории международных отношений и дипломатии. Среди них трехтомный труд «Международные отношения после второй мировой войны», две книги о межимпериалистических противоречиях на первом и на втором этапах общего кризиса капитализма; серия исследовательских работ по истории взаимоотношений СССР с зарубежными странами (Англией, Францией, Германией, США и другими).

Намечается выпуск специальных теоретических работ по проблеме международных отношений. Наиболее значительные из них: «Проблемы мирного сосуществования двух систем в свете решений XXI съезда КПСС», «Новый тип международных отношений» (о взаимоотношениях социалистических стран), «Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии», «Проблема разоружения и пути ее решения» и другие.

По проблеме борьбы народов за мир планом намечено выпустить научно-популярные работы о движении сторонников мира, о деятельности всемирных организаций борцов за мир и т. д. Этому важному вопросу посвящен раздел «Внешняя политика стран социалистического лагеря». Здесь предусмотрены серии книг об укреплении дружбы между народами социалистических стран, о внешней политике всех стран социализма, о совместной борьбе социалистических стран за создание зон мира в Европе и Азии. Интересен и другой раздел, включающий работы по внешней политике стран, освободившихся от колониальной зависимости (Индонезии, Объединенной Арабской Республики, Иракской республики и др.), и росту национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки.

План включает также большое количество работ о внешней политике капиталистических стран нового и новейшего времени.

Следовательно, по трем историческим редакциям семилетний план намечает издание большого количества монографий, охватывающих широкий круг актуальных проблем современности и прошлого народов нашей страны и зарубежных стран.

★

Кроме монографической литературы, Соцэкгиз призван выпускать научно-популярную литературу, разоблачающую буржуазную и ревизионистскую идеологию; публиковать исторические и дипломатические документы, памятники русской и всеобщей истории; переиздавать произведения выдающихся представителей исторической науки дореволюционной России, а также современных прогрессивных историков, философов и экономистов зарубежных стран.

Большой интерес должна представить серия научно-популярных брошюр «Против

фальсификаторов истории». Одна из брошюр этой серии направлена против антинаучной теории норманизма, другая — против так называемой «теории единого потока», состоящей на вооружении идеологов империализма. Готовятся брошюры, разоблачающие фальсификацию истории Октябрьской революции, истории Великой Отечественной войны Советского Союза, истории народов Закавказья, Казахстана, Средней Азии, Прибалтики.

Предпринимая издание такой серии, издательство надеется, что ученые отнесутся к ней с большим интересом и со своей стороны предпримут шаги к пополнению ее новыми интересными работами научно-публицистического, полемического характера, в которых будет вскрыта лживая подоплека и классовые корни буржуазных фальсификаций. В то же время такие работы смогут глубоко аргументированно отстоять марксистско-ленинские концепции исторического процесса.

По всеобщей истории запланирован ряд книг, направленных против буржуазной ревизионистской идеологии. Институт истории АН СССР готовит второй том статей «Против фальсификаторов истории» (первый том, подготовленный Институтом истории, вышел в свет в 1959 году). Намечается к выпуску и ряд других работ: книга «Фальсификация истории Индии в современной буржуазной историографии», исследования, направленные против буржуазных фальсификаторов новейшей истории западноевропейских стран, и т. п.

В плане редакции истории международных отношений отводится большое место критике современных буржуазных и ревизионистских концепций в области международных отношений и историографии. Несколько книг будет посвящено разоблачению фальсификации внешней политики СССР, Китая и других стран социалистического лагеря буржуазной историографией и публицистикой США, Англии, Западной Германии. Другая группа работ посвящена раскрытию внешнеполитических доктрин США и Англии, а также освещению этих вопросов в американской и английской буржуазной историографии.

Большое место в перспективном плане занимает также учебная литература для вузов — учебники, учебные пособия. Сюда относятся учебники по истории СССР, по новой и новейшей истории, истории средних веков, истории Древнего Рима, Древней Греции, Древнего Востока.

Готовятся к изданию учебники и учеб ные курсы и по вспомогательным историче ским дисциплинам. Будет издан учебни по историографии истории СССР. В ег публикации участвует коллектив профессо ров и доцентов Историко-архивного инсти тута. Особенно важна и ответственна ра бота по созданию историографии истори советского общества.

Затем на очереди стоит издание учебни ков по источниковедению истории СССР, в том числе истории империализма и исто рии послеоктябрьского периода. Издатель ство приступило к выпуску двенадцатитом ной «Хрестоматии по всеобщей истории» к десятитомной «Хрестоматии по истори СССР». Над их подготовкой работают боль шие коллективы квалифицированных соста вителей под руководством академико М. Н. Тихомирова («Хрестоматия по исто рии СССР»), И. М. Майского, В. В. Струве («Хрестоматия по всеобщей истории»).

Будет продолжаться работа по переизда нию произведений выдающихся мыслителей прошлого и крупнейших историков дорево люционной России. Читатели уже получил восемь томов сочинений В. О. Ключевского и четыре тома «Истории России с древней ших времен» С. М. Соловьева. Ежегодно начиная с 1960 г., будет выходить по 6—8 томов (3—4 книги) этого труда.

Несомненно, большой интерес советского читателя вызовет раздел плана издатель ства, посвященный мемуарной литературе Предусмотрено издать воспоминания уча стников Октябрьской революции и социали стического строительства, ряда рабочих- ре волюционеров (В. Г. Герасимова, П. А. Мои сеенко, С. И. Канатчикова и др.) о жизни рабочих пореформенной России, воспоми нания известного революционера 60-х годо XIX в. Н. В. Шелгунова («Записки револю ционера»), П. А. Кропоткина и других.

Уже хорошо зарекомендовала себя у чи тателей серия книг мемуарного характера «Библиотека внешней политики». Будет продолжен выпуск воспоминаний выдаю щихся русских и советских дипломатов публикуются дневники и мемуары ино странных дипломатов и политических дея телей.

Перед Соцэкгизом стоит задача вы пускать также популярные брошюры дл массового читателя по различным отраслям знаний. Это отнюдь не изменит общего профиля издательства, а, наоборот, придас ему наиболее полный, целостный характер

В целях широкой пропаганды историче

ских знаний среди самых широких масс рабочих, крестьян и интеллигенции нашей страны и воспитания в них высокого чувства патриотизма Соцэкгиз предпринимает издание «Популярной библиотечки по истории СССР». Это будет большая серия брошюр, объемом в 5—7 листов каждая, по важнейшим узловым проблемам и наиболее выдающимся событиям отечественной истории с древнейших времен до сегодняшнего дня. Серия рассчитана на то, чтобы дать массовому читателю по возможности более полное представление об истории нашей Родины.

По редакции всеобщей истории будут публиковаться брошюры, посвященные выдающимся руководителям крестьянских войн и антикатолических движений (Яну Жижке, Томасу Мюнцеру, Томасу Мору, Доу Цзянь-дэ и другим). Внимание читателей привлекут работы о видных деятелях буржуазных революций нового времени, таких, как Марат, Робеспьер, Бабеф, Костюшко, Гарибальди, Раковский, Хун Сюцюань и другие. Несколько брошюр посвящается выдающимся зарубежным деятелям международного коммунистического и рабочего движения (А. Бебелю, К. Либкнехту, Ф. Мерингу, Э. Тельману, М. Кашену, К. Токуда, С. Катаяме, Ж. Жоресу, Б. Куну, А. Грамши).

План издания Соцэкгиза по истории на семилетку весьма разнообразен, тематика приближена к современности. Но главным в работе издательства должно быть, безусловно, не количество выпускаемых книг, а их содержание, их научная ценность. Соцэкгиз стремится к тому, чтобы его книги не только отвечали современному идейному уровню исторической науки, но и поднимали этот уровень на новую ступень; не только освещали объективный ход событий, но и намечали новые пути, способствовали духовному совершенствованию человека — строителя коммунистического общества.

Издательству хотелось бы как можно больше получать отзывов на выпускаемые книги. Постоянная объективная товарищеская критика, несомненно, окажет серьезную помощь в повышении качества монографий, учебников, научно-популярной литературы и тем самым будет способствовать общему развитию исторической науки.

Г. А. Конюхов

В МУЗЕЕ РЕВОЛЮЦИИ СССР

В феврале с. г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Государственного музея революции СССР совместно с партийным комитетом комбината «Трехгорная мануфактура», посвященное 80-летию со дня рождения Н. И. Подвойского. Н. И. Подвойский с 1918 г. находился на партийном учете в этой парторганизации.

С докладом о жизни и революционной деятельности Н. И. Подвойского выступил М. Н. Коковихин. Николай Ильич Подвойский, сказал он, начал свою революционную деятельность в 1898 году. В 1901 г. Николай Ильич вступил в ряды РСДРП. После II съезда РСДРП Н. И. Подвойский в рядах большевиков вел упорную и принципиальную борьбу с меньшевиками и эсерами. Он принимал активное участие в первой русской революции. Царские власти пять раз арестовывали Н. И. Подвойского.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции Н. И. Подвойский был избран членом первого легального Петербургского комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он один из руководителей Военной организации при ЦК партии. Николай Ильич был делегатом VI съезда РСДРП(б). В период проведения Октябрьского вооруженного восстания Н. И. Подвойский являлся председателем Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и одним из руководителей штурма Зимнего дворца.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Николай Ильич был членом коллегии Народного комиссариата по военным делам и членом Реввоенсовета республики. Он непосредственно руководил боевыми операциями во время подавления и разгрома контрреволюционных выступлений в ряде районов страны. В 1919 г. он являлся народным комиссаром по военно-морским делам Украины.

После окончания гражданской войны и

разгрома иностранной военной интервенции Н. И. Подвойский принимал активное участие в общественно-политической жизни страны, неоднократно избирался членом ВЦИК, на XIII, XIV, XV съездах партии — членом Центральной контрольной комиссии, был членом коллегии Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, где проводил большую и разностороннюю работу. Все, кто знал Н. И. Подвойского, сказал в заключение своего доклада М. Н. Коковихин, отмечали его скромность, задушевность, кристальную честность, принципиальность и беззаветную преданность большевистской партии и социалистической Родине.

Н. Ф. Кузьмин (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) в своем выступлении говорил о больших заслугах Н. И. Подвойского в организации военной защиты молодой Советской республики, а также о его помощи в создании капитального научного труда —«История гражданской войны в СССР».

Н. Г. Немиров (Центральный музей Советской Армии) осветил роль Н. И. Подвойского в реализации ленинского декрета о создании Красной Армии, а также рассказал о том внимании, которое он уделял воспитанию советских воинов.

Воспоминаниями о Н. И. Подвойском поделились бывший член Петроградского военно-революционного комитета М. П. Ефремов, знатная ткачиха комбината «Трехгорная мануфактура» Н. И. Дубяга, генерал-лейтенант в отставке А. И. Тодорский, А. А. Северьянова, И. А. Жолдак, дочь Н. И. Подвойского О. Н. Подвойская.

На заседании были оглашены письма старых большевиков, лично знавших Н. И. Подвойского. Е. Д. Стасова писала: «Николай Ильич отличался огромным мужеством: его не смогли сломить ни тюрьмы, ни пытки, которым его подвергали жандармы, ни постоянные преследования охранки. Как только он выходил на волю после очередного ареста, так тут же становился в передовые шеренги борцов за дело партии».

К. Т. Свердлова в своем письме вспоминала: «Мне постоянно приходилось встречаться с Николаем Ильичом до последних дней его жизни. В нем всегда поражала исключительная жизнерадостность, неистребимая вера в торжество нашего дела, изумительная бодрость и энергия, которые не могло сломить ничто. Николай Ильич Подвойский был образцом большевика, образцом подлинного ленинца, жизненный путь которого должен вечно служить примером многим и многим поколениям строителей коммунизма».

В заключение директор Государственного музея революции СССР А. И. Толстихина призвала старых большевиков еще больше помогать музею в собирании материалов о жизни и деятельности активных участников революции и социалистического строительства, в том числе и о Н. И. Подвойском. Эти материалы окажут помощь в создании научных трудов, раскрывающих героическую историю борьбы советского народа за коммунизм.

В. И. Девятов,
А. Е. Смирнов

В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Исторический музей существует с 1883 года. В первые годы после открытия в его коллекциях имелось всего около 9 тыс. экспонатов. Постепенно собрания музея пополнялись, главным образом за счет дарственных поступлений, и ко времени Великой Октябрьской социалистической революции составили 288 тыс. единиц.

После Великого Октября объем и характер работы музея коренным образом изменились. Изданный в 1918 г. Советским правительством декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины» поднял значение музейного дела в культурном строительстве социалистического государства. Фонды музея значительно увеличились за счет национализированных частных собраний, а также благодаря плановому распределению государственных музейных коллекций.

Государственный исторический музей призван собирать, хранить и изучать памятники и документы по истории культуры народов Советского Союза, а также

вести пропаганду научных знаний с целью воспитания у советских людей коммунистического сознания и советского патриотизма [1].

Коллекции музея распределены по 16 хранительским отделам: три археологических, различающихся между собой хронологически (эти же отделы в отличие от остальных являются одновременно и экспозиционными), нумизматический, рукописей и письменных источников (архив), картографии, изобразительных материалов, архитектурной графики, древнерусской живописи, тканей, керамики, металла, драгоценных металлов, дерева, оружия. Кроме того, имеется обширная фототека.

Археологические собрания насчитывают около 900 тыс. единиц. Среди них особую ценность представляют коллекции по неолиту и бронзе; коллекции Северного Кавказа, Южной Сибири и степной Украины; небольшая, но имеющая важное значение коллекция Трипольской культуры; известная за пределами Советского Союза сибирская бронза; уникальные маски Таштыкской культуры; алтайские древности Катандинского кургана; комплекс китайского дома, обнаруженный при раскопках под Красноярском в 1946 г.; обширный комплекс крестьянских курганов, характеризующий феодальную деревню X—XIV вв.; материал новгородских раскопок; античные коллекции Причерноморья.

Нумизматический отдел по количеству (до 1 млн. единиц) и составу экспонатов не уступает крупнейшим европейским собраниям. Наиболее богат и разнообразен русский раздел, где массовый подбор монет отдельных категорий позволяет использовать их в качестве источниковедческой базы. Большой полнотой и обилием типов отличается коллекция кладов. Хорошо подобрана античная коллекция. В этом же отделе хранится большая коллекция русских и зарубежных орденов и медалей, а также интересное собрание государственных и частных печатей.

Отдел рукописей и старопечатных книг включает собрания б. Московской Синодальной библиотеки, коллекции Уварова, Хлудова, Вострякова и другие. Здесь хранится уникальный памятник русской культуры XII в.— Мстиславово евангелие, а также Сказ Афанасия Никитина. Интересны греческие грамоты IX—XVII вв., хорошо подобраны славянские рукописи XIII—XVIII веков. Особый раздел составляют грамоты на бересте, обнаруженные при раскопках в Новгороде. Они свидетельствуют о широком распространении письменности на Руси в X—XIII вв. и представляют большой интерес для языковедов.

Многочисленны и разнообразны собрания отдела письменных источников. Они включают крупные вотчинные фонды Голицыных, Куракиных и другие, рисующие картину экономики России XVIII—XIX вв.; значительный материал по истории науки и культуры; ценные документы по истории революционного движения.

В отделе картографии собраны карты и атласы XVI—XX веков. Из них прежде всего надо назвать карты Герберштейна 1550 г. и Дженкинсона 1562 г., карту Шхонебека XVIII в., изданную в Амстердаме и изображающую Азовский поход Петра I, рукописную карту Сибири конца XVII — начала XVIII в., на которой обозначено одно из первых начертаний Камчатки. Значительная коллекция карт отражает экономические преобразования в России XVIII—XIX веков.

Отдел изобразительных материалов по разнообразию и количеству коллекций (до 300 тыс. единиц) шире обычного музейного отдела. Это скорее комплекс нескольких отделов. Здесь и значительное собрание живописи, миниатюр и рисунков, ценное не только работами В. Рокотова, И. Аргунова, В. Тропинина, А. Орловского, П. Боклевского, В. Верещагина, В. Серова, И. Репина, но представляющее и чисто исторический интерес. В отделе хранится Колодеевская коллекция, исключительная по полноте материала, отражающего события 1812 г., коллекция графики известного собирателя П. Я. Дашкова, дающая ценный материал по истории развития русской гравюры, а также истории культуры XVIII—XIX веков. Чрезвычайно интересны иконографический материал по истории декабристов, коллекция лубков, большой фонд фотографий и т. д.

В отделе архитектурной графики следует отметить первый геодезический план Москвы 1759 г., составленный И. Мичуриным, а также значительное количество чертежей, среди которых подписные чертежи Д. Ухтомского, М. Казакова, Ч. Камерона, Д. Кваренги, О. Бове, А. Григорьева, Е. Тюрина, Ф. Рихтера, Н. Каменского, А. Резанова, Н. Бенуа, Н. Никитина,

[1] См. «Положение Государственного исторического музея».

В. Шервуда, М. и Д. Чичаговых и др. Здесь же хранится серия гравюр Патерсона, Делабарта, Кадолля, альбом Садовникова, рисунки Шарлеманя и Белоногова и т. д.

Собрание древнерусской живописи составлено из коллекций археологического кабинета Московского университета, коллекций Соловецкого монастыря и Александровской слободы, частных собраний и упраздненных церквей. Здесь находятся интереснейшие памятники древнерусской живописи начиная с XIII в. и кончая работами Симона Ушакова.

Исключительно по своему составу собрание отдела тканей, где широко представлен народный костюм различных губерний старой России, городское платье XVIII и XIX вв. различных социальных групп. Очень полно подобрана коллекция платков и шалей, дающая представление о развитии русского ткачества. В отделе хранится шитая пелена Елены Волошанки 1498 г., ценная не только высоким художественным исполнением, но и тем, что она отражает определенные исторические события. Интерес представляют мемориальные вещи, связанные с Иваном Грозным, Петром I, героем обороны Севастополя адмиралом Корниловым, героями Великой Отечественной войны.

Собрание резной кости дает возможность проследить развитие этого промысла в XVIII—XIX вв., определить специфику его отдельных центров.

Коллекции отдела керамики имеют большое значение для изучения истории производства. Особенно полно подобрана коллекция Гжельского фаянса, кубков и стеклянных штофов, нередко имеющих дату. Интересен виноградовский фарфор, изделия Скопина, небольшая, но очень своеобразная коллекция советского фарфора 20-х годов.

В отделе металла широко представлены орудия труда, разнообразные осветительные приборы, небольшая, но чрезвычайно интересная коллекция тульских стальных изделий, которая дает яркое представление о широте производства и высоком мастерстве тульских оружейников. Богатством образцов отличается коллекция медной и оловянной посуды. Клейма на изделиях позволяют установить и уточнить целый ряд производственных центров.

Наиболее ценными в собрании отдела драгоценных металлов являются коллекции черни Великого Устюга, Вологды, Москвы, усольские эмали, скань XVII в., русское серебро XVII—XVIII вв., по которым можно проследить развитие форм и орнамента в этой области ювелирного дела.

Очень богаты фонды отдела дерева. Здесь собраны образцы архитектурной резьбы. Среди них детали, имеющие имя мастера и дату, принадлежности промыслов, предметы быта. Уникальна по разнообразию коллекция прялок различных губерний старой России, резная посуда, в том числе ковш, датированный 1812 годом. Богато представлены деревянная народная игрушка, пряничные доски XVII—XIX вв. и до 500 образцов набойных досок.

Коллекция мебели, сравнительно небольшая, но довольно полная, дает возможность проследить развитие мастерства русских краснодеревцев и резчиков, а также изменение стилей от XVII до XX века.

Коллекции отдела оружия отражают историю вооружения русской армии, а также развитие оружейного дела в России и в зарубежных странах Запада и Востока в XVII—XIX веках.

Исторический музей — крупнейшее хранилище памятников истории народов СССР. Его коллекции систематически пополняются, прежде всего материалами, отражающими условия труда и быта широких трудящихся масс. В этих целях организуются экспедиции, ставшие теперь основной формой собирательской деятельности музея. За годы Советской власти проведено около 300 археологических и около 70 историко-бытовых экспедиций.

В музее ведется большая исследовательская работа. Научная обработка археологических коллекций помогла изучению целого ряда проблем эпохи неолита и бронзы, а также древнейшей и раннесредневековой истории. Большое внимание уделяется такому чрезычайно важному вопросу, как история древнерусской деревни.

Вещевой и документальный материал, привезенный экспедициями, способствовал разработке ряда вопросов развития капитализма в России: расслоения крестьянства, отходничества, формирования пролетариата, условий труда и положения пролетариата в мелких промыслах и на фабриках и заводах, условий жизни и труда рабочих на предприятиях с многонациональным составом, а также на предприятиях, находившихся в руках иностранного капитала; развития революционного движения в России конца XIX — начала XX века. Ряд исследований посвящен вопросам военного

дела, быта, культуры, истории ремесла, народному творчеству.

Музей стремится сделать свои фонды широко доступными для исследования. Для этой цели ведется большая работа по публикации памятников, составлению научных каталогов, обзоров, указателей, путеводителей и т. п. В настоящее время вышло в свет 33 выпуска «Трудов» и 30 выпусков «Памятников культуры», в том числе: «Таманский саркофаг» Н. В. Пятышевой, «Гжельская керамика» А. Б. Салтыкова, «Черневое серебро Великого Устюга» Т. Г. Гольдберг, «Русские набойные ткани XVI—XVII вв.» Л. И. Якуниной, «Тульское художественное оружие XVIII—XIX вв.» М. М. Денисовой и М. Э. Портного, «Изображения русских исторических лиц в шитье XV в.» М. В. Щепкиной, «Первые книги московской печати» Т. Н. Протасьевой, «Русская деревянная посуда» С. К. Просвиркиной, «Материалы к портрету М. В. Ломоносова» А. Л. Вейнберг, «Русская мебель второй половины XVIII в.» З. П. Поповой, «Новые находки Восточного серебра в Приуралье» А. П. Смирнова, «Русская деревянная резьба XIX в.» С. К. Жегаловой, «Русская художественная бронза» Н. Р. Левинсона и Л. Н. Гончаровой, «Русское художественное серебро» М. М. Постниковой и Н. Г. Платоновой, «Рукописные сокровища в собрании ГИМ» М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой, «Письменные источники в собрании Исторического музея» (сборник, содержащий статьи с характеристикой основных фондов отдела) и др. С 1959 г. возобновлено издание «Ежегодника», подводящего итоги разносторонней и многообразной работе музея за год.

В экспозициях 47 залов музея на богатом материале археологических раскопок, документах, памятниках материальной культуры и изобразительного искусства воспроизводится история нашей страны с древнейших времен до эпохи империализма: история развития хозяйства, политических учреждений, культуры, борьбы народов за независимость. Экспозиция музея раскрывает исторический процесс прежде всего как историю трудящихся масс. В этом ее характерное отличие от экспозиций национальных музеев капиталистических стран.

Первые шесть залов экспозиции посвящены периоду первобытнообщинного строя (эпохе палеолита и неолита) и истории первых рабовладельческих государств на территории нашей страны. В экспонатах 7 и 8-го залов показана история восточных славян и первого древнерусского раннефеодального государства — Киевской Руси. Отдельный зал (9-й) рассказывает об истории старинного русского города Великого Новгорода.

Экспонаты 10-го зала характеризуют культуру древней Руси X—XIII веков. Здесь представлены рукописи, грамоты, образцы прикладного искусства, скульптура, рисунки и фрагменты памятников русского зодчества, монументальной и станковой живописи, изделия русских ремесленников и т. п.

Период феодальной раздробленности показан на примере одного из сильнейших русских княжеств — Владимиро-Суздальского (11-й зал). Материалы, связанные с Золотой Ордой (12-й зал), освещают вопрос о паразитическом характере этого государства и отражают героическую борьбу русского народа против татаро-монгольского ига. Залы 13—19-й раскрывают процесс сложения единого русского государства в XV в. с центром Москвой, его дальнейший рост и укрепление, усиление централизованной власти в XVI в., развитие ремесла, рост городов, расширение торговых связей, политическую борьбу, подъем экономики в XVII в., возникновение мануфактур, напряженную классовую борьбу и восстание под руководством С. Т. Разина, развитие литературы, изобразительного и прикладного искусства, народного творчества.

20—21-й залы отражают преобразования Петра I, способствовавшие дальнейшему экономическому, политическому и культурному развитию России, но вместе с тем принесшие новые формы эксплуатации народных масс. Из экспонатов этих трех небольших залов, показывающих русскую историю второй четверти XVIII в., особого внимания заслуживают подлинные материалы, связанные с М. В. Ломоносовым. Издания его трудов, предметы оборудования лаборатории, первые образцы художественной мозаики, созданные М. В. Ломоносовым, характеризуют необыкновенную многогранность деятельности великого ученого, поэта, художника.

Следующие залы — 22—27-й — посвящены экономике, внешней политике, культуре России второй половины XVIII века. Различные предметы, изобразительный и документальный материал отражают экономику России со всеми особенностями и

противоречиями того периода, когда крепостнические отношения уже стали тормозом для дальнейшего развития производительных сил.

Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева представлена рядом экспонатов. Есть здесь подлинное вооружение крестьян — от башкирских луков до пушек уральских рабочих, знамя одного из отрядов, железная клетка, в которую был посажен Пугачев во время следствия. Зарождение революционной мысли показано на материалах, связанных с А. Н. Радищевым: «Путешествие из Петербурга в Москву», списки с него и т. д.; разнообразные экспонаты дают представление о подъеме и богатстве русской науки, техники и культуры того времени.

Специальные залы посвящены Отечественной войне 1812 г. и первому вооруженному выступлению против самодержавия — восстанию декабристов. Залы 28-й, 30—32-й охватывают вопросы экономики России первой половины XIX в., в частности рост крупного капиталистического промышленного производства; общественно-политические движения 30—40-х годов, в том числе деятельность В. Г. Белинского и А. И. Герцена; вопросы внешней политики и развития культуры. Зал 33-й отражает события героической обороны Севастополя во время Крымской войны.

Следующие шесть залов раскрывают историю России со времени отмены крепостного права до 1900-х годов. Особое внимание уделяется развитию капитализма, положению трудящихся масс, развитию революционного движения.

Помимо подлинных материалов, в экспозиции используются реконструкции, картины на исторические темы, архитектурные макеты, муляжи древних рукописей и документов. Наиболее интересны из них галерея образов первобытного человека, а также портретные изображения некоторых исторических деятелей древней Руси (Ярослав Мудрый, Андрей Боголюбский), созданные скульптором-антропологом М. М. Герасимовым, картины В. Васнецова, Г. Семирадского, В. Верещагина, макеты Московского Кремля XV в., Якутского острога, Казанского собора, бюст В. И. Ленина работы Н. В. Томского и т. д.

У музея есть несколько филиалов: Покровский собор, б. Новодевичий монастырь, Коломенское, дом боярина, церковь Троицы в Никитниках и церковь в Острове. Это выдающиеся памятники русской архитектуры XVI—XVIII веков. В трех из них — Покровском соборе, Новодевичьем монастыре и Коломенском — развернуты исторические экспозиции. В остальных ведутся реставрационные работы.

Исторический музей не ограничивается демонстрацией материалов в открытых залах. Его хранительские отделы являются, по существу, продолжением и дополнением экспозиции, где посетители могут подробно познакомиться с определенной областью материальной культуры.

В музее регулярно устраиваются специальные выставки — стекла, фарфора, тканей, деревянной посуды, архитектурной резьбы, охотничьего оружия и т. д.

Музей принимает также участие в организации совместно с другими учреждениями выставок, освещающих творчество отдельных художников — В. Верещагина, В. Серова, И. Репина, В. Тропинина, А. Орловского, а также зарубежного искусства — английского, арабских стран и т. п. Экспонаты музея были представлены на Всемирной выставке в Брюсселе и на советской выставке в США.

Задачи пропаганды исторических знаний обусловили один из важнейших видов музейной работы — культурно-просветительную.

Музей вместе с его филиалами ежегодно посещает свыше миллиона человек (с 1883 по 1913 г. было всего 500 тыс. посетителей): рабочие, служащие, крестьяне, советские воины, учащиеся средних, специальных и высших учебных заведений, специалисты различных областей науки и культуры, советские и зарубежные туристы. Научные сотрудники проводят с посетителями экскурсии по двадцати с лишним темам, учитывая все многообразие запросов и интересы этой многочисленной аудитории. Большое внимание уделяется обзорным экскурсиям по музею, знакомящим посетителей с большими разделами экспозиции.

Важную область составляет работа со школьниками, которые систематически посещают музей для расширения своих знаний по русской истории в соответствии с учебной программой. При школьном кабинете музея создан ряд кружков: археологии, истории, истории русской культуры, оружия, керамики, фарфора, тканей, орденов и медалей. Занятия в кружках углубляют знания школьников, прививают им любовь к истории нашей Родины, к рус-

ской национальной культуре, учат методике работы над памятниками культуры. В художественных кружках (их восемь) ребята сами изготовляют при помощи опытных руководителей наглядные пособия для школ.

Методисты музея систематически проводят семинары для педагогов и студентов педагогических институтов по вопросам использования музейного материала в преподавании истории.

Большая консультационная работа ведется научными сотрудниками в хранительских отделах. Здесь ежегодно бывает до 5 тыс. посетителей: научные работники, аспиранты и студенты, специалисты — художники и технологи ткацких фабрик, фарфоровых и стекольных заводов, ювелиры, резчики по кости, камню, дереву, оружейники и, наконец, деятели литературы, театра, кино. В музее постоянно работают и сотрудники различных музеев СССР.

Являясь, по существу, национальным музеем страны, ГИМ тесно связан не только с научными учреждениями (Академией наук СССР, архивами, университетами, вузами) и многочисленными музеями Советского Союза, но также с широкими кругами зарубежных ученых. Только за последние годы в стенах музея занимались ученые и студенты Австрии, Англии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Италии, Китая, Кореи, Ливана, Монголии, Норвегии, Новой Зеландии, Польши, Румынии, Сирии, США, Судана, ФРГ, Франции, Чехословакии, Швеции, Югославии. Число их достигает нескольких сот человек. Круг тем, интересующих зарубежных коллег, очень широк: от проблем культуры бронзы, средневекового сельского хозяйства, античной нумизматики, славянства, древнерусского и византийского искусства до общих вопросов постановки музейного дела в СССР, системы хранения, консервации и реставрации памятников. Особый интерес для иностранных ученых представляет экспозиция музея, которой они неизменно дают высокую оценку.

Фотолаборатория музея выполняет большое количество зарубежных заказов (за последние три года — свыше 3 тысяч). Библиотека ГИМ регулярно обменивается изданиями и периодической литературой с научными учреждениями почти 30 государств.

Одним из видов научного контакта является обмен экспонатами. Государственный исторический музей получил от Национального музея в Копенгагене образцы датских неолитических орудий. В свою очередь, музей направил в Данию несколько каменных, костяных и глиняных изделий Фатьяновской и Горбуновской культур. Получен также ряд копий с предметов погребения эпохи ранней бронзы в Германии, древние орудия труда и прекрасные вазы из Пекина и т. д.

Некоторые зарубежные ученые выступали с докладами на научных конференциях музея (директор Национального музея в Копенгагене проф. Брёнстед, главный хранитель музея в Осло Анна Розенквист, нумизмат Натхорст Бёёс).

Исторический музей ставит задачей подготовить и открыть в ближайшие годы экспозицию истории России эпохи империализма, революции 1905 г., времени подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Одновременно предполагается пересмотреть в связи с новыми научными данными существующую экспозицию, расширить и дополнить ее материалами из истории народов СССР. Коллектив сотрудников музея стремится также к тому, чтобы создать открытую экспозицию фондов.

А. В. Королева, Т. Н. Сидорова

Хроникальные заметки

◆ Впервые вышли отдельной книгой «Письма трудящихся к В. И. Ленину». Московские металлурги и бакинские нефтяники, рыбаки Севера и воспитанники детского дома Сибири, незаможные селяне Украины и бойцы Севастопольской крепости — все искали у Ильича совета и хотели сказать о своей любви к нему, о готовности отдать жизнь за дело революции. Сборник охватывает период с ноября 1917 г. по январь 1924 года. Письма трудящихся В. И. Ленину, главе Советского правительства, вождю Коммунистической партии, приведшей народ к освобождению, полны глубокой благодарности, готовности защитить Советскую власть от любого врага. Не было такой вражеской силы, которая могла бы запугать рабочих и крестьян, погасить их революционный энтузиазм, сломить их энергию в борьбе за новую жизнь. Владимир Ильич не оставлял без внимания и ответа ни одного серьезного письма. В сборнике помещены ответы В. И. Ленина на многие письма, его резолюции, заметки, сделанные на письмах.

◆ «В. И. Ленин во главе великого строительства» (М. 1960) — так называется новая книга, в которой собраны воспоминания рабочих, крестьян, видных деятелей Советского государства. Эти воспоминания показывают огромную роль Владимира Ильича в созидании основ социалистической экономики первого в мире государства трудящихся. В. И. Ленин был гениальным теоретиком научного коммунизма, организатором и руководителем социалистического строительства. О борьбе Владимира Ильича за преобразование отсталой России в могучую социалистическую державу, о его деятельности как руководителя хозяйственного строительства рассказывается в новой книге.

◆ Государственная публичная историческая библиотека в целях оказания помощи научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, учителям средней школы, пропагандистам готовит серию фундаментальных библиографических указателей документальных публикаций по истории советского общества. Сданы в печать два первых выпуска: «Великая Октябрьская социалистическая революция» (25 печ. листов) и «Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» (38 печ. листов). В библиографических указателях отражены публикации произведений В. И. Ленина, решений съездов и конференций большевистской партии, документов ЦК и местных партийных организаций, материалов, характеризующих деятельность Советов, профсоюзов, комсомола и других массовых организаций трудящихся, материалов, посвященных строительству Красной Армии и Флота, военным действиям на фронтах гражданской войны, социалистическим преобразованиям в экономике страны, развитию науки и культуры, внешней политике Советского государства и международной пролетарской солидарности, приведены статистические данные и хроники революционных событий. Указатели документальных публикаций снабжены подробными аннотациями, в которых приводятся даты документов, их краткое содержание и источниковедческие характеристики.

◆ Историками, работающими в вузах и научных учреждениях Свердловска, опубликованы юбилейные сборники по истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и социалистического строительства на Урале. Уральский филиал Академии наук СССР издал первый выпуск сборника статей «Ученые Урала в борьбе за технический прогресс» (1959). Уральский госуниверситет выпустил сборник статей «Вопросы истории Урала» (1958) и монографию В. Я. Кривоногова «Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке» (1959). Свердловское областное книжное издательство намечает издание серии книг по истории заводов области. Уже опубликован небольшой сборник по истории Северского завода и подготовлен первый выпуск сборника статей историков-архивистов и исследователей Свердловского госархива «Из истории заводов и фабрик Урала».

В начале 1959 г. вышли в свет «Очерки истории Свердловска». Кроме того, изданы юбилейный сборник «40 лет государственных архивов Свердловской области», документальный сборник «Национализация промышленности на Урале» и обзор документов Свердловского госархива по истории Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловский областной краеведческий музей также выпустил несколько изданий с материалами по истории Урала, области и города Свердловска.

◆ В Ленинграде свыше 230 памятных ленинских мест. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина открыты мемориальные доски на многих зданиях, связанных с жизнью и революционной деятельностью великого вождя: на доме № 113 по проспекту Обуховской обороны, где в комнате рабочего Н. Е. Меркулова Владимир Ильич в 1894—1895 гг. руководил марксистским кружком и участвовал в собраниях передовых рабочих Невской заставы; на доме № 3 по Колпинской улице, где в квартире проф. Н. Е. Книповича в 1905—1907 гг. неоднократно бывал В. И. Ленин, проводивший здесь совещания с партийными работниками; на здании Октябрьского вагоноремонтного завода, на территории которого в первой половине мая 1917 г. перед рабочими Невской заставы Владимир Ильич выступил с речью о текущем моменте.

Две мемориальные доски открыты в бывшем дворце Кшесинской (здесь помещается ныне Музей Великой Октябрьской социалистической революции), где с 11 марта по 6 июля 1917 г. находились Центральный и Петербургский комитеты большевистской партии. В. Смольном, в зале, где состоялся

II Всероссийский съезд Советов, также открыты две мемориальные доски. Такая же доска имеется в одной из здравниц Каменного острова в память посещения Владимиром Ильичем в июле 1920 г. (во время его последнего пребывания в Петрограде) домов отдыха для рабочих, созданных по его инициативе.

◆ Интересная форма пропаганды исторических знаний применена сотрудниками Музея истории и реконструкции города Москвы. С 1959 г. здесь устраиваются выставки по истории и реконструкции отдельных районов столицы. Уже проведены такие выставки по Москворецкому, Ленинградскому и Киевскому районам. История города, богатая выдающимися событиями, дает многочисленный материал для выставок. Используется, в частности, существующая экспонатура экспозиции, а также новые материалы, собираемые сотрудниками музея во время историко-бытовых экспедиций на предприятиях, в учреждениях и на стройках соответствующего района. Перед посетителями музея встает интересная картина событий далекого прошлого, революционной борьбы трудящихся, роста и развития каждого городского района за годы Советской власти, его благоустройства и реконструкции. Специальный зал на выставках отводится для показа того, каким будет район после выполнения семилетки. На выставках научные сотрудники музея и московские архитекторы дают консультации по вопросам, интересующим экскурсантов. Выставки оживили работу музея, их посетило уже несколько сот тысяч человек. В помощь посетителям, интересующимся прошлым той или иной части города, составлены краткие справки по истории отдельных районов Москвы.

◆ Сектор византиноведения Института истории АН СССР приступил к подготовке коллективного труда «История Византии» (в трех томах). Первый том будет включать историографический обзор развития византиноведческой науки в СССР и за рубежом и раздел «Зарождение феодальных отношений и падение рабовладельческого строя в Византии в IV—VII веках». Второй том охватывает два раздела: «Раннефеодальное общество и государство в Византии. Преобладание в византийской деревне свободной крестьянской общины (VII — середина IX в.) и «Оформление феодальных институтов в Византии» (середина IX—XII в.). Третий том посвящен периоду феодальной раздробленности в Византии (XIII — середина XV в.); он затрагивает также начало разложения феодальных отношений (XIV—середина XV в.).

В «Истории Византии» будут подробно рассмотрены вопросы социально-экономического развития, классовой борьбы и отношений внутри господствующего класса, внешнеполитической истории. Специальные главы будут посвящены истории русско-византийских отношений. В каждом разделе будет уделено значительное место истории материальной культуры, быта, науки, литературы, искусства, музыки. Каждый раздел будет иметь научный аппарат, карты и иллюстрации, а также обширный справочный отдел (библиография, хронологические и генеалогические таблицы, таблицы мер и монет).

Ответственным редактором издания утвержден академик С. Д. Сказкин. В состав редакционной коллегии входят: академик М. Н. Тихомиров, член-корреспондент АН СССР В. Н. Лазарев, член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, Е. Ч. Скржинская. Ответственные редакторы томов: З. В. Удальцова (I том), А. П. Каждан (II том) и Г. Г. Литаврин (III том).

◆ Главное архивное управление при Совете Министров СССР получило в порядке обмена от Библиотеки конгресса США микрофильм некоторых документальных материалов. Наибольший интерес среди них представляют материалы о торговой деятельности Г. И. Шелихова и А. А. Баранова в 1783—1798 гг. и документы Российско-американской компании за 1799—1817 годы. Микрофильм включает также инструкции русского правительства Шелихову, Баранову, Резанову и другим руководителям компании, их отчеты по различным вопросам деятельности компании, ведомости товаров, направляемых компанией в Россию и получаемых для нужд русских колоний на Аляске, справку о первых русских поселенцах в Америке в 1741 г., журнал плавания торгового судна компании «Юнона» в США в 1806 г., материалы о составе служащих компании и др. Микрофильм будет ценным дополнением к сравнительно немногочисленным материалам по истории Российско-американской компании, имеющимся в советских архивах. Среди включенных в микрофильм материалов известного русского библиофила Г. В. Юдина имеются автобиография, написанная им в 1908 г., краткое описание, а также 55 тыс. карточек каталога «Красноярской библиотеки» Г. В. Юдина, проданной им в США в 1907 году.

ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ РЕВАНШИЗМА

Журнал «Zeitschrift für Ostforschung Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa» выходит в Марбурге на Лане (ФРГ) с начала 1952 года. Выпускает его так называемый исследовательский совет Иоганна Готфрида Гердера, в котором в период наибольшего обострения «холодной войны» объединились историки и этнографы Западной Германии, известные своим враждебным отношением к славянским народам и силам социализма.

Один из издателей журнала, Герман Аубин, принадлежит к числу наиболее реакционных западногерманских историков, которые безоговорочно поддерживают политику боннского правительства и при малейшей возможности проявляют свою безграничную ненависть к Советскому Союзу и странам народной демократии. Два других издателя — Эрих Кайзер, до 1945 г. работавший в так называемом Институте восточных стран (Ostlandinstitut) в Гданьске, и Г. Шленгер, подвизавшийся до 1945 г. во Вроцлаве,— также открыто выступают как защитники интересов империалистической внешней политики нынешнего западногерманского правительства, занимающего агрессивную позицию по отношению к восточным соседям Федеративной Республики Германии [1].

Исследовательский совет и институт Иоганна Готфрида Гердера в Марбурге объектом своих «исследований» избрали часть Центральной Европы, для наименования которой ими был изобретен даже специальный термин — «восточная часть Центральной Европы» («Ostmitteleuropa»). С самого начала своего возникновения германский империализм заявлял на эту территорию особые претензии вопреки жизненным интересам народов, ее населяющих. Германский империализм рассматривал и рассматривает эту часть Европы исключительно как «сферу своего влияния», более того, как часть немецкой территории. Так, например, Эрих Кайзер, руководитель института Гердера, в первом номере журнала «Zeitschrift für Ostforschung» писал, что «Германия не оканчивается на Лабе, Одре или Висле» [2]. Немцы якобы всегда являлись на этой территории и еще дальше к востоку «пионерами общеевропейского движения», и им принадлежала главная заслуга в развитии культуры других народов этих областей. Такое заявление является повторением агрессивного тезиса старой немецкой империалистической историографии, несмотря на то, что исторические факты и результаты исследований, проведенных советскими, польскими, чехословацкими и немецкими историками-марксистами, давно его опровергли.

«Восточная часть Центральной Европы» в понимании института Гердера и журнала «Zeitschrift für Ostforschung» включает в себя нынешнюю территорию Чехословакии, Польши и Советской Прибалтики. Для «изучения» истории советских прибалтийских республик, бывшей Восточной Пруссии, западных польских областей, чешских земель (которые в журнале до сих пор именуются как «Судетские земли») созданы специальные исторические комиссии совместно с политическими организациями реваншистов. Наряду с историками в них сотрудничают специалисты по языкознанию, этнографии, истории искусства, права, экономики и некоторых других областей науки. Все они не скрывают актуального и политического значения стоящей перед ними задачи — работать в интересах возрожденного западногерманского империализма.

Содержание номеров журнала «Zeitschrift

---

[1] См. «Die «Ostforschung» — ein Stosstrupp des deutschen Imperialismus». Журнал «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее «ZfG»), 1958, № 6.

[2] «Zeitschrift für Ostforschung Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa» (далее «ZfO»), 1952, № 1, S. 102.

für Ostforschung», вышедших в 1958—1959 гг., показывает, что направление журнала при сохранении его общей тенденции несколько изменилось по сравнению с 1952 годом. Прежде всего журнал стал отличаться от традиционного «исследования восточных стран», характерного для периода до 1945 года. В этом нашло отражение определенное изменение тактики немецких реваншистов, осуществляемой ими в последние годы. Теперь уже не выдвигаются на первый план крикливые призывы к территориальным изменениям в Центральной Европе, к «возвращению» или «вознаграждению» переселенцев из Польши и Чехословакии, характерные для периода наибольшего обострения «холодной войны». Реваншисты не могут не считаться с изменениями в международной обстановке, происшедшими, в частности, после 1956 г., и вынуждены о своих намерениях говорить более осторожно.

По отношению к восточноевропейским народам эта новая тактика находит свое выражение в том, что осуждается односторонность старых германских «исследований восточных стран», направленных лишь на то, чтобы доказать существование немецкого влияния в Центральной и Восточной Европе, но игнорировавших историю и культуру народов, населяющих эти территории. Во всех программных заявлениях, сделанных после второй мировой войны и особенно в последние годы, лицемерно подчеркивается необходимость признать самостоятельность и самобытность этих народов, проводится мысль о том, что в «общеевропейских интересах» следует покончить с грубым национализмом и расизмом гитлеровского режима. Германский империализм, вновь поднимающий голову и вынашивающий захватнические планы, пока не может осуществить их путем открытой агрессии, поэтому идеологическое обоснование этих планов в некоторых вопросах изменилось по форме, хотя и не коснулось существа.

Наибольшее место в журнале отводится в последнее время статьям по истории Чехословакии и Польши. Именно на разборе этих статей мы и остановимся. Из семи статей, опубликованных в первых трех номерах журнала за 1959 г., пять посвящено проблеме новейшей истории Чехословакии. Как подчеркивается во введениях к этим статьям, их авторы якобы не ставят перед собой задачу полемизировать со взглядами чехословацких историков и опровергать их (как это обычно бывало раньше), а стремятся «понять» и «объяснить» эти взгляды. «Проникнуть в духовный мир чешского народа»— такую задачу ставят перед собой, в частности, Р. Плашка и Э. Лемберг.

Авторы этих статей широко используют чешскую литературу, причем не только давно опубликованные труды, но и недавно вышедшие работы чехословацких историков-марксистов.

Венский историк Р. Плашка, опубликовавший в 1955 г. труд о чешской буржуазной историографии [3], в котором чувствуется влияние некоторых традиционных тезисов немецких националистов, посвятил свою статью вопросу «о чешском понятии чешского государственного права» [4]. Эта статья в известной мере характерна для реакционных буржуазных историков. Автор приводит лишь выдержки из работ и выступлений о чешском государственном праве политических лидеров чешской буржуазии во времена Австро-Венгрии Я. Калоушка, Г. Томана, К. Крамаржа и Й. Пекаржа. Ограничиваясь одними цитатами, автор не пытается действительно проанализировать требования чешского государственного права в различные периоды, а за юридическими формулировками увидеть подлинные классовые интересы. В результате получается одностороннее, искаженное представление о существе этих требований. Чешская буржуазия, возрождая так называемое историческое государственное право земель чешской короны, стремилась прийти к компромиссу с Габсбургской монархией. Для широких же масс чешского народа, терпевшего жестокий национальный гнет, лозунг чешского государственного права первоначально означал борьбу за самостоятельное чешское государство и ликвидацию ненавистной Габсбургской монархии. Таким образом, картина, нарисованная Плашкой, в конечном счете означает попытку представить в выгодном свете реакционную политику чешской буржуазии. Тем самым автор проводит идею о якобы благотворности иностранного господства над чешским народом, отказывая ему, по существу, в праве на самостоятельное государственное существование.

Со статьей Плашки перекликается вы-

[3] R. Plaschka. Von Palacký bis Pekař. Geschichtswissenschaft und Nationalbewusstsein bei den Tschechen. Graz-Köln. 1955. См. рецензию F. Graus на эту книгу в «Československý časopis historický» (далее ČSČH»), 1956, № 4.

[4] R. Plaschka. Das böhmische Staatsrecht in tschechischer Sicht. «ZfO», 1959, № 1.

ступление Г. Слапницка (Австрия), который рассматривает вопрос об отношении немцев в чешских землях к историческому государственному праву[5]. Эта статья на первый взгляд также кажется объективной: свои подлинные позиции автор скрывает за цитатами, взятыми из исторических источников. В течение ряда десятилетий немецкая буржуазия в чешских землях вела упорную борьбу против лозунга чешского государственного права. Эта борьба велась и в ходе научных дискуссий и во время политических стычек в земских сеймах, в австрийском парламенте и на судебных процессах. Слапницка обобщил все доводы, которые за несколько десятилетий выдвигались представителями немецкой буржуазии в чешских землях против чешского государственного права, и без всякой критики еще раз изложил различные немецкие националистические положения, давно опровергнутые историческими фактами. Таким образом, автор фактически не только соглашается с этими националистическими взглядами, но и продолжает их развивать.

Еще нагляднее позиция автора проявляется в вопросе о противоположных политических концепциях чешской и немецкой буржуазии в последние десятилетия существования Австро-Венгерской монархии. Автор открыто заявляет, что «мы (то есть реваншисты.— *И. К.*) готовы сегодня усматривать в новом устройстве Австрии в федералистском духе идеальный образец осуществления наднациональной идеи государственного устройства и вообще способ разрешения национального вопроса в Центральной Европе»[6].

Как видно, буржуазные историки не только идеализируют эксплуататорское государство, всемерно затушевывая его характер как орудия господствующих классов, используемого для подавления эксплуатируемых классов и угнетенных народов. Эти историки вообще изображают государство в виде стоящего над классами «носителя государственной идеи»[7]. Подлинный смысл этих рассуждений выступает в свете требований судетонемецких реваншистов, усматривающих в бывшей Австро-Венгерской монархии лучшую форму «наднационального» устройства Центральной Европы. Такая форма давала возможность немецкой буржуазии в чешских землях сохранять господствующее положение, а в последние десятилетия существования Австро-Венгрии страна как экономически, так и политически целиком находилась в подчинении германского империализма, открывая путь к дальнейшему проникновению его на восток и юго-восток. В этом смысле возрождение в какой-то форме придунайской монархии, как считают Слапницка и ему подобные, было бы осуществлением интересов возрожденного западногерманского империализма, стремящегося на данном этапе утвердить и расширить свои позиции в Европе, не прибегая пока к открытому завоеванию чужих территорий.

Автором статьи «О чешском понимании народа и государственной идеологии» является Э. Лемберг[8], который в течение ряда лет занимается историей немецко-чешских отношений[9]. Лемберг сравнительно хорошо знаком как со старой, так и с новой чешской исторической литературой. Признавая частично, что чешская нация возникла в ходе гуситского революционного движения и национального возрождения, то есть революционным образом, Лемберг утверждает, что в современном развитии чешского общества национальный вопрос якобы всегда стоял на первом месте. При

---

[5] H. Slapnicka. Die Stellungnahme des Deutschtums der Sudetenländer zum «Historischen Staatsrecht». «ZfO», 1959, № 1. По этой же проблеме Г. Слапницка выпустил книгу: «Zwischen Zentralismus und Föderalismus. Die staatsrechtlichen Gestaltungsversuche eines übernationalen Österreich und die Sudetendeutschen». Kitzingen am Main. 1953.

[6] H. Slapnicka. Указ. соч. «ZfO», 1959, № 1, стр. 40.

[7] Понятие «примата государственного над национальным» (Primat des Staatlichen vor dem Nationalen) официально пропагандируется, особенно в западногерманской исторической литературе, и призвано служить как защите государства Аденауэра в настоящем, так и защите государства Бисмарка в прошлом, а также борьбе против любого народного движения, выступающего против «государственного разума». См. E. Engelberg. NATO-Politik und westdeutsche Historiographie überdie Probleme des 19. Jahrhunderts. «ZfG», 1959, № 3.

[8] E. Lemberg. Volksbegriff und Staatsideologie der Tschechen. «ZfO», 1959, № 2.

[9] E. Lemberg. Grundlagen des nationalen erwachens in Böhmen. Reichenberg. 1932; его же. Wege und Wandlungen des Nationalbewusstseins. Münster. 1934; его же. Geschichte des Nationalismus in Europa. Stuttgart. 1950; его же. Der deutsche Anteil am Erwachen des tschechischen Volkes. В сборнике «Die Deutschen in Böhmen und Mähren». Gräfelfing. 1950, 2-е изд. 1952; его же. Das Geschichtsbewusstsein der Sudetendeutschen. «Stifter Jahrbuch». Bd. IV. Gräfelfing. 1955, и др.

этом автор не упоминает о социальном и национальном гнете, который терпел чешский народ со стороны германских империалистов. Лемберг защищает борьбу немецких фашистов и генлейновцев против Чехословакии накануне 1938 г. и современный античехословацкий реваншизм, процветающий в Западной Германии. Тот факт, что подобный же вывод Лемберг сделал в статье, опубликованной почти под тем же названием [10] еще в 1938 г., как раз в дни агрессии фашистской Германии против Чехословакии, является более чем красноречивым.

К. Рабль посвятил свою статью проблемам чешско-немецких отношений в последние годы существования Габсбургской монархии и в период возникновения Чехословацкой республики [11]. В ней он использует материалы и идеи, изложенные им в нескольких крупных работах, опубликованных в последний период [12]. Причину противоречий между немецкой и чешской буржуазией, которые в условиях буржуазного строя фактически не могли быть разрешены, Рабль усматривает лишь в национализме чешской буржуазии. При этом автор совершенно необоснованно заявляет, что немецкие политические партии в чешских землях в национальном вопросе занимали умеренную позицию. Бесспорно, с момента образования буржуазной Чехословацкой республики в 1918 г. национальное угнетение чешского народа со стороны Габсбургской монархии сменилось угнетением чешской буржуазией трудящихся классов национальных меньшинств. Политика таких чешских буржуазных деятелей, как Крамарж и Бенеш, отличалась авантюризмом. Однако Рабль совершенно необоснованно ищет причину чешско-немецких противоречий прежде всего в «своеобразии возникновения чешского национализма», считает его исключительным явлением и с негодованием осуждает его, чтобы тем самым иметь возможность предъявить Чехословакии реваншистские требования.

Не случайно, что К. Рабль, так же как и некоторые другие авторы, рассматривает немецко-чешские противоречия по национальному вопросу в первые десятилетия XX в. исключительно как внутреннее дело чешских земель, а затем, после 1918 г., и Чехословацкой республики. Автор даже не упоминает о германском империализме и его агрессивных целях в Центральной Европе. Рабль «не заметил» того факта (недавно он был доказан и в западногерманской литературе [13]), что почти все ведущие представители немецких буржуазных политических партий в чешских землях перед первой мировой войной являлись членами или сторонниками империалистического Общенемецкого союза.

Статьи Р. Плашки, Г. Слапницки, Э. Лемберга и К. Рабля еще до опубликования, 21 октября 1958 г., были зачитаны в Марбурге в виде докладов на заседании так называемой Исторической комиссии по «Судетским землям». Авторы их открыто заявили, что они на первый план выдвигают проблему немецко-чешских национальных отношений Габсбургскую монархию они называли образцом «идеального» сосуществования народов Центральной Европы, а «ограниченный чешский национализм», по их мнению, явился якобы причиной разгрома монархии и образования ЧСР, положившей будто бы начало «трагедии» не только судетских немцев, но и чешского народа.

За судьбу чешского народа судетонемецким реваншистам не следует беспокоиться, так как надежной основой его безопасности и национальной независимости являются народно-демократический строй и дружба Чехословакии с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Совершенно очевидно, что разобранная выше концепция реакционных буржуазных историков направлена на то, чтобы снять вину с германского империализма — главного виновника всех войн и страданий народов Центральной и всей Европы за последние 50 лет.

Та же концепция получила выражение и в статье Г. Йилека, посвященной анализу

---

[10] E. Lemberg. Der Staat im Denken des tschechischen Volkes. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Berlin. 1938.

[11] K. Rabl. «Historisches Staatsrecht» und Selbstbestimmungsrecht bei der Staatsgründung der Tschechoslowakei 1918/19. «ZfO», 1959, № 3.

[12] См. K. Rabl. Der nationale Anspruch der Sudetendeutschen. München. 1957; его же. Das Ringen um das sudetendeutsche Selbstbestimmungsrecht 1918/19. München. 1958; его же. Staatsbürgerliche Loyalität im Nationalitätenstaat — aufgewiesen am Beispiel der böhmischen. Frage zwischen 1914 und 1938. München. 1959; его же. St. Germain und das sudetendeutsche Selbstbestimmungsrecht. В сборнике: «Das östliche Deutschland». Würzburg.

[13] См. A. Kruck. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Mainz. 1954, S. 107.

основных направлений в чешской литературе [14]. Автор пытается доказать, что возникновение в 1918 г. Чехословацкой Республики вовсе не означало перелома в развитии чешской художественной литературы. Образование независимого чехословацкого государства являлось, бесспорно, историческим прогрессом, завоеванием чешского и словацкого народного движения во главе с рабочим классом, и лишь по вине чешской буржуазии и реформистских партий Чехословакия стала буржуазным государством. Вполне понятно, что лучшие представители чешской литературы выражали свое разочарование буржуазным характером государства и в своих произведениях защищали революционное рабочее движение. В полном противоречии с действительностью Йилек, ссылаясь на отдельных реакционных писателей Чехословакии тридцатых годов, говорит о том, что чешская литература еще до распада чехословацкого государства смирилась с неизбежностью этого акта [15]. Подобное заявление звучит как клевета и является сознательным замалчиванием активного участия лучших сил чешской национальной культуры в борьбе против фашизма.

Следует отметить, что этот тезис не является новым. Поддержка позиций старой немецкой империалистической историографии в еще большей мере выражена в статьях и работах, относящихся к периоду феодализма. Наряду с обобщающей работой Зайбта о чешской исторической литературе, посвященной Гусу и гуситству [16], обращает на себя внимание статья М. Гельмана о средневековых учреждениях у славян [17]. Допуская «своеобразие» развития государственности у средневековых славян, автор в действительности повторяет обычные тезисы немецких буржуазных историков о том, что собственное «правительство» у славян создали только иностранцы, что «правовая» защита возникла в результате заимствования германского права и т. д. К. Рабль также оценивает гуситство в старом духе — не как революционное движение, а лишь как «борьбу против немцев» — и пишет, что гуситская традиция для немцев была совершенно неприемлема [18].

Весьма характерно для работ современных буржуазных немецких историков, что не только новейшая история, но и история средних веков в большинстве статей, опубликованных в рецензируемом журнале, освещается с точки зрения актуальных политических проблем. Так, например, Э. Вайзе в статье о стадиях исторического развития Тевтонского ордена в XV в. [19] открыто восхваляет это захватническое государство, идеализирует «честность» немецких рыцарей и помощь «идее христианства», проводит прямую линию от Тевтонского ордена к современности.

Интересы рассматриваемого журнала сосредоточиваются в основном на новой и новейшей истории. Некоторые материалы посвящены и периоду после 1945 года. Так, большая работа касалась развития административного деления на западной территории Польши за Одрой и Нисой в прошлом и при народной власти [20]. Такие работы пишутся явно в интересах реваншистов. В большом обзоре новейшей американской литературы о развитии европейских стран народной демократии в 1945—1956 гг. [21], даже не скрывается его реакционная антикоммунистическая направленность.

Объектом своего «изучения» Советского Союза институт Гердера и издаваемый им журнал сделали Калининградскую область и советские прибалтийские республики. При этом они занимаются не только историей немецкого населения или же правящих классов на этих территориях в прошедшие исторические эпохи, но уделяют внимание также и новейшему периоду. Нескрываемой ненавистью по отношению к социалистическому строю дышит статья Я. А. Бокалдер-

---

[14] H. Jilek. Die Hauptströmungen der neueren tschechischen Literatur bis zum Zweiten Weltkrieg. «ZfO». 1959, № 2.

[15] Там же, стр. 213.

[16] F. Seibt. Hus und die Hussiten in der tschechischen wissenschaftlichen Literatur seit 1945. «ZfO», 1958, № 4.

[17] M. Hellmann. Herrschaftliche und genossenschaftliche Elemente in der mittelalterlichen Verfassungsgeschichte der Slawen. «ZfO», 1958, № 3. см. заметку F. Graus. «ČSČH», 1959, № 2.

[18] K. Rabl. Указ соч. «ZfO», 1959, № 3, стр. 389.

[19] E. Weise. Entwicklungsstufen der Verfassungsgeschichte des Ordenstaates Preussen im 15. Jahrhundert. «ZfO», 1958, № 1.

[20] R. Breyer — H. Hinkel. Verwaltungsgliederung und Raumplanung in Polen und Ostdeutschland vor und nach. 1945. «ZfO», 1959, № 1.

[21] J. S. Roucek. Recent American Literature on Central-Eastern-Balkan Europe. 1945—1956. «ZfO», 1958, № 2.

са о коллективизации сельского хозяйства в Латышской ССР [22].

Статья Г. Вайсса посвящена развитию и нынешнему состоянию архивного дела в Эстонской ССР [23]. Следует, однако, отметить, что последние два года журнал «Zeitschrift für Ostforschung» значительно больше уделял внимания Чехословакии и Польше, чем советским прибалтийским республикам.

В разделе рецензий встречаются материалы, содержащие объективную оценку и признание успехов марксистской исторической науки в социалистических странах. Автором нескольких таких рецензий по вопросам истории Чехословакии является бывший профессор Пражского университета В. Вайцзеккер, известный в прошлом как националист, прославившийся своими античешскими выступлениями [24]. Подобные рецензии свидетельствуют о высоком уровне марксистской исторической науки, который признают даже буржуазные «исследователи восточных стран». Характер этих рецензий, разумеется, показывает и частичные изменения в идеологической тактике западногерманского империализма, о которых мы уже упоминали. В духе этих изменений в некоторых рецензиях даже критикуется односторонний характер публикаций судетонемецких националистов и экстремистов, которые не могут найти в истории чешского народа ни одной положительной страницы. И хотя в некоторых других рецензиях нельзя отметить даже малейшего стремления хотя бы к показной объективности, совершенно очевидно, что «Zeitschrift für Ostforschung» пытается выдать себя за действительно научный журнал, защищающий при помощи «научной» аргументации идеологические интересы западногерманского империализма и его реваншистские планы в отношении Чехословакии и Польши.

Анализ вышедших в 1958 — 1959 гг. номеров журнала «Zeitschrift für Ostforschung» показывает, что основное направление проводимого в Западной Германии «исследования восточных стран» не изменилось. Эти «исследования» возглавляют те же лица, которые занимались ими несколько десятков лет назад, во времена гитлеровской Германии. Под давлением возросшего международного авторитета социалистических стран во главе с Советским Союзом частично изменилась только тактика, появились и некоторые новые имена. В остальном все осталось по-старому. Историческая наука в Западной Германии является прислужницей возрожденного западногерманского империализма, прислужницей реваншизма.

Иржи Коржалка

[22] J. A. Bokalders. Strukturwandel der Landwirtschaft Lettlands. «ZfO», 1957, № 4, 1958, № 1.

[23] H. Weiss. Das Sowjetestnische Archivwesen. «ZfO», 1959, № 3.

[24] См. H. Weizsäcker. Geschichte der Deutschen in Böhmen und Mähren. Göttingen. 1950.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ *

Марксистская историческая наука призвана вести активную наступательную борьбу против буржуазной идеологии, разоблачать фальсификаторов истории, правых социалистов и ревизионистов.

В Западной Европе, как известно, существует значительное количество институтов, занимающихся историей Восточной Европы, в частности славянских стран. Особенно много таких институтов в Федеративной Республике Германии. В подавляющем большинстве случаев эти учреждения не ставят перед собой задачу вести серьезную научную разработку истории народов Центральной и Восточной Европы. Напротив, фальсифицируя историю, они проводят апологетическую пропаганду в пользу капитализма, проповедуют реваншизм, принижают историческую роль и значение культуры наших народов, восхваляют мнимые преимущества капиталистического образа жизни, разжигают национальную рознь.

Историческая наука социалистических стран пока еще недостаточно использует свои возможности для разоблачения империалистической пропаганды. Между тем буржуазные издания, фальсифицирующие историю стран народной демократии, нередко вводят в заблуждение даже прогрессивные слои интеллигенции капиталистического мира, поскольку «труды» фальсификаторов истории порой являются на Западе

* «Historica» («Les sciences historiques en Tchécoslovaquie». «Historical Science in Czechoslovakia», «Historische Wissenschaft in der Tschechoslowakei»). I. Praha. 1959.

единственным источником информации по истории восточноевропейских народов. В Западной Европе, к сожалению, до сих пор литература на славянских, а также на албанском, венгерском и румынском языках недоступна для широкого круга читателей. Таким образом, результаты исследований по актуальным вопросам истории стран социалистического лагеря становятся известными лишь в этих странах и в недостаточной степени или вообще не проникают за их пределы.

В силу всех этих причин чехословацкие историки предприняли издание журнала, цель которого — знакомить зарубежных читателей, и прежде всего читателей стран Западной Европы, с достижениями чехословацкой исторической науки. Венгерские историки уже в течение нескольких лет с успехом издают рассчитанный на западного читателя журнал «Acta historica», который получил признание среди специалистов. Одновременно с чешскими историками аналогичное издание под названием «Acta Poloniae historica» подготовили и польские ученые.

Чехословацкий сборник будет выходить один раз в год под названием «Historica». Он будет освещать вопросы истории, археологии, истории искусства и других исторических дисциплин. В нем будут публиковаться статьи и исследования чехословацких историков, прежде всего по всеобщей истории, а также по истории Чехословакии, заслуживающие внимания с методологической точки зрения либо по-новому разрешающие основные вопросы чехословацкой истории. В сборнике будут систематически помещаться библиографические обзоры, информации о научной жизни Чехословакии. Статьи печатаются на одном из трех языков: французском, английском или немецком.

Остановимся вкратце на материалах, опубликованных в первом номере журнала.

В статье Йозефа Поулика в сжатой форме подведены итоги археологических исследований, относящихся к периоду Великоморавской державы [1]. Как известно, современная буржуазная историческая наука, включившаяся в идеологическое наступление против славянских народов, утверждает, что славянские народы якобы не имели собственной культуры и заимствовали ее у германцев и других народов Западной Европы. Й. Поулик доказал, что уже в VIII—IX вв. в Моравии существовала высокая славянская культура. Впервые найденные остатки каменных костелов и светских построек, большое количество орудий труда и роскошных драгоценных украшений местного производства свидетельствуют о зрелой славянской культуре VIII—IX вв. и показывают материальную базу существовавшего тогда могущественного государственного образования западных славян. Сделанный Поуликом критический анализ буржуазной литературы придает еще большую ценность его работе. В целом исследование Поулика подтверждает правильность марксистской теории возникновения государства у чехов и словаков и наносит удар по современной реваншистской историографии.

Статья Франтишка Грауса [2] посвящена проблемам древнейшей истории Германии. Современная буржуазная немецкая историческая наука неизменно утверждает, что характерной чертой германских племен якобы является особая исключительность. Подробно анализируя источники, Граус доказал, что никакой специфической особенности германских племен не существовало. Он показал также, что тезис о германской исключительности возник в буржуазной немецкой историографии в XIX в. и был использован для пропаганды шовинистических теорий и особенно нацистской идеологии. Западногерманская историография, выступая с теорией немецкой специфичности, по существу, перепевает нацистские идеи.

Петр Раткош [3] доказывает в своей статье, что книга формул, хранящаяся в Венском государственном архиве, относится к 1344—1352 гг. и возникла в связи с деятельностью венгерской королевской канцелярии. Этот сборник формул является до сих пор мало использованным важным источником по истории венгерского права и заслуживает всестороннего внимания.

Йозеф Мацек [4] осветил вопрос о революционных традициях австрийского, итальянского, немецкого и швейцарского народов.

Ян Паточка [5] дал обзор вышедшей за последние 30 лет обширной специальной литературы о гениальном чешском педагоге и

[1] J. Poulik. The Latest Archeological Discoveries from the Period of the Great Moravian Empire. «Historica», str. 7—70.

[2] Fr. Graus. Über die sogenannte Germanische Treue. «Historica», str. 71—121.

[3] P. Ratkoš. Ein ungarisches kommentiertes Formelbuch aus der Mitte des XIV. Jahrhunderts. «Historica», str. 123—134.

[4] J. Macek. Zu den Anfängen des Tiroler Bauernkrieges. «Historica», str. 135—195.

[5] J. Patočka. L'état présent des études coméniennes. «Historica», str. 197—240.

мыслителе Яне Амосе Коменском, труды которого известны во всем мире.

Во главе клеветнической кампании против социалистической Чехословакии, развернувшейся в Западной Германии, как известно, стоят реваншисты из числа судетских немцев. Они пытаются доказать, что генлейновцы явились якобы жертвой чешского национализма и шовинизма и что до 1938 г. и главным образом в период Мюнхена были лишь объектом международной политики. Антоний Шнейдарек[6] в своем исследовании разоблачает подрывную работу фашистских главарей судетских немцев против чехословацкого народа.

Йозеф Полишенский[7] подготовил обзор источников по всеобщей истории, хранящихся в чехословацких архивах.

Статья академика Зденека Вирта[8] посвящена историческим памятникам Чехословакии.

В разделе «Хроника» помещены библиографические обзоры исследований о границах Римской империи и новинок чехословацкой исторической литературы за 1957 год.

Академик Йозеф Мацек

[6] A. Šnejdárek. The Participation of the Sudeten-German Nazis in the Munich Tragedy. «Historica», str. 241—265.

[7] J. V. Polišenský. Archives in Czechoslovakia and the Study of World History. «Historica», str. 267—277.

[8] Zd. Wirth. Les bases scientifiques de la protection des monuments historiques en Tchécoslovaquie. «Historica», str. 279—293.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ ВЬЕТНАМА, ИЗДАННЫЕ В ДРВ

Потребность в научной разработке истории вьетнамского народа возрастает с каждым днем. Страна всего лишь несколько лет назад избавилась от колониального и полуфеодального ига и в настоящее время строит новое, социалистическое общество. Перед историками ДРВ стоит ответственная задача — дать научное освещение многовековой истории вьетнамского народа и его культуры, показать во всей полноте борьбу трудящихся за свободу и независимость, против эксплуатации, воспитывать освобожденный народ в духе патриотизма и высокой политической сознательности на героических примерах прошлого.

Официальная французская историография имела целью извратить историю страны, подавить и принизить чувство национальной гордости вьетнамского народа и духовно поработить его. Поэтому историки ДРВ в качестве одной из важнейших задач считают разоблачение буржуазных фальсификаций истории Вьетнама.

Со дня создания Демократической Республики Вьетнам прошло около пятнадцати лет, девять из которых вьетнамский народ вынужден был вести войну Сопротивления. К изучению истории своей страны историки ДРВ смогли приступить лишь после восстановления мира в Индокитае. В нашей исследовательской работе в области истории за последние годы, особенно в 1959 г., произошли большие перемены. Об этом свидетельствует изданная историческая литература, в которой затрагиваются многие проблемы. Мы познакомим читателей журнала «Вопросы истории» лишь с основными историческими трудами, вышедшими во Вьетнаме в 1959 году. В обзоре не затрагиваются статьи в периодических изданиях.

★

Основное внимание историки ДРВ уделяли вопросам новой и новейшей истории. Мы еще не располагаем обобщающими исследованиями, которые всесторонне и полно осветили бы развитие вьетнамской революции начиная с августовских событий 1945 года. Вьетнамские историки для подготовки такого обобщающего труда издали уже несколько книг по отдельным аспектам истории Демократической Республики Вьетнам.

Одной из центральных проблем, стоящих перед нашими учеными, является глубокая разработка истории рабочего класса Вьетнама и его роли в развитии революции и общества. Издательство «Шитхат» («Правда») выпустило в свет «Краткий очерк истории рабочего и профсоюзного движения во Вьетнаме» («Ньынг нет шо лыок зе лить шы фонг чао конг нян ва конг доан Вьетнам»), написанный президентом Все-

вьетнамской конфедерации труда Хоанг Куок Вьетом. Этот «Очерк» ознакомит читателя с основными моментами рабочего движения в период после 1930 года. Особое внимание в нем уделено деятельности вьетнамских рабочих во время войны Сопротивления как на севере, так и на юге страны. Ценность этой небольшой книги заключается в том, что она впервые показывает узловые этапы рабочего движения во Вьетнаме в период после создания Коммунистической партии и до наших дней. Эта книга имеет большое значение и потому, что ее автор — непосредственный участник и руководитель рабочего движения в стране в течение последних тридцати лет.

Недавно читатели получили другую книгу Хоанг Куок Вьета — «Рабочий класс и трудящиеся Вьетнама на пути национальной народно-демократической и социалистической революции» («Зяй кап конг нян ва нян зан Вьетнам чен кон дыонг кать манг зан ток зан тю нян зан ва кать манг са хойтю нгиа»). В ней собраны речи автора на профсоюзных собраниях и конференциях, совещаниях передовиков соревнования в годы войны Сопротивления и после восстановления мира.

Министр труда ДРВ Нгуен Ван Тао, являющийся также председателем Национального комитета по соревнованию, написал брошюры «Патриотическое соревнование прежде и теперь» и «Трудящиеся Вьетнама в годы войны Сопротивления и после восстановления мира».

Заслуживает внимания книга генерала Во Нгуен Зиапа и Нгуен Ти Тхана «Марксистская военная линия партии — авангардное знамя нашей армии» («Дыонг лой куан ши мак-сит куа Данг ля нгон ко тиен фонг куа куан дой та»). В ней рассказывается о строительстве Вьетнамской народной армии, о тактике и стратегии революционной войны во Вьетнаме. Во Нгуен Зиапом написана также книга «Дьен-Бьен-Фу», дающая описание исторической победоносной битвы Вьетнамской народной армии в 1954 году.

Издательство «Шитхат» выпустило ряд исследований о современном Южном Вьетнаме. Работы Фам Тхань Виня «Заметки об экономическом вторжении империалистов США во Вьетнам» и Хоанг Миня «Куда ведет «помощь» США экономику Южного Вьетнама» отчетливо показывают причины, приведшие в настоящее время экономику Южного Вьетнама в тяжелое состояние.

В 1959 г. издано несколько монографий, рассматривающих политическое, социально-экономическое положение Вьетнама на протяжении последних ста лет. Нгуен Киен Зянг в «Очерках о положении с землей и жизни крестьян до Августовской революции» («Фак куа тинь хинь хуонг дат ва дой шонг нонг зан чыок кать манг тханг там») на основе большого фактического материала показал состояние сельского хозяйства Вьетнама в период колониального господства французского империализма. Его книга окажет помощь читателям в понимании истории революции и особенно крестьянского вопроса.

В период, когда в Северном Вьетнаме развертывалось движение за преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли и ставился вопрос об определении политики по отношению к национальной буржуазии, появилась работа Минь Чаня и Нгуен Киен Зянга «О вьетнамской буржуазии». Одним из серьезных исследований, написанных с привлечением большого количества материала, является книга Фам Динь Тана «Положение вьетнамской промышленности в период зависимости от Франции» («Тинь хинь конг нгиен Вьетнам дыой тхой Фап тхуок»).

Брошюра Буи Конг Чынга «Кооперирование и взаимопомощь среди социалистических стран» дает представление о значении помощи стран социалистического лагеря для Демократической Республики Вьетнам (после 1955 г.). В связи с подготовкой труда по истории войны Сопротивления во Вьетнаме уже издано два тома «Священной войны Сопротивления во Вьетнаме» («Куок кханг тиен тхан тхань куа Вьетнам»). Это в основном извлеченный из периодической печати материал, рассказывающий о положении в северной, центральной и южной частях Вьетнама с 1945 по 1950 год. Многие материалы печатаются впервые, в том числе документы Партии трудящихся Вьетнама, которые в период Сопротивления были изданы для внутреннего пользования. В ближайшее время выйдут в свет третий и четвертый тома, охватывающие события 1950 — 1954 годов.

В недавно созданном Институте истории ДРВ продолжается углубленная разработка истории Вьетнама в период французского колониального господства. Уже издан второй том труда Чан Хьюи Льеу «История 80-летней антифранцузской борьбы» («Лить шы 80 нам тенг Фап»). Во второй части этой монографии читатели познакомятся

с историей создания Коммунистической партии Индокитая и революционным движением во Вьетнаме в период 1930—1939 годов. В ней впервые дается обстоятельный анализ событий вьетнамской революции. Труд Нгуен Конг Биня «Вьетнамская буржуазия» («Зяй кап ты шан Вьетнам») дополняет и углубляет проблемы вьетнамской истории, освещенные в указанной работе Чан Хьюи Льеу.

Издательство «Ванхоа» («Культура») в 1959 г. выпустило ряд произведений по истории идеологии во Вьетнаме в новое время: Тон Куанг Фиета «Исторический период в антифранцузской борьбе вьетнамского народа, связанный с Фан Бой Тяу» («Фан бой Тяу мот зяй доан лит шы тенг Фап куа нян зан Вьетнам»), Динь Суан Ляма, Нгуен Ван Шы и Чан Хонг Вьета «Хоанг Хоа Тхам и крестьянское движение в Ен-тхе» («Хоанг Хоа Тхам ва фонг чао нонг зан Ен-тхе»), а также произведение Фан Бой Тяу «Вьетнам нгиа лиет шы».

Книга Чан Ван Зяу «Рабочий класс Вьетнама» (второе издание) [1] обратила на себя внимание вьетнамских и зарубежных историков. При переиздании автор дополнил ее большим фактическим материалом, увеличив вдвое объем работы. Он положил много труда для изучения истории формирования и борьбы вьетнамского рабочего класса, извлек ценные сведения из французской прессы, привлек решения и директивы Коммунистической партии Индокитая по этому вопросу и, что особенно интересно, использовал материалы, предоставленные ему старыми рабочими. К сожалению, Чан Ван Зяу рассматривает историю рабочего класса лишь до 1931 года. В книге имеются спорные положения, которые в настоящее время не нашли признания со стороны многих историков.

Если в исследовании новой и новейшей истории вьетнамские ученые добились некоторых результатов, то в области изучения древней и средневековой истории они еще очень отстают. Вместе с тем для различных учебных заведений, начиная с общеобразовательной школы до вузов, необходима литература по всем разделам истории Вьетнама. Поэтому одной из первоочередных задач наших историков является перевод на современный вьетнамский язык и издание основных произведений отечественных историков по истории страны, написанных китайскими иероглифами. В 1959 г. продолжался перевод и издание «Вьет шы тхонгзям кыонг мук» (ранее называлось «Кхам динь Вьет шы»; вышел в свет уже XII выпуск). Этот труд был написан при короле Ты-Дыке (XIX в.) и состоит из 47 книг, в которых в хронологической последовательности излагаются события начиная с глубокой древности и до XIX века. Ученые, занимающиеся древней и средневековой историей Вьетнама, смогут найти здесь много материала, необходимого для их исследовательской работы по экономике, политике, культуре и географии страны. Летопись «Лить чиеу хиен тионг лоай ти» представляет собой одну из ранних вьетнамских исторических работ, имеющих большую ценность для изучения истории страны на протяжении ряда династий. Много страниц этого труда специально посвящено земельным вопросам, военному делу и т. д. В настоящее время полностью закончен его перевод, и в течение 1960 г., возможно, будут изданы первые выпуски. Произведения «Вьет шы лыок» неизвестного автора и «Диа зы ти» Нгуен Чая уже переведены на современный вьетнамский язык и в ближайшее время выйдут в свет.

Ряд работ, посвященных средневековой истории Вьетнама, уже поступил к читателю. Изданы книги Нгуен Хонг Фонга «Вьетнамская община» («Са тхон Вьетнам»), Вьонг Хоанг Туиена «Состояние промышленности и торговли во Вьетнаме при династии поздних Ле» (XVII—XVIII века) («Тинь хинь конг тхыонг нгиеп Вьетнам зыой тхой Ле мат»), Фан Хюи Ле «Режим землевладения и состояние сельского хозяйства при династии ранних Ле» («Те до жуонг дат ва кинь те нонг нгиеп тхой Ле шо»).

Подводя итоги издательской деятельности во Вьетнаме по выпуску исторической литературы, мы должны отметить, что проделанная нами работа незначительна. Предстоит еще очень многое сделать. В 1960 г. будет отмечаться 30-я годовщина со дня создания Коммунистической партии Индокитая, 15-я годовщина со дня создания Демократической Республики Вьетнам, 70-летие президента ДРВ Хо Ши Мина. 1960 год будет знаменовать собой завершение выполнения трехлетнего плана и принятие нового плана. К этому необходимо добавить 950-летний юбилей со дня основания столицы Вьетнама Ханоя. В связи с этими событиями в настоящее время издательства готовятся к выпуску книг: по истории пар-

[1] См. рецензию «Вопросы истории», 1958, № 12.

тии рабочего класса Вьетнама; «15 лет Демократической Республики Вьетнам»; биография товарища Хо Ши Мина; «История Ханоя».

Мы рассчитываем также издать ряд основных работ Хо Ши Мина, написанных до 1941 г., Чыонг Тиня, Ле Зуана и других руководящих деятелей партии и правительства. Предполагается выпустить сборники исторических документов и материалов (за период 1929—1931 гг.), рассказывающих о создании Коммунистической партии Индокитая.

По новой истории страны Чан Хьюи Льеу завершит написание третьей части «Истории 80-летней антифранцузской борьбы». Готовятся к изданию работы, рассматривающие движение рабочих и крестьян на протяжении последних ста лет. Ряд экономистов работает сейчас над созданием трудов по истории экономики. Предполагается издать книги по политической истории и истории культуры за последнее столетие.

По средневековой и древней истории основным направлением нашей работы по-прежнему будет являться перевод и издание исторических произведений, созданных вьетнамскими историками в прошлом и написанных китайскими иероглифами. Изучение средневековой и древней истории с каждым днем все настоятельнее требует создания во Вьетнаме археологической и этнографической наук. ДРВ — многонациональное государство. Нами до сих пор еще не было уделено должного внимания изучению истории отдельных нацменьшинств. В 1960 г. мы надеемся по этой проблеме опубликовать некоторые материалы.

Нам необходимо приложить еще большие усилия также для издания работ, освещающих историю других стран мира. Первоочередной задачей является перевод и издание «Истории Коммунистической партии Советского Союза», «Очерков истории Китая». Кроме того, наши историки должны написать книгу по истории Лаоса и Камбоджи, познакомить вьетнамского читателя с историей национального движения в этих странах за последние сто лет.

Минь Чань

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ В МОСКВЕ

В начале сентября 1960 г. в Москве состоится советско-английская конференция историков. Эта конференция проводится в качестве ответного мероприятия на двустороннюю конференцию английских и советских историков, состоявшуюся в Лондоне в сентябре 1958 года.

Национальный комитет историков Советского Союза и Институт истории АН СССР согласовали с Национальным комитетом историков Великобритании повестку дня и программу работы конференции. На конференции предполагается заслушать следующие доклады советских историков: 1) «Распространение христианства и борьба с язычеством на Руси в XI—XII вв.» (академик М. Н. Тихомиров); 2) «Русские географические открытия в Азии (по неопубликованным архивным материалам)» (член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов); 3) «Россия и Великобритания на Ближнем Востоке (первая половина XIX в.)» (доктор исторических наук А. Ф. Миллер); 4) «Революционная ситуация в конце 50-х — начале 60-х годов и реформа 1861 г. в России» (академик М. В. Нечкина); 5) «Формирование и развитие антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны» (профессор Е. А. Болтин).

Английские историки выступят на конференции со следующими докладами: 1) «Ранняя история городов Европы» (член Британской академии, профессор Ф. Гриерсон); 2) «Английский феодализм XV в.» (профессор К. Б. Макфарлан); 3) «Промышленная революция и политическая жизнь Англии» (профессор Х. Дж. Хабаккук); 4) «Россия и Великобритания на Ближнем Востоке (первая половина XIX в.)» (доктор Дж. Х. Болсовер).

ИГОРЬ ЭММАНУИЛОВИЧ ГРАБАРЬ

16 мая на 90-м году жизни после продолжительной болезни скончался академик Игорь Эммануилович Грабарь, выдающийся советский ученый, замечательный художник.

И. Э. Грабарь до последнего дня обладал ясной творческой мыслью, кипучей энергией, романтической увлеченностью искусством и наукой об искусстве, которым он служил с равной преданностью и энтузиазмом. Художник и архитектор, один из основателей школы русского и советского искусствознания, основоположник теории и практики научной реставрации памятников искусства, организатор музейного дела, прекрасный педагог-живописец и руководитель научных исследований, создатель научно-исследовательского Института истории искусств, руководитель Методического совета по охране памятников... Трудно перечислить все области, в которых неутомимо трудился И. Э. Грабарь. Но определяющими в его творческой деятельности всегда оставались два направления. Прежде всего Игорь Эммануилович являлся живописцем с замечательным поэтическим даром и видением. С наибольшим увлечением он работал в области пейзажа, портрета и натюрморта. Он сказал свое новое слово в изображении русской природы. Созданные И. Э. Грабарем пейзажи «Мартовский снег» (1904), «Снежные сугробы» (1904), «Грачиные гнезда» (1904), «Февральская лазурь» (1904), «Зимний солнечный день» (1941), серия акварелей, посвященная русскому северу, серия этюдов, запечатлевших все разнообразие освещения в зимний морозный день, делают его подлинным поэтом русской природы. Его влюбленность в натуру, его исключительная жизнерадостность и жизнелюбие сказались в умении наделить живописными свойствами свои натюрморты, показать всю прелесть простого окружающего нас мира. В области портрета И. Э. Грабарь особенно много работал в 30-е годы, а также в послевоенный период. Игоря Эммануиловича привлекал и жанр исторической картины. Особенной популярностью пользуется его картина «Ленин у прямого провода» (1933).

Вторым направлением творческой деятельности И. Э. Грабаря было искусствознание. Ученик И. Е. Репина, друг В. А. Серова, он всю свою жизнь оставался поборником высоких традиций русского реалистического искусства. Идея создания подлинной науки об искусстве занимала И. Э. Грабаря еще в начале нынешнего века, когда он начал систематическое собирание материалов, постепенно открывая многие забытые периоды в истории русского искусства. В 1910—1915 гг. И. Э. Грабарь издал пять томов «Истории русского искусства», где его перу принадлежало, помимо введения, немало блестящих страниц, посвященных русской живописи и зодчеству. Этот труд был единственным источником знаний о русском искусстве для нескольких поколений отечественных и зарубежных искусствоведов. В 1913 г. Игорь Эммануилович начал работать в Третьяковской галерее в качестве ее попечителя, а позднее — директора. Он впервые предпринял подлинно научную развеску этого замечательного собрания русской живописи, провел инвентаризацию, создал каталог, способствовал постоянному пополнению собрания новыми ценнейшими произведениями.

После Великой Октябрьской социалистической революции круг деятельности И. Э. Грабаря неизмеримо расширился. Он возглавил организацию музейного дела молодой Советской республики. В те дни Игорь Эммануилович обратился к научному персоналу всех музеев и хранилищ страны с просьбой не оставлять работу и бережно хранить национальное наследие. В 1918 г. по прямому указанию В. И. Ленина Игорь Эммануилович возглавил организацию Музейного отдела Наркомпроса. В том же году по его инициативе была создана Всероссийская комиссия по делам реставрации и специальная реставрационная группа. Тем самым было положено начало выявлению и реставрации памятников искусства. И. Э. Грабарь с группой опытных реставраторов совершил в 1919—1929 гг. ряд экспедиций для обследования древних центров культуры в разных районах Советского Союза.

С 1918 г. И. Э. Грабарь читал курс лекций в Московском университете по теории и практике научной реставрации памятников искусства. В 1919 г. он возглавил художественно-постановочную часть Малого театра, где активно утверждал принципы реалистического искусства, ставя своей задачей познакомить нового зрителя с лучшими произведениями русской и зарубежной классики.

В еще большей мере утверждению реалистических традиций в изобразительном искусстве способствовала его работа (1935—1944 гг.) на посту директора Московского художественного училища и руководителя живописной мастерской в нем. Именно в эти годы наибольшего расцвета достигла деятельность Игоря Эммануиловича в области искусствознания. Блестящий писатель и художественный критик, он в то же время неутомимо занимался научными исследованиями. В 1935 г. И. Э. Грабарь закончил двухтомную монографию о И. Е. Репине, получившую широкое признание. Создав еще до революции первую монографию о В. А. Серове, Игорь Эммануилович в конце 30-х годов вновь обратился к этой теме. К 1949 г. им был завершен двухтомный труд: о Серове-живописце и Серове-рисовальщике.

В 1943 г. Игорь Эммануилович Грабарь был избран действительным членом Академии наук СССР. В 1944 г. по его инициативе возник Институт истории искусств, директором которого он оставался до конца своей жизни. В этом институте ему удалось осуществить давнишнюю мечту о создании многотомной истории русского искусства. Новый, обобщающий труд, разработанный на основе марксистско-ленинской теории, впитавший в себя последние достижения советской археологии, реставрации, архивных изысканий, был любимым детищем И. Э. Грабаря, который являлся редактором всех томов и автором многих глав в них (в частности, глав по истории архитектуры в V, VI и VII томах).

И. Э. Грабарь активно участвовал в общественной жизни страны. В дни Великой Отечественной войны он входил в Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, а в послевоенный период был одним из организаторов восстановления памятников культуры. Игорь Эммануилович всегда принимал живейшее участие в обсуждении архитектурных проектов, художественных выставок, театральных постановок, был членом Московского Союза советских художников и почетным членом его правления.

Ученые потеряли в лице И. Э. Грабаря исследователя огромной эрудиции, художники — тонкого мастера, педагога и умелого руководителя, художественная общественность страны — человека большой души, сохранившего до глубокой старости свежесть восприятия, глубину мысли, исключительную жизнерадостность.

內 容

社論—苏联共产党中央"关于在現代条件下的党的宣传任务"的决議和历史科学

論 文

列寧与法国……法国共产党总書記莫里斯·多列士
在伟大卫国战爭时期苏联产业工人成分的改变……弗·波·捷尔普霍夫斯基
伟大卫国战爭年代的苏联鉄路工人……格·亚·庫馬涅夫
在1906—1910年的俄国对外政策問題的斗爭……伊·瓦·別司图日夫
日本1897—1906年的工人运动和社会主义运动……达·伊·戈尔別尔格（列宁格勒）

討 論

論俄国第一次农民战爭的初步阶段……伊·馬·斯克日亚尔（伏龙芝）

編史学

苏联工人阶級研究历史的若干問題……亚·安·馬丘京
苏联期拉夫学研究的总結和任务（1945—1959年）……弗·多·科罗留克，伊·亚·赫列諾夫

書 評

历史科学在苏联

討論关于十月革命史的外国書籍的科学会議……列·米·加弗里洛夫，斯·列·德米特連科，尤·康·斯特里日科夫
討論"苏共在我国东部創立強大谷物基地的斗爭"問題的全苏高等学校际会議……阿·斯·拉日莫夫（阿拉木图），阿·瓦·索洛維也夫（阿拉木图）
苏联科学院历史研究所对中学历史教学大綱草案的討論……安·馬·西尼欽
論苏联科学院历史書籍出版社的工作……盖·苏·奧西皮揚
談国家社会經济出版局出版历史書籍的七年計划……格·亚·科紐霍夫
在苏联革命博物館里……維·伊·捷維亚托夫，安·叶·斯米尔諾夫
在国家历史博物館里……阿·維·科罗廖娃，托·尼·西多罗娃

历史科学在海外

服条于服仇主义的历史……伊尔日·科尔查尔卡（捷克斯洛伐克）
捷克斯洛伐克历史学家的新杂志……阿·伊·瑪采克（捷克斯洛伐克）
在越南民主共和国出版的越南历史書籍……Minh Tranh（越南民主共和国）
在莫斯科舉行的苏—英历史学家会議

伊果尔·埃瑪努伊洛維奇·格拉巴里

CONTENTS

Editorial: The CC CPSU Decision "On the Tasks of Party Propaganda in Present-Day Conditions" and Historical Science. Articles: **Maurice Thorez, General Secretary of the French Communist Party.** Lenin and France; **V. V. Telpukhovsky.** Changes in the Composition of the Soviet Union's Industrial Labour Force During the Great Patriotic War; **G. A. Kumanev.** Soviet Railwaymen in the Years of the Great Patriotic War; **I. V. Bestuzhev.** The Struggle in Russia on Questions of the Foreign Policy in 1906-10; **D. I. Goldberg** Leningrad). The Labour and Socialist Movement in Japan in 1897-1906. Discussion: **I. M. Sklyar** (Frunze). The Initial Stage of the First Peasant War in Russia. Historiography: **A. A. Matyugin.** Certain Aspects of Research on the History of the Soviet Working Class; **V. D. Korolyuk** and **I. A. Khrenov.** The Results and Problems of Slavonic Research in the U.S.S.R. (1945-59). Criticism and Bibliography. Historical Science in the U.S.S.R.: **L. M. Gavrilov, S. L. Dmitrenko** and **Y. K. Strizhkov.** Scientific Session Devoted to Foreign Publications on the History of the Great October Revolution; **A. S. Razhimov** (Alma-Ata) and **A. V. Solovyov** (Alma-Ata). The U.S.S.R. Inter-University Conference on the Problem "The CPSU Efforts to Create a Powerful Grain-Production Base in the Country's Eastern Areas"; **A. M. Sinitsin.** Discussing the Secondary-School History Program in the Institute of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences; **G. S. Osipyan.** The Work Made by the U.S.S.R. Academy of Sciences Publishing House in Putting Out Historical Literature; **G. A. Konyukhov.** The Place Devoted to Historical Publications in the Seven-Year Plan of the Social and Economic Literature Publishing House; **V. I. Devyatov** and **A. E. Smirnov.** The State Revolution Museum of the U.S.S.R.; **A. V. Koroleva** and **T. N. Sidorova.** The State Museum of History. Historical Science Abroad: **Jiří Kořálka** (Czechoslovakia). History in the Service of Revanchism;

Academician Josef Macek (Czechoslovakia). A New Magazine Published by the Czechoslovak Historians; **Minh Tranh** (D.R.V.). Works on the History of Viet-Nam Published in the Democratic Republic of Viet-Nam; Soviet-British Historian's Conference in Moscow. Obituary. Igor Emmanuilovich Grabar.

SOMMAIRE

L'éditorial: La résolution du C.C. du P.C.S.U. « Sur les tâches de la propagande du Parti dans les conditions actuelles » et la science historique. Articles: **Maurice Thorez, Secrétaire général du** Parti communiste français. Lénine et la France; **V. B. Telpoukhovski.** Des changements dans la composition des ouvriers industriels de l'U.R.S.S. pendant la Grande Guerre nationale; **G. A. Koumanev.** Les cheminots soviétiques aux années de la Grande Guerre nationale; **I. V. Bestoujev.** La lutte en Russie liée aux problèmes de la politique extérieure en 1906-1910; **D. I. Goldberg** (Léningrad). Le mouvement ouvrier et socialiste au Japon en 1897-1906. Discussions **I. M. Skliar** (Frounzé). L'étape initiale de la première guerre paysanne en Russie. Historiographie: **A. A. Matiouguine.** Quelques questions concernant l'étude de l'histoire de la classe ouvrière soviétique; **V. D. Koroliouk, I. A. Khrenov.** Les tâches et les résultats des études slavistiques en U.R.S.S. (1945-1959). Critique et bibliographie. La science historique en U.R.S.S.: **L. M. Gavrilov, S. L. Dmitrenko, Y. K. Strijkov.** La session scientifique consacrée à la littérature étrangère traitant de l'histoire de la Révolution d'Octobre; **A. S. Rajimow** (Alma-Ata), **A. V. Soloviov** (Alma-Ata). La conférence des établissement d'enseignement supérieur de l'U.R.S.S. concernant le problème « La lutte du P.C.S.U. pour la création d'une puissante base céréalière dans les régions orientales du pays »; **A. M. Sinitsyne.** Etude des projets de programmes d'histoire pour l'école secondaire à l'Institut d'histoire de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.; **G. S. Ossipian.** Les ouvrages d'histoire parus aux Editions de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.; **G. A. Konioukhov.** Le plan septennal de publications historiques aux Editions de littérature sociale et économique (SOTSEKGUIZ); **V. I. Deviatov, A. E. Smirnow.** Au Musée de la Révolution de l'U.R.S.S.; **A. V. Koroleva, T. N. Sidorova.** Au Musée d'histoire d'Etat. L'histoire à l'étranger: **Jiři Kořalka** (Tchécoslovaquie). L'histoire exploitée par les revanchistes; **Académicien Josef Macek** (Tchécoslovaquie). Une nouvelle revue des historiens tchécoslovaques; **Minh Tranh** (République Démocratique du Viet-Nam). Les ouvrages d'histoire publiés en République démocratique du Viet-Nam; La conférence soviéto-anglaise des historiens à Moscou. Nécrologe: Igor Emmanouilovitch Grabar.

INHALT

Leitartikel: Der Beschluß des ZK der KPdSU „Über die Aufgaben der Parteipropaganda unter den gegenwärtigen Verhältnissen" und die Geschichtswissenschaft. Beiträge: **Maurice Thorez, Generalsekretär der Französischen Kommunistischen Partei.** Lenin und Frankreich; **W. B. Telpuchowski.** Die Änderungen in der Zusammensetzung der Industriearbeiter der UdSSR während des Großen Vaterländischen Krieges; **G. A. Kumanew.** Die sowjetischen Eisenbahner während des Großen Vaterländischen Krieges; **I. W. Bestushew.** Der Kampf um die außenpolitischen Fragen in Rußland (1906—1910); **D. I. Goldberg** (Leningrad). Die Arbeiter- und sozialistische Bewegung in Japan (1897—1906). Diskussionen: **I. M. Skljar** (Frunse). Die Anfangsetappe des ersten Bauernkrieges in Rußland. Historiographie: **A. A. Matjugin.** Einiges über das Studium der Geschichte der sowjetischen Arbeiterklasse; **W. D. Koroljuk, I. A. Chrenow.** Ergebnisse und Aufgaben der slawistischen Erforschungen in der UdSSR (1945—1959). Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **L. M. Gawrilow, S. L. Dmitrenko, J. K. Strishkow.** Wissenschaftliche Tagung über die Auslandsliteratur zur Geschichte der Oktoberrevolution; **A. S. Rachimow** (Alma-Ata), **A. W. Solowjow** (Alma-Ata). Allunionskonferenz der Hochschulen über das Problem „Der Kampf der KPdSU für die Schaffung einer mächtigen Getreidebasis in den östlichen Gebieten des Landes"; **A. M. Sinizin.** Die Erörterung der Programmentwürfe für den Geschichtsunterricht in der Mittelschule im Institut für Geschichte bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR; **G. S. Ossipjan.** Die Herausgabe von Geschichtsliteratur im Verlag der Akademie der Wissenschaften der UdSSR; **G. A. Konjuchow.** Der Siebenjahrplan für historische Publikationen des Staatsverlags für sozial-politische Literatur; **W. I. Dewjatow, A. E. Smirnow.** Im Revolutionsmuseum der UdSSR; **A. W. Koroljewa, T. N. Sidorowa.** Im Historischen Staatsmuseum. Die Geschichtswissenschaft im Auslande: **Jiři Kořalka** (Tschechoslowakei). Die Geschichte im Dienst des Revanchismus; **Akademiker Josef Macek** (Tschechoslowakei). Eine neue Zeitschrift der tschechoslowakischen Historiker; **Minh Tranh** (DRV). Bücher über die Geschichte Vietnams, herausgegeben in der Demokratischen Republik Vietnam; Sowjetisch-englische Historikerkonferenz in Moskau. Nachruf für Igor Emmanuilowitsch Grabar.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 06308. Подписано к печати 6/VI 1960 г. Тираж 22 900.

Изд. № 976. Заказ № 1273. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆ 7 бум. л.— 19,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

СЮЙ ДИ-СИНЬ. **Чжунго годушици гоминь цзинцзиды фэньси.** (Анализ народной экономики Китая в переходный период). Пекин. Кэсюэ чубаньшэ. 1959. 331 стр

У БАО-САНЬ, ФЭНЬ ЦЗЭ, У ЧЮ-ЛИНЬ. **Чжунго цзиньдай цзинцзисысян юй цзинцзи чжэнцэ цзыляо сюаньцзи. 1840—1864.** (Китайская экономическая мысль и экономическая политика в новое время. Избранные материалы). Пекин. Кэсюэ чубаньшэ 1959, X, 512 стр.

МОУ АНЬ-ШИ. **Тайпин тяньго.** (Тайпинское государство). Шанхай жэньминь чубаньшэ. 1959, 6,464 стр., 3 л. илл.

Э ИН. **Гэнцзы шибянь вэньсюе цзи.** (Литература периода восстания Ихэтуань). Т. 1. 1—670 стр. Т. 2. 671—1152 стр. Пекин. Чжунхуа шуцзюй. 1959.

Цзай баофэн юйды няньдайли. Чжунго цзоцзя сехой Хукань фэньхой бянь. (В грозные годы. Воспоминания участников революционной борьбы в Китае). Т. 1. Чанша, Хунань жэньминь чубаньшэ. 1959.

Сун Цзин-ши данъань шиляо. 1861—1863. Го цзя данъань цзюй Мин Цин данъаньгуань бянь. (Архивные материалы по истории восстания Сун Цзин-ши. Сост. архив периода династий Мин и Цин государственного архивного управления). Пекин. Чжунхуа шуцзюй. 1959, 2, 18, 371 стр.

ЦЗЯН ЛЯН-ФУ. **Лидай жэньу няньли бэйчжуань цзунбяо.** (Сводная таблица хронологических сведений об исторических личностях Китая). Пекин. Чжунхуа шуцзюй. 1959, 8, 753, 87 стр.

Чаюва тоннипыль вихан Чосон инмины чоныы чогук хэбан чончжэн. (Справедливая Отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1959, 388 стр.

Ури нара хвахак конобы пальчжон чонман. (Развитие химической промышленности в нашей стране). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1959, 62 стр.

Тэвэ муек пальчжонныль вихан урита ны чончхэк. (Политика нашей партии в области развития внешней торговли). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1959, 83 стр.

MALECZYNSKA E. **Ruch husycki w Czechach i w Polsce.** Warszawa. «Ksiazka i Wiedza». 1959. s. 552.

HECK R. **Studia nad polozeniem ekonomicznym ludnosci wiejskiej na Slasku w XVI w.** Wroclaw. Ossolineum. 1959. s. 319.

Za svobodu Ceskoslovenska. Kapitoly z dejin ceskoslovenské vojenské jednotky v SSSR za druhé svetové valky. Svazek prvni. Za svobodu Ceskoslovenska. Praha. «Nase vojsko», 1959, s. 488.

Sie kämpften für Deutschland. Zur Geschichte des Kampfes der Bewegung «Freies Deutschland» bei der I. Ukrainischen Front der Sowjetarmee. Berlin. Verlag des Ministeriums für Nationale Verteidigung. 1959. S. 661.

Zehn Jahre Volkswirtschaft in der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin Verlag «Die Wirtschaft». 1959. S. 347

Westdeutschland unter den Gesetzen der Reproduktion des Kapitals und die Arbeiterklasse. Berlin. Dietz Verlag. 1959. S. 912.

Der I. und II. Kongreß der Kommunistischen Internationale. Dokumente der Kongresse und Reden W. I. Lenins. Berlin. Dietz Verlag. 1959. S. 328.

Polen, Deutschland und die Oder-Neiße-Grenze. (Dokumentation zur Zeitgeschichte. Bd. I). Berlin. Rütten und Loenig. 1959. S. 1067.

Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Reihe IV. Band I. Mai 1945 bis April 1946. Berlin. Dietz Verlag. 1959. S. 694.

Wir sind die Kraft. Der Weg zur Deutschen Demokratischen Republik Erinnerungen. Berlin. Dietz Verlag. 1959. S. 552.

Geschichtliche Zeittafel der Deutschen Demokratischen Republik, 1949 bis 1959. Berlin. Kongress-Verlag. 1959. S. 435.

DRIOTON E. **L'Egypte pharaonique.** Paris. A. Colin. 1960, 224 p.

GUILLAND R. **Études byzantines.** Paris. Presses Univ. de France. 1960, 328 p.

ADAMOV A. **La Commune de Paris 18 mars—28 mai 1871.** Antologie Paris. Editions sociales. 1959, 297 p.

TURIN Y. **Education et l'école en Espagne de 1874 à 1902.** Libéralisme et Tradition. Paris. Presses Univ. de France. 1960, 456 p.

Verdun, la plus grande bataille de l'histoire. Paris. G. Durassie. 1960. 500 p.

MINART. J. **Le Drame du désarmement francais (1918—1939).** Paris. La Nef de Paris — Editions. 1960. 276 p.

GUERARD A. L. **France. A Modern History.** London Mayflower. 1959, 563 p.

WILLAN Th. S. **Studies in Elizabethan foreign trade.** Manchester. Manchester univ. press. 1959, 349 p.

LOCKARD D. **New England state politics.** Princeton (N. Y.). Princeton Univ press. 1959, 347 p.

Abraham Lincoln. A New Portrait. Ed. by Henry B. Kranz. New York, Putham. 1959, 252 p.

Kingston before the War of 1812. A Collection of documents. Ed. by Richard A. Preston. Toronto, Champlain society — Univ. of Toronto. 1959, 428 p.

ALVEAR ACEVEDO. **Elementos de historia de México.** (Epoca indepentiente). México. Jus. 1959, 511 p.

VALIANI L. **Dall' antifascismo alla Resistenza,** Milano. Feltrinelli. 1959. 193 p.

Цена 7 руб.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

БУХВИЦ ОТТО. **50 лет функционером немецкого рабочего движения.** 1959. 142 стр. Цена 2 руб

Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение. Сборник.

Том 1. 1958. 580 стр. Цена 11 руб. в переплете. Том II. 1958. 644 стр. Цена 12 руб. в переплете.

ГОЛЛАН ДЖОН. **По какому пути должны пойти социалисты?** 1959. 32 стр. Цена 35 коп

ГОМУЛКА ВЛАДИСЛАВ. **Статьи и речи.** 1959. 376 стр. Цена 7 руб. в переплете.

ГОМУЛКА ВЛАДИСЛАВ **Отчетный доклад Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии III съезду ПОРП** (Варшава, 10 марта 1959 года). 1959. 136 стр. Цена 1р 80 к.

ГОТВАЛЬД КЛЕМЕНТ. **Избранные произведения.**

Том I (1925—1938 годы). 1958. 580 стр. Цена 12 руб. в переплете. Том II (1939—1953 годы). 1958. 500 стр. Цена 10 р. 50 к. в переплете.

ДЮКЛО ЖАК. **Избранные произведения.**

Том I (1925—1949 годы). 1959. 316 стр. Цена 11 р. 75 к. в переплете. Том II (1950—1958 годы). 1959. 656 стр. Цена 12 р. 50 к. в переплете.

ЖИВКОВ ТОДОР. **Доклад на V конференции трудовых кооперативных земледельческих хозяйств** 2 декабря 1957 года.— **Примерный Устав трудового земледельческого хозяйства.** 1958. 96 стр. Цена 1 р. 20 к.

ЖИВКОВ ТОДОР. **Отчетный доклад Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии VII съезду партии.** 2 июня 1958 года. 1958. 136 стр. Цена 1 р. 75 к

КЁНЕН ВИЛЬГЕЛЬМ. **Ноябрьская революция 1918 года в Германии.** 1959. 88 стр. Цена 1 руб.

КУН БЕЛА. **Венгерская Советская Республика 1919 года.** 1959. 64 стр. Цена 65 коп.

НОВОТНЫЙ АНТОНИН **Отчетный доклад XI съезду Коммунистической партии Чехословакии о деятельности Центрального Комитета и главные задачи текущего момента.** 18 июня 1958 года. 1958. 100 стр. Цена 1 р. 25 к.

ТОДОРОВ СТАНКО. **Борьба болгарских коммунистов за социалистическую перестройку сельского хозяйства.** 1959. 136 стр. Цена 1 р. 60 к.

ТОЛЬЯТТИ ПАЛЬМИРО. **Итальянская коммунистическая партия.** 1959. 116 стр. Цена 1 р. 50 к.

ТОРЕЗ МОРИС. **Избранные произведения.**

Том I (1930—1944 годы). 1959. 756 стр. Цена 12 руб. в переплете. Том II (1945—1958 годы). 1959. 624 стр. Цена 10 руб. в переплете.

УЛЬБРИХТ ВАЛЬТЕР. **Борьба за мир, за победу социализма, за национальное возрождение Германии как миролюбивого демократического государства.** Доклад на V съезде Социалистической единой партии Германии. 10 июля 1958 года. 1958. 200 стр. Цена 2 р. 45 к.

ФОСТЕР УИЛЬЯМ З. **История трех интернационалов** (Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 года до настоящего времени). 1959. 620 стр. Цена 10 р. 50 к. в переплете.

ХАРТ ФИНЛЕЙ. **Коммунистическая партия Великобритании и профсоюзы.** 1959. 48 стр. Цена 50 коп.

ХО ШИ МИН. **Избранные статьи и речи.** 1959. 816 стр. Цена 10 р. 50 к. в переплете.

ШАРКИ Л. Л. **Социализм в Австралии.** Точка зрения коммунистов на «демократический социализм». 1958. 48 стр. Цена 60 коп.

Перечисленные книги можно купить в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

При отсутствии книг в местных магазинах заказ направляйте по адресу: **Москва, Ж-109, 2-я Фрезерная, дом № 14. Ассортиментный отдел Центральной оптовой книжной базы.**

Заказ будет выполнен **«Книга — почтой»** наложенным платежом.

«СОЮЗКНИГА»